

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

ДЖОРДЖ МАРТИН

БИТВА КОРОЛЕЙ

Книга II

Век
Дракона

Annotation

Порвалась дней связующая нить — и дни вечного лета сменились днями зимы. Зимы голода, тревоги и смерти. Ибо мертвы высокие лорды, хранившие мир в королевствах, пали жертвами черного предательства — и воцарился над миром кровавый хаос войны. Ибо подняли головы грозные властители — и началась великая битва, в которой наградой победителю станет Железный Трон Семи Королевств.

Страшные настали времена — времена отваги и отмщения, интриги и магии. Ныне дева повстречает

безумца, а брат занесет меч на брата.
Ныне убитые восстанут – и пойдут
тропою Тьмы. Ныне вонзится
холодная сталь в холодные сердца.

Ныне грядет предначертанная
пророчеством БИТВА КОРОЛЕЙ...

- [Джордж Мартин](#)
 - [Санса](#)
 - [Кейтилин](#)
 - [Джон](#)
 - [Бран](#)
 - [Тирион](#)
 - [Теон](#)
 - [Арья](#)
 - [Кейтилин](#)
 - [Дейенерис](#)
 - [Тирион](#)

- Давос
- Джон
- Тирион
- Кейтилин
- Бран
- Арья
- Дейенерис
- Тирион
- Теон
- Джон
- Санса
- Джон
- Тирион
- Кейтилин
- Теон
- Санса
- Давос
- Тирион

- [Санса](#)
 - [Тирион](#)
 - [Санса](#)
 - [Дейенерис](#)
 - [Арья](#)
 - [Санса](#)
 - [Теон](#)
 - [Тирион](#)
 - [Джон](#)
 - [Бран](#)
-

Джордж Мартин
Битва королей
Книга II

Санса

– Чем дольше ты заставляешь его ждать, тем хуже тебе будет, – предупредил Сандор Клиган.

Санса старалась не медлить, но пальцы путались в завязках и пуговицах. Пес всегда был груб на язык, а то, как он на нее смотрел, вызывало в ней страх. Быть может, Джоффри узнал о ее встречах с сиром Донтосом? О нет, молилась она, расчесывая волосы. Сир Донтос – ее единственная надежда. «Я должна быть красивой. Джофф любит, когда я красива, а в этом платье я ему всегда нравилась».

Санса разгладила ткань, туго натянувшуюся на груди.

Она держалась слева от Пса, чтобы не видеть обожженной стороны его лица.

– Скажите – что я сделала?

– Не ты. Король, твой братец.

– Робб – изменник. – Эти слова у

Сансы теперь выговаривались сами собой. – Я не виновата в его поступках. – Боги праведные, только бы дело касалось не Цареубийцы. Если Робб что-то сделал с Джейме Ланнистером, это будет стоить ей жизни. Ей вспомнился сир Илин и его страшные белесые глаза, безжалостно глядящие с худого, изрытого оспой лица.

– Они хорошо тебя вышколили, птичка, – фыркнул Пес.

Он привел ее в нижний двор, где около мишеней для стрельбы из лука толпился народ. Люди расступились, пропуская их. Слышен был кашель лорда Джайлса. Бездельники конюхи нахально глазели на Сансу, но сир Хорас Редвин отвел взгляд, когда она прошла мимо, а его брат Хоббер притворился, что вовсе ее не видит. На земле жалобно мяукала, издыхая, рыжая кошка со стрелой из арбалета в боку. Санса обошла ее, чувствуя дурноту.

Подскакал на своей палочке сир Донтос. С того турнира, когда он так напился, что не смог сесть на коня,

король приказал ему всегда передвигаться только верхом.

– Мужайтесь, – шепнул он, сжав руку Сансы.

Джоффри стоял в центре толпы, натягивая свой нарядный арбалет. С ним были сир Борос и сир Меррин. Одного их вида было достаточно, чтобы все внутренности Сансы свело узлом.

– Ваше величество, – сказала она, преклонив колени.

– Это тебя больше не спасет. Встань. Сейчас ты ответишь за последнюю измену своего брата.

– Ваше величество, что бы ни совершил мой брат-изменник, я в этом не виновата, вы же знаете.

Молю вас...

— Поднимите ее!

Пес поставил Сансу на ноги, но не грубо.

— Сир Лансель, — сказал Джофф, — расскажи ей, что случилось.

Санса всегда считала Лансея Ланнистера красивым и мягкоречивым, но сейчас в его взгляде не было ни жалости, ни доброты.

— Твой брат, прибегнув к злему волшебству, напал на сира Стаффорда Ланнистера с армией оборотней в каких-нибудь трех днях езды от Ланниспорта. Тысячи добрых людей были перебиты во сне, не успев поднять меч. А после резни

северяне устроили пир, где пожирали тела убитых.

Ужас холодными пальцами стиснул горло Сансы.

— Значит, тебе нечего сказать? — спросил Джоффри.

— Ваше величество, бедное дитя от страха лишилось разума, — тихо сказал сир Донтос.

— Молчи, дурак. — Джоффри прицелился из арбалета в лицо Сансе. — Вы, Старки, такая же нечисть, как ваши волки. Я не забыл, как твое чудовище набросилось на меня.

— Это была волчица Арьи. Леди вас не трогала. Но вы все равно ее убили.

– Не я, а твой отец – но твоего отца убил я. Жаль, что не своими руками. Ночью я убил молодчика, который был больше его. Они явились к воротам, выкрикивая мое имя, и требовали хлеба, точно я булочник какой-нибудь, но я их научил уму-разуму. Попал прямо в горло самому горластому.

– И он умер? – Железный наконечник стрелы смотрел прямо на Сансу, и она как-то не нашла других слов.

– Еще бы он не умер с моей-то стрелой в горле. Одна их женщина кидалась камнями – я и в нее попал, но только в руку. – Джоффри, нахмуясь, опустил арбалет. – Я бы и

тебя пристрелил, но мать говорит, что, если я это сделаю, они убьют дядю Джейме. Но ты будешь наказана, и мы известим твоего брата, что, если он не сдастся, тебе придется плохо. Пес, ударь ее.

— Позвольте мне ее побить! — Сир Донтос сунулся вперед, брякая жестяными доспехами. Булавой ему служила дыня. «Мой Флориан». Санса расцеловала бы его, несмотря на багровый нос. Он обскакал вокруг нее, крича: — Изменница, изменница, — и размахивая своей дыней у нее над головой.

Санса прикрылась руками — плод задел ее, и волосы сразу стали липкими. Кругом смеялись. От

второго удара дыня разлетелась на куски. Смейся же, Джофффри, молила в душе Санса, а сок стекал ей по лицу на голубое шелковое платье. Посмейся и покончим на этом.

Но Джофффри даже не улыбнулся.
— Борос. Меррин.

Сир Меррин Трант схватил Донтоса за руку и отшвырнул прочь. Шут растянулся на земле вместе с палкой, дыней и всем прочим. Сир Борос крепко стиснул Сансу.

— Лица не трогай, — приказал Джофффри. — Я хочу, чтобы она оставалась красивой.

Борос ударил Сансу кулаком в живот, вышибив из нее воздух. Когда она скрючилась, он сгреб ее за

волосы и вытащил меч. На один жуткий миг ей показалось, что он сейчас перережет ей горло, но он ударил ее плашмя по ляжкам, да так сильно, что чуть ноги ей не переломал. Санса закричала, и слезы выступили у нее на глазах. Это скоро кончится, твердила она себе, но быстро потеряла счет ударам.

— Довольно, — раздался скрипучий голос Пса.

— Нет, не довольно, — возразил король. — Борос, обнажи ее.

Борос сунул мясистую лапу Сансе за корсаж и рванул. Шелк порвался, обнажив ее до пояса. Санса прикрыла груди руками, слыша вокруг жестокие смешки.

– Избей ее в кровь, – сказал Джоффри, – посмотрим, как это понравится ее братцу...

– Что это значит?!

Голос Беса хлестнул точно кнут, и внезапно освобожденная Санса упала на колени, скрестив руки на груди и хрипло дыша.

– Так-то вы понимаете ваш рыцарский долг, сир Борос? – С Тирионом Ланнистером был его наемник и один из его дикарей – тот, с выжженным глазом. – Может ли называться рыцарем тот, кто бьет беззащитную деву?

– Может, если он служит своему королю, Бес. – Сир Борос поднял меч, а сир Меррин стал рядом с ним,

тоже достав клинок.

— Поосторожнее, — сказал наемник карлика. — Вам ведь не хочется забрызгать кровью эти красивые белые плащи?

— Эй, кто-нибудь, прикройте девушку, — распорядился Бес. Сандор Клиган расстегнул свой плащ и набросил его на Сансу. Она закуталась в белую шерсть, зажав ее в кулаках. Плащ колол кожу, но даже бархат никогда не казался ей столь желанным. — Эта девочка будет твоей королевой, — сказал Бес Джоффри. — Зачем ты бесчестишь ее?

— Я ее наказываю.

— За какие грехи? Она не помогала своему брату сражаться.

– В ней волчья кровь.

– А у тебя куриные мозги.

– Ты не смеешь так говорить со мной. Король делает что хочет.

– Эйерис Таргариен тоже делал что хотел. Разве мать не рассказывала тебе, что с ним случилось?

– Никто не смеет угрожать его величеству в присутствии его Королевской Гвардии, – вмешался сир Борос. Тирион Ланнистер поднял бровь:

– Я не угрожаю королю, сир, – я учу уму-разуму моего племянника. Бронн, Тиметт, если сир Борос откроет рот еще раз, убейте его. А вот это уже угроза, сир, – улыбнулся

карлик. – Видите разницу?

Сир Борос густо побагровел:

– Королева еще услышит об этом.

– Не сомневаюсь – да и к чему это откладывать? Не послать ли за твоей матерью, Джоффри? – Король покраснел. – Вашему величеству нечего сказать? Прекрасно. Учитесь больше полагаться на свои уши, чем на рот, иначе ваше царствование будет короче, чем мой рост. Похвальбой и жестокостью любовь своего народа не завоеешь... как и любовь своей королевы.

– Мать говорит, что страх лучше любви. А она, – Джоффри показал на Сансу, – меня боится.

– Вижу, – вздохнул Бес. – Жаль, что Станнис с Ренли не двенадцатилетние девочки. Бронн, Тиметт, возьмите ее.

Санса двигалась как во сне. Она думала, что люди Беса доставят ее обратно в спальню в крепости Мейегора, но они отвели ее в башню Десницы. Санса ни разу не бывала здесь с того дня, как отец ее впал в немилость, и ощутила слабость, вновь поднимаясь по этим ступенькам.

Какие-то служанки занялись ею, всячески утешая и стараясь, чтобы она перестала дрожать. Одна сняла с Сансы превратившееся в лохмотья платье и белье, другая искупала,

смыв липкий сок с лица и волос. Она мылила Сансу и поливала теплой водой, но та видела перед собой только лица, окружавшие ее во дворе. Рыцари дают обет защищать слабых, особенно женщин, и сражаться за правое дело, но ни один из них даже пальцем не шевельнул. Только сир Донтос пытался помочь ей – а он больше не рыцарь... и Бес тоже не рыцарь, и Пес... Пес ненавидит рыцарей. «Я тоже их ненавижу, – подумала Санса. – Они не настоящие рыцари, все до одного».

Когда Сансу помыли, к ней пришел толстый рыжий мейстер Френкен. Он велел ей лечь лицом вниз на тюфяк и помазал бальзамом

красные рубцы на задней стороне ее ног, а после дал ей сонное питье — с медом, чтобы легче прошло.

— Поспи немного, дитя, а когда проснешься, все это покажется тебе дурным сном.

«Нет, не покажется, глупый ты человек», — подумала Санса, но все-таки выпила настой и уснула.

Она проснулась в сумерки и не сразу поняла, где находится, — комната была и чужой, и странно знакомой. Когда Санса встала, боль прошла ей ноги, и все вернулось. Слезы навернулись на глаза. Кто-то оставил халат рядом с кроватью — Санса надела его и открыла дверь. Снаружи стояла жестколицая

коричневая женщина с тремя ожерельями на жилистой шее – одно золотое, другое серебряное, третье из человеческих ушей.

– Ты куда это? – спросила женщина, опираясь на длинное копье.

– В богорощу. – Надо повидаться с сиром Донтосом, умолить, чтобы он увез ее домой, пока еще не поздно.

– Карлик не велел тебя никуда выпускать. Молись здесь – боги услышат.

Санса покорно опустила глаза и вернулась в комнату. Она поняла вдруг, почему это место казалось ей таким знакомым. «Они поместили

меня в старую комнату Арьи – она жила здесь, когда отец был десницей короля. Все ее вещи убрали и мебель заменили, но комната та самая».

Вскоре служанка принесла ей хлеб, сыр, оливки и кувшин холодной воды.

– Убери это, – приказала Санса, но девушка оставила поднос на столе. Санса вдруг почувствовала, что ей хочется пить. При каждом шаге ляжки словно ножом пронзало, но она заставила себя пересечь комнату. Она выпила два кубка воды и грызла оливку, когда в дверь постучали.

Обеспокоенная Санса оправила складки халата.

– Да!

Дверь открылась, и вошел Тирион Ланнистер.

– Надеюсь, я не побеспокоил вас, миледи?

– Я ваша узница?

– Вы моя гостья. – На нем была цепь из золотых рук – знак его сана. – Я хотел бы поговорить с вами.

– Как милорду будет угодно. – Ей было трудно не смотреть на него слишком пристально – безобразие его лица как-то странно притягивало к себе.

– Пищей и одеждой вы довольны? Если вам потребуется что-то, стоит только попросить.

– Вы очень добры. И утром

совершили доброе дело... когда вступились за меня.

– Вы имеете право знать, отчего Джоффри так взбесился. Шесть дней назад ваш брат ночью напал на моего дядю Стаффорда, стоявшего со своим войском у деревни Окскросс, в трех переходах от Бобрового Утеса. Ваши северяне одержали сокрушительную победу, весть о которой дошла до нас лишь сегодня утром.

«Робб вас всех перебьет», – с торжеством подумала Санса.

– Это... ужасно. Милорд. Мой брат злодей и изменник.

– Во всяком случае, он не олененок, – слегка улыбнулся карлик, – это он доказал как нельзя яснее.

– Сир Лансель сказал, что Робб вел за собой армию оборотней...

Бес засмеялся, коротко и презрительно.

– Сир Лансель – бурдючный вояка. Обормоту всюду оборотни мерещатся. С вашим братом был его лютоволк – этим, думаю, дело и ограничилось. Северяне пробрались в дядин лагерь и открыли лошадиный загон, а лорд Старк пустил туда своего волка. И кони, несмотря на всю свою боевую выучку, обезумели. Рыцарей затапывали насмерть в их шатрах, а простые латники в ужасе бежали, побросав оружие. Сира Стаффорда убили, когда он пытался поймать себе коня, – лорд Рикард

Карстарк пронзил его грудь копьем. Убиты также сир Роберт Бракс, сир Лаймонд Викари, лорд Кракехолл и лорд Джаст. Полсотни других взяты в плен, включая сыновей Джаста и моего племянника Мартина Ланнистера. Выжившие городят несусветную чушь и клянутся, что вашего брата поддерживают старые боги севера.

— Значит, никакого колдовства не было?

— Колдовство — это соус, которым дураки поливают свое поражение, чтобы скрыть вкус собственной оплошности, — фыркнул Ланнистер. — Мой баран-дядюшка, как видно, даже посты не

позаботился выставить. Войско свое он набрал из подмастерьев, рудокопов, крестьян, рыбаков и разного ланниспортского отребья. Единственная тайна заключается в том, как ваш брат сумел к нему подобраться. Наши люди до сих пор удерживают Золотой Зуб, и они клянутся, что мимо он не проходил. — Карлик раздраженно повел плечами. — Что поделаешь. Проклятие моего отца — это Робб Старк, а мое — это Джоффри. Скажите, что вы чувствуете к моему августейшему племяннику?

— Я люблю его всем сердцем, — без запинки ответила Санса.

— В самом деле? — Кажется, она

его не убедила. — Даже теперь?

— Моя любовь к его величеству больше, чем когда-либо прежде.

— Кто-то научил вас лгать на совесть, — громко рассмеялся Бес. — Когда-нибудь ты скажешь ему спасибо, дитя. Ты ведь еще дитя, не так ли? Или уже расцвела?

Санса вспыхнула. Какой грубый вопрос — но по сравнению с позором быть раздетой на глазах половины замка это еще пустяки.

— Нет, милорд.

— Это к лучшему. Если это может тебя утешить, я не хочу, чтобы ты выходила за Джоффри. Боюсь, никакой брак не помирит Старков и Ланнистеров после всего

происшедшего. А жаль. Это был один из лучших замыслов Роберта, вот только Джоффри его испортил.

Санса знала, что ей нужно что-то сказать, но все слова застряли у нее в горле.

— Что притихла? Ты ведь этого хотела? Разрыва помолвки?

— Я... — «Что же сказать? Не хитрость ли это? Не накажет ли он меня, если я скажу правду?» Она смотрела на выпирающий лоб карлика, на угольно-черный глаз и пронзительный зеленый, на кривые зубы и жесткую, как проволока, бороду. — Я хочу одного — сохранить лояльность.

— Сохранить лояльность — и

оказаться подальше от Ланнистеров. Вряд ли тебя можно упрекнуть за это. В твоём возрасте я хотел точно того же. Мне сказали, что ты каждый день ходишь в богорощу, — улыбнулся он. — О чем ты молишься, Санса?

«Молюсь за победу Робба, гибель Джоффри и возвращение домой. За Винтерфелл».

— За то, чтобы война скорее кончилась.

— Этого недолго ждать. Будет ещё одно сражение — между Роббом и моим лордом-отцом; оно-то и решит исход войны.

«Робб побьёт его, — подумала Санса. — Он уже побил твоего дядю, твоего брата Джейме — и твоего отца

тоже побьет».

Можно было подумать, что ее лицо – это открытая книга, так легко карлик разгадал ее надежды.

– Пусть Окскросс не слишком радует вас, миледи, – сказал он, хотя и не сурово. – Битва – еще не война, а мой отец – далеко не дядя Стафффорд. В следующий раз, как пойдете в богорощу, помолитесь, чтобы вашему брату достало мудрости склонить колено. Как только Север заключит мир с королем, я отправлю вас домой. – Карлик спрыгнул с подоконника, где сидел. – На ночь можете остаться здесь. Я поставлю своих людей охранять вас – скажем, Каменных Ворон...

– Нет, – в ужасе выпалила Санса. Если она будет сидеть в башне Десницы под охраной людей карлика, как же сир Донтос сумеет ее освободить?

– Предпочитаете Черноухих? Хорошо, я дам вам Челлу, если с женщиной вам удобнее.

– Пожалуйста, не надо, милорд. Эти дикари пугают меня.

– Меня тоже, – ухмыльнулся он. – Но главное в том, что они пугают также и Джоффри со всеми его гадами и ползающими на брюхе псами, которых он именует Королевской Гвардией. Если рядом будет Челла или Тиметт, никто не посмеет обидеть тебя.

– Я лучше вернусь к себе. – В голову Сансе пришла вдруг подходящая ложь, которую она не замедлила высказать: – В этой башне убили людей моего отца. Их призраки будут тревожить мой сон, и я буду видеть кровь повсюду, куда ни взгляну.

Тирион Ланнистер посмотрел на нее:

– Дурные сны не чужды и мне, Санса. Быть может, ты умнее, чем я полагал. Позволь хотя бы проводить тебя обратно в твои покои.

Кейтилин

Когда они нашли нужную деревню, уже совсем стемнело. Кейтилин не знала даже, как называется это место, — бежавшие жители унесли эту тайну вместе со всем своим скарбом, даже свечи из септы забрали. Сир Вендел зажег факел и ввел Кейтилин в низкую дверь.

Семь стен внутри растрескались и покосились. «Бог есть един в семи лицах, — учил ее септон Осминд, когда она была девочкой, — как септа есть единое здание с семью стенами». В богатых городских

септах каждый из Семерых имел свою статую и свой алтарь, в Винтерфелле септон Шейли повесил на каждой стене резную маску, но здесь Кейтилин нашла только грубые рисунки углем. Сир Вендел вставил факел в кольцо у двери и вышел, чтобы подождать снаружи с Робаром Ройсом.

Кейтилин разглядывала лица. Отец был с бородой, как всегда. Мать улыбалась, любящая и оберегающая. Под ликом Воина был изображен меч, под лицом Кузнеца — молот, Дева была прекрасна, изборожденная морщинами Старица — мудра.

А вот и седьмой... Неведомый,

не мужчина и не женщина, но оба вместе. Вечный отверженец, пришелец из дальних стран, меньше и больше, чем человек, непознанный и непознаваемый. Здесь он был черным овалом, тенью со звездами вместо глаз. Кейтилин стало не по себе и подумалось, что она вряд ли найдет здесь утешение.

Она преклонила колени перед Матерью:

— Госпожа моя, взгляни на эту битву материнскими очами. Ведь все они чьи-то сыновья. Сохрани их, если можешь, и моих сыновей тоже сохрани. Не оставь Робба, Брана и Рикона и сделай так, чтобы я вновь была с ними.

Через левый глаз Матери змеилась трещина, и казалось, будто она плачет. Кейтилин слышала громовой голос сира Вендела и тихие ответы сира Робара – они говорили о предстоящей битве. Только они и нарушали тишину ночи. Где-то трещал сверчок, боги же молчали. «Хотела бы я знать, отвечали ли тебе когда-нибудь твои старые боги, Нед? Слышали ли они тебя, когда ты преклонял колени перед твоим сердце-деревом?»

Свет факела плясал на стенах, и лики богов менялись, как живые. Статуи в больших городских септах носят лица, которые им дали ваятели, но эти рисунки могли

изображать кого угодно. Отец напоминал ей собственного отца, умирающего в своем Риверране. Воин был Ренли и Станнисом, Роббом и Робертом, Джейме Ланнистером и Джоном Сноу. Она даже Арью увидела в нем – правда, только на миг. Потом порыв ветра проник в дверь, факел зашипел, и струя оранжевого света унесла сходство.

Дым ел глаза, и Кейтилин протерла их своими израненными руками. Когда она снова взглянула на Мать, это была ее собственная мать. Леди Миниса Талли умерла в родах, пытаясь дать лорду Хостеру второго сына. Ребенок умер вместе с

ней, а из отца ушла частица жизни. «Она всегда была такая спокойная, — думала Кейтилин, вспоминая мягкие руки матери, ее теплую улыбку. — Будь она жива, и наши жизни сложились бы совсем по-иному. Что сказала бы леди Миниса о своей старшей дочери, стоящей перед ней на коленях? Я проехала много тысяч лиг, и все зря. Кому от этого польза? Дочерей я потеряла, Роббу я не нужна, Бран и Рикон наверняка считают меня холодной и бездушной. Меня даже с Недом не было в час его смерти».

У нее кружилась голова — а казалось, что септа кружится. Тени, словно испуганные животные,

метались по растрескавшимся белым стенам. Кейтилин ничего не ела сегодня – пожалуй, это было неразумно. Она говорила себе, что осталась голодной из-за недостатка времени, но правда заключалась в том, что без Неда для нее всякая пища утратила вкус. «Отрубив ему голову, они убили и меня».

Факел снова зашипел, и на стене появилось лицо сестры, только взгляд был жестче – взгляд не Лизы, а Серсеи. Серсея тоже мать. Не важно, кто был отцом ее детей, – она чувствовала, как они шевелятся в ней, рожала их в крови и муках, качала у своей груди. Если они и правда от Джейме...

– Скажи, о Мать, Серсея тоже молится тебе? – спросила Кейтилин.

На стене ей виделись гордые, холодные, красивые черты королевы Ланнистер. Трещина никуда не делась – даже Серсея способна плакать о своих детях. «Каждый из Семерых воплощает в себе всех остальных», – говорил септон Осминд. Старица не менее прекрасна, чем Дева, Мать может быть свирепее Воина, когда ее дети в опасности. Да...

Глядя на Роберта Баратеона в Винтерфелле, Кейтилин видела, что король не питает к Джоффри особо теплых чувств. Будь мальчик в самом деле от Джейме, Роберт предал бы

его смерти вместе с матерью, и мало кто осудил бы его. Бастарды — явление достаточно обычное, но кровосмешение — это чудовищный грех и перед старыми, и перед новыми богами, и плоды подобного союза именуются гнусными и в септе, и в богороще. У королев-драконов братья женились на сестрах, но они происходили из старой Валирии, где это было в порядке вещей, и, подобно драконам, не отвечали ни перед богами, ни перед людьми.

«Нед, должно быть, знал это, а до него — лорд Аррен. Неудивительно, что королева убила их обоих. Разве я не сделала бы того

же ради своих детей?» Кейтилин стиснула пальцы, рассеченные до кости сталью убийцы, когда она боролась за жизнь своего сына.

— Бран тоже знает, — прошептала она, опустив голову. Боги праведные, как же иначе? Он что-то видел, что-то слышал — вот почему мальчика пытались убить в его постели.

Павшая духом и усталая, Кейтилин Старк предалась своим богам. Она преклонила колени перед Кузнецом, налаживающим все, что сломано, и попросила его сохранить ее милого Брана. Перешла к Деве и попросила ее вдохнуть мужество в Арию и Сансу, оградить их невинные души. К Отцу она обратилась с

молитвой о правосудии, о силе, чтобы стремиться к нему, и о мудрости, чтобы понять, когда оно совершится; к Воину – с просьбой дать Роббу сил и хранить его в сражениях. Под конец она повернулась к Старице, которую ваятели часто изображали с лампой в руке.

– Веди меня, о мудрейшая. Укажи мне путь, которым я должна следовать, и не дай споткнуться во тьме, что лежит впереди.

Тут позади нее послышались шаги, и за дверью зашумели.

– Прошу прощения, миледи, – мягко сказал сир Робар, – но наше время на исходе. До рассвета мы

должны вернуться в лагерь.

Кейтилин поднялась. Колени ныли, и она многое отдала бы сейчас за мягкую перину и подушку.

— Благодарю вас, сир. Я готова.

Они молча ехали через редкие рощи, где деревья, как пьяные, клонились в сторону, противоположную морю. Беспокойное ржание лошадей и бряцание стали указывало им дорогу к лагерю Ренли. Длинные шеренги коней и всадников в доспехах вырисовывались во мраке, словно Кузнец самую ночь перековал в сталь. Знамена тянулись и справа, и слева, и на много рядов впереди, но в предрассветной тьме не видно было

ни цветов, ни эмблем. «Серая армия, – подумала Кейтилин. – Серые люди на серых конях под серыми знаменами». Теневые всадники Ренли ждали, подняв копья вверх, и она ехала через лес с высокими нагими деревьями, лишенными листьев и жизни. Штормовой Предел казался сгустком более глубокой тьмы, черной стеной, сквозь которую не просвечивали звезды, но на поле, где разбил свой лагерь лорд Станнис, мелькали факелы.

Шелковый шатер Ренли, озаренный свечами, светился точно волшебный изумрудный фонарь. Двое радужных гвардейцев охраняли вход. Зеленый свет из шатра придавал

странный оттенок лиловым сливам на камзоле сира Пармена и болезненный – подсолнухам, усеивающим желтый эмалевый панцирь сира Эммона. Длинные шелковые плюмажи украшали их шлемы, плечи окутывали радужные плащи.

Внутри шатра Бриенна одевала короля в доспехи перед боем, а лорды Тарли и Рован обсуждали с ним диспозицию и тактику. От дюжины маленьких жаровен шло приятное тепло.

– Мне нужно поговорить с вами, ваше величество, – сказала Кейтилин, назвав его вопреки обыкновению королевским титулом:

что угодно, лишь бы он ее выслушал.

— Одну минуту, леди Кейтилин. — Бриенна как раз застегивала его панцирь поверх стеганого нижнего камзола. Густо-зеленые, цвета летних листьев, королевские доспехи были так темны, что поглощали пламя свечей. Инкрустации и застежки отсвечивали золотом, точно костры в лесу, мерцая при каждом движении Ренли. — Продолжайте, пожалуйста, лорд Матис.

— Я говорю, ваше величество, что наше войско уже выстроено и готово к бою, — сказал Матис Рован, покосившись на Кейтилин. — К чему ждать рассвета? Прикажите выступать.

— Чтобы все потом говорили, что я победил предательским путем, предприняв вероломную атаку? Сражение назначено на рассвете.

— Назначено Станнисом, — заметил Ренди Тарли. — Ему-то как раз выгодно, чтобы мы наступали против восходящего солнца. Мы будем наполовину слепы.

— Только до первого удара. Сир Лорас прорвет их оборону, и все перемешается. — Бриенна затянула зеленые кожаные тесемки и застегнула золотые пряжки. — Когда мой брат погибнет, позаботьтесь, чтобы его тело не бесчестили. Он моя кровь, и я не допущу, чтобы его голову таскали на копье.

— А если он сдастся? — спросил лорд Тарли.

— Сдастся? — засмеялся лорд Рован. — Когда Мейс Тирелл осадил Штормовой Предел, Станнис ел крыс, но ворот так и не открыл.

— Как же, помню. — Ренли поднял подбородок, чтобы Бриенна могла закрепить латный воротник. — Ближе к концу сир Гавен Уайлд и трое его рыцарей попытались улизнуть через калитку, чтобы сдать врагу. Станнис схватил их и велел выстрелить ими из катапульты. До сих пор вижу лицо Гавена, когда его привязывали. Он был у нас мастером над оружием.

— Но к нам со стен никого не

сбрасывали, — удивился лорд Рован. — Я бы запомнил.

— Мейстер Крессен сказал Станнису, что нам, возможно, придется есть своих мертвецов и незачем выбрасывать хорошее мясо. — Ренли откинул волосы назад; Бриенна связала их бархатным шнуром и натянула на уши стеганный подшлемник. — Мертвых нам благодаря Луковому Рыцарю есть не пришлось, но мы были уже на грани. И сиру Гавену, умершему в темнице, грозила большая опасность.

— Ваше величество. — Кейтилин ждала терпеливо, но время было на исходе. — Вы обещали уделить мне внимание.

Ренли кивнул.

— Ступайте к войскам, милорды... и вот что: если Барристан Селми будет на стороне моего брата, я хочу, чтобы его пощадили.

— О сире Барристане ничего не было слышно с тех пор, как Джоффри его выгнал, — возразил лорд Рован.

— Я этого старика знаю. Ему непременно нужен король, которого бы он охранял, — только ради этого он и живет. Однако ко мне он не явился, и леди Кейтилин говорит, что у Робба Старка в Риверране его тоже нет. Где же еще ему быть, как не у Станниса?

– Приказ вашего величества будет исполнен. Ему не причинят вреда. – Лорды откланялись и вышли.

– Я слушаю вас, леди Старк. – Бриенна накинула плащ на широкие плечи Ренли – тяжелый, парчовый, с выложенным кусочками янтаря коронованным оленем Баратеонов.

– Ланнистеры пытались убить моего сына Брана. Я тысячу раз спрашивала себя почему, и ваш брат дал мне ответ. В тот день, когда он упал, была охота. Роберт, Нед и почти все остальные мужчины отправились травить вепря, но Джейме Ланнистер остался в Винтерфелле – и королева тоже.

Ренли быстро смекнул, в чем

дело.

— И вы полагаете, что мальчик застал их на месте преступления...

— Прошу вас, милорд, позвольте мне отправиться к вашему брату Станнису и рассказать ему о моих подозрениях.

— С какой целью?

— Робб сложит с себя корону, если вы с братом поступите так же. — Кейтилин очень на это надеялась. Она заставит его, если нужно. Робб послушает ее, даже если его лорды не слушают. — Вы втроем созываете Великий Совет, который не созывался уже целое столетие. Мы пошлем в Винтерфелл за Браном, он расскажет свою историю, и все

услышат, что настоящие узурпаторы — это Ланнистеры. Пусть лорды Семи Королевств сами выберут себе правителя.

— Скажите, миледи, — засмеялся Ренли, — разве лютоволки решают большинством голосов, кто будет вожаком стаи? — Бриенна подала перчатки и шлем с золотыми оленьими рогами, которые сделают короля на полтора фута выше. — Время разговоров прошло. Настала пора решить, кто из нас сильнее. — Ренли надел расклешенную, зеленую с золотом перчатку на левую руку, а Бриенна стала на колени, чтобы застегнуть на нем пояс с мечом и кинжалом.

– Умоляю вас именем Матери...

– начала Кейтилин, и тут сильный порыв ветра внезапно ворвался в дверь шатра. Ей померещилось какое-то движение – но нет, это только тень короля перемещалась по шелковым стенам. Ренли шутливо сказал что-то, и его тень, черная на зеленом, подняла меч. Огоньки свечей колебались, мигали, что-то было не так – и Кейтилин вдруг поняла что: меч короля оставался в ножнах, в то время как теневой меч...

– Холодно, – тихо и удивленно промолвил Ренли, а миг спустя его стальной латный ворот лопнул, как сырная корка, под напором теневого

клинка. Ренли едва успел ахнуть, прежде чем кровь хлынула у него из горла.

– Ваше вел... нет! – закричала Бриенна Синяя, перепугавшись, как маленькая девочка. Король упал ей на руки, и кровь залила его доспехи темно-красной волной, затопившей и зелень, и золото. Свечи мигали и гасли. Ренли, пытаясь сказать что-то, захлебывался собственной кровью. Ноги подкосились под ним, и только сила Бриенны не давала ему упасть. Она запрокинула голову и издала громкий вопль, не находя слов от горя.

Тень. Произошло нечто темное, злое и недоступное пониманию

Кейтилин. Эту тень отбрасывал не Ренли. Смерть вошла в эту дверь и задула его жизнь так же быстро, как ветер задул его свечи.

Всего через пару мгновений в шатер ворвались Робар Ройс и Эммон Кью – а казалось, будто прошла половина ночи. Позади толклись латники с факелами. Увидев Ренли на руках у Бриенны, залитой кровью, сир Робар в ужасе вскрикнул, а сир Эммон в расписанном подсолнечниками панцире завопил:

– Ведьма! Прочь от него, гнусная женщина!

– Боги праведные, Бриенна, за что? – спросил сир Робар. Бриенна подняла на них глаза. Ее радужный

плащ, весь мокрый от крови, сделался красным.

– Я... я...

– Ты заплатишься за это жизнью. – Сир Эммон выхватил боевой топор с длинной рукоятью из груды оружия у двери. – Твоя жизнь за жизнь короля!

– Нет! – вскричала Кейтилин Старк, обретя наконец голос, но было уже поздно: кровавое безумие овладело ими, и они кричали громче, чем она.

Зато Бриенна проявила невиданное проворство. Ее собственный меч был далеко, поэтому она выхватила из ножен клинок Ренли и успела отразить удар

топора. Сталь, стукнувшись о сталь, высекла иссиня-белую искру, и Бриенна вскочила на ноги, бросив мертвого короля. Тело упало на Эммона, и он пошатнулся, а меч Бриенны расщепил деревянную рукоять топора, выбив его из руки рыцаря. Кто-то другой швырнул факел Бриенне в спину, но промокший радужный плащ не загорелся. Бриенна, повернувшись, отсекла руку, бросившую факел. Пламя ползло по ковру, раненый громко кричал. Сир Эммон возился с мечом. Второй латник ринулся вперед, Бриенна встретила его, и их клинки зазвенели. Эммон Кью пришел на подмогу, Бриенне

пришлось отступить, но она умудрялась отбиваться от них обоих. Голова лежащего Ренли беспомощно откинулась набок, и на ней разверзся второй рот, медленно выбрасывая остатки крови.

Сир Робар, до сих пор медливший, тоже взялся за меч. Кейтилин схватила его за руку.

— Нет, Робар, послушайте меня. Это не она. Помогите ей! Это не она — это Станнис. — Кейтилин сама не знала, как ей пришло на ум это имя, но, произнеся его, поняла, что это правда. — Клянусь вам, вы же меня знаете: это Станнис убил его.

Молодой рыцарь уставился на нее, как на сумасшедшую,

побелевшими от страха глазами.

– Станнис? Но как?

– Не знаю. Это колдовство, какая-то темная магия: здесь была тень. Тень! – Ей самой казалось, что ее голос безумен, но слова продолжали литься из нее под неутихающий лязг клинков. – Тень с мечом, клянусь. Я видела. Слепы вы, что ли, – эта девушка любила его! Помогите ей! – Кейтилин оглянулась – солдат упал, выронив меч из ослабевших пальцев. Снаружи слышались крики – вот-вот сюда ворвется еще больше разгневанных мужчин. – Она невинна, Робар, даю тебе слово, клянусь в том могилой моего мужа и честью женщины дома

Старк!

Это его убедило.

– Я удержу их. Уведите ее. – Он повернулся и вышел.

Огонь добрался до стенки шатра. Сир Эммон наступал – желтая сталь против шерстяного камзола Бриенны. Он совсем забыл о Кейтилин, а напрасно: она огрела его по затылку железной жаровней. Он был в шлеме, и удар не причинил ему особого вреда, только повалил его на колени.

– Бриенна, за мной, – скомандовала Кейтилин, и девушка послушалась незамедлительно. Взмах клинка распорол шелк палатки, и они вышли в сумрачный холод рассвета. С другой стороны

шатра слышались громкие голоса. — Сюда — только медленно, иначе нас спросят, почему мы бежим. Иди как ни в чем не бывало.

Бриенна сунула меч за пояс и зашагала рядом с Кейтилин. В воздухе пахло дождем. Королевский шатер позади пылал, выбрасывая высокий столб пламени. Женщин никто не останавливал. Люди бежали мимо них с криками «Пожар!», «Убивают!», «Колдовство!». Другие, собравшись в кучки, тихо переговаривались. Кто-то молился, а молодой оруженосец, стоя на коленях, плакал навзрыд.

Слух передавался из уст в уста, и боевые порядки Ренли ломались.

Костры догорали, на востоке
брезжил свет, громада Штормового
Предела вырисовывалась на небе, как
каменный сон, и клубы тумана
ползли через поле, убегая от солнца
на крыльях ветра. Утренние
призраки, называла их старая Нэн,
духи, что возвращаются в свои
могилы. Теперь и Ренли стал одним
из них — как его брат Роберт, как
дорогой муж Кейтилин Нед.

— Я ни разу не обманывала его
прежде, — тихо сказала Бриенна, идя
сквозь суматоху встревоженного
лагеря. Ее голос показывал, что она
может сломаться в любое мгновение.
— Только что он смеялся, и вдруг эта
кровь... миледи, я ничего не

понимаю. Вы ведь видели, да?

— Я видела тень. Сначала я подумала, что это тень Ренли, но это была тень его брата.

— Лорда Станниса?

— Я почувствовала, что это он. Я знаю, это звучит бессмысленно, но...

Но для Бриенны это имело смысл.

— Я убью его, — заявила она. — Убью собственным мечом моего лорда — клянусь. Клянусь. Клянусь.

Хел Моллен и другие люди Кейтилин ждали с лошадьми. Сиру Венделу Мандерли не терпелось узнать, что стряслось.

— Миледи, весь лагерь точно обезумел, — закричал он, увидев

Кейтилин. – Правда ли, что лорд Ренли... – И он осекся, уставившись на залитую кровью Бриенну.

– Он мертв, но мы в этом неповинны.

– Но битва... – начал Хел Моллен.

– Битвы не будет. – Кейтилин села на коня, и весь эскорт последовал ее примеру. Сир Вендел поместился слева от нее, сир Первин Фрей – справа. – Бриенна, коней у нас вдвое больше, чем всадников. Выбери себе какого хочешь и едем с нами.

– У меня есть свой конь, миледи. И доспехи...

– Оставь их. Надо ускакать как

можно дальше, пока нас не
хватились. Мы обе были с королем в
миг его гибели, и нам этого не
забудут. — Бриенна молча
отправилась выполнять приказ
Кейтилин. — Поехали, —
скомандовала та, когда все расселись
по седлам. — Рубите всех, кто
попытается задержать нас.

Длинные пальцы рассвета
потянулись через поля, возвращая
миру краски. Там, где серые люди
сидели на серых конях с теновыми
копьями, заблистали холодным
блеском десять тысяч наконечников,
и знамена налились красным,
розовым и оранжевым, стали синими
и бурыми, засверкали золотом и

желтизной. Здесь была представлена вся мощь Штормового Предела и Хайгардена – мощь, еще час назад принадлежавшая Ренли. Теперь они принадлежат Станнису, поняла Кейтилин, хотя еще об этом не знают. Куда же еще им податься, как не к последнему Баратеону? Станнис победил их всех одним коварным ударом.

«Я законный король, – заявил он ей, сцепив свои железные челюсти, – а сын ваш изменник не в меньшей степени, чем мой брат. Его час еще настанет».

Кейтилин проняло холодом.

Джон

Холм вздымался над лесом, одинокий и видный за много миль. Разведчики сказали, что одичалые называют его Кулаком Первых Людей. Он и правда походил на кулак, пробивший землю и лес, — голый, с каменными костяшками.

Джон въехал на его вершину вместе с лордом Мормонтом и офицерами, оставив Призрака внизу. Волк во время подъема убежал трижды и трижды неохотно возвращался на свист Джона. На третий раз лорд-командующий потерял терпение и рывкнул:

– Отпусти его, парень. Я хочу добраться до вершины еще засветло. После отыщешь своего волка.

Подъем был крут и каменист, вершину венчала кое-как сложенная стена по грудь вышиной. Им пришлось проехать немного на запад, прежде чем нашелся проем, достаточно широкий для лошадей.

– Хорошее место, Торен, – заметил Старый Медведь. – Едва ли мы могли надеяться на лучшее. Разобьем лагерь здесь и подождем Полурукого. – Мормонт спешился, стряхнув с плеча ворона, и тот, громко жалуюсь, поднялся в воздух.

С холма открывался широкий вид, но внимание Джона прежде

всего привлекла стена, обветренные серые камни с пятнами белого лишайника и зеленого мха. По преданию, Кулак был крепостью Первых Людей в Рассветные Века.

— Древнее место. Крепкое, — сказал Торен Смолвуд.

— Древнее, — подтвердил ворон Мормонта, хлопая крыльями у них над головами. — Древнее, древнее.

— Тихо ты, — проворчал Мормонт. Старый Медведь был слишком горд, чтобы сознаться в своей слабости, но Джона обмануть не мог. Усилия, которые он прилагал, чтобы держаться наравне с молодыми, тяжело сказывались на нем.

— Эту высоту будет легко

оборонять в случае нужды, – заметил Торен, направив своего коня шагом вдоль стены. Его подбитый соболем плащ трепетал на ветру.

– Да, она нам в самый раз подходит. – Старый Медведь подставил руку под ветер, и ворон сел на нее, царапая когтями по черной кольчуге.

– А как же вода, милорд? – спросил Джон.

– У подножия холма течет ручей.

– Далеко же придется спускаться, чтобы попить, – и для этого надо будет выйти за стену.

– Тебе лень лишний раз влезть, парень? – спросил Торен.

– Другого такого удачного места

нам не найти, — сказал лорд Мормонт. — Воды мы натаскаем и позаботимся, чтобы она всегда была в запасе. — Джон промолчал. Приказ был отдан, и Ночной Дозор разбил лагерь внутри каменного кольца, сложенного Первыми Людьми. Черные палатки выросли на холме, как грибы после дождя, и голую землю устелили одеяла. Стюарды привязывали лошадей, поили их и давали корм. Лесовики взяли топоры и при слабом предвечернем свете пошли запасать дрова на ночь. Строители корчевали кусты, копали отхожие канавы и распаковывали связки устойчивых против огня кольев.

– Чтоб до темноты все дыры в стене были загорожены, – приказал Старый Медведь.

Джон, поставив палатку лорду-командующему и позаботившись о лошадях, спустился с холма поискать Призрака. Волк сразу же появился, очень тихий. Только что Джон шел по лесу, крича и свистя, ступая один по шишкам и опавшим листьям, и вдруг рядом с ним возник большой лютоволк, белый, как утренний туман.

Но как только они дошли до стены, Призрак снова отступил. Он настороженно понюхал проем и повернулся назад, словно ему не понравился запах. Джон сгреб волка

за шкурку и попытался втащить за кольцо, но не тут-то было: волк весил столько же, сколько он, и был гораздо сильнее.

— Призрак, что с тобой? — Это было совсем на него не похоже, но делать нечего — пришлось Джону в конце концов сдаться. — Ну, как хочешь. Ступай охотиться. — Красные глаза волка следили за ним, когда он прошел за обомшелые камни.

Позиция как будто бы сулила полную безопасность. С холма было видно далеко кругом, склоны на севере и западе представляли собой крутые обрывы, а восточный был немногим более доступен. Но по мере того как сгущались сумерки и

темнота заполняла прогалы между деревьями, беспокойство Джона усиливалось. Это ведь зачарованный лес, сказал он себе. Быть может, здесь водятся привидения, духи Первых Людей. Как-никак это их место.

Перестань ребячиться, велел он себе, влез на стену и стал смотреть на закат. Река Молочная, текущая на юг, сверкала, как кованое золото. Вверх по течению местность делалась более гористой – густой лес на севере и западе уступал место голым каменным холмам. На горизонте цепь за цепью вставали горы с вечно одетыми снегом вершинами, уходя в серо-голубую

даль. Даже издали они казались бескрайними, холодными и негостеприимными.

Ближе к Кулаку царили деревья. На юге и востоке лес тянулся, сколько видел глаз, переливаясь тысячью оттенков зелени. Красные пятна виднелись там, где чардрово росло среди сосен и страж-деревьев, желтые — там, где меняли цвет широколисты. Когда дул ветер, ветви, старше годами, чем Джон, поднимали стон и скрип, мириады листьев приходили в движение, и лес превращался в глубокое зеленое море, колеблемое штормом, вечное и непознаваемое.

«Призрак уж верно там не

один», — подумал Джон. Что угодно может двигаться в глубинах этого моря, прячась под деревьями, подкрадываясь к холму сквозь темный лес. Что угодно. Неведомо что. Джон долго стоял на стене, пока солнце не скрылось за зубьями гор и тьма не затопила лес.

— Джон? — позвал Сэмвел Тарли.
— Я так и думал, что это ты. Все в порядке?

— Вроде бы. — Джон соскочил вниз. — А у тебя как день прошел?

— Хорошо. Правда хорошо.

Джон не хотел делиться с другом своими опасениями, благо Сэм Тарли наконец-то начал обретать мужество.

— Старый Медведь хочет

дождаться здесь Куорена Полурукого и людей из Сумеречной Башни.

— Что ж, место как будто подходящее. Крепость Первых Людей. Как ты думаешь, здесь были сражения?

— Конечно, были. Ты готовь птицу, вот что. Мормонт наверняка захочет отправить отсюда весть.

— Я бы всех воронов охотно разослал. Уж очень они не любят сидеть в клетке.

— Ты тоже не любил бы, если б умел летать.

— Если б я умел летать, я был бы уже в Черном Замке и ел пирог со свиной.

Джон стиснул плечо Сэма

обожженной рукой, и они вместе зашагали по лагерю. Повсюду зажигались костры, а на небе показывались звезды. Длинный красный хвост Факела Мормонта светил ярко, как луна. Джон услышал воронов до того, как увидел их. Некоторые выкрикивали его имя. И любят же они погалдеть.

Они тоже это чувствуют...

— Пойду-ка я к Старому Медведю. Он тоже начинает каркать, если его не покормишь.

Мормонт разговаривал с Тореном Смолвудом и полудюжиной других офицеров.

— А, вот и ты, — проворчал старик. — Принеси-ка горячего вина.

Холодно что-то.

— Да, милорд. — Джон развел костер, взял у обозных бочонок любимого Мормонтом красного вина, наполнил котелок и повесил его над огнем, а сам стал собирать остальное. Старый Медведь был очень разборчив относительно своего горячего вина. Столько-то корицы, столько-то мускатного ореха, столько-то меда — ни больше ни меньше. Изюм, орехи, сушеные вишни, но лимона не надо — это гнуснейшая южная ересь. Странное дело — ведь утреннее пиво Мормонт всегда пьет с лимоном. Напиток должен быть достаточно горяч, чтобы согреть человека как следует,

но не должен обжигать. Джон бдительно следил за котелком.

Занимаясь своим делом, он слышал голоса из палатки. Джармен Баквел говорил:

– Самая легкая дорога в Клыки Мороза – это идти по Молочной вверх до ее истока. Но если мы пойдем этим путем, Разбойник узнает о нашем приближении как пить дать.

– Можно пойти по Лестнице Гигантов, – сказал сир Малладор Локе, – или через Воющий перевал, если он свободен.

От вина пошел пар. Джон снял котелок с огня, наполнил восемь чаш и отнес в палатку. Старый Медведь,

щурясь, разглядывал грубую карту, которую нарисовал ему Сэм во Дворце Крастера. Он взял чашу с подноса, сделал глоток и коротко кивнул в знак одобрения. Ворон скакнул ему на руку, сказав:

– Зерно. Зерно.

Сир Оттин Уинтерс отмахнулся от вина.

– Я бы вовсе не стал лезть в горы, – сказал он тонким, выдающим усталость голосом. – Клыки Мороза даже летом не подарок, а уж теперь... если нас там застигнет буря...

– Я пойду туда лишь в случае крайней нужды, – сказал Мормонт. – Одичалые не больше нашего

способны жить среди камней и снега. Скоро они спустятся со своих высот, а для войска, какой бы величины оно ни было, путь один — вдоль Молочной. Если так, то наша позиция здесь очень выгодна. Мимо нас они не проскочат.

— Может, им это и ни к чему. Их тысячи, а нас вместе с людьми Полурукого будет триста. — Сир Малладор взял у Джона чашу.

— Если дойдет до боя, нам тем более нельзя терять эту позицию, — заявил Мормонт. — Мы укрепим оборону. Ямы, колья, колючки на склонах, все бреши в стене заделаем. Джармен, поставь наблюдателями самых глазастых своих ребят. Пусть

станут кольцом вокруг нас и вдоль реки тоже, чтобы сразу предупредить о приближении врага. Рассади их на деревьях. Кроме того, начнем таскать воду, чтобы запасти как можно больше. Выроем цистерны. Это даст людям занятие и пригодится впоследствии.

— Мои разведчики... — начал Торен Смолвуд.

— Твои разведчики будут ограничиваться этой стороной реки, пока не подойдет Полурукий, а там поглядим. Я не хочу больше терять людей.

— Может быть, Манс-Разбойник собирает свое войско в дневном переходе отсюда, а нам и невдомек, —

возразил Смолвуд.

— Мы знаем, где собираются одичалые. Крастер сказал нам. Я его не люблю, но не думаю, что он солгал нам в этом.

— Воля ваша. — Смолвуд надулся и вышел. Остальные допили вино и более учтивым манером последовали за ним.

— Принести вам ужин, милорд? — спросил Джон.

— Зерно, — крикнул ворон. Мормонт ответил не сразу, да и то вопросом на вопрос:

— Нашел твой волк сегодня какую-нибудь дичь?

— Он еще не вернулся.

— Свежее мясо нам бы

пригодилось. — Мормонт запустил руку в мешок и дал ворону пригоршню зерна. — По-твоему, я не прав, что удерживаю разведчиков здесь?

— Рассуждать не мое дело, милорд.

— Отвечай, когда спрашивают.

— Если разведчики будут оставаться в виду Кулака, я не вижу, как они найдут моего дядю, — признался Джон.

— Они его и так не найдут. Этот край слишком велик — что для двухсот, что для десяти тысяч. — Ворон принялся клевать с ладони Мормонта. Когда зерно кончилось, Старый Медведь перевернул руку.

– Но вы же не откажетесь от поисков?

– Мейстер Эйемон говорит, что ты умный парень. – Мормонт пересадил ворона на плечо. Тот склонил голову, поблескивая бусинками глаз.

Джон понял, что это и есть ответ.

– Мне кажется... кажется, что легче одному человеку найти двести, чем двумстам одного.

Ворон издал скрипучий вопль, а Старый Медведь улыбнулся в седую бороду.

– Такое количество людей и лошадей оставляет след, с которого даже Эйемон бы не сбился. Костры

на этом холме должны быть видны от самых Клыков Мороза. Если Бен Старк жив и свободен, он придет к нам сам, не сомневаюсь.

— Ну а если... если он...

— Мертв? — подсказал Мормонт. Джон неохотно кивнул.

— Мертв, — сказал ворон. —

Мертв, мертв.

— Он все равно придет к нам. Как пришли Отор и Яфер Флауэрс. Я боюсь этого не меньше, чем ты, Джон, но мы должны и это принять в расчет.

— Мертв, — крикнул ворон, встопорщив крылья, громко и пронзительно. — Мертв.

Мормонт погладил его черные

перья и зевнул, прикрыв рот рукой.

— Не буду я ужинать, пожалуй. Лучше отдохну. Разбуди меня, как рассветет.

— Спокойной ночи, милорд. — Джон собрал пустые чаши и вышел. Где-то слышался смех, и жалобно пела волынка. В середине лагеря трещал большой костер, и пахло мясной похлебкой. Джон, не в пример Старому Медведю, проголодался и пошел на огонь.

Дайвен разглагольствовал с ложкой в руке:

— Я знаю этот лес, как никто, и вот что скажу вам: не хотел бы я оказаться в нем один нынче ночью. Не чуете разве?

Гренн молча пялил на него глаза, Скорбный Эдд сказал:

– Я чую только дерьмо двухсот лошадей да еще похлебку. Одно на другое похоже, если приняхаться хорошенько.

– Схлопочешь сейчас, «похоже».
– Хейк налил миску варева Джону.

Похлебка была густая, с ячменем, морковкой и луком. Кое-где попадались кусочки разварившейся солонины.

– А ты что чуешь, Дайвен? – спросил Гренн. Лесовик отправил ложку в рот. Свои зубы он вынул. Лицо у него было морщинистое, пальцы скрюченные, как старые корни.

– Сдается мне, что пахнет тут...
ХОЛОДОМ.

– Зубы у тебя деревянные и башка тоже, – сказал Хейк. – У холода запаха нет.

Есть, подумал Джон, вспомнив ночь в покоях лорда-командующего. Он пахнет смертью. Ему вдруг расхотелось есть. Он отдал свою миску Гренну, который явно нуждался в лишней порции – у парня зуб на зуб не попадал.

Ветер усилился. К утру землю покроет иней, и палаточные растяжки задубеют. В котелке еще оставалось немного вина. Джон подбросил топлива в огонь и разогрел питье. В ожидании он

сгибал и разгибал пальцы, пока по руке не побежали мурашки. Первая стража заняла посты вокруг лагеря. Вдоль всей стены мигали факелы. Ночь была безлунная, но с множеством звезд.

Из мрака донесся звук, слабый и далекий, но легко узнаваемый: волчий вой. Голоса стаи поднимались и опадали — от этой жуткой унылой песни у Джона встали дыбом волосы на затылке. При свете костра он увидел пару красных глаз, глядящих на него из темноты.

— Призрак, — изумленно выдохнул Джон, — так ты пришел все-таки? — Белый волк часто охотился

всю ночь, и Джон не ожидал увидеть его до рассвета. — Что, охота плохая? Иди сюда.

Лютоволк беспокойно обошел вокруг костра, понюхал Джона, понюхал ветер. Мяса ему, похоже, сейчас не хотелось. «Когда мертвые встали, Призрак знал. Он разбудил меня, предостерег». Джон в тревоге поднялся на ноги.

— Там что-то есть? Ты что-то чувствуешь, да? — Дайвен сказал, что чувствует холод.

Лютоволк скакнул прочь, остановился, оглянулся. «Хочет, чтобы я шел за ним». Подняв капюшон плаща, Джон оставил тепло костра, двинулся мимо палаток,

мимо загона с лохматыми лошадками. Одна из них тревожно заржала, когда около пробежал Призрак. Джон ласково пошептал ей, потрепал по морде. Стена была близко – ветер свистел, проникая в ее трещины. Услышав оклик часового, Джон вышел на свет факела.

– Мне надо принести воды для лорда-командующего.

– Ну давай, только быстро. – Съежился под черным плащом, нахлобучив капюшон от ветра – даже не посмотрел, есть у Джона ведро или нет.

Джон протиснулся боком между двумя острыми кольями, Призрак пролез внизу. Факел, воткнутый в

трещину, под ветром выбрасывал бледно-рыжие языки. Джон взял его, выйдя за стену. Призрак понесся вниз по холму. Джон последовал за ним чуть медленнее, светя себе факелом. Звуки лагеря затихли позади. Ночь была черна, склон крут, каменист и неверен. Оплошаешь – и можно запросто сломать лодыжку... или шею. «Что я, собственно, делаю?» – спросил себя Джон, спускаясь вниз.

Под ним стояли деревья, воины в броне из коры и листьев. Молча сомкнули ряды – ждут команды, чтобы двинуться на холм. Черные... зелень проглядывает, только когда свет факела попадает на них.

Слышалось слабое журчание воды по камням. Призрак скрылся в подлеске. Джон двинулся за ним, прислушиваясь к ручью и к шелесту листьев. Одни ветки цеплялись за плащ, другие, сомкнувшись над головой, заслоняли звезды.

Волк лакал из ручья.

– Призрак, – позвал Джон, – ко мне, быстро. – Волк поднял голову, зловеще светя красными глазами, вода стекала у него по морде, как слюна. Что-то страшное было в нем в этот миг. Он шмыгнул мимо Джона, понесся между деревьями. – Призрак, погоди. – Но волк его не слушал. Белый, он исчез во мраке, предоставив Джону выбирать – снова

лезть на холм в одиночку или следовать за ним.

Джон сердито углубился в лес, держа факел как можно ниже, чтобы разглядеть камни и корни, сами лезущие по ноги, и ямки, где можно свихнуть ногу. Через каждые несколько футов он звал Призрака, но ветер, рыщущий между деревьями, уносил его голос. Это безумие, думал он, уходя все дальше. Он уже собирался повернуть назад, когда увидел белый проблеск впереди справа, по направлению к холму, и устремился туда, ругаясь вполголоса.

Он почти нагнал волка, потерял его снова и остановился перевести дух среди кустов, колючек и

каменных осыпей у подножия холма. Мрак обступал его факел со всех сторон.

Скребущий звук заставил его обернуться. Он пошел в ту сторону, пробираясь между валунами и терновником. За поваленным стволом он опять увидел Призрака. Лютоволк яростно рыл землю, выбрасывая ее вверх.

– Что ты там нашел? – Джон опустил факел, осветив круглый холмик мягкой земли. Могила. Но чья?

Он стал на колени, воткнув факел в землю. Рыхлая песчаная почва легко поддавалась пальцам. Здесь не было ни камней, ни корней.

Что бы ни лежало там внизу, это положили сюда недавно. На глубине двух футов его руки нащупали ткань. Джон ожидал и боялся найти труп, но это было что-то другое. Под тканью чувствовались мелкие, твердые, неуступчивые предметы. Запаха не было, могильных червей тоже. Призрак сел, наблюдая за Джоном.

В земле лежал круглый узел около двух футов в поперечнике. Джон подцепил его пальцами за края и вытащил — внутри при этом что-то звякнуло. «Клад», — подумал он, но содержимое узла не походило на монеты, а звук был не металлический.

Джон разрезал кинжалом истрепанную веревку и развернул ткань. Содержимое высыпалось на землю, сверкая темным блеском. Джон увидел дюжину ножей, листовидные наконечники копий, многочисленные наконечники стрел. Он взял в руки клинок – легкий как перышко, черный и блестящий, без рукоятки. При свете пламени тонкая оранжевая линия по краям указывала, что нож остер, как бритва. Драконово стекло. Мейстеры называют его обсидианом. Может, Призрак открыл древний тайник Детей Леса, укрытый здесь тысячи лет назад? Кулак Первых Людей – место старинное, вот только...

Под драконовым стеклом лежал рог зубра, оправленный в бронзу. Старый боевой рог. Джон вытряхнул из него грязь и наконечники стрел, а после потер между пальцами угол ткани. Хорошая шерсть, толстая, двойная основа. Отсырела, но не сгнила. Она не могла долго пролежать в земле. И она темная. Джон подтянул ее ближе к факелу. Не просто темная – черная.

Не успев еще развернуть ткань, Джон понял, что держит в руках плащ черного брата Ночного Дозора.

Бран

Элбелли нашел его в кузнице, где Бран качал мехи для Миккена.

– Мейстер зовет вас в башню, милорд принц. От короля прилетела птица.

– От Робба? – Бран, придя в волнение, не стал дожидаться Ходора и позволил Элбелли внести его наверх. Элбелли тоже здоровяк, хотя не такой большой, как Ходор, и далеко не такой сильный. Когда они добрались до комнат мейстера, он стал весь красный и запыхался. Рикон был уже тут, и оба Уолдера тоже.

Мейстер Лювин отпустил Элбелли и закрыл за ним дверь.

— Милорды, — сказал он торжественно, — мы получили известие от его величества, где есть и хорошие новости, и дурные. Он одержал великую победу на западе, разбив армию Ланнистеров в месте под названием Окскросс, и занял несколько замков. Он пишет нам из Эшмарка, бывшего поместья дома Марббрандов.

Рикон дернул мейстера за полу.

— Робб собирается домой?

— Боюсь, не теперь еще. Впереди у него новые сражения.

— Это он лорда Тайвина побил?

— спросил Бран.

— Нет. Вражеским войском командовал сир Стаффорд Ланнистер. Он был убит в бою.

Бран никогда не слыхивал о сире Стаффорде Ланнистере и готов был согласиться с Уолдером Большим, когда тот сказал:

— Лорд Тайвин — единственный, кто чего-то стоит.

— Напиши Роббу, чтобы ехал домой, — сказал Рикон. — Волка пусть тоже привезет и отца с матерью. — Рикон знал, что лорд Эддард умер, но иногда забывал об этом... нарочно, как полагал Бран. Его брат очень упрям для четырехлетнего.

Бран порадовался победе Робба, но и обеспокоился тоже. Он помнил,

что сказала Оша в тот день, когда Робб выступил с войском из Винтерфелла: «Он идет не в ту сторону».

— К сожалению, ни одна победа не обходится без потерь. — Мейстер Лювин повернулся к Уолдерам. — Милорды, ваш дядя Стеврон Фрей был в числе тех, кто расстался с жизнью при Окскроссе. Робб пишет, что он получил рану в бою. Ее не считали тяжелой, но через три дня сир Стеврон умер в своей палатке во время сна.

— Он был уже старый, — пожал плечами Уолдер Большой. — Шестьдесят пять, кажется, ему было. Слишком старый для сражений. Он

всегда говорил, что устал.

— Устал ждать, когда дед умрет, вот что, — фыркнул Уолдер Малый. — Выходит, наследник теперь — сир Эммон?

— Не будь дураком, — сказал его кузен. — Сначала идут сыновья первого сына, а потом уж второй сын. Следующий в ряду — сир Риман, потом Эдвин, Уолдер Черный и Петир Прыщ. А после Эйегон и все его сыновья.

— Риман тоже старый. Ему уже за сорок как пить дать. И животом хворает. Думаешь, лордом будет он?

— Лордом буду я. Пусть и он побудет — мне все равно.

— Стыдитесь, милорды, —

оборвал их мейстер Лювин. – Неужели вас не печалит кончина вашего дяди?

– Печалит, даже очень, – сказал Уолдер Малый. Но это была неправда. Брану стало тошно. «Их блюдо понравилось им больше, чем мне мое». Он попросил у мейстера разрешения уйти.

– Хорошо. – Мейстер позвонил. Ходор, должно быть, был занят на конюшне, и на зов пришла Оша. Она была сильнее Элбелли и без труда снесла Брана на руках вниз.

– Оша, – сказал Бран, когда они шли через двор, – ты знаешь дорогу на север? К Стене и... еще дальше?

– Дорогу найти нетрудно. Держи

путь на Ледяного Дракона и на голубую звезду в глазу всадника. — Она прошла в дверь и стала подниматься по винтовой лестнице.

— И там все еще живут великаны и эти... Иные и Дети Леса?

— Великанов я видела сама, о Детях слыхала, а Белые Ходоки... зачем тебе знать?

— А трехглазую ворону ты не видела?

— Нет. Да не больно-то и хотелось, — засмеялась она. Оша открыла ногой дверь в спальню Брана и посадила его на подоконник, откуда он мог видеть двор.

Всего через несколько мгновений после ее ухода дверь

открылась снова и вошел, незванный, Жойен Рид с сестрой Мирой.

— Вы слышали про птицу? — спросил Бран. Жойен кивнул. — Это был не ужин, как ты говорил, а письмо от Робба, и мы его не ели, но...

— Зеленые сны порой принимают странную форму, — признал Жойен. — Не всегда легко понять правду, заключенную в них.

— Расскажи мне другой свой сон. О том плохом, что должно прийти в Винтерфелл.

— Так милорд принц теперь верит мне? И прислушивается к моим словам, какими бы странными они ему ни показались?

Бран кивнул.

– Сюда придет море.

– Море?!

– Мне снилось, что вокруг Винтерфелла плещется море. Черные волны били в ворота и башни, а потом соленая вода перехлестнула через стенку и заполнила замок. Во дворе плавали утопленники. Тогда, в Сероводье, я еще не знал их, но теперь знаю. Один – это Элбелли, стражник, который доложил о нас на пиру. Еще ваш септон и кузнец.

– Миккен? – Испуг Брана равнялся его недоумению. – Но ведь море в многих сотнях лиг от нас, а стены Витерфелла так высоки, что вода нипочем не поднимется до них,

даже если бы оно и пришло.

— Глухой ночью соленое море перехлестнет через стену. Я видел раздутые тела утопленников.

— Надо им сказать. Элбелли и Миккену и септону Шейли. Сказать, чтобы остерегались воды.

— Это их не спасет, — сказал мальчик в зеленом. Мира, подойдя к окну, положила руку на плечо Брану.

— Они не поверят, Бран. Ты ведь тоже не верил.

Жойен сел на кровать.

— Теперь расскажи, что снится тебе.

Бран все еще боялся говорить об этом, но он поклялся, что будет доверять им, а Старк из Винтерфелла

держит свои клятвы.

— Это другое. Есть волчьи сны и есть другие, гораздо хуже. Когда я волк, я бегаю, охочусь и убиваю белок. А в других является ворона и велит мне лететь. Иногда в этих снах я вижу еще дерево — оно зовет меня по имени, и я боюсь. Но хуже всего бывает, когда я падаю. — Он смотрел на двор, чувствуя себя несчастным. — Раньше я никогда не падал. Я лазал всюду, по крышам и по стенам, и кормил ворон в Горелой башне. Мать боялась, что я упаду, но я знал, что этого не случится. Только потом все-таки случилось, и теперь я все время падаю во сне.

Мира сжала его плечо.

– Это все?

– Кажется, да.

– Оборотень, – сказал Жойен

Рид.

Бран уставился на него
круглыми глазами.

– Что?

– Оборотень. Подменный.

Бестия. Вот как тебя будут называть,
если узнают про твои волчьи сны.

Эти имена напугали Брана
заново.

– Кто будет называть?

– Твои же люди. От страха. Кое-
кто даже возненавидит тебя и захочет
убить.

Старая Нэн рассказывала про
оборотней и подменных страшные

вещи. В ее сказках они всегда были злыми.

— Я не такой. Не такой. Это только сны.

— Волчьи сны — не просто сны. Когда ты бодрствуешь, твой глаз крепко закрыт, но когда ты спишь, он открывается, и твоя душа ищет свою вторую половину. В тебе заключена большая сила.

— Не нужна мне такая сила. Я хочу быть рыцарем.

— Ты хочешь быть рыцарем, но на деле ты оборотень. Ты не можешь изменить это, Бран, не можешь отрицать, и отмахнуться от этого нельзя. Ты — тот крылатый волк, но летать никогда не будешь. — Жойен

подошел к окну. — Если не откроешь свой глаз. — И он ткнул двумя пальцами Брана в лоб — сильно. Бран ощупал это место, но нашел только гладкую неповрежденную кожу. Глаза там не было — даже закрытого.

— Как же я его открою, если его там нет?

— Пальцами этот глаз не найдешь. Искать надо сердцем. — Жойен посмотрел Брану в лицо своими странными зелеными глазами. — Или ты боишься?

— Мейстер Лювин говорит, что в снах нет ничего такого, чего можно бояться.

— Есть.

— Что же это?

– Прошрое. Будущее. Правда.

Брат и сестра бросили его в полной растерянности. Оставшись один, Бран попытался открыть третий глаз, но он не знал, как это делается. Как он ни морщил лоб и ни тыкал в него, разницы не было. В последующие дни он попробовал предупредить тех, кого видел Жойен, но все вышло не так, как ему хотелось. Миккен счел это забавным. «Море, вон как? Всегда хотел повидать море, но так на нем и не побывал. Выходит, теперь оно само ко мне пожалует? Милостивы же боги, коли так заботятся о бедном кузнеце».

«Боги сами знают, когда взять

меня к себе, — спокойно сказал септон Шейли, — но я не думаю, что встречу свою смерть в воде, Бран. Я ведь вырос на берегах Белого Ножа и хорошо плаваю».

Только Элбелли принял слова Брана близко к сердцу. Он сам переговорил с Жойеном, после чего перестал мыться, а к колодцу и близко не подходил. В конце концов от него пошел такой дух, что шесть других стражников бросили его в корыто с кипятком и отскребли докрасна, а он орал, что они его утопят, — лягушатник зря не скажет. После этого случая он при виде Брана или Жойена всегда хмурился и ругался втихомолку.

Через несколько дней после омовения Элбелли в Винтерфелл вернулся сир Родрик с пленником — мясистым молодым парнем с толстыми влажными губами. Разило от него как из нужника — хуже, чем от Элбелли.

— Его Вонючкой зовут, — сказал Хэйхед, когда Бран спросил, кто это. — Не знаю уж, как его настоящее имя. Он служил Бастарду Болтонскому и пособничал ему в убийстве леди Хорнвуд — так говорят.

За ужином Бран узнал, что сам бастард мертв. Люди сира Родрика застали его на землях Хорнвудов за каким-то ужасным делом (Бран не совсем понял, за каким, но он делал

это без одежды) и расстреляли его из луков, когда он пытался ускокать прочь. Но для бедной леди Хорнвуд помощь запоздала. После свадьбы бастард запер ее в башне и не давал ей есть. Бран слышал, как рассказывали, что сир Родрик, вышибив дверь, нашел ее с окровавленным ртом и отъеденными пальцами.

— Из-за этого чудовища мы попали в недурной переплет, — сказал старый рыцарь мейстеру Лювину. — Хотим мы того или нет, а леди Хорнвуд была его женой. Он заставил ее поклясться и перед септоном, и перед сердце-деревом и в ту же ночь при свидетелях лег с ней в брачную

постель. Она подписала завещание, где назначает его своим наследником, и печать свою приложила.

— Обеты, сделанные по принуждению, законной силы не имеют, — возразил мейстер.

— Русе Болтон может с этим не согласиться — как-никак речь идет о богатых землях. — Вид у сира Родрика был несчастный. — Я бы охотно отсек голову и слуге — он ничем не лучше своего хозяина. Но боюсь, с этим придется подождать до возвращения Робба. Он единственный свидетель худшего из преступлений бастарда. Возможно, лорд Болтон, услышав его рассказ, откажется от своих

притязаний, но пока что рыцари Мандерли и люди из Дредфорта убивают друг друга в Хорнвудских лесах, а у меня недостает сил, чтобы остановить их. — Старый рыцарь устремил суровый взор на Брана. — А вы что подделывали, пока меня не было, милорд принц? Запрещали нашим стражникам мыться? Хотите, чтобы от них пахло, как от этого Вонючки?

— Сюда придет море, — сказал Бран. — Жойен видел это в зеленом сне. И Элбелли утонет.

Мейстер Лювин оттянул свою цепь.

— Юный Рид верит, что видит в своих снах будущее, сир Родрик. Я

говорил Брану о ненадежности подобных пророчеств, но, по правде сказать, на Каменном берегу у нас неспокойно. Разбойники на ладьях грабят рыбацьи деревни, насилуют и жгут. Леобальд Толхарт послал своего племянника Бенфреда разделаться с ними, но они, полагаю, сядут на свои корабли и убегут, как только увидят вооруженных людей.

— Да — и нанесут удар где-нибудь еще. Иные бы взяли этих трусов. Они никогда бы на это не отважились, и Бастард Болтонский тоже, не будь наши главные силы на юге за тысячу лиг отсюда. Что еще говорил тебе этот парень? — спросил Брана сир Родрик.

– Что вода перехлестнет через наши стены. Он видел, что Элбелли утонул, и Миккен тоже, и септон Шейли.

– Ну что ж, если мне самому придется выступать против этих разбойников, Элбелли я с собой не возьму, – нахмурился сир Родрик. – Меня ведь малец не видел утонувшим? Нет? Вот и хорошо.

На сердце у Брана полегчало. Может, они еще и не утонут – если будут держаться подальше от моря.

Мира тоже так рассудила, когда они с Жойеном пришли вечером к Брану, чтобы поиграть в плашки, но Жойен покачал головой.

– То, что я вижу в зеленых снах,

изменить нельзя.

Сестра рассердилась на него.

— Зачем тогда боги предупреждают нас, раз мы все равно ничего изменить не можем?

— Не знаю, — печально ответил Жойен.

— На месте Элбелли ты сам прыгнул бы в колодец, чтобы покончить разом, — так, что ли? Он должен бороться с судьбой, и Бран тоже.

— Я? — испугался Бран. — А мне зачем? Разве я тоже должен утонуть?

— Не надо мне было... — виновато сказала Мира.

Он понял, что она что-то скрывает.

– Ты и меня видел в зеленом сне? – с беспокойством спросил он Жойена. – Я тоже утонул?

– Нет, не утонул. – Жойен говорил так, будто каждое слово причиняло ему боль. – Мне снился человек, которого привезли сегодня – которого прозвали Вонючкой. Вы с братом лежали мертвые у его ног, а он сдирал с ваших лиц кожу длинным красным ножом.

Мира поднялась на ноги.

– Если я пойду сейчас в темницу, я смогу пронзить его сердце копьем. Как же он тогда убьет Брана, если умрет?

– Тюремщики тебе не позволят, – сказал Жойен. – А если ты скажешь

им, почему хочешь его убить, тебе не поверят.

– У меня тоже есть охрана, – напомнил им Бран. – Элбелли, Рябой Том, Хэйхед и остальные.

Зеленые, как мох, глаза Жойена наполнились жалостью.

– Они его не остановят, Бран. Не знаю только почему – я ведь видел самый конец. Видел вас с Риконом в вашей крипте, в темноте, со всеми мертвыми королями и каменными волками.

Нет, подумал Бран. Нет.

– Но если я уеду... в Сероводье или к вороне, куда-нибудь, где меня не найдут...

– Это не поможет. Сон был

зеленый, Бран, а зеленые сны не лгут.

Тирион

Варис грел мягкие руки над жаровней.

– По всей видимости, Ренли был убит самым ужасающим образом посреди своего войска. Ему раскроили горло от уха до уха клинком, режущим сталь и кость, точно мягкий сыр.

– Но чьей рукой он был убит? – спросила Серсея.

– Вы когда-нибудь задумывались над тем, что слишком много ответов – все равно что никакого? Мои осведомители не всегда занимают столь высокие посты, как нам было

бы желательно. Когда умирает король, слухи множатся, как грибы во мраке ночи. Конюх говорит, что Ренли убил рыцарь его собственной Радужной Гвардии. Прачка уверяет, что Станнис прокрался через армию своего брата с волшебным мечом. Несколько латников полагают, что злодейство совершила женщина, но не сходятся на том, кто она. Девица, которую Ренли обесчестил, говорит один. Потаскушка, которую привели, чтобы он получил удовольствие перед битвой, говорит другой. А третий заявляет, что это была леди Кейтилин Старк.

Королева осталась недовольна.

— К чему занимать наше время

всеми этими глупыми сплетнями?

— Вы хорошо мне платите за эти сплетни, всемилостивая моя королева.

— Мы платим вам за правду, лорд Варис. Помните об этом — иначе наш Малый Совет станет еще меньше.

— Этак вы и ваш благородный брат оставите его величество вовсе без советников, — нервно хихикнул Варис.

— Думаю, государство в состоянии пережить потерю нескольких советников, — с улыбкой заметил Мизинец.

— Милый Петир, — возразил Варис, — а не боитесь ли вы оказаться следующим в маленьком списке

десницы?

— Перед вами, Варис? И в мыслях не держу.

— Как бы нам не стать братьями, оказавшись вместе на Стене, — снова хихикнул Варис.

— Это случится скорее, чем ты думаешь, если не перестанешь нести вздор, евнух. — Серсея, судя по всему, готова была кастрировать Вариса заново.

— Может, это какая-нибудь хитрость? — спросил Мизинец.

— Если так, то необычайно умная. Меня она уж точно ввела в заблуждение.

Тирион достаточно их наслушался.

– Джофф будет разочарован. Он приберегал прекрасную пику для головы Ренли. Кто бы это ни совершил, приходится предположить, что стоял за этим Станнис. Кому это выгодно, как не ему? – Новость пришлась Тириону не по вкусу – он рассчитывал, что братья Баратеоны порядком поистребят оба своих войска в кровавом бою. Локоть, ушибленный булавой, дергало – это бывало с ним иногда в сырую погоду. Он потер его без всякой пользы и спросил: – Как обстоит дело с армией Ренли?

– Почти вся его пехота осталась у Горького Моста. – Варис отошел от жаровни и сел за стол. – Но

большинство лордов, которые отправились с лордом Ренли к Штормовому Пределу, перешли к Станнису со всеми своими рыцарями.

— Ручаюсь, что пример подали Флоренты, — сказал Мизинец.

— Вы совершенно правы, милорд, — с подобострастной улыбкой подтвердил Варис. — Первым действительно преклонил колено лорд Алестер, и многие последовали за ним.

— Многие — но не все? — со значением спросил Тирион.

— Не все, — согласился евнух. — Не Лорас Тирелл, не Рендил Тарли и не Матис Рован. Штормовой Предел

тоже не сдается. Кортни Пенроз держит замок именем Ренли и не верит, что его сюзерен мертв. Он желает увидеть его останки, прежде чем открыть ворота, но похоже, что тело Ренли загадочным образом исчезло. Скорее всего его увезли. Пятая часть рыцарей Ренли отбыла с сиром Лорасом, не желая склонять колени перед Станнисом. Говорят, Рыцарь Цветов обезумел, увидев своего короля мертвым, и в гневе убил троих его телохранителей, в том числе Эммона Кью и Робара Рейса.

«Жаль, что он ограничился только тремя», – подумал Тирион.

– Сир Лорас скорее всего направился к Горькому Мосту, –

продолжал Варис. — Там находится его сестра, королева Ренли, и большое количество солдат, внезапно лишившихся короля. Чью сторону они теперь примут? Вопрос щекотливый. Многие из них служат лордам, оставшимся у Штормового Предела, а эти лорды теперь поддерживают Станниса.

— Я вижу здесь надежду для нас, — подался вперед Тирион. — Если переманить Лораса Тирелла на нашу сторону, лорд Мейс Тирелл со своими знаменосцами может тоже перейти к нам. Хотя они присягнули Станнису, любви к нему они явно не питают — иначе пошли бы за ним с самого начала.

— По-твоему, нас они любят больше? — спросила Серсея.

— Едва ли. Они любили Ренли, но Ренли убит. Возможно, мы сумеем дать им вескую причину предпочесть Джоффри Станнису... если будем действовать быстро.

— Что за причину ты имеешь в виду?

— Золото — очень веский довод, — вставил Мизинец.

Варис поцокал языком.

— Дорогой Петир, ведь не думаете же вы, что этих могущественных лордов и благородных рыцарей можно скупить всех разом, как цыплят на рынке?

— Приходилось ли вам последнее

время бывать на наших рынках, лорд Варис? Там легче купить лорда, чем цыпленка, смею вас заверить. Лорды, конечно, кудахчут громче и воротят нос, если ты так прямо суешь им монету, но редко отказываются от подарков... земель, замков и почестей.

– Лордов помельче, может быть, и удастся перекупить, – сказал Тирион, – но только не Хайгарден.

– Это верно, – признал Мизинец. – Ключевая фигура здесь – рыцарь Цветов. У Мейса Тирелла есть еще два старших сына, но Лорас всегда был его любимцем. Завоюете Лораса – и Хайгарден ваш.

«Да», – подумал Тирион.

– Тут, мне кажется, мы можем взять урок у покойного Ренли. И заключить с Тиреллами союз так же, как сделал он, – посредством брака.

Варис смекнул первым:

– Вы хотите поженить короля Джоффри с Маргери Тирелл.

– Да, хочу. – Молодой королеве Ренли лет пятнадцать-шестнадцать, не более... постарше Джоффри, но пара лет ничего не значит...

Тирион прямо-таки смаковал эту сдобную мысль.

– Джоффри помолвлен с Сансой Старк, – возразила Серсея.

– Всякую помолвку можно расторгнуть. Какой смысл нам женить короля на дочери мертвого

изменника?

— Можно обратить внимание его величества на то, — подал голос Мизинец, — что Тиреллы намного богаче Старков, а Маргери, как говорят, прелестна... к тому же созрела для брачного ложа.

— Верно. Думаю, Джоффу это придется по душе.

— Мой сын слишком юн, чтобы разбираться в подобных вещах.

— Ты так думаешь? Ему тринадцать, Серсея. Я женился в том же возрасте.

— Ты всех нас опозорил этой своей выходкой. Джоффри сделан из более благородного вещества.

— Из столь благородного, что

велел сиру Боросу разорвать на Сансе платье.

— Он рассердился на нее, вот и все.

— На поваренка, который прошлым вечером пролил суп, он тоже рассердился, однако раздеть его не велел.

— С Сансой дело шло не о пролитом супе.

Верно, не о нем, а о чьих-то славных титечках. После происшествия во дворе Тирион говорил с Варисом о том, как бы устроить Джоффри визит к Катае. Авось мальчик смягчится, вкусив меда. Даже испытает благодарность, чего доброго, — а королевская

благодарность Тириону отнюдь бы не помешала. Это, конечно, следует проделать тайно. Самое трудное – это разлучить Джоффа с Псом. «Этот Пес никогда не отходит далеко от хозяина, – заметил Тирион Варису, – однако спать всем надо. Равно как играть, распутничать и посещать кабаки». «Все вами перечисленное входит в обычаи Пса, если вы об этом спрашиваете», – сказал Варис. «Нет. Я спрашиваю когда». Варис с загадочной улыбкой приложил палец к щеке. «Милорд, подозрительный человек мог бы подумать, что вы хотите улучшить время, когда Сандор Клиган не охраняет короля Джоффри, чтобы причинить

мальчику какой-то вред». «Ну уж вы-то должны знать меня лучше, лорд Варис. Все, чего я хочу, – это чтобы Джоффри меня любил».

Евнух пообещал заняться этим делом – но у войны свои запросы, и посвящение Джоффри в мужчину придется отложить.

– Ты, конечно, знаешь своего сына лучше, чем я, – сказал Тирион Серсее, – тем не менее есть много доводов в пользу его брака с Тирелл. Возможно, только в этом случае Джоффри сумеет дожить до своей брачной ночи.

– Маленькая Старк не даст Джоффри ничего, кроме своего тела, – согласился Мизинец, – каким бы

прелестным оно ни было. Маргери Тирелл принесет ему пятьдесят тысяч мечей и всю мощь Хайгардена.

— Верно. — Варис коснулся мягкой рукой рукава королевы. — У вас материнское сердце, и я знаю, что его величество любит свою маленькую подружку. Но короли должны учиться ставить нужды государства превыше своих желаний. Мне думается, это предложение должно быть сделано.

Королева освободилась от его прикосновения.

— Вы все не думали бы так, будь вы женщинами. Говорите что хотите, милорды, но Джоффри слишком горд, чтобы довольствоваться

объедками Ренли. Он никогда на это не согласится.

Тирион пожал плечами:

— Через три года король достигнет совершеннолетия и тогда сможет давать или не давать свое согласие, как пожелает. Но до тех пор ты его регентша, а я его десница, и мы женим его, на ком сочтем нужным, будь то объедки или нет.

Серсея расстреляла все свои стрелы.

— Что ж, делай свое предложение, но да спасут тебя боги, если Джоффу невеста не понравится.

— Я очень рад, что мы пришли к согласию. Но кто же из нас отправится в Горький Мост? Мы

должны успеть с нашим предложением, пока сир Лорас еще не остыл.

— Ты хочешь послать одного из членов совета?

— Вряд ли Рыцарь Цветов станет вести переговоры с Бронном или Шаггой, правда? Тиреллы — люди гордые.

Королева не замедлила обратить ситуацию в свою пользу:

— Сир Джаселин Байвотер благородного происхождения. Пошли его.

— Нет-нет. Нам нужен человек, способный не только пересказать наши слова и привезти обратно ответ. Наш посол должен незамедлительно

уладить это дело сам, говоря от имени короля и совета.

— Голосом короля говорит десница. — При свечах зеленые глаза Серсеи сверкали, как дикий огонь. — Если мы пошлем тебя, Тирион, это будет все равно как если бы Джоффри поехал сам. Кто может быть лучше? Ты владеешь словами столь же искусно, как Джейме — мечом.

«Тебе так не терпится удалить меня из города, Серсея?»

— Ты очень добра, сестрица, но мне кажется, что мать жениха куда лучше устроит его брак, чем дядя. Притом такой дар завоевывать себе друзей с моим уж никак не

сравнится.

Она сузила глаза.

– Джоффу нужно, чтобы я была рядом с ним.

– Ваше величество, милорд десница, – сказал Мизинец, – вы оба нужны королю здесь. Позвольте мне отправиться вместо вас.

– Вам? – «Какую же выгоду ты тут усмотрел для себя?» – подумал Тирион.

– Я советник короля, но не принадлежу к королевскому роду, поэтому заложник из меня незавидный. Я довольно близко сошелся с сиром Лорасом, когда он гостил при дворе, и у него не было повода невзлюбить меня. Мейс

Тирилл тоже, насколько я знаю, не питает ко мне вражды, и я льщу себе тем, что переговоры вести умею.

«Похоже, он нас поймал». Тирион не доверял Петиру Бейлишу и не хотел терять его из виду, но что ему оставалось? Либо Мизинец, либо сам Тирион – а стоит ему уехать из Королевской Гавани хотя бы ненадолго, и все, чего он сумел добиться, пойдет прахом.

– Между нами и Горьким Мостом идет война, – осторожно сказал Тирион. – И можете быть уверены, что лорд Станнис отрядит собственных пастухов собрать заблудших овечек своего брата.

– Пастухов я никогда не боялся.

Кто меня беспокоит, так это овцы. Но я полагаю, мне дадут эскорт.

— Могу уделить вам сотню золотых плащей.

— Пятьсот.

— Триста.

— В придачу двадцать рыцарей и столько же оруженосцев. Без рыцарской свиты Тиреллы сочтут меня ничтожеством.

«И то верно».

— Согласен.

— Я возьму с собой Орясину и Боббера, которых после передам их лорду-отцу. Жест доброй воли. Пакстер Редвин нужен нам — он самый старый друг Мейса Тирелла, да и сам по себе крупная величина.

– И предатель, – нахмурилась королева. – Бор переметнулся бы к Ренли заодно с остальными, если б Редвин не знал, что его щенки поплатятся за это.

– Ренли больше нет, ваше величество, – заметил Мизинец, – и ни лорд Станнис, ни лорд Пакстер не забыли, как галеи Редвина сторожили море во время осады Штормового Предела. Отдайте близнецов, и у нас появится надежда завоевать любовь Редвина.

– Пусть Иные забирают его любовь – мне нужны его мечи и паруса, – отрезала Серсея. – А самый верный способ получить их – это оставить близнецов у себя.

– Вот что сделаем, – решил Тирион. – Пошлем обратно в Борсира Хоббера, а сира Хораса оставим здесь. Полагаю, у лорда Пакстера хватит ума разгадать, что это значит.

Его предложение приняли без споров, но Мизинец еще не закончил.

– Нам понадобятся сильные и быстрые кони. Вряд ли мы сможем обеспечить себе замену из-за войны. Нужен будет также солидный запас золота – для подарков, о которых мы говорили ранее.

– Берите сколько нужно. Если город падет, Станнис так и так все заберет себе.

– Я хочу получить письменную грамоту. Документ, убеждающий

Мейса Тирелла в моих полномочиях обсуждать с ним этот брак, а также другие вопросы, могущие у нас возникнуть, и принимать присягу от имени короля. Грамота должна быть подписана Джоффри и всеми членами совета, с приложением соответствующих печатей.

Тирион беспокойно поерзал на месте.

— Будь по-вашему. Это все? Напоминаю вам — от нас до Горького Моста путь неблизкий.

— Я выеду еще до рассвета, — сказал Мизинец и встал. — Надеюсь, по моем возвращении король соизволит достойно вознаградить меня за мои старания?

— Джоффри — благодарный
государь, — хихикнул Варис. —
Уверен, у вас не будет причин
жаловаться, драгоценный мой,
отважный милорд.

Королева высказалась более
прямо:

— Чего вы хотите, Петир?

Мизинец с хитрой улыбкой
покосился на Тириона.

— Я должен подумать — авось в
голову и придет что-нибудь. — Он
отвесил небрежный поклон и
удалился с таким видом, словно
покидал один из своих борделей.

Тирион выглянул в окно. Туман
стоял такой густой, что не было
видно даже крепостной стены по ту

сторону двора. Сквозь серую пелену тускло светили немногочисленные огни. Скверный день для путешествия. Петиру Бейлишу не позавидуешь.

— Надо составить ему этот документ. Лорд Варис, пошлите за пергаментом и перьями. И кому-нибудь придется разбудить Джоффри.

Было по-прежнему темно и туманно, когда заседание наконец кончилось. Варис ускользнул куда-то, шаркая мягкими туфлями по полу. Ланнистеры ненадолго задержались у двери.

— Как подвигается твоя цепь, брат? — спросила королева, пока сир Престон накидывал серебряный

плащ, подбитый горностаем, ей на плечи.

– Растет, звено за звеном. Мы должны благодарить богов за то, что сир Кортни Пенроз так упрям. Станнис ни за что не выступит на север, оставив невзятый Штормовой Предел у себя в тылу.

– Тирион, мы с тобой не во всем соглашаемся, но мне кажется, я ошиблась в тебе. Ты не такой дурак, как я думала. По правде говоря, ты оказал нам большую помощь, и я благодарю тебя за это. Прости меня, если я говорила с тобой резко.

– Простить? – Тирион с улыбкой пожал плечами. – Милая сестра, ты не сказала ничего такого, что

требовало бы прощения.

— Сегодня, ты хочешь сказать? — Они оба рассмеялись... и Серсея, наклонившись, легонько поцеловала брата в лоб.

Тирион, изумленный до глубины души, молча проводил ее взглядом. Она удалялась в сопровождении сира Престопа.

— Я рехнулся, или моя сестра в самом деле меня поцеловала? — спросил карлик у Бронна.

— Что, сладко?

— Скорее неожиданно. — Серсея последнее время вела себя странно, и Тириона это очень беспокоило. — Я пытаюсь вспомнить, когда она целовала меня в последний раз. Мне

тогда было шесть или семь, никак не больше. Это Джейме подзадорил ее.

— Эта женщина наконец-то поддалась твоим чарам.

— Нет. Эта женщина что-то замышляет — и хорошо бы выяснить что, Бронн. Ты же знаешь, как я ненавижу сюрпризы.

Теон

Теон вытер плевков со щеки.

– Робб выпустит тебе кишки, Грейджой, – вопил Бенфред Толхарт. – Он скормит твое вероломное сердце своему волку, ты, куча овечьего дерьма.

Голос Эйерона Мокроголового рассек поток оскорблений, как меч – кусок сыра.

– Теперь ты должен убить его.

– Сначала он ответит на мои вопросы.

– Пошел ты со своими вопросами. – Бенфред, весь в крови, беспомощно висел между Стиггом и

Верлагом. — Раньше ты ими подавишься, чем я тебе отвечу, трус. Предатель.

Дядя Эйерон был непреклонен.

— Плюнув на тебя, он плюнул на всех нас. Он плюнул на Утонувшего Бога. Он должен умереть.

— Отец назначил командиром меня, дядя.

— А меня послал давать тебе советы.

«И следить за мной». Теон не осмеливался заходить с дядей чересчур далеко. Да, командир он, но его люди верят не в него, а в Утонувшего Бога, а Эйерон Мокроголовый внушает им ужас. (За это трудно их винить.)

— Ты заплатишься за это головой, Грейджой. И вороны выключают тебе глаза. — Бенфред хотел плюнуть опять, но вместо слюны изо рта у него выступила кровь. — Пусть Иные имеют в задницу твоего мокрого бога.

«Ты выплюнул прочь свою жизнь, Толхарт».

— Стигг, заставь его замолчать, — приказал Теон.

Бенфреда поставили на колени. Верлаг, сорвав кроличью шкурку у пленного с пояса, заткнул ему рот, Стигг достал свой топор.

— Нет, — заявил Эйерон Мокроголовый. — Он должен быть отдан богу. По старому закону.

«Какая разница? Он все равно мертвец».

– Ладно, забирай его.

– Ты тоже иди со мной. Ты командир, и жертва должна исходить от тебя.

Этого Теон переварить уже не мог.

– Ты жрец, дядя, и бога я предоставляю тебе. Окажи мне ту же услугу и предоставь мне воевать, как я хочу. – Он махнул рукой, и Верлаг со Стиггом поволокли пленника по берегу. Эйерон, с укоризной взглянув на племянника, последовал за ними. Они утопят Бенфреда Толхарта в соленой воде на усыпанном галькой берегу – по старому закону.

«Возможно, это даже милосердно», – подумал Теон, шагая в другую сторону. Стилг не мастер рубить головы, а у Бенфреда шея как у борова – здоровенные мускулы и жир. Раньше Теон не раз дразнил его этим, чтобы позлить. Ну да, три года назад. Нед Старк ездил к сиру Хелману в Торрхенов Удел, а Теон сопровождал его и две недели провел в обществе Бенфреда.

Победные крики слышались из-за поворота дороги, где произошла битва... если это, конечно, можно назвать битвой. Скорее уж похоже на бойню, где режут овец. Овцы остаются овцами, даже если на них сталь, а не шерсть.

Теон, взобравшись на груды камней, посмотрел на убитых всадников и издыхающих лошадей. Лошади не заслуживали такой участи. Тимор с братьями собирал уцелевших коней, Урцен и Черный Лоррен добивали тяжело раненных животных. Остальные обирали трупы. Гевин Харло, став коленями на грудь мертвеца, оттяпал ему палец, чтобы снять кольцо. «Платит железную цену. Мой отец-лорд одобрил бы это». Теон подумал, не поискать ли тела тех двоих, которых убил он сам, — вдруг на них есть что-нибудь ценное, но эта мысль вызвала горечь у него во рту. Он представил, что сказал бы на это Эддард Старк, и

рассердился. «Старк мертв, он гниет в могиле и ничего не значит для меня».

Старый Ботли по прозвищу Рыбий Ус сидел, хмурясь, над грудой добычи, в которую трое его сыновей то и дело что-то добавляли. Один из них обменивался тычками с толстым Тодриком, который таскался между трупами с рогом эля в одной руке и топором в другой, в плаще из белой лисицы, лишь слегка запачканном кровью прежнего владельца. «Пьян», — решил Теон. Говорят, в старину Железные Люди так пьянели от крови в бою, что не чувствовали боли и не боялись врага, но Тодрик был пьян самым обычным образом,

от эля.

— Векс, мой лук и колчан. — Мальчуган сбежал и принес их. Теон согнул лук и натянул тетиву. Тодрик тем временем повалил молодого Ботли и стал лить эль ему в глаза. Рыбий Ус с руганью вскочил на ноги, но Теон его опередил. Он целил в руку, державшую рог, намереваясь сделать выстрел, который запомнится всем надолго, однако Тодрик испортил все дело, качнувшись вбок в этот самый миг. Стрела проткнула ему живот.

Искатели добычи разинули рты. Теон опустил лук.

— Никакого пьянства, я сказал, и никаких свар из-за добычи. — Тодрик

шумно умирал, рухнув на колени. — Утихомирь его, Ботли. — Рыбий Ус с сыновьями, не замедлив повиноваться, перерезали Тодрику горло. Он задрогал ногами, а они содрали с него плащ, кольца и оружие, не успел он еще испустить дух.

«Будут теперь знать, что я держу свое слово». Хотя лорд Бейлон и поставил его во главе, Теон знал, что многие люди видят в нем слабака с зеленых земель.

— Может, еще кого жажда донимает? — Никто не ответил. — Вот и ладно. — Теон пнул знамя Бенфреда, зажатое в руке мертвого оруженосца. Под стягом была

привязана кроличья шкурка. Он хотел спросить Бенфреда, зачем она здесь, но плевков заставил его забыть об этом. Теон сунул лук обратно Вексу и зашагал прочь, вспоминая, каким окрыленным чувствовал себя после Шепчущего Леса. Почему же теперь он не ощущает той сладости? Толхарт, гордец проклятый, ты даже разведчиков не выслал вперед.

Они перешучивались и даже пели на марше — три дерева Толхартов развевались над ними, и дурацкие кроличьи шкурки трепались на пиках. Лучники, засевшие в вереске, испортили им песню, осыпав их градом стрел, и сам Теон повел своих молодцов

завершить мясницкую работу кинжалом, топором и боевым молотом. Предводителя он приказал взять живым для допроса.

Но он не ожидал, что им окажется Бенфред Толхарт.

Его безжизненное тело как раз вытащили из воды, когда Теон вернулся к «Морской суке». Мачты его кораблей рисовались на небе у галечного берега. От рыбацкой деревни остался только холодный пепел, смердевший, когда шел дождь. Всех мужчин предали мечу, только нескольким Теон позволил уйти, чтобы доставить весть о набеге в Торрхенов Удел. Женщин, молодых и недурных собой, взяли в морские

жены. Старух и дурнушек просто изнасиловали и убили — или взяли в рабство, если они умели делать что-то полезное и не проявляли строптивости.

Теон и эту атаку подготовил — он подвел свои корабли к берегу в холодном предрассветном мраке и, прыгнув с носа ладьи с топором в руке, повел своих людей на спящую деревню. Эта победа тоже не принесла ему радости, но разве у него был выбор?

Его трижды проклятая сестра сейчас плывет к северу на своем «Черном ветре», чтобы завоевать себе замок. Лорд Бейлон не дал известиям о созыве кораблей

просочиться с Железных островов, и кровавую работу Теона на Каменном Берегу припишут простым грабителям, морским разбойникам. Северяне увидят свою беду, лишь когда молоты островитян обрушатся на Темнолесье и Ров Кейлин. «И когда мы победим, эту суку Ашу будут славить в песнях, а обо мне забудут вовсе. Если, конечно, предоставить событиям идти своим чередом».

Дагмер Щербатый стоял у высокого резного носа своей ладьи, «Пеноходца». Теон поручил ему охранять корабли – иначе победу приписали бы Дагмеру, а не ему. Более обидчивый человек воспринял

бы это как оскорбление, но Щербатый только посмеялся.

— День принес нам победу, — крикнул он Теону, — а ты даже не улыбнешься, парень. Улыбайся, пока жив — ведь мертвым это не дано. — Сам он улыбался во весь рот, и зрелище было не из приятных. Под своей белоснежной гривой Дагмер носил самый жуткий шрам из всех виденных Теоном, память о топоре, чуть не убившем его в юности. Удар раздробил ему челюсть, вышиб передние зубы и наделил четырьмя губами вместо двух. Дагмер весь зарос косматой бородищей, но на шраме волосы не росли, и вздувшийся блестящий рубец

пролегал через его лицо, как борозда через снежное поле. — Мы слышали, как они поют, — сказал старый вояка. — Хорошая песня, и голоса смелые.

— Пели они лучше, чем дрались. От арф было бы не больше проку, чем от их копий.

— Сколько человек погибло?

— Из наших-то? — Теон пожал плечами. — Тодрик. Я убил его за то, что он напился и полез в драку из-за добычи.

— Некоторые прямо-таки рождаются для того, чтобы их убили. — Другой поостерегся бы показывать такую улыбку, но Дагмер ухмылялся гораздо чаще, чем лорд Бейлон.

Эта его улыбка при всем своем

безобразии вызывала множество воспоминаний. Теон часто видел ее мальчишкой, когда перепрыгивал на коне через замшелую стену или разбивал мишень топором. Видел, когда отражал удар Дагмерова меча, когда попадал стрелой в летящую чайку, когда с рулем в руке благополучно проводил ладью мимо кипящих пеной скал. «Он улыбался мне чаще, чем отец и Эддард Старк, вместе взятые. Даже Робб... он мог бы расщедриться на улыбку в тот день, когда я спас Брана от одичалых, а он только обругал меня, точно повара, у которого похлебка пригорела».

— Надо поговорить, дядя. —

Дагмер не был Теону дядей — он просто вассал с толикой крови Грейджоев давности четырех-пяти поколений, да и та примешалась не с той стороны одеяла. Но Теон всегда звал его так.

— Тогда поднимайся ко мне на борт. — У себя на борту Дагмер его милордом не величал. Каждый капитан с Железных островов король на собственном корабле.

Теон взошел на сходни «Пеноходца» четырьмя большими шагами, и Дагмер, проводив его в тесную кормовую каюту, налил ему и себе по рогу кислого эля, но Теон пить отказался.

— Жаль, мало лошадей мы

захватили. Ну что ж... придется обойтись теми, что есть. Меньше людей – больше славы.

– На что нам лошади? – Дагмер, как большинство островитян, предпочитал сражаться пешим или на палубе корабля. – Они только на палубу срут да под ногами путаются.

– В плавании да, – согласился Теон, – но у меня другой план. – Он бдительно наблюдал за Дагмером, желая понять, как тот к этому отнесется. Без Щербатого на успех надеяться нечего. Командир он или нет, люди никогда не пойдут за ним, если и Эйерон, и Дагмер будут против, а угрюмого жреца уговорить не удастся.

— Твой лорд-отец велел нам грабить берег — больше ничего. — Глаза, светлые, как морская пена, смотрели на Теона из-под кустистых белых бровей. Что в них — неодобрение или искра любопытства? Теон надеялся на последнее.

— Ты — человек моего отца.

— Лучший его человек. И всегда таким был.

«Гордость. Ее можно использовать, сыграть на ней».

— Нет никого на Железных островах, кто так владел бы копьем и мечом.

— Тебя слишком долго не было, мальчик. Когда ты уезжал, дело

обстояло именно так, но я состарился на службе у лорда Грейджоя. Теперь в песнях лучшим называют Андрика — Андрика Неулыбу. Здоровенный, просто великан. Служит лорду Драмму со Старого Вика. Черный Лоррен и Кварл-Девница тоже хоть куда.

— Может, этот Андрик и великий воин, но бояться его не так, как тебя.

— И то верно. — Дагмар стиснул рог пальцами, унизанными кольцами, золотыми, серебряными и бронзовыми, с гранатами, сапфирами и драконовым стеклом. Теон знал, что за каждое из них он заплатил железом.

— Будь у меня на службе такой

человек, я не тратил бы его на ребячьи забавы, не посылал бы грабить и жечь. Это не работа для лучшего бойца лорда Бейлона...

Улыбка Дагмера искривила губы, показав бурые обломки зубов.

— И для его сына и наследника — так, что ли? Я чересчур хорошо тебя знаю, Теон. Я видел, как ты сделал свой первый шаг, помог тебе согнуть твой первый лук. Мне это дело ребячьим не кажется.

— Флотилию моей сестры по праву должен был получить я, — выпалил Теон, сознавая, что говорит, как обиженный ребенок.

— Ты принимаешь это слишком близко к сердцу, мальчик. Просто

твой лорд-отец тебя не знает. Когда твои братья погибли, а тебя забрали волки, твоя сестра стала его единственным утешением. Он привык полагаться на нее, и она никогда его не подводила.

— Я тоже. Старки знают мне цену. Я был в числе лучших разведчиков Бриндена Черной Рыбы и в числе первых шел в Шепчущем Лесу. Я чуть было не скрестил меч с самим Цареубийцей — вот настолько от него был. — Теон расставил руки на два фута. — Дарин Хорнвуд вклинился между нами и погиб.

— Зачем ты мне это рассказываешь? Это ведь я вложил твой первый меч тебе в руку. И знаю,

что ты не трус.

— А отец? Он знает?

Старый воин посмотрел на него так, словно попробовал что-то очень невкусное.

— Дело в том... Теон, Волчонок — твой друг, и ты десять лет прожил у Старков.

— Я не Старк. — (Лорд Эддард об этом позаботился.) — Я Грейджой и намерен стать наследником моего отца. Но как я могу надеяться на это, если не совершу какого-нибудь славного подвига?

— Ты еще молод. Будут и другие войны, и ты совершишь еще свои подвиги. А теперь наша задача — тревожить Каменный Берег.

– Пусть этим займется мой дядя Эйерон. Я оставлю ему шесть кораблей – все, кроме «Пеноходца» и «Морской суки», – пусть себе жжет и топит на радость своему богу.

– Командовать назначили тебя, а не Эйерона Мокроголового.

– Какая разница, если набегии будут продолжаться? Но ни один жрец не способен на то, что я задумал и о чем хочу просить тебя. Такое дело по плечу только Дагмеру Щербатому.

Дагмер потянул из своего рога.

– Ну, говори.

«Он клюнул, – подумал Теон. – Эта разбойничья работа ему нравится не больше, чем мне».

– Если моя сестра может взять замок, я тоже могу.

– У Аши вчетверо-впятеро больше людей, чем у нас.

Теон позволил себе хитрую улыбку:

– Зато у нас вчетверо больше ума и впятеро – мужества.

– Твой отец...

– ...скажет мне спасибо, когда я вручу ему его королевство. Я намереваюсь совершить подвиг, о котором будут петь тысячу лет.

Он знал, что это заставит Дагмера задуматься. О топоре, раздробившем челюсть старика, тоже сложили песню, и Дагмер любил слушать ее. В подпитии он всегда

требовал разбойничьих песен, громких и удалых, о славных героях и их свирепых делах. Волосы у него побелели и зубы сгнили, но вкуса славы он не забыл.

— Какую часть в своем замысле ты назначил мне, мальчик? — спросил Дагмер после долгого молчания, и Теон понял, что победил.

— Посеять ужас в тылу врага, как это доступно лишь человеку с твоим именем. Ты возьмешь большую часть нашего войска и выступишь на Торрхенов Удел. Хелман Толхарт увел лучших своих людей на юг, а Бенфред погиб здесь вместе с их сыновьями. В замке остался лишь его дядя Леобальд с небольшим гарнизоном. —

(Если бы мне дали допросить Бенфреда, я знал бы, насколько он мал.) – Не делай тайны из своего приближения. Пой все бравые песни, которые знаешь. Пусть вовремя закроют свои ворота.

– Этот Торрхенов Удел хорошо укреплен?

– Довольно хорошо. Стены каменные, тридцати футов вышиной, с четырехугольными башнями по углам и с четырехугольным же замком внутри.

– Каменные стены не подожжешь. Лезть нам на них, что ли? У нас недостаточно людей для взятия замка, хотя бы и маленького.

– Ты станешь лагерем у их стен

и начнешь строить катапульты и осадные башни.

— Это не по старому закону. Забыл разве? Железные Люди сражаются мечами и топорами, а не кидают камни. Нет славы в том, чтобы морить врага голодом.

— Но Леобальд этого не знает. Когда он увидит, что ты строишь осадные машины, его старушечья кровь похолодеет, и он станет звать на помощь. Удержи своих лучников, дядя, — пусть его вороны летят, куда хотят. Кастелян Винтерфелла — храбрый человек, но с годами мозги у него окостенели, как и члены. Узнав, что один из знаменосцев его короля осажден страшным Дагмером

Щербатым, он соберет войско и двинется на помощь Толхарту. Это его долг, а сир Родрик — человек долга.

— Какое бы войско он ни собрал, оно все равно будет больше моего, а эти старые рыцари хитрее, чем ты думаешь, иначе они не дожили бы до седых волос. Эту битву нам не выиграть, Теон. Торрхенов Удел нипочем не падет.

— Я не Торрхенов Удел хочу взять, — улыбнулся Теон.

Арья

По всему взбудораженному замку звенела сталь. В повозки грузились бочонки с вином, мешки с мукой и связки свежееперенных стрел. Кузнецы выпрямляли мечи, заглаживали вмятины на панцирях, подковывали коней и вьючных мулов. Кольчуги укладывали в бочки с песком и чистили, катая по неровному двору Расплавленного Камня. Женщинам Виза дал починить двадцать плащей и еще сто выстирать. Высокородные и простые сходились в септу, чтобы помолиться. За стенами замка сворачивали

палатки. Оруженосцы заливали костры, солдаты намасленными брусками придавали окончательную остроту своим клинкам. Шум рос, как прибой в бурю: лошади ржали, лорды выкрикивали команды, латники ругались, потаскушки лаялись.

Лорд Тайвин Ланнистер наконец-то собрался в поход.

Сир Аддам Марббранд выступил первым, за день до остальных. Он устроил целое представление, гарцуя на горячем гнедом скакуне с медной гривой того же цвета, что волосы, струящиеся по плечам сира Аддама. Бронзовая попона с эмблемой горящего дерева гармонировала с

плащом всадника. Некоторые женщины из замка плакали, провожая его. Виз сказал, что он отменный наездник и боец, самый отважный капитан лорда Тайвина.

«Хоть бы он погиб, – думала Арья, глядя, как он выезжает из ворот, ведя за собой двойную колонну. – Хоть бы они все полегли». Она знала, что они идут сражаться с Роббом. Слушая за работой в оба уха, она проведала, что Робб одержал какую-то большую победу на западе. Он то ли сжег Ланниспорт, то ли собрался сжечь, он взял Бобровый Утес и предал всех мечу. Он осадил Золотой Зуб... словом, что-то случилось, это уж точно.

Виз гонял ее с поручениями от рассвета до заката — иногда даже за стены замка, в грязь и суматоху лагеря. «Я могла бы убежать, — думала Арья, — когда мимо катилась повозка — залезть туда и спрятаться или уйти с маркитантками, и никто бы меня не остановил». Может, она так бы и сделала. Если б не Виз. Он не раз говорил им, что сделает со всяким, кто попытается убежать. «Бить не буду, нет. Даже пальцем не трону. Поберегу для квохорца. Варго Хоут его звать — он вернется и отрубит такому прыткому ноги». Вот если бы Виз умер, другое дело, а так... Он смотрит на тебя и чувствует, о чем ты думаешь, он всегда так

говорит.

Однако Визу не приходило в голову, что она умеет читать, иначе он запечатывал бы письма, которые давал ей. Арья заглядывала во все, но ничего путного не находила. Глупости всякие: ту повозку послать в житницу, эту в оружейную. В одном письме содержалось требование уплатить проигрыш, но рыцарь, которому Арья его вручила, не умел читать. Она сказала ему, что там написано, а он замахнулся на нее, но она увернулась, сдернула у него с седла оправленный в серебро рог и убежала. Рыцарь с ревом погнался за ней. Она прошмыгнула между двумя телегами, пробралась сквозь толпу

лучников и перескочила через сточную канаву. Он в своей кольчуге не смог угнаться за ней. Когда она отдала рог Визу, он сказал, что такая умная маленькая Ласка заслуживает награды.

— Я нынче наметил хорошего жирного каплуна себе на ужин. Мы с тобой поделимся — будешь довольна.

Арья повсюду искала Якена Хгара, чтобы шепнуть ему на ухо еще одно имя, пока все, кого она ненавидела, не ушли в поход, но лоратиец ей не попадался. Он задолжал ей еще две смерти — чего доброго, она так и не получит их, если он уедет воевать вместе с остальными. Наконец она набралась

смелости и спросила часового у ворот, уехал Якен или нет.

– Он из людей Лорха? Да нет, не должен бы. Его милость назначил сира Амори кастеляном Харренхолла. Весь его отряд остается тут, держать замок. И Кровавые Скоморохи тоже – фуражирами будут. Этот козел Варго Хоут прямо кипит – они с Лорхом всегда терпеть не могли друг друга.

Зато Гора уходит с лордом Тайвином и будет командовать авангардом в бою, а это значит, что Дансен, Полливер и Рафф проскользнут у нее между пальцами, если она не найдет Якена и не заставит его убить одного из тех,

пока они еще здесь.

— Ласка, — в тот же день сказал ей Виз, — ступай в оружейную и скажи Люкану, что сир Лионель затупил свой меч в учебном бою и нуждается в новом. Вот его мерки. — Он дал ей клочок бумаги. — Беги живее, он отправляется с сиром Киваном Ланнистером.

Арья взяла бумагу и припустилась бегом. Оружейная примыкала к замковой кузнице — длинному высокому помещению с двадцатью горнами, встроенными в стену, и длинными каменными желобами с водой для закалки стали. Половина горнов пылала вовсю, звенели молоты, и крепкие мужчины

в кожаных передниках обливались потом у мехов и наковален. Арья увидела Джендри – его голая грудь блестела от пота, но голубые глаза под шапкой черных волос смотрели все так же упрямо. Арье не очень-то хотелось с ним разговаривать. Это из-за него их всех схватили.

– Который тут Люкан? – Она показала ему свою бумажку. – Мне нужен новый меч для сира Лионеля.

– Сир Лионель подождет. – Джендри ухватил ее за руки и отвел в сторону. – Пирожок намедни спрашивал меня – слышал ли я, как ты кричала «Винтерфелл» в крепости, когда мы все дрались на стене?

– Ничего я такого не кричала.

– Нет. Кричала. Я тоже слышал.

– Там все что-то кричали.

Пирожок вот орал «пирожки горячие». Раз сто повторил.

– Главное в том, что кричала ты. Я сказал Пирожку, чтобы он уши прочистил – ты, мол, орала «вот и съел», только и всего. Если он спросит, скажи то же самое.

– Скажу. – Какой это дурак станет кричать «вот и съел»? Арья не решилась сказать Пирожку, кто она на самом деле. Не назвать ли его имя Якену Хгару?

– Сейчас найду тебе Люкана, – сказал Джендри. Люкан заворчал, пробежав письмо (хотя Арье

показалось, что читать он не умеет), и принес тяжелый длинный меч.

– Он слишком хорош для этого олуха – так ему и передай, – сказал он, вручая клинок Арье.

– Передам, – пообещала она. Как бы не так. Если она это сделает, Виз изобьет ее до крови. Пусть Люкан сам говорит, если ему надо.

Меч был гораздо тяжелее Иглы, но Арье нравилась эта тяжесть. Держа в руках меч, она казалась себе сильнее. «Может, я пока не водяной плясун, но я и не мышь. Мышь не умеет владеть мечом, а я умею». Ворота были открыты – солдаты сновали взад-вперед, фуры вкатывались пустые, а выкатывались,

поскрипывая и раскачиваясь, тяжело нагруженные. Не пойти ли на конюшню и сказать, что сирю Лионелю нужен новый конь? Бумага у нее есть, а читать конюхи умеют не лучше Люкана. Взять коня и меч да выехать за ворота. «Если часовые остановят, покажу им бумагу и скажу, что еду к сирю Лионелю». Вот только она понятия не имеет, какой из себя этот сир Лионель и где его искать. Если ее начнут расспрашивать, то сразу все поймут, и Виз... Виз...

Она прикусила губу, стараясь не думать, каково это, когда тебе отрубают ноги. Мимо прошли лучники в кожаных куртках и железных шлемах, с луками через

плечо. Она услышала обрывки их разговора:

— ...говорю тебе, великаны, у него есть великаны из-за Стены двадцати футов росту — они идут за ним, как собаки...

— ...нечисто это, что он налетел на них так внезапно, ночью и все такое. Он больше волк, чем человек, как все они, Старки.

— ...срать я хотел на ваших волков и великанов — мальчуган намочит штаны, как увидит, что мы подходим. На Харренхолл-то ему идти духу не хватило, так ведь? В другую сторону побежал? И теперь побежит — небось не дурак.

— Это ты так говоришь. Может,

ЭТОТ мальчуган знает то, чего мы не знаем, может, это нам впору бежать.

«Да, – подумала Арья, – это вам надо бежать – вместе с вашим лордом Тайвином, Горой, сиром Аддамом и сиром Амори и дурацким сиром Лионелем, кто бы он ни был, не то мой брат вас всех убьет – он Старк, больше волк, чем человек, и я тоже».

– Ласка, – хлестнул ее голос Виза. Она не заметила, откуда он взялся, просто вырос вдруг справа от нее. – Давай сюда. Сколько можно прохлаждаться? – Он выхватил у нее меч и вlepил ей затрещину. – В другой раз поживее поворачиваться будешь.

Только что она была волком — но затрещина Виза сбила это с нее, оставив только вкус крови во рту. Она прикусила язык, когда он ее ударил. Ох, как она его ненавидела.

— Еще хочешь? За мной дело не станет. Нечего пялить на меня свои наглые зенки. Ступай на пивоварню и скажи Тофльбери, что у меня для него есть две дюжины бочек, только пусть живо пришлет за ними своих парней, не то отдам другому. — Арья отправилась, но Виз счел ее шаг недостаточно быстрым. — Бегом, если хочешь ужинать нынче вечером. — О жирном каплуна он уже и думать забыл. — Да не пропадай опять, не то выпорю до крови.

«Не выпорешь, – подумала Арья. – Больше ты меня не тронешь». Но все-таки побежала, как он велел. Должно быть, старые боги севера направляли ее – на полпути к пивоварне, проходя под каменным мостом, соединявшим Вдовью башню и Королевский Костер, она услышала раскатистый гогот. Из-за угла вышел Рорж и с ним еще трое, с мантикорами сира Амори на груди. Увидев Арью, он остановился и ухмыльнулся, показав кривые зубы под кожаным клапаном, который иногда надевал, чтобы скрыть недостаток носа.

– Гляди-ка – сучонка Йорена. Теперь нам ясно, зачем тот черный

ублюдок вез тебя на Стену! – Он снова заржал, и другие вместе с ним. – Ну, где теперь твоя палка? – спросил Рорж, и улыбка у него пропала так же быстро, как и появилась. – Я, помнится, обещал поймать тебя ею. – Он шагнул к ней, и Арья попятилась. – Поубавилось храбрости-то, когда я без цепей, а?

– Я тебе жизнь спасла. – Арья держалась на добрый ярд от него, готовясь шмыгнуть прочь, если он попытается схватить ее.

– Надо будет за это оттянуть тебя лишний разок. Как тебя Йорен – в щелку или в твой тугой задочек?

– Я ищу Якена. У меня к нему письмо.

Рорж осекся. Что-то в его глазах... уж не боится ли он Якена Хгара?

— Он в бане. Уйди прочь с дороги.

Арья повернулась и побежала, быстрая как олень, мелькая ногами по булыжнику. Якен сидел в чане, окруженный паром, а прислужница поливала ему голову горячей водой. Длинные волосы, рыжие с одной стороны и белые с другой, падали ему на плечи, мокрые и тяжелые.

Арья подкралась тихо, как тень, но он все равно открыл глаза.

— Крадется, как мышка, но человек все слышит. — «Как он мог слышать?» — подумала она, а он,

похоже, услышал и это. — Шорох
кожи по камню поет громко, как
боевой рог, для человека, чьи уши
открыты. Умные девочки ходят
босиком.

— Мне надо передать тебе кое-
что. — Арья нерешительно
покосилась на служанку. Та явно не
собиралась уходить, поэтому Арья
нагнулась к самому уху Якена и
шепнула: — Виз.

Он снова закрыл глаза,
блаженствуя, словно в полудреме.

— Скажи его милости, что
человек придет, когда время будет. —
Рука его внезапно взметнулась и
плеснула на Арию горячей водой, но
та отскочила, спасаясь.

Она передала Тофльбери слова Виза, и пивовар разразился руганью.

– Скажи Визу, что у моих ребят и без него работы хватает, а еще передай ему, рябому ублюдку, что семь преисподних раньше замерзнут, чем он получит хоть рог моего эля. Чтоб бочки его были у меня через час, не то лорд Тайвин услышит об этом.

Виз тоже стал ругаться, хотя «рябого ублюдка» Арья опустила. Он кипел и грозился, но в конце концов отыскал шестерых парней и заставил их катать бочки на пивоварню.

Ужин в тот вечер состоялся из жидкой ячменной похлебки с морковкой и луком и куска черствого

черного хлеба. Одна из женщин, последнее время спавшая в постели Виза, получила в придачу ломоть зрелого голубоватого сыра и крылышко каплуна, о котором Виз говорил утром. Остальную птицу Виз слопал сам, и прыщи в углу его рта заблестели от жира. Он почти совсем уже с ней расправился, когда увидел, что Арья на него смотрит.

– Ласка, поди-ка сюда.

На полуобглоданной ножке еще оставалось немного темного мяса. Он забыл, а теперь вспомнил. Арья почувствовала вину за то, что велела Якену убить его. Она встала со скамейки и прошла во главу стола.

– Я заметил, как ты на меня

смотришь. — Он вытер пальцы о ее рубаху, схватил ее за горло одной рукой, а другой закатил ей оплеуху. — Тебе что было сказано? — Он ударил ее еще раз, тыльной стороной ладони. — Не пяль на меня свои zenки, не то в другой раз я выковырну у тебя один глаз и скормлю своей суке. — Он толкнул Арью так, что она упала на пол. При этом она зацепилась за торчащий из скамьи гвоздь и разорвала себе рубаху. — Пока не зашьешь это, спать не ляжешь, — заявил Виз, приканчивая каплуна. Потом он шумно обсосал свои пальцы, а кости бросил своей мерзкой пятнистой собаке.

— Виз, — шептала Арья ночью,

зашивая прореху. — Дансен, Полливер, Рафф-Красавчик. — При каждом новом имени она проталкивала костяную иглу сквозь некрашеную шерсть. — Щекотун и Пес. Сир Грегор, сир Амори, сир Илин, сир Меррин, король Джоффри, королева Серсея. — Долго ли ей еще придется поминать Виза в своей молитве? Она уснула с мечтой о том, что утром, когда она проснется, он уже будет мертв.

Но разбудил ее, как всегда, пинок Визова сапога. Когда они завтракали овсяными лепешками, Виз объявил им, что сегодня из замка уходит основная часть войска лорда Тайвина.

– Не думайте, что теперь, когда милорд Ланнистер отбывает, ваша жизнь будет легче, – предупредил он. – Замок от этого меньше не станет, а вот рабочих рук в нем поубавится. Уж теперь-то вы, лодыри, узнаете, что такое работа.

Только не от тебя, пробурчала Арья в свою лепешку. Виз глянул на нее, как будто учуял ее секрет. Она быстро потупилась и больше не осмелилась поднять глаза.

Когда двор наполнился бледным светом, лорд Тайвин Ланнистер отбыл из Харренхолла. Арья смотрела на это из полукруглого окна на половине высоты башни Плача. Его конь выступал в багряной

эмалевой чешуе, в золоченом наголовнике и подбораднике, сам лорд Тайвин был в толстом горностаевом плаще. Его брат сир Киван почти не уступал ему своим великолепием. Перед ними везли целых четыре красных знамени с золотыми львами. За Ланнистерами ехали их лорды и капитаны. Их знамена развевались, блистая всевозможными красками: красный буйвол и золотая гора, пурпурный единорог и пестрый петух, ошетилившийся вепрь и барсук, серебристый хорек и жонглер в шутовском наряде, павлин и пантера, шеврон и кинжал, черный капюшон, синий жук, зеленая стрела.

Последним проехал сир Грегор

Клиган в своей серой стали, на жеребце столь же злом, как сам наездник. Рядом следовал Полливер с собачьим знаменем в руке, с рогатым шлемом Джендри на голове. При всей своей вышине рядом с хозяином он казался мальчишкой-недорослем.

Когда они проехали под решеткой в воротах Харренхолла, Арию проняла дрожь. Она вдруг сообразила, что совершила ужасную ошибку. «Ох, какая же я дура», — подумала она. Виз ничего не значит, как и Чизвик. Вот они, те люди, которых ей надо было убить. Вчера она могла назвать любое из их имен, если б не обозлилась на Виза за то,

что он ее побил и наврал про каплуна. «Лорд Тайвин. Ну почему я не сказала „лорд Тайвин“?»

Быть может, еще не поздно. Виз еще жив. Если найти Якена и сказать ему...

Арья торопливо побежала вниз по лестнице, забыв о заданной ей работе. Скрежетали цепи, решетка медленно опускалась. Ее острия ушли глубоко в землю... а потом раздался другой звук, вопль страха и боли.

С дюжину человек поспело на место раньше Арьи, но близко никто не подходил. Арья протиснулась вперед. Виз лежал на булыжнике с разодранным горлом, уставясь

невидящими глазами на серую грядку облаков. Его мерзкая пятнистая собака стояла у него на груди, лакала кровь, бьющую из шеи, и терзала лицо мертвеца.

Наконец кто-то принес арбалет и пристрелил собаку, которая в это время глодала Визу ухо.

– Проклятущая тварь, – сказал мужской голос. – Он ведь ее сизмальства вырастил.

– Это место проклято, – сказал человек с арбалетом.

– Призрак Харрена, вот что это такое, – ввернула тетка Амабель. – Больше я тут на ночь не останусь, нет уж.

Арья отвела взгляд от мертвого

Виза и мертвой собаки. Якен Хгар стоял, прислонясь к стене башни Плача. Увидев, что Арья смотрит на него, он небрежно приложил к щеке два пальца.

Кейтилин

В двух днях езды от Риверрана, когда они поили лошадей у мутного ручья, их заметил разведчик. Кейтилин никогда еще так не радовалась при виде его эмблемы — двух башен дома Фреев.

Она попросила его проводить их к ее дяде, но он ответил:

— Черная Рыба ушел на запад с королем, миледи. Вместо него дозорными командует Мартин Риверс.

— Хорошо. — Она встречалась с Риверсом в Близнецах — он незаконный сын лорда Уолдера Фрея,

сводный брат сира Первина. Ее не удивило, что Робб двинулся на занятые Ланнистерами земли, — ясно, что он замышлял это уже в то время, когда услал ее вести переговоры с Ренли. — Где Риверс теперь?

— Его лагерь в двух часах отсюда, миледи.

— Веди нас к нему, — скомандовала она. Бриенна помогла ей сесть в седло, и они отправились.

— Вы из Горького Моста едете, миледи? — спросил разведчик.

— Нет. — Она не посмела ехать туда. После смерти Ренли она не была уверена, какой прием окажет ей его молодая вдова со своими

защитниками. Путь Кейтилин пролегал через самую гущу военных действий, по плодородным речным землям, которые свирепость Ланнистеров обратила в выжженную пустыню, и каждую ночь ее разведчики возвращались с рассказами, от которых ей делалось дурно. – Лорд Ренли убит, – добавила она.

– Мы надеялись, что это выдумка Ланнистеров или...

– Увы. Кто командует в Риверране – мой брат?

– Да, миледи. Его величество поручил сире Эдмару держать Риверран и охранять его тыл.

Пусть боги дадут ему силу

выполнить это. И мудрость.

— Нет ли вестей с запада, от Робба?

— Так вы не слышали? — удивился солдат. — Его величество одержал большую победу при Окскроссе. Сир Стаффорд Ланнистер мертв, его войско разбито.

Сир Вендел Мандерли издал радостный вопль, но Кейтилин только кивнула. Завтрашние испытания волновали ее больше, чем вчерашние победы.

Мартин Риверс устроил свой лагерь в стенах сожженной крепости, около оставшейся без крыши конюшни и сотни свежих могил.

Когда Кейтилин спешила, он преклонил колени.

— Добро пожаловать, миледи. Ваш брат наказал нам высматривать вас и проводить в Риверран со всей поспешностью, как только вы появитесь.

Кейтилин это не понравилось.

— Случилось что-то? Мой отец?

— Нет, миледи, лорд Хостер в том же положении. — Риверс был рыж и мало походил на своих сводных братьев. — Мы просто опасались, как бы вы не напоролесь на передовые отряды Ланнистеров. Лорд Тайвин покинул Харренхолл и движется на запад со всем своим войском.

— Встаньте, — сказала она Риверсу, нахмурясь. Станнис Баратеон скоро тоже выступит в поход, и да помогут им всем боги. — Долго ли лорду Тайвину до нас?

— Дня три или четыре, трудно сказать. Мы следим за всеми дорогами, но лучше не мешкать.

Мешкать не стали. Риверс быстро свернул лагерь, и они двинулись дальше все вместе, теперь около пятидесяти человек, под лютоволком, прыгающей форелью и двумя башнями.

Ее люди хотели услышать побольше о победе Робба, и Риверс не заставил себя просить.

— В Риверран пришел певец,

именующий себя Раймунд-Рифмач, и спел нам об этой битве. Вечером вы сами услышите его, миледи. «Волк в ночи» — так называется песня.

Риверс рассказал, как остатки войска сира Стаффорда отступили в Ланниспорт. Без осадных машин штурмовать Бобровый Утес нельзя, но Морской Волк отплатил Ланнистерам за разорение речных земель. Лорды Карстарк и Гловер отправились вдоль побережья, леди Мормонт захватила тысячи голов скота и теперь гонит их к Риверрану. Большой Джон занял золотые копи у Кастамере, Впадины Нанн и холмов Пендрика. Сир Вендел засмеялся.

— Ланнистера ничто так не

раззадорит, как угроза лишиться своего золота.

– Как королю удалось взять Зуб? – спросил сир Первин Фрей своего сводного брата. – Это сильная крепость, и она бдительно охраняет дорогу через холмы.

– Он и не думал его брать – просто взял и обошел его ночью. Говорят, дорогу ему указал лютоволк, этот его Серый Ветер. Зверь нашел козью тропу, идущую по ущелью и вдоль хребта, извилистую и каменистую, но достаточно широкую, чтобы проехать по ней гуськом. Ланнистеры на своих сторожевых башнях даже и не глядели в ту сторону. – Риверс

понижил голос. — Рассказывают, что после битвы король вырезал сердце Стаффорда Ланнистера и скормил его волку.

— Я не верю этим рассказням, — резко сказала Кейтилин. — Мой сын не дикарь.

— Как скажете, миледи. Однако зверь это заслужил. Он ведь не простой волк. Большой Джон говорит, что не иначе, как старые боги Севера послали этих лютоволков вашим детям.

Кейтилин вспомнила день, когда ее мальчики нашли волчат в снегу позднего лета. Пятеро их было, три самца и две самочки, для законных детей Старка... и шестой, белый и

красноглазый, для бастарда Джона Сноу. Да, не простые это волки. Совсем не простые.

Когда они остановились на ночлег, Бриенна пришла к ней в палатку.

— Миледи, теперь вы в безопасности среди своих, в одном дне езды от замка вашего брата. Позвольте мне вас покинуть.

Вряд ли стоило этому удивляться. Девушка всю дорогу держалась замкнуто и почти все время проводила с лошадьми, расчесывала их и удаляла камни из копыт. Еще она помогала Шадду стряпать и потрошить дичь, а охотиться умела не хуже мужчин. О

чем бы ни попросила ее Кейтилин, Бриенна со всем справлялась ловко и без жалоб и отвечала вежливо, когда к ней обращались, но сама не разговаривала ни с кем, никогда не плакала и не смеялась. Она ехала рядом с ними все дни и спала рядом все ночи, но так и не стала одной из них.

«Она и у Ренли так себя вела, — подумала Кейтилин. — И на пиру, и на турнире, даже в шатре короля со своими собратьями из Радужной Гвардии. Она воздвигла вокруг себя стену повыше винтерфеллских».

— Но куда же ты поедешь, если оставишь нас?

— Обратно. В Штормовой

Предел.

— Одна. — Это не был вопрос.

Широкое лицо Бриенны, как тихая вода, не выдавало того, что скрывалось в глубинах.

— Да.

— Ты хочешь убить Станниса.

Бриенна сжала толстыми мозолистыми пальцами рукоять меча, принадлежавшего прежде королю.

— Я поклялась. Поклялась трижды. Вы слышали.

— Да, слышала. — Кейтилин знала, что девушка, выбросив свою окровавленную одежду, сохранила радужный плащ. Все свои вещи она оставила в лагере, и ей пришлось

довольствоваться тем, что смог уделить ей сир Вендел, — все остальные были для нее слишком мелки. — Клятву нужно держать, я согласна, но Станнис окружен большим войском, и его телохранители тоже дали клятву — защищать его.

— Я не боюсь его стражи. Я способна справиться с любым из них. Напрасно я бежала.

— Вот, значит, что тебя беспокоит — как бы какой-нибудь дурак не счел тебя трусливой? — Кейтилин вздохнула. — Ты не повинна в смерти Ренли. Ты храбро служила ему, но если ты последуешь за ним в землю, то никому этим не

послужишь. — Кейтилин протянула руку, желая приласкать Бриенну и утешить. — Я знаю, как тебе тяжело...

Бриенна стряхнула ее руку:

— Этого никто не может знать.

— Ошибаешься, — резко возразила Кейтилин. — Каждое утро, просыпаясь, я вспоминаю, что Неда больше нет. Я не владею мечом, но это не значит, что я не мечтаю въехать в Королевскую Гавань и стиснуть белое горло Серсеи Ланнистер и давить, пока ее лицо не почернеет.

Красотка подняла глаза, единственное, что было в ней красивым.

— Если вы мечтаете об этом,

почему хотите меня удержать? Из-за того, что Станнис сказал во время переговоров?

Может быть, и правда из-за того? Кейтилин посмотрела наружу, где расхаживали с копьями в руках двое часовых.

— Меня учили, что добрые люди должны сражаться со злом этого мира, а убийство Ренли — безусловное зло. Но меня учили также, что королей создают боги, а не людские мечи. Если Станнис не имеет права быть королем...

— Конечно, не имеет. И Роберт не имел — Ренли сам так говорил. Настоящего короля убил Джейме Ланнистер, а Роберт еще до этого

разделался с наследником престола на Трезубце. Где же тогда были боги? Богам до людей столько же дела, сколько королям до крестьян.

— Хороший король заботится и о своих крестьянах.

— Лорд Ренли... его величество... он был бы лучшим из королей, миледи... он был так добр, он...

— Его больше нет, Бриенна, — сказала Кейтилин как могла мягко. — Остались Станнис, Джоффри... и мой сын.

— Но он ведь... он не станет заключать мир со Станнисом, правда? Не склонит колена? Вы не...

— Скажу тебе правду, Бриенна: я

не знаю. Если мой сын король, то я не королева... просто мать, которая стремится защитить своих детей по мере сил.

— Я не создана для материнства. Сражаться — вот мой удел.

— Так сражайся... но за живых, а не за мертвых. Враги Ренли и Роббу враги.

Бриенна потупилась, переминаясь на месте:

— Вашего сына я не знаю, миледи. Но вам я готова служить, если вы меня примите.

— Мне? Но почему? — опешила Кейтилин.

Бриенну ее вопрос тоже озадачил.

— Вы помогли мне — там, в шатре, когда они подумали, что я... что я...

— Ты пострадала безвинно.

— Все равно вы не обязаны были этого делать. Вы могли бы дать им убить меня — ведь я вам никто.

«Быть может, я просто не захотела остаться единственной, кто знает темную правду о том, что там произошло».

— Бриенна, мне служили многие благородные леди, но таких, как ты, у меня еще не было. Ведь я не боевой командир.

— Но вы мужественная. Пускай это не воинское мужество, а женское, что ли. И мне думается,

что, когда время придет, вы не станете меня удерживать. Обещайте мне это — что не будете препятствовать мне убить Станниса.

Кейтилин до сих пор слышала слова Станниса о том, что час Робба еще настанет. Они пронизывали ей затылок, как холодное дыхание.

— Хорошо. Когда время придет, я не стану тебя удерживать.

Бриенна, неуклюже опустившись на колени, обнажила длинный меч Ренли и положила его у ног Кейтилин.

— Тогда я ваша, миледи. Ваш вассал... и все, что вам будет угодно. Я буду прикрывать вашу спину, подавать вам советы и отдам за вас

жизнь в случае нужды. Клянусь в этом старыми богами и новыми.

— А я клянусь, что у тебя всегда будет место близ моего очага и мясо и мед за моим столом, и обещаю не требовать от тебя службы, которая могла бы запятнать твою честь. Клянусь в этом старыми богами и новыми. Встань. — Взяв руки Бриенны в свои, Кейтилин не сдержала улыбки. «Недаром я столько раз видела, как Нед принимает присягу. Что-то он сказал бы, увидев теперь меня?»

Назавтра во второй половине дня они переправились через Красный Зубец выше Риверрана, где река, закладывая широкую излучину,

была мутной и мелкой. Брод охранял смешанный отряд лучников и копейщиков с орлиной эмблемой Маллистеров. Увидев знамена Кейтилин, они вышли из-за своего частокола и послали на тот берег человека, чтобы помочь ей переправиться.

— Потихоньку, миледи, — предупредил он, взяв ее коня под уздцы. — Мы накидали на дно железных шипов, а на берегу полно колючек. Так на каждом броде, по приказу вашего брата.

Эдмар готовится к бою. От этой мысли ей стало нехорошо, но она промолчала.

Между Красным Зубцом и

Камнегонкой они влились в поток простонародья, идущего в Риверран. Одни гнали перед собой скотину, другие толкали тележки, но все уступали Кейтилину дорогу, приветствуя ее криками «Талли!» или «Старк!». В полумиле от замка они проехали через большой лагерь с алым знаменем Блэквудов над палаткой лорда. Люкас расстался с ними, чтобы повидаться со своим отцом, лордом Титосом, остальные поехали дальше.

Кейтилину заметила на северном берегу Камнегонки второй лагерь, где развевались знакомые штандарты — танцующая дева Марка Пайпера, пахарь Дарри, сплетенные, красные с

белым, змеи Пэгов. Все это были знаменосцы ее отца, лорды Трезубца. Почти все они уехали из Риверрана еще до нее, чтобы защитить собственные земли. Если они вернулись снова, значит, это Эдмар вызвал их. Да помилуют нас боги, так и есть. Он намерен дать бой лорду Тайвину.

Еще издали она увидела, что на стенах Риверрана болтается что-то темное. Когда они подъехали поближе, стали видны мертвецы, висящие на длинных пеньковых веревках, с черными распухшими лицами. Воронье клевало их, и красные плащи ярко выделялись на фоне сложенных из песчаника стен.

— Каких-то Ланнистеров повесили, — заметил Хел Моллен.

— Отрадное зрелище, — весело воскликнул сир Вендел Мандерли.

— Наши друзья начали без нас, — пошутил Первин Фрей, и все засмеялись, кроме Бриенны, которая смотрела на повешенных не мигая, молча и без улыбки.

«Если они умертвили Цареубийцу, мои дочери тоже все равно что мертвы». Кейтилин пришпорила коня, пустив его рысью. Хел Моллен и Робин Флинт галопом промчались мимо, окликая стражников у ворот. На стенах, несомненно, уже разглядели ее знамена, потому что решетка была

поднята.

Эдмар выехал из замка ей навстречу в сопровождении трех вассалов ее отца – толстобрюхого сира Десмонда Грелла, мастера над оружием, Утерайдса Уэйна, стюарда, и сира Робина Ригера, высокого лысого капитана стражи. «Все трое ровесники лорда Хостера, всю жизнь прослужившие ему, – старики», – осознала вдруг Кейтилин.

Эдмар был в красно-синем плаще поверх камзола, расшитого серебряными рыбами. Судя по его виду, он не брился с тех самых пор, как она уехала на юг, – зарос до самых глаз.

– Кет, как хорошо, что ты

вернулась благополучно. Услышав о смерти Ренли, мы стали бояться за твою жизнь. А тут еще и лорд Тайвин выступил в поход.

— Да, мне уже сказали. Как там наш отец?

— То полегчает как будто, то... — Эдмар покачал головой. — Он о тебе спрашивал. Я не знал, что ему сказать.

— Тотчас же навещу его. Были какие-нибудь вести из Штормового Предела после гибели Ренли? Или из Горького моста? — К путникам вороны прилететь не могут, и Кейтилин не знала, что оставила позади.

— Из Горького Моста — ничего.

Из Штормового Предела тамошний кастелян сир Кортни Пенроз прислал трех птиц все с той же просьбой о помощи. Станнис осадил его с суши и с моря. Сир Кортни предлагает свою поддержку любому королю, который прорвет осаду. Пишет, что боится за мальчика. Не знаешь ли ты, о каком мальчике речь?

– Это Эдрик Шторм, – сказала Бриенна. – Незаконный сын Роберта.

Эдмар посмотрел на нее с любопытством.

– Станнис пообещал, что гарнизон замка сможет уйти, и он не принесет им никакого вреда, при условии, что они сдадут крепость в течение двух недель и доставят

мальчика ему. Но сир Кортни не согласился.

Рискует всем ради бастарда, который ему даже не родня.

— Ты что-нибудь ответил ему?

— Зачем, раз мы не можем предложить ему ни помощи, ни надежды? Да и Станнис нам не враг.

— Миледи, — молвил сир Робин Ригер, — не скажете ли вы нам, каким образом умер лорд Ренли? Об этом ходят самые странные слухи.

— Одни говорят, что Ренли убила ты, Кет, другие — что это сделала какая-то женщина с юга. — Взгляд Эдмара остановился на Бриенне.

— Мой король был убит, — тихо ответила та, — но не леди Кейтилин.

Клянусь в этом моим мечом, клянусь богами старыми и новыми.

– Это Бриенна Тарт, дочь лорда Сельвина Вечерняя Звезда, служившая в Радужной Гвардии Ренли, – пояснила Кейтилин. – Бриенна, имею честь представить тебе моего брата сира Эдмара Талли, наследника Риверрана. Его стюард Утерайдс Уэйн, сир Робин Ригер, сир Десмонд Грелл.

Мужчины выразили свое удовольствие от знакомства с ней, и девушка покраснела – даже самая обыкновенная любезность смущала ее. Эдмар, видимо, счел ее весьма странной леди, но из галантности ничем этого не проявил.

– Бриенна была при Ренли, когда он был убит, и я тоже, – сказала Кейтилин, – но в его смерти мы не повинны. – Она не хотела говорить о тени здесь, при всем народе, и вместо этого спросила: – Что это за люди, которых вы повесили?

Эдмар замялся:

– Они приехали с сиром Клеосом, когда он привез ответ королевы на наше мирное предложение.

– Вы убили посланников?! – поразилась Кейтилин.

– Фальшивых посланников. Они поклялись мне в своих мирных намерениях и отдали оружие, поэтому я позволил им свободно

передвигаться по замку. Три ночи, пока я вел беседы с сиром Клеосом, они ели мое мясо и пили мой мед – а на четвертую попытались освободить Цареубийцу. Вон тот детина, – Эдмар указал вверх, – убил двух стражей голыми руками, сгреб их за шеи и разбил череп о череп, а тот тощий парнишка рядом с ним отпер дверь Цареубийцы куском проволоки, да проклянут его боги. Тот, в конце, был чем-то вроде лицедея – он подделался под мой голос и приказал открыть Речные ворота. Все трое клянутся, что приняли его за меня, – Энгер, Делп и Длинный Лью. По мне, так совсем не похоже, но эти олухи все-таки подняли решетку.

«Это работа Беса, – подумала Кейтилин, – чувствуется та же самая хитрость, которую он проявил в Орлином Гнезде». Раньше она считала Тириона наименее опасным из всех Ланнистеров, но теперь не была в этом уверена.

– Как же ты их поймал?

– Меня, видишь ли, в ту пору не было в замке – я поехал за Камнегонку...

– К какой-нибудь бабе. Рассказывай дальше.

Щеки Эдмара стали красными как его борода.

– Был предрассветный час, и я возвращался назад. Длинный Лью, увидев мою лодку и узнав меня,

наконец-то задал себе вопрос, кто же это внизу отдает ему приказы, и поднял крик.

— Цареубийцу ведь задержали, правда? Скажи, что да!

— Задержали, хотя и с трудом. Джейме, завладев чьим-то мечом, убил Поула Пемфорда и Майлса, оруженосца сира Десмонда, а Делпа ранил так тяжело, что мейстер Виман и за его жизнь не ручается. Там завязалась настоящая битва. Услышав звон стали, некоторые из красных плащей бросились ему на помощь, хотя и были безоружны. Их я повесил рядом с четырьмя устроителями побега, а остальных бросил в темницу, как и Джейме.

Больше уж он не убежит. Он сидит в подземелье, в цепях, прикованный к стене.

— А Клеос Фрей?

— Клянется, что ничего не знал о заговоре. Кто его разберет. Он наполовину Ланнистер, наполовину Фрей — лживая порода и те, и другие. Я поместил его в башню, где прежде сидел Джейме.

— Ты говоришь, он привез условия мира?

— Если их можно так назвать. Тебе они придутся по вкусу не больше, чем мне, сама увидишь.

— Можем ли мы надеяться на помощь с юга, леди Старк? — спросил Утерайдс Уэйн, стюард ее

отца. — Это обвинение в кровосмесительном блуде... лорд Тайвин такого не потерпит. Он захочет очистить имя своей дочери кровью ее обвинителя. Лорд Станнис должен это понимать. У него нет другого выхода, кроме как объединиться с нами.

Станнис объединился с силой более темной и могущественной...

— Мы поговорим об этом после.
— Кейтилин переехала подъемный мост, оставив позади мрачную вереницу повешенных гвардейцев. Брат ехал рядом с ней. В кишащем народом верхнем дворе какой-то голый малыш сунулся прямо под ноги лошадам. Кейтилин натянула

поводья, чтобы не растоптать его, и огляделась. В замок впустили сотни простого люда, и вдоль стен стояли шалаши. Дети шмыгали повсюду, и двор был полон коровами, овцами и курами.

— Что это за люди?

— Мои люди. Им страшно, и они пришли сюда.

«Только мой добрый братец мог впустить все эти лишние рты в замок, который того и гляди подвергнется осаде». Кейтилин знала, что у Эдмара мягкое сердце, порой ей казалось, что мозги у него еще мягче. Она любила его за это, но все же...

— Нельзя ли послать к Роббу

ворона?

— Он в поле, миледи, — ответил сир Десмонд. — Птица его не найдет.

Утерайдс Уэйн кашлянул.

— Перед отъездом молодой король повелел нам отправить вас по возвращении в Близнецы, леди Старк. Он хочет, чтобы вы поближе познакомились с дочерьми лорда Уолдера, дабы помочь ему выбрать невесту, когда придет время.

— Мы снабдим тебя свежими лошадьми и провизией, — добавил брат. — Ты, конечно, захочешь отдохнуть, прежде чем...

— Я останусь здесь. — Кейтилин спешила. Она не собиралась покидать Риверран и умирающего

отца ради того, чтобы выбрать Роббу жену. «Робб не хочет подвергать меня опасности, и упрекать его за это нельзя, но уж слишком неуклюжий предлог он для этого выбрал». — Мальчик, — позвала она, и конюшонок подбежал, чтобы принять у нее коня.

Брат соскочил с седла. Он был на голову выше, но для нее всегда оставался младшеньким.

— Кет, — огорченно сказал он, — сюда идет лорд Тайвин...

— Он идет на запад, чтобы защитить собственные земли. Если мы закроем ворота и спрячемся за стенами, он пройдет мимо, не причинив нам вреда.

– Это земля Талли – и если лорд Тайвин Ланнистер полагает, что может ходить по ней, когда ему вздумается, я докажу ему, что он ошибается.

Так же, как доказал его сыну? Ее брат бывал незыблем, как речной утес, когда задевали его гордость, но оба они помнили, как сир Джейме расколошматил войско Эдмара в недавнем бою.

– Встретившись с лордом Тайвином в поле, мы ничего не приобретем, а потерять можем все, – тактично ответила Кейтилин.

– Двор – не место для обсуждения моих военных планов.

– Хорошо. Где же нам тогда

поговорить?

Брат потемнел, и она подумала, что сейчас он сорвется, но он только буркнул:

— В богороще — если ты настаиваешь.

Она последовала за ним по галерее к воротам богорощи. В гневе Эдмар всегда бывал угрюм. Кейтилин жалела, что огорчила его, но дело было слишком важным, чтобы нянчиться с его гордостью. Когда они вдвоем прошли под сень деревьев, брат обернулся к ней лицом.

— У тебя недостаточно сил для встречи с Ланнистером в поле, — сказала она напрямик.

— Когда подойдут все, у меня

будет восемь тысяч пехоты и три конницы.

— Почти вдвое меньше, чем у лорда Тайвина.

— Робб выигрывал битвы с худшим перевесом, и у меня есть план. Ты забыла о Русе Болтоне. Лорд Тайвин разбил его на Зеленом Зубце, но преследовать не стал. Когда лорд Тайвин удалился в Харренхолл, Болтон занял Красный брод и перекресток дорог. С ним десять тысяч человек. Я послал Хелману Толхарту приказ присоединиться к нему с гарнизоном, который Робб оставил в Близнецах...

— Эдмар, Робб оставил этих

людей держать Близнецы и обеспечить нам преданность лорда Уолдера.

— Он и так нам предан, — упрямо сказал Эдмар. — Фреи храбро сражались в Шепчущем Лесу, а старый сир Стеврон, как мы слышали, погиб при Окскроссе. Сир Риман, Уолдер Черный и остальные сейчас на западе с Роббом, Мартин отменно служит нам в качестве разведчика, сир Первин сопровождал тебя к Ренли. Большого с них и требовать нельзя, праведные боги! Робб помолвлен с одной из дочерей лорда Уолдера, Русе Болтон, я слышал, женат на другой. И разве ты не взяла в воспитанники двух его

внуков?

— Воспитанник в случае нужды легко может стать заложником. — Она не знала ни о смерти сира Стеврона, ни о женитьбе Болтона.

— Что ж, раз у нас имеются двое заложников, лорд Уолдер тем более не посмеет сыграть с нами шутку. Болтону нужны люди Фрея — и люди сира Хелмана тоже. Я приказал им взять Харренхолл.

— Кровопролитная задача.

— Зато когда замок падет, отступать лорду Тайвину будет некуда. Мои собственные люди станут у бродов на Красном Зубце и не дадут ему переправиться. Если он попытается форсировать реку, его

постигнет участь Рейегара, когда тот попробовал перейти Трезубец. Если останется на берегу, он окажется между Риверраном и Харренхоллом, а когда Робб вернется с запада, мы разделаемся с ним раз и навсегда.

Голос брата звучал уверенно, но Кейтилин пожалела о том, что Робб взял с собой ее дядю Бриндена. Черная Рыба — ветеран полусотни битв, а Эдмар побывал лишь в одной, да и ту проиграл.

— Это хороший план, — завершил он. — Лорд Титос так говорит, и лорд Джонас тоже. А уж если Блэквуд с Бракеном на чем-то сошлись, значит, дело это верное.

— Будь по-твоему. — Кет ощутила

внезапную усталость. Возможно, она напрасно перечит ему. Возможно, его план великолепен, а ее предчувствия — всего лишь женские страхи. Хорошо бы здесь был Нед, или дядя Бринден, или... — Ты не спрашивал, что думает об этом отец?

— Отец не в том состоянии, чтобы заниматься стратегией. Два дня назад он рассуждал о том, как выдаст тебя за Брандона Старка. Пойди к нему сама, если мне не веришь. Мой план себя покажет, Кет, — вот увидишь.

— Надеюсь на это, Эдмар. От всей души надеюсь. — Она поцеловала его в щеку, чтобы подтвердить свои слова, и

отправилась к отцу.

Лорд Хостер Талли почти не изменился с тех пор, как она его оставила, — он лежал изможденный, бледный, с липкой кожей. В комнате одинаково сильно пахло застарелым потом и лекарствами — болезнью. Когда Кейтилин раздвинула занавески, отец с тихим стоном открыл глаза. Он смотрел на нее, словно не понимая, кто она и что ей нужно.

— Отец. — Она поцеловала его. — Я вернулась.

Он как будто узнал ее и прошептал, едва шевеля губами:

— Ты пришла.

— Да. Робб посылал меня на юг,

но я вернулась.

— Как на юг... разве Орлиное Гнездо на юге, милая? Я не помню... ох, душа моя, я так боялся... ты простила меня теперь? — По щекам у него покатались слезы.

— Ты не сделал ничего, что нуждалось бы в прощении, отец. — Она погладила его редкие белые волосы и пощупала лоб. Лихорадка продолжала сжигать его изнутри, несмотря на все снадобья мейстера.

— Так лучше для тебя, — прошептал отец. — Джон хороший человек... сильный и добрый... он позаботится о тебе... и рода знатного. Слушай меня, я твой отец... ты выйдешь замуж вслед за

Кет. Вот и весь сказ...

«Он принимает меня за Лизу», — поняла Кейтилин. Боги праведные, он говорит с ней как с незамужней девицей.

Отец стиснул ее руки в своих, трепещущих, как две большие белые испуганные птицы.

— Этот несчастный юнец... не произноси его имени... твой долг... твоя мать тоже... — Лорд Хостер вскрикнул в приступе боли. — О, да простят меня боги, дай мое лекарство.

Мейстер Виман поднес чашу к его губам. Лорд Хостер стал сосать густую белую жидкость жадно, как дитя сосет грудь, и мир снова

снизошел на него.

— Теперь он будет спать, миледи,
— сказал мейстер, когда чаша
опустела. Маковое молоко оставило
белую пленку на губах отца, и
мейстер вытер ее рукавом.

Кейтилин не могла больше
смотреть на это. Она помнила, каким
сильным и гордым человеком был
Хостер Талли, и ей больно было
видеть, как он пал. Она вышла на
террасу. Во дворе толпились и
шумели беженцы, но реки за стенами
замка текли вдаль все такие же
чистые. Это его реки, и скоро он
поплывет в свой последний путь.

Мейстер Виман вышел вслед за
ней.

– Миледи, я не могу более оттягивать его конец. Надо послать гонца за его братом. Я знаю, сир Бринден желал бы этого.

– Да, – осипшим от горя голосом сказала Кейтилин.

– Возможно, и леди Лиза тоже?

– Лиза не приедет.

– Быть может, если бы вы написали ей сами...

– Извольте, напишу. – «Кто же он был, Лизин „несчастный юнец“? Какой-нибудь молодой оруженосец или межевой рыцарь скорее всего... хотя судя по тому, как рьяно отвергал его лорд Хостер, это мог быть купеческий сын или незаконнорожденный подмастерье,

даже певец. Лиза всегда питала слишком большое пристрастие к певцам. Впрочем, винить ее трудно. Джон Аррен был на двадцать лет старше нашего отца, хотя и хорошего рода».

Башня, которую отдал в ее распоряжение брат, была та самая, где они с Лизой жили в девушках. Хорошо будет снова поспать на перине, у теплого очага. Она отдохнет, и мир покажется ей менее унылым.

Но у ее комнат ждал Утерайдс Уэйн с двумя женщинами в сером, с капюшонами, опущенными до самых глаз. Кейтилин сразу поняла, зачем они здесь.

– Нед?!

Сестры опустили глаза, а Утерайдс сказал:

– Сир Клеос привез его из Королевской Гавани, миледи.

– Отведите меня к нему, – приказала она.

Его положили на козлы и покрыли знаменем, белым знаменем Старков с серым лютоволком на нем.

– Я хочу посмотреть на него, – сказала Кейтилин.

– Это лишь кости его, миледи.

– Я хочу посмотреть на него.

Одна из Молчаливых Сестер откинула знамя.

«Кости. Это не Нед, не мужчина, которого я любила, не отец моих

детей. Руки сложены на груди, костяные пальцы охватывают рукоять длинного меча – но это не руки Неда, такие сильные и полные жизни. Они обрядили эти кости в камзол Неда, в тонкий белый бархат с эмблемой лютоволка на груди, но не осталось на них теплой плоти, где столько ночей покоилась ее голова, не осталось мышц на руках, обнимавших ее. Голову прикрепили к телу тонкой серебряной проволокой, но все черепа похожи один на другой, и нет больше в глазницах темно-серых глаз ее лорда, которые могли быть мягкими, как туман, и твердыми, как камень». Они скормили его глаза воронам,

вспомнила она.

Кейтилин отвернулась.

– Это не его меч.

– Меч нам не вернули, миледи, – сказал Утерайдс. – Только кости лорда Эддарда.

– Полагаю, мне следует поблагодарить королеву хотя бы за это.

– Благодарите Беса, миледи. Это он распорядился.

«Когда-нибудь я отблагодарю их всех».

– Спасибо вам за службу, сестры, – сказала Кейтилин, – но я должна возложить на вас еще одно поручение. Лорд Эддард был Старком, и кости его должны

покоиться под Винтерфеллом. — Они сделают его статую, его каменное подобие, которое будет сидеть там во тьме с лютоволком у ног и мечом на коленях. — Дайте сестрам свежих лошадей и все прочее, что понадобится им для путешествия, — сказала она Утерайдсу. — Хел Моллен проводит их в Винтерфелл, где ему надлежит быть как капитану гвардии. — Она посмотрела на то, что осталось от ее лорда и ее любви. — А теперь оставьте меня все. В эту ночь я буду с Недом одна.

Женщины в сером наклонили головы. «Молчаливые Сестры не разговаривают с живыми, — тупо подумала Кейтилин, — но кое-кто

говорит, что они способны
разговаривать с мертвыми». О, как
она завидовала им...

Дейенерис

Занавески отгораживали ее от пыли и зноя улицы, но не могли оградить от разочарования. Дени устало забралась в носилки, радуясь, что может укрыться от бесчисленных глаз квартирцев.

— Дорогу, — крикнул Чхого с коня, щелкнув своим кнутом. — Дорогу Матери Драконов.

Ксаро Ксоан Даксос,
откинувшись на прохладные
атласные подушки, разлил рубиново-
красное вино по двум кубкам из
яшмы и золота рукой твердой и
уверенной, несмотря на покачивание

паланкина.

— Я вижу глубокую печаль на твоём лице, свет любви моей. — Он подал ей кубок. — Не о несбывшейся ли мечте ты печалишься?

— Исполнение моей мечты откладывается, только и всего. — Тугой серебряный обруч натирал Дени горло. Она расстегнула его и отбросила прочь. Обруч был украшен волшебным аметистом, который, как уверял Ксаро, оградит ее от яда. Чистокровные славились тем, что подавали отравленное вино людям, которых считали опасными, но Дени они предложили только чашу с водой. «Они не видят во мне королеву, — с горечью думала она. —

Для них я всего лишь мимолетное
развлечение, табуница с
диговинной зверюшкой».

Рейегаль зашипел и вонзил
острые коготки в ее голое плечо,
когда она протянула руку за кубком.
Поморщившись, она пересадила его
на другое плечо, прикрытое тканью.
Она оделась по партийскому
обычаю. Ксаро предупредил ее, что
дотракийку Чистокровные слушать
не станут, поэтому она предстала
перед ними в плотном зеленом
шелке с одной открытой грудью,
серебряных сандалиях и шнуром
черно-белого жемчуга вокруг талии.
«За ту помощь, что я от них
получила, можно было явиться туда

голой. Возможно, так и следовало поступить...» Она отпила большой глоток.

Потомки древних королей и королев Кварта, Чистокровные командовали Гражданской Гвардией и флотилией нарядных галей, охранявшей проливы между морями. Дейенерис Таргариен нуждалась в этом флоте, по крайней мере в части его, а также в солдатах. Она совершила традиционное жертвоприношение в Храме Памяти, вручила традиционную взятку Хранителю Длинного Списка, послала традиционную хурму Открывателю Дверей и наконец получила традиционные туфли из

голубого шелка, чтобы войти в Зал Тысячи Тронов.

Чистокровные выслушали ее просьбу с высоких седалищ своих предков, которые поднимались ярусами от мраморного пола до купола, расписанного сценами былой славы Кварта. Троны, покрытые замысловатой резьбой, блистали позолотой и камнями – янтарем, ониксом, ляпис-лазурью и яшмой. Каждый чем-то отличался от всех остальных и стремился перещеголять их сказочной роскошью. Но люди, восседавшие на них, были столь вялыми и утомленными, что казалось, будто они спят. Они слушали ее, но не слышали – или им

было все равно. Вот уж поистине молочные души. Они и не собирались помогать ей. Пришли из одного любопытства. Собрались от скуки, и дракон на плече Дени занимал их больше, чем она сама.

— Перескажи мне слова Чистокровных, — попросил Ксаро Ксоан Даксос. — Что в их речах столь опечалило королеву моего сердца?

— Они сказали «нет». — Вино имело вкус гранатов и жарких летних дней. — С величайшей учтивостью, конечно, но под всеми красивыми словами это все-таки «нет».

— Ты льстила им?

— Самым бессовестным образом.

— Ты плакала?

— Кровь дракона не плачет, — возмутилась она.

— Надо было поплакать, — вздохнул Ксаро. Квартийцы плакали часто и с большой легкостью — это считалось признаком просвещенного человека. — Так что же они сказали, люди, взявшие наши деньги?

— Матос не сказал ничего, Венделло похвалил мою манеру говорить, Блистательный отказал мне вместе с остальными, но после заплакал.

— Какое вероломство — а еще квартийцы. — Ксаро сам не принадлежал к Чистокровным, но научил ее, кому и сколько дать. — Прольем же слезу над предательской

натурой людей.

Дени скорее пролила бы слезу над своим золотом. На взятки, которые она дала Матосу Малларавану, Венделло Кар Диту и Эгону Эменосу, Блистательному, можно было купить корабль или завербовать два десятка наемников.

— А что, если я пошлю сира Джораха с требованием вернуть мои подарки?

— А что, если ночью в мой дворец явится один из Жалостливых и убьет тебя во сне? — Жалостливые были древней священной гильдией убийц и назывались так потому, что всегда шептали жертве «Сожалею», прежде чем убить ее. Вежливость —

отличительная черта квартирцев. — Верно говорят: легче подоить Каменную Корову Фароса, чем выжать золото из Чистокровных.

Дени не знала, что такое Фарос, но каменных коров в Кварте было полно. Купеческие старшины, нажившие огромные богатства на морской торговле, делились на три соперничающие фракции: Гильдию Пряностей, Турмалиновое Братство и Тринадцать, в число которых входил Ксаро. Все три постоянно боролись за первенство как друг с другом, так и с Чистокровными. А где-то позади таились колдуны, синегубые и могущественные, — их редко видели, но очень боялись.

Без Ксаро Дени совсем пропала бы. Золотом, которое она истратила, чтобы открыть двери Зала Тысячи Тронов, она была обязана его щедрости и хитроумию. Слух о живых драконах распространялся по всему востоку, и все больше путников прибывало, чтобы удостовериться в нем, — а Ксаро следил за тем, чтобы и великие, и малые приносили дары Матери Драконов. Ручеек, проложенный им, скоро превратился в поток. Капитаны судов несли мирийское кружево, сундуки с шафраном из Йи Ти, янтарь и драконово стекло из Асшая. Купцы дарили мешки с деньгами, серебряных дел мастера — кольца и

цепочки. Дударь дудели для нее, акробаты кувыркались, жонглеры жонглировали, красильщики рядили ее в цвета, о которых она прежде понятия не имела. Двое джогоснхайцев привели ей в дар свирепую полосатую зебру из своих краев. Вдова принесла высохший труп своего мужа, покрытый коркой посеребренных листьев – считалось, что такие останки имеют великую силу, особенно если покойник был колдуном, как этот. А Турмалиновое Братство поднесло Дени корону в виде трехглавого дракона – туловище золотое, крылья серебряные, головы из яшмы, слоновой кости и оникса.

Только корону она и оставила у

себя – остальное продала, чтобы собрать мзду для Чистокровных. Ксаро хотел продать и корону, обещая, что Тринадцать подарят ей другую, гораздо лучше, но Дени не позволила. «Визерис продал корону моей матери, и его прозвали попрошайкой. Я сохраню свою – пусть меня называют королевой». Так она и сделала, хотя от тяжести короны у нее болела шея.

«В короне или нет, я все-таки попрошайка. Самая великолепная на свете, однако побирушка». Ей это было ненавистно – ее брат, должно быть, испытал то же самое. Годами бегать из города в город, на шаг опережая ножи узурпатора, прося о

помощи архонов, принцев и магистров, лестью добывая свое пропитание. Он не мог не знать, как над ним насмеются. Не диво, что он так ожесточился, а в конце концов совсем обезумел. «И со мной будет то же самое, если я позволю». Часть ее души ничего так не желала, как увести свой народ обратно в Вейес Толорро и заставить этот мертвый город расцвести. Нет, это было бы поражением. «У меня есть то, чего никогда не было у Визериса: драконы. С ними у меня все будет по-другому». Она погладила Рейегаля, и зеленый дракон прикусил ей руку. Снаружи кипел и шумел город — мириады его голосов сливались в

единый звук, подобный рокоту моря.

— Дорогу, молочные люди, дорогу Матери Драконов, — кричал Чхого, и квартийцы расступились — хотя, возможно, причиной этому были скорее быки, чем его крик. Дени иногда видела его сквозь щель в занавесках. Верхом на сером жеребце, он погонял быков кнутом с серебряной рукояткой, который она ему подарила. Агго охранял ее с другой стороны, Ракхаро ехал во главе процессии, высматривая злоумышленников. Сира Джораха она оставила дома — стеречь драконов; опальный рыцарь противился этой ее затее с самого начала. Он никому здесь не доверяет — и правильно

скорее всего.

Рейегаль понюхал вино в кубке Дени, втянул голову и зашипел.

— У твоего дракона хороший нюх. — Ксаро вытер губы. — Вино не из важных. Говорят, за Яшмовым морем растят золотой виноград, столь сладостный, что по сравнению с его соком все прочие вина кажутся уксусом. Давай сядем на мою барку и поплывем пробовать его — только ты и я.

— Лучшие на свете вина делают в Бору, — заявила Дени. Лорд Редвин сражался вместе с ее отцом против узурпатора — один из тех немногих, кто остался верным до конца. «Станет ли он и за меня сражаться?»

Кто знает, после стольких-то лет?» — Поплывем со мной в Бор, Ксаро, и ты испробуешь вина, подобных которым еще не пил. Но для этого нам придется сесть на боевой корабль, а не на барку.

— У меня нет боевых кораблей. Война дурно сказывается на торговле. Я тебе уже много раз говорил: Ксаро Ксоан Даксос — человек мирный.

«Ксаро Ксоан Даксос — золотой человек, а золото может купить мне все корабли и мечи, в которых я нуждаюсь».

— Я не прошу тебя браться за меч — ссуди мне только свои корабли.

— Некоторое количество

торговых судов у меня имеется, это так, — скромно улыбнулся он. — Но кто скажет, сколько их? Быть может, в этот самый миг один из них тонет в каком-нибудь бурном углу Летнего моря, а другой завтра станет добычей корсаров. Кто-то из моих капитанов посмотрит на богатства в своем трюме и подумает: «Все это могло бы быть моим». Таковы опасности, подстерегающие каждого купца. Чем дольше мы говорим, тем меньше кораблей, весьма вероятно, у меня остается. Я делаюсь беднее с каждым мгновением.

— Дай мне корабли, и я снова сделаю тебя богатым.

— Выходи за меня замуж, свет

мой, и ты будешь править кораблем моего сердца. Твоя красота лишает меня сна по ночам.

Дени улыбнулась. Цветистые излияния Ксаро забавляли ее, тем более что они в корне расходились с его поведением. Сир Джорах не мог отвести глаз от ее голой груди, подсаживая ее в носилки, а Ксаро не удостаивал ее вниманием даже в столь тесном соседстве. А по его дворцу сновало, шелестя шелками, множество красивых мальчиков.

– Говоришь ты сладко, Ксаро, но за твоими словами я слышу еще одно «нет».

– Этот твой Железный Трон кажется мне чудовищно холодным и

жестким. Меня страшит мысль о зазубренном железе, терзающем твою нежную кожу. — Ксаро с драгоценными камнями в носу имел вид диковинной разноцветной птицы. Он небрежно махнул своими длинными изящными пальцами. — Пусть эта земля будет твоим королевством, о прелестнейшая из королев, а я — твоим королем. Я подарю тебе золотой трон, если захочешь. Когда Кварт наскучит мне, мы совершим путешествие вокруг Йи Ти и поищем волшебный город поэтов, чтобы вкусить вина мудрости из мертвого черепа.

— Я намерена отправиться в Вестерос и вкусить вина мести из

черепа узурпатора. — Она почесала Рейегалю под глазом, и он на миг развернул зеленые, как яшма, крылья, всколыхнув застоявшийся воздух паланкина.

Одинокая слеза красиво скатилась по щеке Ксаро.

— Неужели ничто не отвратит тебя от этого безумия?

— Ничто. — Хотела бы она чувствовать такую же уверенность, которая звучала в ее голосе. — Если бы каждый из Тринадцати дал мне десять кораблей...

— Ты получила бы сто тридцать кораблей, но некому было бы плавать на них. Правота твоего дела для простолюдинов Кварта ничего не

значит. Что моим матросам до того, кто сидит на троне чужого королевства за тридевять земель отсюда?

— Если я заплачу, им будет дело.

— Чем же ты им заплатишь, о звезда моих небес?

— Золотом, которое приносят паломники.

— Это возможно, — признал Ксаро, — но такие вещи стоят дорого. Тебе придется заплатить гораздо больше, чем плачу я, а над моей расточительностью смеется весь Кварт.

— Если Тринадцать не захотят мне помочь, я попрошу Гильдию Специй или Турмалиновое Братство.

Ксаро томно пожал плечами:

– От них ты не получишь ничего, кроме лести и лживых посулов. В Гильдии одни притворщики и хвастуны, а в Братстве полно пиратов.

– Тогда я послушаюсь Пиата Прея и пойду к колдунам.

Купец резко выпрямился.

– У Пиата Прея синие губы, и люди справедливо говорят, что с синих губ слетает только ложь. Послушайся того, кто тебя любит. Колдуны – погибшие создания, они едят прах и пьют тень. Они ничего не дадут тебе – им нечего дать.

– Я не искала бы их помощи, если бы мой друг Ксаро Ксоан

Даксос дал мне то, о чем я прошу.

— Я отдал тебе свой дом и свое сердце — разве этого мало? Я дал тебе духи и гранаты, веселых обезьянок и плюющихся змей, свитки из древней Валирии, подарил голову идола и ногу чудовища. Я подарил тебе этот паланкин из слоновой кости с золотом и пару быков, чтобы возить его, — белого, как кость, и черного, как смоль, с дорогими камнями на рогах.

— Да — но мне нужны корабли и солдаты.

— Разве я не подарил тебе целое войско, о прекраснейшая из женщин? Тысячу рыцарей в блестящих доспехах?

Доспехи на них из серебра и золота, а сами рыцари — из яшмы и берилла, оникса и турмалина, из янтаря, опала и аметиста, и каждый с ее мизинец величиной.

— Это прекрасные рыцари — вот только враги мои их не испугаются. А мои быки не могут перенести меня через море. Я... но почему мы останавливаемся? — Быки заметно сбавили ход.

— Кхалиси! — крикнул Агто, и носилки, качнувшись, резко остановились. Дени приподнялась на локте и выглянула наружу. Они находились около базара, и путь загораживала толпа народа.

— На что они смотрят?

— Это заклинатель огня, кхалиси,
— сказал Чхого, подъехав к ней.

— Я тоже хочу посмотреть.

— Сейчас устроим. — Чхого протянул ей руку, поднял к себе на коня и усадил перед собой, где она могла все видеть поверх голов толпы. Заклинатель построил в воздухе лестницу — трескучую рыжую лестницу из огня, которая висела над полом без всякой опоры и росла, стремясь к ажурной кровле базара.

Зрители, как заметила Дени, большей частью были не здешние: матросы с торговых кораблей, купцы, прибывшие с караванами, запыленные путники из красной пустыни, наемные солдаты,

ремесленники, работоторговцы. Чхого, обняв ее за талию, нагнулся к ней.

— Молочные люди его остерегаются, кхалиси. Видишь ту девушку в фетровой шляпе? Вон там, рядом с толстым жрецом? Она...

— ...карманница, — закончила Дени. Она не какая-нибудь изнеженная леди, не ведавшая о таких вещах. Она навидалась воров на улицах Вольных Городов за те годы, что убегала с братом от наемных убийц узурпатора.

Маг широкими взмахами рук заставлял пламя расти все выше и выше. Зрители запрокидывали головы, а карманники между тем шныряли в толпе со своими

ножичками, укрытыми в ладонях, и избавляли зажиточную публику от кошельков одной рукой, другой указывая вверх.

Когда огненная лестница выросла на сорок футов, маг прыгнул на нее и полез вверх, перебирая руками быстро, как обезьяна. Перекладины позади него таяли, оставляя струйки серебристого дыма. Когда он достиг вершины, лестница исчезла, и он вместе с ней.

— Вот так фокус, — восхищенно воскликнул Чхого.

— Это не фокус, — произнес женский голос на общем языке. Дени не разглядела в толпе Куэйту — но она стояла здесь, блестя влажными

глазами из-под красной лакированной маски.

– Как так не фокус, госпожа?

– Полгода назад этот человек едва умел вызвать огонь из драконова стекла. Он проделывал кое-что с порохом и диким огнем – достаточно, чтобы увлечь толпу, пока его карманники делали свою работу. Он ходил по горячим углям и заставлял огненные розы цвести в воздухе, но по лестнице из огня был способен подняться не больше, чем простой рыбак – поймать кракена в свой невод.

Дени с беспокойством смотрела на место, где была лестница. Теперь и дым исчез, а публика расходилась

по своим делам. Скоро многие обнаружат, что их кошельки опустели.

— А теперь?

— Теперь его мастерство увеличилось, кхалиси, и причина этому — ты.

— Я? — засмеялась Дени. — Как это возможно?

Женщина подошла близко и коснулась ее запястья двумя пальцами.

— Ты Мать Драконов — так ведь?

— Это так, и никакая нечисть не смеет ее трогать. — Чхого отбросил руку Куэйты прочь рукоятью кнута.

Женщина отступила.

– Тебе нужно поскорее покинуть этот город, Дейенерис Таргариен, иначе ты не сможешь уехать вовсе.

Рука Дени зудела в том месте, где Куэйти коснулась ее.

– И куда же, по-твоему, я должна уехать?

– Чтобы попасть на север, ты должна отправиться на юг. Чтобы попасть на запад, должна отправиться на восток. Чтобы продвинуться вперед, надо вернуться назад, чтобы достичь света, надо пройти через тень.

«Асшай, – подумала Дени. – Она хочет, чтобы я отправилась в Асшай».

– Даст мне Асшай войско? – спросила она. – Или золото? Или

корабли? Что есть в Асшае такого, чего нельзя найти в Кварте?

– Истина, – ответила женщина в маске и с поклоном скрылась в толпе.

Ракхаро презрительно фыркнул в свои вислые черные усы.

– Кхалиси, лучше уж проглотить скорпиона, нежели довериться порождению теней, которое не смеет открыть лицо солнцу. Это все знают.

– Это все знают, – подтвердил Агго.

Ксаро наблюдал за этой сценой с подушек. Когда Дени вернулась в паланкин, он сказал:

– Твои дикари мудрее, чем сами полагают. Те истины, которые можно

найти в Асшае, вряд ли вызовут у тебя улыбку. — Он предложил ей еще один кубок вина и всю дорогу до дома толковал о любви, страсти и тому подобных пустяках.

В тиши своих комнат Дени сняла свой наряд и облачилась в просторную хламиду из пурпурного шелка. Драконы проголодались, поэтому она порубила на куски тушку змеи и зажарила ее на углях. «Они растут, — подумала Дени, глядя, как они дерутся из-за обугленного мяса. — Теперь они, пожалуй, вдвое тяжелее, чем были в Вейес Толорро. Но все равно пройдут годы, прежде чем они дорастут до войны. Притом их надо воспитать — иначе они

опустошат мое королевство». Дени же, несмотря на свою таргариенскую кровь, не имела понятия, как воспитывать драконов.

На закате к ней пришел сир Джорах Мормонт.

— Чистокровные отказали вам?

— Как ты и предсказывал. Сядь — мне нужен твой совет. — Дени усадила его на подушки рядом с собой, и Чхику принесла им чашу оливок и луковок в пурпурном вине.

— В этом городе вы помощи не найдете, кхалиси, — сказал сир Джорах, взяв луковку. — Каждый прошедший день все больше меня в этом убеждает. Чистокровные видят не дальше стен Кварта, а Ксаро...

– Он снова просил меня стать его женой.

– Да – и я знаю почему. – Когда рыцарь хмурился, его тяжелые черные брови сходились вместе над глубоко сидящими глазами.

– Он грезит обо мне днем и ночью, – засмеялась она.

– Простите великодушно, моя королева, но грезит он о ваших драконах.

– Ксаро уверяет, что в Кварте мужчина и женщина сохраняют раздельную собственность после свадьбы. Драконы мои и больше ничьи. – Дрогон проскакал по мраморному полу и залез на подушку рядом с ней.

– Да, это правда, но он забыл упомянуть кое о чем. У квартийцев есть любопытный свадебный обычай. В день бракосочетания жена может попросить мужа о подарке – и если у него есть то, чего она желает, он обязан удовлетворить ее просьбу. А муж может о том же попросить жену. Просить можно только одну вещь – но какой бы она ни была, отказывать нельзя.

– Одну вещь. И отказывать нельзя?

– С одним драконом Ксаро Ксоан Даксос станет правителем этого города, а вам от одного корабля пользы будет немного.

Дени откусила от луковицы,

грустно размышляя о вероломстве мужчин.

— На обратном пути из Зала Тысячи Тронов мы проехали через базар. Там была Куэйтa. — Дени рассказала Мормонту о заклинателе огня, огненной лестнице и о том, что сказала ей женщина в красной маске.

— Я, по правде сказать, с радостью уехал бы из этого города, — сказал рыцарь, — но только не в Асшай.

— Тогда куда же?

— На восток.

— Я и так нахожусь за тридевять земель от моего королевства. Если я уеду еще дальше на восток, то могу и вовсе не найти дорогу в Вестерос.

— Ехать на запад опасно для вашей жизни.

— У дома Таргариенов есть друзья в Вольных Городах, — напомнила она. — Более верные, чем Ксаро или Чистокровные.

— Не знаю, право, так ли это, если речь об Иллирио Мопатисе. За хорошую сумму золотом он продал бы вас, как рабыню.

— Мы с братом полгода гостили у него в доме. Если бы он хотел нас продать, то уже сделал бы это.

— Так ведь он вас и продал. Кхалу Дрого.

Дени покраснела. Это была правда, но ей не понравилась прямота, с которой Мормонт это

высказал.

— Иллирио защищал нас от
ножей узурпатора и верил в дело
моего брата.

— Иллирио верит только в дело
Иллирио. Обжоры, как правило,
люди жадные, а магистры известны
своей неверностью. Иллирио же
Мопатис — и то, и другое. Что вы,
собственно, знаете о нем?

— Я знаю, что он подарил мне
мои драконьи яйца.

— Будь ему известно, что они
способны проклюнуться, он оставил
бы их при себе.

Это вызвало у Дени невольную
улыбку.

— О, в этом-то я не сомневаюсь,

сир. Я знаю Иллирио лучше, чем ты думаешь. Я была ребенком, когда покинула его дом в Пентосе, чтобы выйти замуж за мое солнце и звезды, но ни слепой, ни глухой не была. А теперь я больше не ребенок.

— Даже если Иллирио и друг вам, как вы полагаете, — упорствовал рыцарь, — у него неостанет сил возвести вас на трон в одиночку, как было и с вашим братом.

— Он богат. Возможно, не так, как Ксаро, но достаточно богат, чтобы нанять для меня и корабли, и людей.

— Наемники могут иногда пригодиться, но с подонками из Вольных Городов вы отцовский трон

не отвоюете. Ничто так не сплачивает расколовшееся королевство, как чужеземная армия, вторгшаяся в его пределы.

— Я — их законная королева, — возразила Дени.

— Вы чужестранка, которая хочет высадиться на их берег с ордой захватчиков, не говорящих даже на общем языке. Лорды Вестероса вас не знают и имеют веские причины питать к вам страх и недоверие. Вы должны завоевать их до того, как отплывете, — по крайней мере некоторых.

— Как же я это сделаю, если уеду на восток по твоему совету?

Мормонт съел оливку и

выплюнул косточку в ладонь.

— Не знаю, ваше величество, — признался он, — зато я знаю другое: чем дольше вы остаетесь на одном месте, тем легче вашим врагам будет найти вас. Имя Таргариен все еще пугает их до такой степени, что они послали человека убить вас, когда услышали, что вы ждете ребенка. Что же они сделают, узнав о ваших драконах?

Дрогон свернулся у нее под рукой, горячий, как камень, пролежавший весь день под палящим солнцем. Рейегаль и Визерион сражались из-за кусочка мяса, колотя друг друга крыльями и пуская дым из ноздрей. «Свирепые мои детки.

Нельзя допустить, чтобы им причинили вред».

– Комета привела меня в Кварт не напрасно. Я надеялась собрать здесь войско, но дело, как видно, не в этом. В чем же тогда? – (Мне страшно, но я должна быть храброй.) – Завтра ты пойдешь к Пиату Прею.

Тирион

Девочка не плакала. Мирцелла Баратеон, несмотря на свои детские годы, была прирожденной принцессой. «И она Ланнистер, хотя имя у нее другое, — напомнил себе Тирион, — в ней столько же от Джейме, сколько от Серсеи».

Улыбка у нее, правда, сделалась несколько судорожной, когда братья простились с ней на палубе «Быстрокрылого», но она нашла нужные слова и произнесла их с мужеством и достоинством. Это принц Томмен расплакался при расставании, а Мирцелла его

утешала.

Тирион наблюдал за их прощанием с высокой палубы «Молота короля Роберта», большой боевой галеи на четыреста весел. «Молот Роба», как называют его гребцы, — главная сила эскорта Мирцеллы, в который входят также «Львиная звезда», «Дерзкий ветер» и «Леди Лианна».

Тирион был порядком обеспокоен, расставаясь со столь значительной частью своего и без того малочисленного флота — ведь сколько кораблей ушло с лордом Станнисом на Драконий Камень, не вернувшись больше, — но Серсея и слышать не хотела о меньшем

количестве. Пожалуй, она права. Если девочку захватят в плен до Солнечного Копья, союз с дорнийцами развалится. Пока что Лоран Мартелл всего лишь созвал свои знамена, но обещал, что, когда Мирцелла благополучно доберется до Браавоса, он поставит свое войско на перевалах и преградит дорогу тем лордам Марки, которые вздумают переметнуться к Станнису. Это, конечно, только стратегический ход. Мартеллы не вступят в бой, пока сам Дорн не окажется под угрозой, а Станнис не такой дурак, чтобы нападать на них. Хотя о некоторых его знаменосцах этого не скажешь. Надо будет это обдумать.

Тирион прочистил горло.

— Приказ вам известен, капитан.

— Да, милорд. Мы должны следовать вдоль побережья, оставаясь в виду земли, до мыса Раздвоенный Коготь, а от него отправиться через Узкое море в Браавос. И ни в коем случае не подходить к берегам Драконьего Камня.

— А если враг все-таки заметит вас?

— Если корабль один, мы должны уйти или уничтожить его. Если больше, «Дерзкий ветер» уходит с «Быстрокрылым», чтобы защищать его, а остальные принимают бой.

Тирион кивнул. Если дойдет до

худшего, авось маленький «Быстрокрылый» сумеет уйти от погони. Это суденышко с большими парусами быстрее любого военного корабля — так уверяет его капитан. Добравшись до Браавоса, Мирцелла будет в безопасности. Он дал ей в телохранители сира Ариса Окхарта и нанял браавосцев, чтобы проводили ее до самого Солнечного Копья. Даже Станнис поостережется ссориться с самым большим и могущественным из Вольных Городов. Плыть из Королевской Гавани в Дорн через Браавос — путь не самый прямой, зато наиболее безопасный... так по крайней мере надеялся Тирион.

«Если бы Станнис знал об этом

отплытии, он не мог бы выбрать лучшего времени для того, чтобы послать против нас свой флот». Тирион посмотрел туда, где Черноводная вливалась в залив, и испытал облегчение, не увидев парусов на широком зеленом горизонте. Согласно последнему донесению, флот Баратеона по-прежнему стоит у Штормового Предела, где сир Кортни Пенроз продолжает держать замок именем покойного Ренли. Тем временем заградительные башни Тириона достроены только на три четверти. Люди и теперь ведут кладку, ворочая тяжелые каменные блоки, и, конечно, проклинаяют его за то, что он

заставил их работать в праздник. Ничего, пусть ругаются. «Еще две недели, Станнис, – вот все, чего я прошу. Две недели – и все будет сделано».

Племянница опустилась на колени перед верховным септоном, чтобы он благословил ее в путь. Солнце, отражаясь в его кристальной короне, бросало радужные блики на запрокинутое лицо Мирцеллы. Слов молитвы за шумом гавани не было слышно. «Надо надеяться, у богов более острый слух. Верховный септон здоров, как буйвол, а многословием и важностью превосходит даже Пицеля. Довольно, старик, заканчивай, – с

раздражением думал Тирион. – У богов есть дела позанятнее, чем слушать тебя, и у меня тоже».

Священнослужитель перестал наконец бубнить, и Тирион распрощался с капитаном «Молота Роба».

– Доставьте благополучно мою племянницу в Браавос, и по возвращении вас сделают рыцарем, – пообещал он.

Спустившись по крутым сходням на берег, Тирион ощутил на себе недобрые взоры. Из-за того, что он сошел с корабля, его развалистая походка стала еще заметнее. «Бьюсь об заклад, им охота посмеяться». Открыто это делать никто не

осмеливался, но сквозь потрескивание снастей и плеск воды у свай ему слышались шепотки. «Они меня не любят. Что ж, ничего удивительного. Я, урод, ем досыта, а они голодают».

Бронн проводил его через толпу к сестре и племяннице. Серсея не смотрела на него, предпочитая расточать улыбки кузену. Тирион, поглядев на очаровашку Лансея с глазами зелеными, как изумруды на ее белой шее, усмехнулся про себя, думая: «Я знаю твой секрет, Серсея». Его сестра последнее время часто посещает верховного септона, чтобы получить благословение богов в предстоящей войне со Станнисом...

таков по крайней мере предлог. На самом деле после краткого пребывания в Великой Септе Бейелора она облачается в бурый дорожный плащ и отправляется к некоему межевому рыцарю, носящему неудобопроизносимое имя сир Осмунд Кеттлблэк, и его столь же неблагозвучным братьям Осни и Осфиду. Об этом Тириону рассказал Лансель. С помощью Кеттлблэков Серсея намерена собрать собственный отряд наемников.

Что ж, пусть тешится своим заговором. Она гораздо любезнее, когда полагает, что перехитрила его. Кеттлблэки будут дурить ей голову, брать ее деньги и обещать ей все что

удовно – почему бы и нет, если Бронн платит им ровно столько же до последнего гроша? Мошенничать эта милая троица умеет куда лучше, чем лить кровь. Серсея приобрела три пустых барабана – гремят они так, что любо-дорого, но внутри нет ничего. Тириона это забавляло как нельзя более.

Затрубили рога – «Львиная звезда» и «Леди Лианна» отошли от берега и отправились вниз по реке, чтобы освободить дорогу «Быстрокрылому». Из толпы на берегу слышалось жидкое и нестройное «ура». Мирцелла улыбалась и махала с палубы. Рядом с ней стоял Арис Окхарт в белом

плаще. Капитан приказал отдать швартовы, весла вывели корабль на быстрый стрежень Черноводной, и его паруса распустились на ветру — Тирион настоял на простых белых парусах вместо красных, цвета Ланнистеров. Принц Томмен плакал навзрыд.

— Чего разнылся, как грудной младенец, — цыкнул на него брат. — Принцы не плачут.

— Принц Эйемон, Рыцарь-Дракон, плакал в тот день, когда принцесса Нейерис вышла за его брата Эйегона, — заметила Санса Старк, — и близнецы сир Аррик и сир Эррик умерли со слезами на глазах, смертельно ранив друг друга.

– Замолчи, или я прикажу сирю Меррину нанести смертельную рану тебе, – одернул Джоффри свою невесту. Тирион посмотрел на сестру, но Серсея с увлечением слушала сира Бейлона Сванна. Неужели она на самом деле слепа и глуха к истинной натуре своего сына?

«Дерзкий ветер» спустил весла на воду и двинулся следом за «Быстрокрылым». Последним шел «Молот короля Роберта», цвет королевского флота... если не считать тех судов, что в прошлом году ушли на Драконий Камень со Станнисом. Тирион сам отбирал корабли, избегая капитанов, чья верность, по словам Вариса, была

сомнительна... но Варис и сам сомнителен, полностью на него полагаться нельзя. «Мне нужны собственные осведомители, – думал Тирион. – Им, впрочем, тоже не следует доверяться. Доверься – и будешь убит».

Ему снова вспомнился Мизинец. Они не получили ни слова от Петира Бейлиша с тех пор, как он отправился к Горькому Мосту. Это могло означать что угодно – или ничего. Даже Варис не мог сказать наверное – он лишь предполагал, что в пути с Мизинцем могло случиться несчастье. Возможно, он даже убит. Тирион только фыркнул на это. «Если Мизинец убит, то я гигант».

Вероятнее всего, что Тиреллы тянут с ответом. Едва ли их можно за это винить. «На месте Мейса Тирелла я предпочел бы вздеть голову Джоффри на пику, нежели пустить его в постель к своей дочери».

Маленькая флотилия вышла в залив, и Серсея сказала, что пора возвращаться. Бронн подвел Тириону коня и помог ему сесть. Этим должен был заниматься Подрик Пейн, но Подрика оставили в Красном Замке. Иметь рядом наемника было куда надежнее, чем мальчугана.

Вдоль узких улиц стояли стражники, тесня толпу назад древками копий. Сир Джаселин

Байвотер ехал впереди, возглавляя клин конных копейщиков в черных кольчугах и золотых плащах. За ним следовал сир Арон Сантагар и сир Бейлон Сванн с королевскими знаменами – львом Ланнистеров и коронованным оленем Баратеонов.

Король Джоффри ехал на высоком сером скакуне, в золотой короне на золотых локонах. Санса Старк сопровождала его на гнедой кобыле, не глядя ни вправо, ни влево, ее густые волосы цвета осени струились по плечам из-под сетки с лунными камнями. С боков их охраняли двое королевских гвардейцев – Пес справа от короля и сир Мендон Мур слева от Сансы.

Далее следовали шмыгающий носом Томмен с сиром Престоном Гринфилдом и Серсея с сиром Ланселем под охраной Меррина Транта и Бороса Блаунта. Тирион держался рядом с сестрой. За ними везли в носилках верховного септона, а следом тянулся длинный хвост придворных – сир Хорас Редвин, леди Танда с дочерью, Джалабхар Ксо, лорд Джайлс Росби и прочие. Двойная колонна стражников замыкала процессию.

Горожане, небритые и неумытые, с угрюмой злобой взирали на всадников из-за линии копий. «Ох, не нравится мне это», – думал Тирион. Бронн разместил в толпе два

десятка своих наемников с наказом предотвращать возможные беспорядки. Возможно, Серсея отдала своим Кеттлблэкам такое же распоряжение, но Тирион не слишком верил в подобные меры. Если пудинг стоит на слишком сильном огне, ты не спасешь его от подгорания, добавив в кастрюлю пригоршню изюма.

Они пересекли Рыбную площадь и проехали по Грязной улице, повернув затем в узкий крюк, чтобы начать подъем на холм Эйегона. «Да здравствует Джоффри!» – крикнуло несколько голосов, когда молодой король проехал мимо, но на каждого подхватившего здравицу сто человек

хранило молчание. Ланнистеры двигались сквозь море оборванных мужчин и голодных женщин, рассекая волны ненавидящих взоров. Серсея смеялась над какой-то шуткой Лансея, но Тирион подозревал, что ее веселье притворно. Она не могла не чувствовать настроения толпы, но ни за что не показала бы виду.

На середине подъема между двумя стражниками с воём протиснулась женщина, держа над головой трупик своего ребенка — синий, распухший и жуткий, но еще страшнее были глаза матери. Джоффри чуть было не растоптал ее конем, но Санса что-то сказала ему, и король, порывшись в кошельке,

бросил женщине серебряного оленя. Монета, отскочив от мертвого ребенка, покатила под ноги золотым плащам в толпу, где дюжина человек вступила в драку из-за нее. Мать смотрела немигающими глазами, и ее руки, вздымавшие мертвую ношу, дрожали.

– Оставьте ее, ваше величество, – крикнула королю Серсея, – ей уже ничем не поможешь, бедняжке.

Голос королевы пробудил что-то в поврежденном разуме женщины. Ее лицо искривилось в гримасе ненависти, и она завопила:

– Шлюха Цареубийцы! Кровосмесительница! – Ребенок кулем покатился у нее из рук,

протянувшихся к Серсее. — Кровосмесительница! С братом спала!

Кто-то залепил в едущих навозом. Санса ахнула. Джоффри выругался, и Тирион увидел, что король вытирает грязь со щеки. Навоз застрял в его золотых волосах и обрызгал ноги Сансы.

— Кто это сделал? — заорал Джоффри, запустив руку в волосы и вытряхнув оттуда еще пригоршню грязи. — Подать его сюда! Сто золотых драконов тому, что выдаст его!

— Вон он, наверху! — крикнул кто-то из толпы. Король повернул, коня кругом, оглядывая крыши и

балконы. Люди в толпе тыкали пальцами вверх, ругая друг друга и короля.

— Прошу вас, ваше величество, не надо, — взмолилась Санса, но король не слушал ее.

— Приведите мне человека, который швырнул эту мерзость! Пусть слижет ее с меня, если не хочет лишиться головы! Пес, найди его немедленно!

Сандор Клиган послушно спешился, но не было и речи о том, чтобы пробиться сквозь живую стену тел. Передние шарахались, задние напирали, чтобы поглядеть. Тирион почуял беду.

— Брось это, Клиган, он давно

удрал.

— Взять его! Он был вон там! — Джоффри указал на крышу. — Пес, руби их всех и приведи...

Рев, хлынувший со всех сторон, заглушил его слова — рев, полный ярости, страха и ненависти.

— Бастард! — вопили голоса. — Гнусный ублюдок! — В адрес королевы неслось: — Шлюха! Братнина подстилка! — Тириону кричали: — Урод! Полчеловека! — В общем шуме он расслышал голоса: — Правосудия! Робб, король Робб, Молодой Волк! Станнис! — И даже: — Ренли! — Толпа по обеим сторонам улицы напирала на стражников, едва сдерживавших живой прилив. В

воздухе мелькали комья навоза и камни. — Накормите нас! — крикнула женщина. — Хлеба! — заревел мужчина. — Дай нам хлеба, ублюдок! — Тысяча голосов подхватила его призыв. Король Джоффри, король Робб и король Станнис были забыты — воцарился Король Хлеб. — Хлеба! — ревело вокруг. — Хлеба! Хлеба!

— В замок! — крикнул Тирион сестре. — Скорее! — Серсея кивнула, сир Лансель обнажил меч, Джаселин Байвотер выкрикнул команду, и его конники, опустив копья, клином двинулись вперед. Король крутился на месте, и множество рук из-за ряда золотых плащей пытались схватить его. Одна вцепилась ему в ногу, но

меч сира Мендона тут же отсек ее. — Вперед! — крикнул Тирион племяннику, хлопнув его коня по крупу. Скакун взвился на дыбы и помчался, заставив толпу шарахнуться прочь.

Тирион скакал по пятам короля, Бронн, с мечом в руке, держался рядом. Мимо их голов просвистел камень, гнилой кочан капусты шмякнулся о щит сира Мендона. Слева трое золотых плащей рухнули, не выдержав напора, и толпа хлынула вперед, топча упавших. Пес остался где-то позади, но его конь бежал рядом с остальными. Арона Сантагара стащили с седла, вырвав у него золотое с черным знамя

Баратеонов. Сир Бейлон сам бросил
льва Ланнистеров и выхватил меч.
Он рубил направо и налево, а
упавшее знамя рвали на куски, и
красные клочья кружились над
толпой, словно листья на ветру. Еще
миг — и они исчезли. Кто-то сунулся
под копыта коня Джоффри и завопил,
когда король его смял. Тирион не
успел разглядеть, кто это был —
мужчина, женщина или ребенок.
Джоффри скакал с белым как мел
лицом, сир Мендон Мур маячил
слева от него, как белая тень.

Но тут копыта застучали по
булыжнику перед навесной башней
замка. Шеренга копейщиков держала
ворота. Сир Джаселин развернул

своих, обратив их копыта назад. Король со свитой проехал под решеткой, и блеклые красные стены сомкнулись вокруг, успокоительно высокие, с лучниками на гребне.

Тирион не помнил, как слез с коня. Сир Мендон помог сойти дрожащему королю. Подъехали Серсея, Томмен и Лансель с сиром Меррином и сиром Боросом. Борос обагрил свой меч кровью, с Меррина сорвали белый плащ. Сир Бейлон Сванн лишился шлема, рот его взмыленного коня кровоточил. Хорас Редвин сопровождал леди Танду, обезумевшую от страха за свою дочь Лоллис, которая, сдернутая с седла, осталась позади. Лорд Джайлс с

лицом еще более серым, чем обычно, повествовал, заикаясь, как верховного септона вытащили из носилок и он, взывающий к богам, исчез в толпе. Джалабхар Ксо как будто видел, что сир Престон Гринфилд устремился к его перевернутым носилкам, но поручиться за это не мог.

Тирион смутно расслышал голос мастера, спрашивающего, не ранен ли он, и прошел через двор к племяннику, стоявшему в сбившейся набекрень, залепленной навозом короне.

— Предатели, — захлебываясь, лепетал Джоффри. — Я их всех обезглавлю, я...

Тирион закатил ему такую пощечину, что корона скатилась с головы, толкнул обеими руками и сбил с ног.

— Ах ты дурак этакий! Проклятый слепец!

— Они предатели! — вопил Джоффри снизу. — Они ругали меня бранными словами и нападали на меня!

— А кто натравил на них своего пса? Ты что ж думал, они станут на колени, пока Пес будет рубить их? Ты безмозглый испорченный мальчишка — ты погубил Клигана и боги ведают скольких еще, а сам не получил ни единой царапины. Будь ты проклят! — Тирион пнул его ногой.

Это было так приятно, что он собрался повторить еще раз, но сир Мендон Мур оттащил его от воющего Джоффри, а Бронн удержал на месте. Серсея опустилась на колени рядом с сыном, сир Бейлон Сванн сдерживал сира Лансея. Тирион освободился из рук Бронна. — Сколько еще человек осталось в городе? — крикнул он сам не зная кому.

— Моя дочь, — вопила леди Танда.
— Прошу вас, вернитесь за ней.
Лоллис...

— Сира Престона нет, — доложил сир Борос Блаунт, — и Арона Сантагара.

— И Нянюшки тоже, — сказал сир Хорас Редвин. Так оруженосцы

прозвали юного Тирека Ланнистера.

Тирион оглядел двор:

– Где Санса Старк?

После общего молчания

Джоффри сказал:

– Она ехала рядом со мной. Не знаю, куда она подевалась.

Тирион прижал пальцы к пульсирующим вискам. Если с Сансой что-то случилось, Джейме все равно что мертвец.

– Сир Мендон, ее щитом были вы.

– Когда толпа поглотила Пса, я подумал прежде всего о короле.

– И правильно, – похвалила Серсея. – Борос, Меррин – ступайте назад и найдите девочку.

– И мою дочь, – рыдала леди Танда. – Пожалуйста, сиры...

Сира Бороса явно не прельщала мысль покинуть безопасные стены замка.

– Ваше величество, – сказал он королеве, – один вид наших белых плащей приведет толпу в ярость.

У Тириона лопнуло терпение.

– Пусть Иные возьмут ваши поганые плащи! Сними его, если боишься, олух ты этакий, но найди мне Сансу Старк... не то, клянусь, Шагга расколется твою башку надвое, и мы поглядим, есть ли там что внутри, кроме опилок.

Сир Борос побагровел от гнева.

– И ты еще смеешь грозить мне,

уродец? — Он стал поднимать окровавленный меч, все еще зажатый в его кольчужном кулаке. Бронн, бесцеремонно отпихнув Тириона, загородил его собой.

— Перестаньте! — рывкнула Серсея. — Борос, исполняй приказ, или мы найдем твоему плащу другого хозяина. Ты присягал...

— Вот она! — закричал вдруг Джоффри.

Сандор Клиган рысью въехал в ворота на гнедой лошади Сансы. Девочка сидела позади него, обхватив Пса за пояс.

— Леди Санса, вы ранены? — окликнул ее Тирион. На лоб ей стекала кровь из глубокой раны в

голове.

— Они... они бросались разными вещами, камнями и грязью, яйцами... Я хотела сказать им, что у меня нет хлеба, чтобы им дать, и какой-то человек стал тащить меня из седла. Пес, наверное, убил его... его рука. — Ее глаза округлились, и она зажала рот. — Он отрубил ему руку!

Клиган спустил ее наземь. Его белый плащ был замаран и порван, из прорехи на левом рукаве сочилась кровь.

— Пташка ранена. Отведите ее кто-нибудь в клетку и перевяжите. — Мейстер Френкен поспешно повиновался. — Сандагару конец, —

продолжал Пес. — Четверо мужиков зацапали его и поочередно били головой о булыжник. Я выпустил кишки одному, но сиру Арону это пользы не принесло.

— Моя дочь... — бросилась к нему леди Танда.

— Ее я не видел. — Пес хмуро оглядел двор. — Где мой конь? Если с ним что-то стряслось, кое-кто мне заплатит.

— Он бежал рядом с нами, — сказал Тирион, — но куда потом девался, не знаю.

— Пожар! — раздался крик с навесной башни. — Милорды, в городе дым. Блошиный Конец горит.

Тирион устал до предела, но

отчаиваться не было времени.

— Бронн, возьми людей, сколько нужно, и бочки с водой. — «Боги, дикий огонь! Если пожар до него доберется...» — Пусть Блошиный Конец хоть весь сгорит, но огонь ни в коем случае не должен дойти до Гильдии Алхимиков, ты понял? Клиган, отправишься с ним.

На миг Тириону показалось, что он увидел страх в темных глазах Пса. Ну да — огонь. «Иные меня возьми, конечно же, он боится огня, он испробовал его на своей шкуре». Однако страх тут же сменился привычной для Пса хмурой гримасой.

— Я пойду, но не по твоему

приказу. Мне надо найти моего коня.

Тирион повернулся к трем оставшимся королевским гвардейцам:

— Каждый из вас отправится в город с герольдом. Прикажите людям вернуться в свои дома. Все, кто останется на улице после вечернего сигнала, будут преданы смерти.

— Наше место рядом с королем,
— проворчал сир Меррин.

Серсея взвилась, как змея.

— Ваше место там, где укажет мой брат. Десница говорит голосом короля, и неповиновение ему есть измена.

Борос и Меррин переглянулись.

— Должны ли мы надеть свои

плащи, ваше величество?

– Отправляйтесь хоть голые, мне дела нет. Может, это напомним толпе, что вы мужчины. Об этом немудрено забыть, поглядев, как вы вели себя на улице.

Тирион предоставил сестре бушевать. Голова у него раскалывалась. Ему казалось, что он чует дым, хотя это, возможно, его мозги дымились. Дверь в башню Десницы охраняли двое Каменных Ворон.

– Найдите мне Тиметта, сына Тиметта, – приказал им Тирион.

– Каменные Вороны не бегают за Обгорелыми, – надменно отвечивал один из дикарей.

Да, правда – Тирион позабыл, с кем имеет дело.

– Тогда найдите Шаггу.

– Шагга спит.

Тирион сделал над собой усилие, чтобы не заорать в голос.

– Так разбуди его.

– Непростое это дело – будить Шаггу, сына Дольфа. В гневе он страшен, – проворчал горец, однако ушел.

Вождь клана явился, зевая и почесываясь.

– Половина города бунтует, другая половина горит, а Шагга знай себе дрыхнет, – сказал Тирион.

– Шагга не любит вашу нечистую воду, поэтому ему

приходится пить ваш слабый эль и кислое вино, а потом у него болит голова.

— Шая живет в доме у Железных ворот. Отправляйся туда и позаботься о ней, что бы ни случилось.

Громадный дикарь ощерился, открыв желтые зубы в косматой бороде.

— Шагга приведет ее сюда.

— Просто присмотри, чтобы с ней не случилось худого. Скажи ей, что я приду, как только смогу. Ночью, если получится, а завтра уж точно.

К вечеру город был еще неспокоен, хотя Бронн доложил, что пожар успешно тушат и возбужденные толпы расходятся по

домам. Как ни жаждал Тирион обрести утешение в объятиях Шай, он понял, что ночью отлучиться не сможет.

Когда он ужинал холодным каплуном и черным хлебом в полумраке своей горницы, сир Джаселин Байвотер принес ему список убитых. К тому времени совсем уже стемнело, но когда слуги пришли зажечь свечи и растопить очаг, Тирион наорал на них и прогнал прочь. Настроение его было столь же мрачным, как ночь за окном, и Байвотер не помог ему исправиться.

Список возглавлял верховный септон, растерзанный на куски в то самое время, как взывал к богам о

милосердии. Голодные, надо полагать, не выносят вида слишком жирных священников.

Тело сира Престона нашли не сразу: золотые плащи искали рыцаря в белых доспехах и проходили мимо искромсанного трупа, красно-бурого с головы до пят.

Сир Арон Сантагар валялся в канаве — его голова превратилась в месиво внутри разбитого шлема.

Дочь леди Танды отдала свое девичество полусотне мужиков на задах мастерской дубильщика. Когда подоспели золотые плащи, она блуждала голая по Свиному ряду.

Тирека не нашли до сих пор, как и кристальную корону верховного

септона. Девять золотых плащей было убито, двадцать ранено. Сколько погибло горожан, никто подсчитать не потрудился.

— Тирека нужно найти живым или мертвым, — отрезал Тирион, когда Байвотер закончил. — Он совсем еще мальчик, сын моего покойного дяди Тигетта. Его отец всегда был добр ко мне.

— Мы найдем его. И корону септона тоже.

— Пусть ее Иные суют друг дружке в зад, септонскую корону.

— Поставив меня командовать городской стражей, вы сказали, что всегда хотите слышать только правду.

— Я чувствую, мне совсем не

понравится то, что вы хотите сказать,
– угрюмо молвил Тирион.

– Сегодня мы отстояли город, милорд, но относительно завтрашнего дня я вам не поручусь. Котел бурлит вовсю. Кругом развелось столько воров и убийц, что никто не может быть спокойным за свой дом, в трущобах вдоль Вонючей Канавы множится кровавый понос, еды не купишь ни за медяк, ни за сребреник. Если раньше об этом шептались по углам, теперь в цехах и на рынках изменнические разговоры ведутся в открытую.

– Вам нужны еще люди?

– Из тех, что у меня есть сейчас, я и половине не доверяю. Слинг

утроил свою стражу, но для того, чтобы стать стражем порядка, золотого плаща мало. Среди новобранцев встречаются хорошие люди, но скотов, олухов, трусов и предателей тоже хватает. Все они плохо обучены, недисциплинированы, и собственная шкура у них на первом месте. Если дойдет до боя, долго они, боюсь, не продержатся.

— Я на это и не надеюсь. Как только стену проломают, нам конец — я это знал с самого начала.

— Мои люди набраны в основном из простонародья. Они ходят по тем же улицам, пьют в тех же кабаках, хлебают похлебку в тех же харчевнях.

Вы, должно быть, уже знаете от вашего евнуха, что Ланнистеров в Королевской Гавани не очень-то любят. Многие еще помнят, как ваш лорд-отец разорил город, когда Эйерис открыл ему ворота. В народе ходят разговоры, что боги карают нас за грехи вашего дома — за то, что ваш брат убил короля Эйериса, за убиенных детей Рейегара, за казнь Эддарда Старка и несправедливый суд Джоффри. Кое-кто открыто говорит о том, что при Роберте жилось куда лучше, и намекают, что со Станнисом на троне все снова будет хорошо. Это слышно повсюду — в кабаках, харчевнях и борделях, да и в казармах, боюсь, тоже.

– Вы хотите сказать, что мое семейство в городе ненавидят?

– Да – и расправятся с ним, если представится случай.

– И меня в том числе?

– Спросите вашего евнуха.

– Я спрашиваю вас.

Глубоко сидящие глаза Байвотера не мигая встретили разномастный взгляд карлика.

– Вас ненавидят больше всех, милорд.

– Больше всех?! – Тирион чуть не поперхнулся от такой несправедливости. – Это Джоффри посоветовал им есть своих мертвецов, Джоффри натравил на них своего пса. За что они меня-то

винят?

— Его величество всего лишь мальчик. На улицах говорят, что у него дурные советчики. Королева никогда не была известна как друг народа, и лорда Вариса не от большой любви прозвали Пауком... но вас винят в первую очередь. Ваша сестра и евнух были здесь и в лучшие времена, при короле Роберте, а вот вас не было. Говорят, что вы наводнили город наглыми наемниками и немытыми дикарями, зверями, которые берут что хотят и не знают никаких законов, кроме своих собственных. Говорят, что вы изгнали Яноса Слинта потому, что он был слишком прям и честен на

ваш вкус. Говорят, что вы бросили мудрого и доброго Пицеля в темницу, когда он осмелился поднять голос против вас. Некоторые утверждают даже, что вы сами хотите сесть на Железный Трон.

– Притом я урод и чудовище, не забывайте об этом. – Рука Тириона сжалась в кулак. – С меня довольно. Нас обоих ждут дела. Оставьте меня.

«Возможно, мой лорд-отец не напрасно презирал меня все эти годы, раз это все, чего я добился». Тирион посмотрел на остатки своего ужина, и его замутило при виде холодного жирного каплуна. Он с отвращением отодвинул блюдо, кликнул Пода и велел ему позвать

Вариса и Бронна. «Мои самые доверенные советники — евнух и наемник, а дама моя — шлюха. Что после этого можно сказать обо мне?»

Бронн пожаловался на темноту и настоял на том, чтобы разжечь очаг. Когда явился Варис, огонь уже разгорелся.

— Где ты был? — осведомился Тирион.

— Исполнял поручение короля, милорд.

— Короля, короля. Мой племянник и на горшке-то неспособен сидеть, не говоря уж о Железном Троне.

— Подмастерье учится ремеслу смолоду, — пожал плечами Варис.

– Половина подмастерий с Вонючей Канавы правила бы лучше, чем твой король, – Бронн уселся за стол и оторвал от каплуна крыло.

Тирион, как правило, не замечал наглых выходок наемника, но сегодня это его взбесило.

– Я не помню, чтобы разрешил тебе доедать мой ужин.

– Ты ж все равно не ешь, – с набитым ртом проговорил Бронн. – В городе голод, и едой бросаться грешно. А вина у тебя нет?

«Скоро он захочет, чтобы я ему налил», – подумал Тирион и предупредил:

– Ты заходишь слишком далеко.

– Зато ты – недостаточно далеко.

– Бронн кинул обглоданную кость на тростник. – Подумай только, как легко было бы жить, если б другой мальчуган родился первым. – Он запустил пальцы в каплуна и оторвал кусок грудки. – Плакса Томмен. Он, похоже, делал бы то, что ему велят, как и подобает хорошему королю.

Холод пробежал у Тириона по спине: он понял, на что намекает наемник. Если бы королем был Томмен...

Томмен может стать королем лишь в одном случае. Нет, нельзя даже думать об этом. Джоффри – его родная кровь и сын Джейме не меньше, чем Серсеи.

– Я мог бы отрубить тебе голову

за такие слова, – сказал карлик Бронну, но тот засмеялся.

– Друзья, – сказал Варис, – сейчас не время ссориться. Прошу вас, не держите сердца.

– Чьего? – буркнул Тирион. Он охотно подержал бы несколько, на выбор.

Давос

Сир Кортни Пенроз, без доспехов, сидел на гнедом жеребце, его знаменосец – на сером в яблоках. Над ними, рядом с коронованным оленем Баратеонов, развевались скрещенные гусиные перья Пенрозов, белые на рыжем поле. Лопатообразная борода сира Кортни тоже была рыжей, а вот голова совсем облысела. Если великолепие королевской свиты и поражало его, на обветренном лице рыцаря это не отражалось.

Отряд короля приближался, позванивая дорогими цепями и

брячая сталью. Даже Давос имел на себе кольчугу, непонятно зачем надетую. Плечи и поясница у него болели от непривычной тяжести, он чувствовал себя неуклюже, как последний дурак, и снова спрашивал себя, зачем он здесь.

«Не мне обсуждать королевский приказ, но все же...»

Каждый в свите короля был выше по рождению и занимал более важный пост, чем Давос Сиворт, — все эти знатные лорды прямо блистали на утреннем солнце. Их доспехи были отделаны серебром и золотом, на шлемах вздымались шелковые плюмажи, перья, искусно отлитые геральдические звери с

глазами из драгоценных камней. Сам Станнис казался не к месту в этом блистательном обществе, одетый, как и Давос, в шерсть и вареную кожу, только корона червонного золота придавала ему определенное величие. Зубцы в виде языков пламени сверкали на солнце, когда он поворачивал голову.

Сейчас Давос был еще ближе к его величеству, чем за все восемь дней с того времени, как «Черная Бета» присоединилась к остальному флоту у Штормового Предела. Он явился к королю сразу после прибытия, но ему сказали, что король занят. От своего сына Девана, одного из королевских оруженосцев,

Давос узнал, что король теперь занят постоянно. Сейчас, когда Станнис Баратеон вошел в силу, лорды всех мастей жужжат вокруг него, как мухи вокруг мертвеца. Он и сам словно мертвец — здорово постарел с тех пор, как Давос отплыл с Драконьего Камня. Деван сказал, что король почти вовсе не спит. «После смерти лорда Ренли его мучают страшные сны, — признался отцу мальчик. — Лекарства мейстера ему не помогают. Только леди Мелисандре удастся усыпить его».

Вот, значит, почему она теперь живет в его шатре? Чтобы молиться с ним вместе? Или она убаюкивает его иным способом? Но такой вопрос

Давос даже сыну не посмел задать. Деван хороший мальчик, но он носит на груди пылающее сердце, и Давос видел его у вечерних костров – он молил Владыку Света принести в мир утреннюю зарю. Ну что ж, он королевский оруженосец – следовало ожидать, что он будет молиться тому же богу, что его король.

Давос успел уже позабыть, какими высокими и толстыми выглядят вблизи стены Штормового Предела. Король Станнис остановился под ними в нескольких футах от сира Кортни.

– Сир, – с холодной учтивостью произнес он, оставшись в седле.

– Милорд. – Не столь учтиво, но

иного и ожидать было нечего.

— К королю принято обращаться «ваше величество», — заметил лорд Флорент.

На его панцире светился червонным золотом лис в кольце лазоревых цветов. Очень высокий, очень знатный, очень богатый, лорд Брайтуотера первым из знаменосцев Ренли перешел к Станнису и первым отрекся от старых богов ради Владыки Света. Свою королеву Станнис оставил на Драконьем Камне вместе с ее дядей Акселлом, но ее люди стали многочисленнее и сильнее, чем когда-либо, а главным у них был Алестер Флорент.

Сир Кортни не ответил ему,

обращаясь только к Станнису:

– Избранное общество. Лорды Эстермонт, Эррол и Варнер. Сир Джон из Фоссовеев зеленого яблока и сир Брайан из Фоссовеев красного. Лорд Карон и сир Гюйард из Радужной Гвардии Ренли... и, разумеется, знатный лорд Алестер Флорент из Брайтуотера. Не вашего ли Лукового Рыцаря я вижу там позади? Здравствуйте, сир Давос. Дама, к сожалению, мне незнакома.

– Меня зовут Мелисандра, сир. – Она одна была без доспехов, в своих развевающихся красных одеждах. Большой рубин у нее на шее пил солнечный свет. – Я служу вашему королю и Владыке Света.

— Желаю вам всяческой удачи в этом, миледи, — но я верую в других богов, и король у меня другой.

— Есть лишь один истинный король и один истинный бог, — объявил лорд Флорент.

— Нам предстоит изощряться в богословии, милорд? Знай я об этом, я прихватил бы с собой септона.

— Вам отлично известно, зачем мы здесь собрались, — сказал Станнис. — Я дал вам две недели, чтобы обдумать мое предложение. Вы рассылали воронов, но помощь не пришла. И не придет. Штормовой Предел остался в одиночестве, и мое терпение иссякло. В последний раз, сир, приказываю вам открыть ворота

и вручить мне то, что принадлежит мне по праву.

– Ваши условия? – спросил сир Кортни.

– Они остаются прежними. Я прощу вам вашу измену, как простил тем лордам, которых вы видите позади меня. Люди вашего гарнизона вольны перейти на службу ко мне, либо отправиться по домам, не понеся никакого ущерба. Вы можете оставить свое оружие и столько имущества, сколько можно унести на себе, но я заберу ваших лошадей и вьючных животных.

– А Эдрик Шторм?

– Бастард моего брата должен быть передан мне.

– В таком случае я снова отвечаю «нет», милорд.

Король молча стиснул челюсти, Мелисандра же сказала:

– Да охранит вас Владыка Света в темноте вашей, сир Кортни.

– Да поймеют Иные вашего Владыку Света, – рявкнул Пенроз, – и да подотрут ему задницу тряпкой, под которой вы приехали.

Лорд Алестер Кортни прочистил горло.

– Сир Кортни, следите за своим языком. Его величество не желает мальчику зла. Это дитя – его родная кровь, и моя тоже. Его матерью была моя племянница Делена – это всем известно. Если вы не верите королю,

доверьтесь мне. Вы знаете, что я человек чести...

— Я знаю, что вы человек честолюбивый. Человек, который меняет королей и богов, как я сапоги. То же касается и других перевертышей, которых я вижу перед собой.

По свите короля пробежал гневный ропот. «А ведь он, в сущности, прав», — подумал Давос. Еще совсем недавно Фоссовеи, Гюйард Морриген, лорды Карон, Варнер, Эррол и Эстермонт были сторонниками Ренли. Они заседали в его шатре, помогали ему составлять военные планы, направленные против того же Станниса. И лорд

Флорент был среди них – он родной дядя королевы Селисы, но это не помешало ему склонить колено перед Ренли, когда звезда Ренли всходила.

Брюс Карон выехал немного вперед – его длинный радужный плащ полоскался под ветром с залива.

– Здесь нет перевертышей, сир. Я присягал Штормовому Пределу, а король Станнис – его полноправный властелин... и наш истинный король. Он последний из дома Баратеонов, наследник Роберта и Ренли.

– Если это так, почему с вами нет Рыцаря Цветов? Где Матис Рован? Рендил Тарли? Леди Окхарт?

Почему с вами нет тех, кто любил Ренли больше всего? Где Бриенна Тарт, спрашиваю я вас?

— Она-то? — рассмеялся сир Гюйард Морриген. — Она сбежала, и ясно почему. Это от ее руки погиб король.

— Ложь, — сказал сир Кортни. — Я знал Бриенну еще девочкой, когда она играла у ног своего отца в Вечернем Замке, и узнал еще лучше, когда Вечерняя Звезда прислал ее сюда, в Штормовой Предел. Она полюбила Ренли Баратеона, как только увидела его впервые, — это и слепому было ясно.

— Верно, — бросил лорд Флорент, — и она не первая девица, убившая

мужчину, который ее обесчестил. Но что до меня, я верю, что короля убила леди Старк. Она ехала от самого Риверрана, чтобы добиться союза с ним, а Ренли ей отказал. Она, конечно, усматривала в этом опасность для своего сына и убрала короля с дороги.

— Это была Бриенна, — настаивал лорд Карон. — Сир Эммон Кью поклялся в этом перед смертью — а я клянусь вам, сир Кортни.

— Да чего она стоит, твоя клятва? — презрительно проворчал сир Кортни. — На тебе разноцветный плащ — тот самый, который дал тебе Ренли, когда ты поклялся в верности ему. Если он мертв, почему ты жив?

То же самое я спрашиваю у вас, сир, — обратился он к Гюйарду Морригену. — Вы ведь Гюйард Зеленый из Радужной Гвардии? И тоже клялись отдать жизнь за своего короля? Будь у меня такой плащ, я стыдился бы носить его.

— Радуйся, что у нас мирные переговоры, Пенроз, — взъярился Морриген, — не то я отрезал бы тебе язык за такие слова.

— И похоронил бы его заодно со своим мужским признаком?

— Довольно! — сказал Станнис. — Владыка Света наказал моего брата смертью за его измену. Кто совершил это, не имеет значения.

— Для вас, возможно, и не имеет.

Я выслушал ваше предложение, лорд Станнис, — теперь выслушайте мое. — Сир Кортни снял с руки перчатку и бросил ее прямо в лицо королю. — Вызываю вас на поединок. Оружие назовите сами — мечи, копья, что угодно. Если же вы боитесь сами выйти против старика со своим волшебным мечом, рискнув королевской шкурой, назовите своего бойца — и я брошу вызов ему. — Рыцарь метнул уничтожающий взгляд на Гюйарда Морригена и Брюса Карона. — Любой из этих щенков подойдет в самый раз.

Сир Гюйард Морриген потемнел от гнева.

— Я подниму перчатку, если

будет угодно королю.

— Я тоже. — Брюс Карон смотрел на Станниса.

Король скрипнул зубами.

— Нет.

Сира Кортни это не удивило.

— В чем вы сомневаетесь, милорд, — в правоте своего дела или в силе своей руки? Или вы боитесь, что я помочусь на ваш меч и он погаснет?

— А вы, я вижу, за дурака меня держите, сир? У меня двадцать тысяч человек. Вы осаждены с суши и с моря. С чего мне выходить на поединок, если победа и так будет за мной? — Король погрозил рыцарю пальцем. — Предупреждаю вас: если

вы вынудите меня брать мой замок штурмом, пощады не ждите. Я перевешаю вас всех до единого, как изменников.

— Это уж как богам будет угодно. Штурмуйте, милорд, — только вспомните прежде, как этот замок называется. — Сир Кортни дернул поводья и поехал обратно к воротам.

Станнис, помолчав, тоже повернул коня и поехал в свой лагерь. Остальные последовали за ним.

— При штурме этих стен погибнут тысячи, — заволновался престарелый лорд Эстермонт, дед короля с материнской стороны. — Уж лучше рискнуть чьей-то одной

жизнью, разве нет? Дело наше правое, и боги наверняка даруют победу нашему бойцу.

Не боги, а бог, старик, заметил про себя Давос. Ты забываешь — теперь он у нас только один, Мелисандрин.

— Я сам охотно принял бы вызов, — сказал сир Джон Фоссовей, — хотя владею мечом и вполовину не так хорошо, как лорд Карон или сир Гюйард. Ренли не оставил в Штормовом Пределе ни одного именитого рыцаря. Гарнизонная служба — это для стариков и зеленых юнцов.

— Легкая победа, — согласился лорд Карон. — А какая слава —

завоевать Штормовой Предел одним ударом!

Станнис метнул на них гневный взгляд.

— Стрекочете как сороки, а смысла в ваших речах еще меньше. Я требую тишины. — Он остановил взор на Давосе. — Поезжайте рядом со мной, сир. — Пришпорив коня, король отделился от свиты — только Мелисандра не отставала от него, держа в руке стяг, где пылало огненное сердце с коронованным оленем внутри — словно его проглотили целиком.

От Давоса не укрылись взгляды, которыми обменялись лорды и рыцари, когда он проехал мимо них,

повинуясь приказу короля. У них-то в гербе не луковица — они происходят из древних, покрытых славой домов. «Ренли уж точно никогда не унижал их так, — подумал Давос. — Младший из Баратеонов обладал даром изящной учтивости, которого его брат, увы, лишен напрочь».

Конь Давоса поравнялся с королевским, и он перешел на медленный шаг.

— Ваше величество. — Вблизи вид у Станниса был еще хуже, чем издали. Лицо осунулось, и под глазами пролегли темные круги.

— Контрабандист должен хорошо разбираться в людях. Какого ты мнения о сире Кортни Пенрозе?

– Упорный человек, – осторожно ответил Давос.

– Я бы сказал, что ему не терпится умереть. Он швырнул мое прощение мне в лицо – а в придачу свою жизнь и жизнь каждого человека внутри этих стен. Поединок, подумать только! – презрительно фыркнул король. – Не иначе как он принимает меня за Роберта.

– Скорее всего он просто отчаялся. На что ему еще надеяться?

– Надеяться не на что. Замок падет – но как сделать это побыстрее? – Станнис задумался, и Давос расслышал сквозь перестук копыт, как он скрипнул зубами. –

Лорд Алестер советует привезти сюда старого лорда Пенроза, отца сира Кортни. Ведь ты его знаешь, не так ли?

— Когда я был вашим посланцем, лорд Пенроз принял меня любезнее, чем большинство других. Он человек преклонных лет, государь, дряхлый и хворый.

— Флорент положит конец его хворям. На глазах у сына, с веревкой на шее.

Людям королевы Селисы перечить было опасно, но Давос поклялся всегда говорить королю правду.

— Я думаю, это дурное дело, государь мой. Сир Кортни скорее

позволит своему отцу умереть, чем предаст его. Нам это ничего не даст, кроме бесчестья.

— Какого еще бесчестья? — ощетинился король. — Ты хочешь, чтобы я щадил изменников?

— Тех, кто едет позади, вы пощадили.

— Ты упрекаешь меня за это, контрабандист?

— Я никогда не посмел бы. — Давос испугался, что зашел слишком далеко, а король не уступал:

— Ты ценишь этого Пенроза выше, чем моих лордов-знаменосцев. Почему?

— Он хранит свою веру.

— Дурацкую веру в мертвого

узурпатора.

— Да — однако хранит.

— А те, что позади, выходит, нет?

Давос сказал слишком много, чтобы стесняться.

— В прошлом году они были людьми Роберта. Одну луну назад — людьми Ренли. Нынче утром они ваши. Чьими они будут завтра?

Станнис ответил на это внезапным смехом — грубым и презрительным.

— Видишь, Мелисандра? Мой Луковый Рыцарь всегда говорит мне правду.

— Вы хорошо его знаете, ваше величество, — сказала красная женщина.

– Мне очень не хватало тебя, Давос. Это верно, они сплошь изменники – твой нюх тебя не обманул. И даже в измене своей они непостоянны. Сейчас они нужны мне, но ты-то знаешь, как мне претит прощать такую сволочь, хотя я наказывал лучших людей за меньшие преступления. Ты в полном праве упрекать меня, сир Давос.

– Вы сами вините себя больше, чем когда-либо смел я, ваше величество. Эти знатные лорды нужны вам, чтобы завоевать трон...

– Поэтому приходится смотреть на них сквозь пальцы, – угрюмо улыбнулся король.

Давос безотчетно потрогал

искалеченной рукой ладанку у себя на шее, нащупав косточки внутри. Его удача.

Король заметил это.

— Они еще там, Луковый Рыцарь? Ты их не потерял?

— Нет.

— Зачем ты хранишь их? Мне часто бывало любопытно.

— Они напоминают мне, кем я был и откуда вышел. Напоминают о вашем правосудии, мой король.

— Да, я рассудил справедливо. Хороший поступок не может смыть дурного, как и дурной не может замарать хороший. И за тот, и за другой положена своя награда. Ты был героем, но и контрабандистом

тоже. — Станнис оглянулся на лорда Флорента и прочих, радужных рыцарей, перевертышей, следующих за ними на расстоянии. — Прощенным мною лордам не мешало бы поразмыслить над этим. Немало хороших людей сражаются на стороне Джоффри из ложной веры в то, что истинный король — он. Северяне полагают таковым же Робба Старка. Но эти лорды, собравшиеся под знамя моего брата, знали, что он узурпатор. Они повернулись спиной к своему истинному королю потому лишь, что мечтали о власти и славе, и я узнал им цену. Да, я простил их — но ничего не забыл. — Станнис

помолчал, размышляя о грядущем правосудии, и неожиданно спросил: — Что говорят в народе о смерти Ренли?

— Горюют. Люди любили вашего брата.

— Дураки всегда дураков любят. Но я тоже скорблю о нем. О мальчике, которым он был, — не о мужчине, в которого он вырос. А что говорят о кровосмесительном блюде Серсеи?

— В нашем присутствии они кричали «да здравствует король Станнис». Я не поручусь за то, что они говорили после нашего отплытия.

— По-твоему, они не поверили?

— В бытность свою контрабандистом я убедился, что одни люди верят всему, а другие — ничему. Нам встречались и те, и другие. В народе ходит и другой слух...

— Да, — оборвал Станнис. — Будто Серсея наставила мне рога, привязав к каждому дурацкий бубенец. И дочь моя рождена от полоумного шута! Басня столь же гнусная, как и нелепая. Ренли бросил ее мне в лицо во время переговоров. Надо быть таким же безумным, как Пестряк, чтобы поверить в это.

— Может быть, государь... но верят они в эту историю или нет, рассказывается она с большим

удовольствием. — Во многие места она добралась раньше них, испортив их собственный правдивый рассказ.

— Роберт мог помочиться в чашу, и люди назвали бы это вином — я же предлагаю им ключевую воду, а они морщатся подозрительно и шепчут друг другу, что у нее странный вкус. — Станнис скрипнул зубами. — Скажи им кто-нибудь, что я превратился в вепря, чтобы убить Роберта, они бы и в это поверили.

— Рты им не заткнешь, государь, — но, когда вы отомстите истинным убийцам своего брата, страна убедится в лживости подобных рассказов.

Станнис слушал его

невнимательно, думая о своем.

— Я не сомневаюсь, что Серсея приложила руку к смерти Роберта. Да, он будет отомщен — и Нед Старк тоже, и Джон Аррен.

— И Ренли? — выпалил Давос не подумав. Король долго молчал, а потом сказал очень тихо:

— Иногда это снится мне. Смерть Ренли. Зеленый шатер, свечи, женский крик. И кровь. — Станнис опустил глаза. — Я был еще в постели, когда он погиб. Спроси своего Девана — он пытался разбудить меня. Рассвет был близок, и мои лорды волновались. Мне следовало уже сидеть на коне, одетому в доспехи. Я знал, что Ренли

атакует при первом свете дня. Деван говорит, что я кричал и метался, но что с того? Мне снился сон. Я был у себя в шатре, когда Ренли умер, и когда я проснулся, руки мои были чисты.

Сир Давос Сиворт ощутил зуд в своих отрубленных пальцах. «Что-то тут нечисто», – подумал бывший контрабандист, однако кивнул и сказал:

– Конечно.

– Ренли предложил мне персик. На переговорах. Он смеялся надо мной, подзуживал меня, угрожал мне – и предложил мне персик. Я думал, он хочет вынуть клинок, и схватился за свой. Может, он того и добивался –

чтобы я проявил страх? Или это была одна из его бессмысленных шуток? Может, в его словах о сладости этого персика был какой-то скрытый смысл? — Король тряхнул головой — так собака встряхивает кролика, чтобы сломать ему шею. — Только Ренли мог вызвать у меня такое раздражение с помощью безобидного плода. Он сам навлек на себя беду, совершив измену, но я все-таки любил его, Давос. Теперь я это понял. Клянусь, я и в могилу сойду, думая о персике моего брата.

Они уже въехали в лагерь, следуя мимо ровных рядов палаток, реющих знамен, составленных вместе щитов и копий. Ядреный дух лошадиного

навоза смешивался с запахом дыма и жареного мяса. Станнис краткой фразой отпустил лорда Флорента и остальных, приказав им через час собраться у него в шатре на военный совет.

Они склонили головы и разъехались в разные стороны, а Давос с Мелисандрой проехали за королем к его шатру.

Шатер был велик, поскольку в нем проводились советы, но роскошью отнюдь не блистал. Простая солдатская палатка из плотного холста, выкрашенного в темно-желтый цвет, который мог сойти за золотой. Только знамя на срединном шесте указывало, что это

королевская резиденция, да еще стража — люди королевы, опершиеся на длинные копья, с пылающими сердцами на груди.

Подоспели грумы, чтобы помочь им спешиться. Один из часовых освободил Мелисандру от ее громоздкого штандарта, вогнав древко глубоко в рыхлую землю. Деван стоял у шатра, готовый открыть вход королю. Рядом с ним стоял оруженосец постарше. Станнис, сняв с себя корону, вручил ее Девану.

— Подай нам две чаши холодной воды. Давос, пойдем со мной. За вами, миледи, я пришлю, когда вы мне понадобится...

— Да, ваше величество, — с поклоном ответила Мелисандра. После яркого утра шатер показался Давосу холодным и темным. Станнис сел на простой походный табурет и указал Давосу другой.

— Когда-нибудь я сделаю тебя лордом, контрабандист, — хотя бы в пику Селтигару и Флоренту, но ты мне за это спасибо не скажешь. Придется тебе тогда торчать на этих советах и притворяться, что внимательно слушаешь, как регочут эти мулы.

— Зачем вы созываете их, раз от них нет никакого проку?

— Мулы любят собственный голос — почему бы и нет? Лишь бы

тащили мою повозку. Бывает, кто и полезную мысль выскажет в кои-то веки. Сегодня, полагаю, этого не произойдет – ага, вот твой сын несет нам воду.

Деван поставил поднос на стол и наполнил две глиняные чаши. Король бросил в свою щепотку соли, Давос стал пить просто так, жалея, что это не вино.

– Вы говорили о вашем совете.

– Сейчас я скажу тебе, как все будет. Лорд Веларион предложит мне штурмовать замок на рассвете, с крючьями и лестницами против стрел и кипящего масла. Молодые мулы сочтут эту мысль великолепной. Эстермонт будет за

то, чтобы уморить их голодом, как Тирелл и Редвин пытались уморить меня. Это может затянуться на целый год, но старые мулы терпеливы. Лорд Карол и прочие, любящие лягаться, захотят поднять перчатку сира Кортни и рискнуть всем в единоборстве — каждый из них уже воображает, что станет моим бойцом и покроет себя неувядаемой славой. — Король допил свою воду. — А что ты посоветовал бы мне, контрабандист?

Давос подумал немного и ответил:

— Идти на Королевскую Гавань.

— И оставить Штормовой Предел в руках неприятеля? — фыркнул король.

– Сир Кортни не в силах причинить вам вред в отличие от Ланнистеров. Осада может затянуться надолго, поединок – дело рискованное, а штурм будет стоить вам тысяч жизней без верной надежды на успех. Да и нужды в нем нет. Когда вы низложите Джоффри, этот замок отойдет к вам вместе со всеми остальными. В лагере говорят, что лорд Тайвин Ланнистер двинулся на запад – спасти Ланниспорт от северян.

– Твой отец замечательно умен, Деван, – сказал король стоящему подле мальчику. – Он заставляет меня пожелать, чтобы мне служило побольше контрабандистов и

поменьше лордов. Но в одном ты заблуждаешься, Давос. Нужда есть. Если я оставлю Штормовой Предел невзятым у себя в тылу, все скажут, что я здесь потерпел поражение. А этого я допустить не могу. Ко мне не питают любви, как питали к моим братьям. За мной идут потому, что боятся меня, а поражение убивает страх. Замок должен быть взят. — Челюсти короля двинулись из стороны в сторону. — И быстро. Доран Мартелл созвал свои знамена и укрепил горные перевалы. Его дорнийцы готовы ринуться на Марки. Да и Хайгардену далеко еще не конец. Брат оставил у Горького Моста основную часть своего войска

— около шестидесяти тысяч пехоты. Я послал женина брата сира Эррола с сиром Парменом Крейном взять этих солдат под мою руку, но они так и не вернулись. Боюсь, что сир Лорас Тирелл добрался до Горького Моста раньше моих посланников и забрал пехоту себе.

— Тем больше причин взять Королевскую Гавань как можно скорее. Салладор Саан говорил мне...

— У Салладора Саана на уме одно — золото! — вспылил Станнис. — Он только и мечтает о сокровищах, которые, по его мнению, лежат под Красным Замком. Слышать о нем не желаю. В день, когда мне вздумается

держат совет с лиссенийским пиратом, я сниму с себя корону и надену черное. — Рука короля сжалась в кулак. — Чего ты хочешь, контрабандист, — служить мне или раздражать меня своими поперечными словами?

— Я ваш, — сказал Давос.

— Тогда слушай. Помощник сира Кортни лорд Медоуз — кузен Фоссовеев, двадцатилетний юнец. Если с Пенрозом что-то приключится, командование Штормовым Пределом перейдет к этому сопляку, и его кузены полагают, что он мои условия примет и замок сдаст.

— Я помню другого сопляка,

командовавшего Штормовым
Пределом, – ему в ту пору тоже было
немногим больше двадцати.

– Лорд Медоуз не такой
твердолобый упрямец, каким был я.

– Упрямец или трус – какая
разница? Сир Кортни Пенроз жив и
здоров.

– Как и мой брат перед смертью.
Ночь темна и полна ужасов, Давос.

У Давоса встали дыбом волосы
на затылке.

– Я не понимаю вас, милорд.

– Мне и не нужно, чтобы ты
меня понимал, – мне нужно, чтобы
ты послужил мне. Не пройдет и
суток, как сир Кортни умрет.
Мелисандра видела это в пламени

грядущего – и умрет он, само собой, не в рыцарском единоборстве. – Станнис протянул свою чашу, и Деван снова наполнил ее водой. – Пламя не лжет. Смерть Ренли она тоже видела, еще на Драконьем Камне, и сказала об этом Селисе. Лорд Веларион и твой друг Салладор Саан хотели, чтобы я дал сражение Джоффри, но Мелисандра сказала, что если я отправлюсь к Штормовому Пределу, то лучшая часть войска моего брата перейдет ко мне, – и была права.

– Н-но ведь лорд Ренли пришел сюда только потому, что вы осадили замок. Он шел на Королевскую Гавань и готов был...

– Шел, готов был – это все в прошлом времени, – хмуро проворчал Станнис. – Что сделано, то сделано. Он явился сюда со своими знаменами и своими персиками, чтобы встретить свою судьбу... к счастью для меня. Мелисандра видела в пламени и другое – день, когда Ренли в своих зеленых доспехах разбил мое войско у Королевской Гавани. Если бы я встретился с братом там, погибнуть бы мог я, а не он.

– Вы могли бы объединиться с ним и свергнуть Ланнистеров, – возразил Давос. – Почему бы и нет? Если она видела два разных будущих... оба они не могут быть

правдой.

Король поднял вверх палец.

— А вот тут ты ошибаешься, Луковый Рыцарь. Не всякий огонь отбрасывает одну тень. Стань ночью перед костром — сам увидишь. Огонь танцует и движется, не зная покоя. Тени перемещаются, длинные и короткие — на каждого человека приходится целая дюжина. Одни просто слабее других, только и всего. Человек и в будущем отбрасывает тень — одну или несколько, и Мелисandre видны они все. Я знаю, Давос, ты не любишь эту женщину, я ведь не слепой. И мои лорды ее не любят. Эстермонт считает огненное сердце дурным знаком и хотел бы

сражаться под королевским оленем, как в старину. Сир Гюйард говорит, что эта женщина не должна нести мое знамя. Другие шепчутся, что ей не место в военном совете, что ее надо отправить обратно в Асшай, что грешно оставлять ее в моем шатре на ночь. Они шепчутся, а она делает свое дело.

— Какое? — спросил Давос, боясь услышать ответ.

— Нужное мне. А ты готов исполнить свое?

— Приказывайте. — Давос облизнул губы. — Что я должен сделать?

— Ничего такого, чего не делал бы раньше. Провести лодку в замок

под покровом ночи, только и всего. Сможешь?

– Да. Этой ночью?

Станнис коротко кивнул:

– Маленькую лодку, не «Черную Бету». Никто не должен знать об этом.

Давос хотел возразить. Он теперь рыцарь, не контрабандист, а наемным убийцей и вовсе никогда не был. Но слова застряли у него в горле. Это ведь Станнис, его господин и повелитель, которому он обязан всем, что имеет. Да и о сыновьях надо подумать. Боги праведные, что она сделала с ним?

– Ты молчишь, – заметил Станнис.

«И правильно делаю», – подумал Давос, однако сказал:

– Государь, замок должен стать вашим, теперь я это понимаю, но ведь есть же другие способы. Более чистые. Позвольте сиру Кортни оставить бастарда при себе, и он наверняка сдастся.

– Этот мальчик нужен мне, Давос. Нужен. Мелисандра и это видела в пламени.

Давос лихорадочно подыскивал другой выход.

– В Штормовом Пределе нет рыцаря, который способен справиться с сиром Гюйардом, лордом Кароном и сотней других, присягнувших вам. Этот поединок...

быть может, сир Кортни просто ищет способа сдать с честью? Даже если это будет стоить ему жизни?

Тревожная мысль прошла по лицу короля, как облако.

— Скорее всего тут кроется какое-то вероломство. Поединка не будет. Сир Кортни умер еще до того, как бросил свою перчатку. Пламя не лжет, Давос.

«Однако для того, чтобы его правда подтвердилась, нужен я». Давно уже Давос Сиворт не чувствовал такой печали.

Это чувство не прошло и тогда, когда он снова пустился через залив Губительные Валы на утлой лодчонке с черным парусом. Небо осталось

прежним, и море тоже. Та же соль висела в воздухе, и волны плескались у борта так же, как ему помнилось. Тысяча костров мерцала у стен замка, как костры Тирелла и Редвина шестнадцать лет назад, но все остальное переменялось.

«В прошлый раз я вез в Штормовой Предел жизнь, принявшую вид луковиц, — теперь везу смерть в виде Мелисандры из Асшая». Шестнадцать лет назад паруса скрипели и щелкали при каждом порыве ветра, пока он не опустил их и не перешел на обмотанные тряпками весла, — но и тогда сердце у него трепыхалось. Однако люди на галелях Редвина за

долгий срок утратили бдительность, и Давос прошел через их кордон, как по черному шелку. Теперь все корабли на море принадлежали Станнису, и опасность исходила только от часовых на стенах замка, но Давос все равно был напряжен, как тетива лука.

Мелисандра съежилась на скамейке в темно-красном плаще, окутывающем ее с головы до пят, лицо бледным пятном маячило под капюшоном. Давос любил море. Ему лучше спалось, когда палуба покачивалась под ним, и пение ветра в снастях было для него слаще звуков самого искусного арфиста. Но в эту ночь даже море не приносило ему

утешения.

— От вас пахнет страхом, сир
рыцарь, — тихо молвила красная
женщина.

— Кто-то сказал мне, что ночь
темна и полна ужасов. Нынче ночью
я не рыцарь — я снова Давос-
контрабандист. Жаль только, что вы
не луковица.

— Так это меня вы боитесь? —
засмеялась она. — Или того, что нам
предстоит?

— Вам, а не нам. Я в этом деле не
участник.

— Но парус поставила ваша рука,
и она держит руль.

Давос молча держался своего
курса. Берег здесь щерился скалами,

поэтому он взял мористее, ожидая прилива, чтобы повернуть. Штормовой Предел остался далеко позади, но красную женщину это, видимо, не беспокоило.

– Скажите, Давос Сиворт, – вы хороший человек?

«Разве стал бы хороший человек заниматься таким делом?»

– Человек, как все прочие, – ответил он. – Я добр к своей жене, но знавал и других женщин. Стараюсь быть хорошим отцом своим сыновьям, помочь им обрести место в этом мире. Да, я нарушал законы, но до этой ночи ни разу не чувствовал, что делаю зло. Пожалуй, во мне всего намешано поровну,

миледи, – и хорошего, и плохого.

– Серый человек. Не белый и не черный, того и другого понемногу. Так, сир Давос?

«А если и так, то что? Мне сдается, большинство людей и есть серые».

– Если половина лука почернела от гнили, мы говорим, что лук гнилой. Человек либо хорош, либо плох.

Костры позади превратились в тусклое зарево на черном небе, и земля почти скрылась из виду. Пришло время поворачивать назад.

– Поберегите голову, миледи. – Давос налег на руль, и лодка сделала поворот, взрезая черную воду.

Мелисандра пригнулась под реем, держась рукой за планшир, спокойная, как всегда. Казалось, что в замке непременно должны услышать шум, производимый треском дерева, хлопанием паруса и плеском воды, — но Давос знал, что это не так. Рокот волн, бьющих о скалы, — вот и все, что проникает за массивную морскую стену Штормового Предела, да и то слабо.

Рябь потянулась за ними, когда они двинулись к берегу.

— Мы говорили о мужчинах, — сказал Давос. — С луком тоже все ясно. Ну а женщины как же? Это и к ним относится? Вот вы, миледи, хорошая или плохая?

– Ну что ж, – усмехнулась она, – я тоже рыцарь своего рода, достойный сир. Рыцарь света и жизни.

– Однако нынче собираетесь убить человека – как убили мастера Крессена.

– Ваш мастер сам отравился. Он хотел отравить меня, но меня охраняла высшая сила, а его – нет.

– А Ренли Баратеона кто убил?

Она повернула голову. Ее глаза в тени капюшона светились, как тусклые красные свечи.

– Не я.

– Лжете. – Теперь Давос был в этом уверен.

Мелисандра засмеялась снова.

– Вы блуждаете во мраке, сир Давос.

– Оно и к лучшему. – Давос указал на далекие огни Штормового Предела. – Чувствуете, какой ветер холодный? Часовые на стенах будут жаться поближе к своим факелам. Немного тепла, немного света – это утешительно в столь бурную ночь. Но свет ослепит их, и они нас не заметят. – (Надеюсь.) – Сейчас нас защищает бог тьмы, миледи, – даже и вас.

Ее глаза вспыхнули чуть ярче.

– Не произносите этого имени, сир, и да не глянет на нас его черное око. Он никого не может защитить, ручаюсь вам. Он враг всего живого.

Вы сами сказали: нас скрывают факелы, то есть огонь — сияющий дар Владыки Света.

— Будь по-вашему.

— Не по-моему, но так, как хочет

Он.

Ветер переменился — Давос видел это по колебаниям черного паруса. Он взялся за фалы.

— Помогите мне спустить парус.

Остаток пути пройдем на веслах.

Вместе они убрали парус, стоя в раскачивающейся лодке, и Давос, опустив весла в бурную черную воду, спросил:

— А кто вез вас к Ренли?

— В этом не было нужды. Его ничто не защищало. Но Штормовой

Предел — древняя крепость, и его камни налиты чарами. Сквозь эти темные стены не пройдет ни одна тень — старые чары давно забыты, но действуют до сих пор.

— Тень? — По телу Давоса прошли мурашки. — Но тень — порождение тьмы.

— Вы невежественнее, чем малый ребенок, сир рыцарь. Во тьме нет теней. Тени — слуги света, дети солнца. Чем ярче пламя, тем они темнее.

Давос, нахмурясь, велел ей замолчать. Они приблизились к берегу, и над водой слышались голоса. Давос греб, и тихий плеск его весел терялся в грохоте прибоя. С

моря Штормовой Предел защищал белый меловой утес — он круто вставал из воды, в полтора раза выше массивной крепостной стены наверху. В утесе зияла трещина — туда-то и правил Давос, как шестнадцать лет назад. Трещина вела в пещеру под замком, где штормовые лорды в старину построили пристань.

Этот канал, проходимый только во время прилива, был очень коварен, но Давос не забыл былых контрабандистских навыков. Он ловко провел лодку между острыми скалами, и скоро перед ними разверзлось устье пещеры. Он позволил волнам внести лодку

внутри — они швыряли ее туда-сюда и промочили его с Мелисандрой насквозь. Каменный палец в кольце пены высунулся из мрака, и Давос едва успел оттолкнуться веслом.

Они прошли в пещеру, волны улеглись, и тьма объяла их со всех сторон. Лодка медленно кружилась на месте. Эхо их дыхания отражалось от стен. Давос не ожидал, что будет так темно. В прошлый раз вдоль всего канала горели факелы, и глаза оголодавших защитников смотрели сквозь амбразуры в потолке. Он знал, что где-то впереди подъемная решетка. Работая веслами, он придержал лодку, и она мягко причалила к железной преграде.

– Вот и все – если только у вас в замке нет человека, который поднял бы решетку для вас. – Его шепот пробежал по воде, как вереница мышей на мягких розовых лапках.

– Мы уже прошли под стеной?

– Да, мы под замком, но дальше хода нет. Решетка доходит до самого дна, а прутья поставлены так близко, что даже ребенок не пролезет.

Вместо ответа послышался тихий шорох, и во тьме блеснул свет. Давос заслонил рукой глаза, и у него перехватило дыхание. Мелисандра сбросила свой плащ. Под ним она была нагая и на последнем сроке беременности. Тяжелые груди набухли, живот, казалось, вот-вот

лопнет.

— Да помогут нам боги, — прошептал он, а она засмеялась, низко и гортанно. Глаза ее горели, как раскаленные угли, а потная кожа светилась, точно изнутри. Она сияла во мраке.

Тяжело дыша, она присела и широко расставила ноги. По ее ляжкам хлынула кровь, темная, как чернила. Крик, полный муки и экстаза, вырвался у нее. Давос увидел, как из нее показалась голова ребенка. Следом выскользнули две руки, черные пальцы впились в напрягшиеся ляжки Мелисандры, и наконец тень выбралась наружу вся и поднялась выше Давоса, под самый

потолок, нависая над лодкой. Еще миг — и тень пролезла сквозь прутья решетки и помчалась прочь по воде, но Давосу хватило и этого мгновения.

Он узнал эту тень. Он знал человека, которому она принадлежала.

Джон

Звук плыл в черноте ночи. Джон приподнялся на локте, по привычке нашарив Длинный Коготь. Весь лагерь пришел в движение. «Рог, пробуждающий спящих», – подумал Джон.

Долгий низкий зов замер на грани слуха. Часовые у стены стояли на местах, дыша паром, повернув головы на запад. Звук рога затих, а с ним и ветер. Люди вылезали из-под одеял, разбирая копья и пояса с мечами, прислушиваясь. Один из коней заржал, но его заставили умолкнуть. Казалось, будто весь лес

затаил дыхание. Братья Ночного Дозора ждали, не затрубит ли рог второй раз, молясь о том, чтобы этого не случилось, и боясь услышать его.

Тишина тянулась нескончаемо. Наконец все поняли, что рог дважды не затрубит, и заухмылялись, стараясь скрыть испытанное ими беспокойство. Джон Сноу подбросил несколько веток в огонь, застегнул пояс, натянул сапоги, отряхнул плащ от росы и грязи и надел его на себя. Костер трещал, и желанное тепло согревало Джона, пока он одевался. Лорд-командующий зашевелился в палатке и поднял входное покрывало:

— Один раз трубили? — Ворон,

нахохленный и несчастный, молча сидел у него на плече.

— Один, милорд. Братья возвращаются.

Мормонт подошел к костру.

— Полурукий. Да и пора уж. — С каждым днем, проведенным ими здесь, Старый Медведь делался все беспокойнее: еще немного — и кидаться бы начал. — Позаботься о горячей еде для них и корме для лошадей. Куорена сразу ко мне.

— Я приведу его, милорд.

Отряд из Сумеречной Башни ожидался много дней назад. Но он не появлялся, и у костров начались мрачные разговоры, которые заводил не один только Скорбный Эдд. Сир

Оттин Уитерс стоял за то, чтобы вернуться в Черный Замок как можно скорее. Сир Малладор Локе предлагал идти к Сумеречной Башне, надеясь найти следы Куорена и выяснить, что с ним случилось. Торен Смолвуд хотел двигаться дальше в горы. «Манс-Разбойник знает, что сражения с Дозором ему не миновать, но не ожидает, что мы зайдем так далеко на север. Если мы пойдем вверх по Молочной, то захватим его врасплох и разобьем в пух и прах, не успеет он опомниться».

— Их намного больше, чем нас, — возражал сир Оттин. — Крастер сказал, что Манс собрал большое

войско, много тысяч человек. А нас без Полурукого всего двести.

– Пошлите двести волков, сир, на десять тысяч овец – и увидите, что будет, – не сдавался Смолвуд.

– Среди этих овец немало козлиц, Торен, – заметил Джармен Баквел, – да и львы попадают. Гремучая Рубашка, Харма Собачья Голова, Альфин Убийца Ворон...

– Я их знаю не хуже, чем ты, Баквел, – огрызнулся Смолвуд, – и намерен со всех снять головы. Это одичалые, а не солдаты. Несколько сотен героев, скорее всего беспробудно пьяных, на громадную орду женщин, детей и рабов. Мы разобьем их и загоним обратно в их

логовища.

Они спорили часами, но к согласию так и не пришли. Старый Медведь был слишком упрям, чтобы отступать, но и вверх по Молочной идти не желал. В конце концов решили подождать братьев из Сумеречной Башни еще несколько дней, а если они не придут, собрать совет снова.

И вот они здесь — стало быть, решение откладывать больше нельзя. Джон и этому был рад. Если уж сражение с Мансом не избежать, пусть это случится поскорее.

Скорбный Эдд сидел у костра, жалуясь на рога, трубящие в лесу и не дающие ему спать. Джон дал ему

новый повод для жалоб. Вместе они разбудили Хейка, который встретил приказ лорда-командующего градом проклятий, но все-таки встал и тут же поставил дюжину человек резать ему овощи для супа.

Когда Джон шел через лагерь, его догнал запыхавшийся Сэм, чье круглое лицо под черным капюшоном маячило во мраке, как бледная луна.

— Я слышал рог. Не твой ли это дядя возвращается?

— Это только люди из Сумеречной Башни. — Надежды на благополучное возвращение Бенджена Старка оставалось все меньше. Плащ, найденный Джоном у

подножия Кулака, вполне мог принадлежать его дяде или кому-то из его людей – это даже Старый Медведь признавал, хотя зачем этот плащ зарыли здесь, завернув в него груду изделий из драконова стекла, оставалось загадкой. – Мне надо идти, Сэм.

У стены часовые вытаскивали колья из промерзшей земли, освобождая проход. Вскоре на склоне показались первые братья из Сумеречной Башни. Среди кожи и мехов там и сям поблескивала сталь или бронза, косматые бороды скрывали исхудалые лица, придавая новоприбывшим сходство с их лохматыми лошадьми. Джон с

удивлением заметил, что на некоторых конях едет по двое всадников, а присмотревшись получше, он разглядел, что многие братья ранены. Видно, в пути у них не обошлось без стычки.

Куорена Полурукого Джон узнал сразу, хотя никогда его прежде не видел. Этот легендарный разведчик слыл в Дозоре скупым на слова, но быстрым в деле. Высокий и прямой, как копье, длинноногий, длиннорукий и сумрачный. В отличие от своих людей он был чисто выбрит. Из-под его шлема спускалась тяжелая коса, тронутая инеем, а черная одежда так выцвела, что казалась серой. На руке, держащей

поводья, остались только большой палец и мизинец — остальные пальцы отсек топор одичалого, который иначе бы раздробил Куорену череп. Рассказывали, что он ткнул изувеченной рукой в лицо врагу, залив ему глаза кровью, и убил его. С того дня у одичалых за Стеной не было недруга более беспощадного.

— Лорд-командующий хочет вас видеть, — обратился к нему Джон. — Я провожу вас к его палатке.

Куорен слез с седла.

— Мои люди голодны, и лошади нуждаются в уходе.

— О них обо всех позаботятся.

Полурукий отдал коня одному из своих и пошел за Джоном.

– Ты Джон Сноу. У тебя отцовский взгляд.

– Вы знали его, милорд?

– Я не лорд, просто брат Ночного Дозора. Да, я знал лорда Эддарда – и отца его тоже.

Джону приходилось шагать пошире, чтобы Куорен его не обгонял.

– Лорд Рикард умер, когда я еще не родился.

– Он был другом Дозора. – Куорен оглянулся. – Говорят, ты приручил лютоволка?

– Призрак вернется сюда на рассвете. Ночью он охотится.

Скорбный Эдд поджаривал на костре Старого Медведя ломтики

ветчины, и в котелке варилась дюжина яиц. Мормонт сидел на походном стуле из кожи и дерева.

— Я уж начал за вас бояться. Случилось что-нибудь?

— Мы встретились с Альфином Убийцей Ворон. Манс послал его произвести разведку вдоль Стены, и мы напоролись на него, когда он возвращался. — Куорен снял шлем. — Он уж больше не будет беспокоить страну, но часть его шайки от нас ушла. Мы преследовали их, сколько могли, но малое число все-таки вернется в горы.

— И чего вам это стоило?

— Четверо братьев убиты, дюжина ранены. У врага потерь

второе больше, и мы взяли пленных. Один сразу же умер от ран, но второй дотянул до допроса.

— Об этом лучше поговорим в палатке. Джон принесет вам эля — или ты предпочитаешь подогретое вино?

— С меня и горячей еды будет довольно — еще яйцо и ломтик ветчины.

— Как скажешь. — Мормонт приподнял входное полотнище, и Куорен, пригнувшись, вошел внутрь.

Эдд стоял над котелком, поворачивая яйца ложкой.

— Завидую этим яйцам. Будь котелок побольше, я бы сам залез в кипяток. Только лучше бы вместо

воды было вино. Есть худшие способы умереть — а тут тебе и тепло, и пьяно. У нас один брат утонул в вине. Пойло было так себе, и утопленник его не улучшил.

— Ты что, пробовал?!

— Если б ты нашел одного из братьев мертвым, Джон Сноу, тебе тоже захотелось бы выпить с горя. — Эдд добавил в котелок щепотку мускатного ореха.

Джон присел у огня, вороша костер палкой. В палатке слышался голос Старого Медведя, перемежаемый карканьем ворона и тихим говором Куорена, но слов Джон не разбирал. Хорошо, что Альфин Убийца Ворон убит. Он был

одним из самых кровожадных вожаков одичалых и заслужил свое прозвище, убив немало черных братьев. Почему же Куорен так мрачен, если он одержал победу?

Джон надеялся, что приход отряда из Сумеречной Башни взбодрит братьев в лагере. Прошлой ночью, выйдя справить нужду, он услышал, как пять или шесть человек тихо разговаривают у догоревшего костра. Черт заявил, что давно пора повернуть назад, и Джон остановился послушать.

«Старикан дурачится, а мы терпим. В этих горах мы найдем себе могилу, вот и весь сказ». «В Клыках Мороза живут великаны, оборотни и

еще худшие твари», – сказал Ларк Сестринец. «Я туда не пойду, так и знайте». «Не больно-то Старый Медведь тебя спросит». «А может, мы сами его не спросим», – буркнул Четт.

Тут одна из собак зарычала, и пришлось Джону убираться, пока его не заметили. Этот разговор явно не предназначался для его ушей. Джон думал, не пересказать ли слышанное Мормонту, но ему претило доносить на своих братьев, даже таких, как Четт и Сестринец. «Все это пустые слова, – сказал он себе. – Им просто холодно и страшно, как всем нам. Тяжело это – ждать, сидя на каменном бугре над лесом, не зная,

что принесет тебе завтрашний день. Невидимый враг – самый ужасный».

Джон вытащил из ножен свой новый кинжал, глядя, как отражается пламя в его блестящем черном лезвии. Он сам выстрогал к нему деревянную рукоять и обмотал ее веревкой, чтобы легче было держать. Не больно красиво, зато удобно. Эдд говорил, что от стеклянного ножа проку как от сосков на рыцарском панцире, но Джон не был в этом так уверен. Драконово стекло острее стали, хотя гораздо более хрупкое. И все эти вещи зарыли в лесу не зря.

Он и для Гренна сделал кинжал, и для лорда-командующего, а боевой рог подарил Сэму. Рог при

ближайшем рассмотрении оказался надтреснутым, и Джон, даже вычистив из него всю грязь, не смог выдуть ни единой ноты, а обод был весь щербатый, но Сэм любит старинные вещи, даже бесполезные. «Будешь из него пить, — сказал ему Джон, — и вспоминать, как ходил в поход за Стену, до самого Кулака Первых Людей». Еще он дал Сэму наконечник копья и дюжину наконечников стрел, а остальное роздал другим своим друзьям на счастье.

Старому Медведю кинжал вроде бы понравился, но на поясе он по-прежнему носил стальной. Мормонт понятия не имел, кто мог зарыть этот

клад и что это означало. Может быть, Куорен знает? Полурукий заходил в эту глушь дальше, чем любой из ныне живущих.

— Сам им подашь или мне пойти?

Джон убрал кинжал в ножны.

— Давай я. — Ему хотелось послушать, о чем они говорят.

Эдд отрезал три толстых ломтя от черствой ковриги овсяного хлеба, положил на них ветчину, накапал сала и выложил в миску сваренные вкрутую яйца. Джон взял миску в одну руку, деревянное блюдо с хлебом в другую и, пятясь задом, вошел в палатку.

Куорен сидел, скрестив ноги, на

полу, с прямой как копье спиной. Огонь свечей обрисовывал его скулы.

— Гремучая Рубашка, Плакальщик и прочие главари, большие и малые, — говорил он. — Еще оборотни, мамонты, а людей видимо-невидимо. Если, конечно, верить его речам, за истинность которых не могу поручиться. Эббен полагает, он плел нам эти басни, чтобы продлить свою жизнь.

— Правда это или ложь, Стену нужно предупредить, — сказал Старый Медведь, когда Джон поставил перед ними еду. — И короля тоже.

— Которого?

— Всех, сколько есть, истинных и

ложных. Если хотят стать во главе государства, пусть защищают его.

Полурукий взял себе яйцо и разбил его о край миски.

— Короли сделают то, что им заблагорассудится, — то есть скорее всего очень мало, — сказал он, облупливая скорлупу. — Вся надежда на Винтерфелл. Старки должны поднять Север.

— Правильно. — Мормонт развернул карту, нахмурился, смял ее, раскрыл другую. Думает, куда упадет молот, понял Джон. Когда-то у Дозора было семнадцать замков на протяжении ста лиг, занимаемых Стеной, но по мере уменьшения братства их покидали один за

другим. Теперь только в трех есть гарнизоны, и Мансу-Разбойнику это известно не хуже их. — Можно надеяться, что сир Аллистер Торне приведет из Королевской Гавани новое пополнение. Если Сумеречная Башня даст людей в Серый Дозор, а Восточный Дозор заселит Бочонок...

— Серый Дозор сильно разрушен. Лучше уж заселить Каменную Дверь, если будет кем, еще Ледовый порог и Глубокое озеро. С дозорными отрядами, которые ежедневно будут ходить между ними.

— Да. Даже дважды в сутки, если будет возможность. Стена и сама по себе солидное препятствие. Без защитников она не остановит их, но

задержит. Чем больше у них войско, тем больше времени им понадобится. Женщин они наверняка возьмут с собой — не бросать же их в той морозной пустыне. И детей, и скотину... видел ты козу, способную взобраться по приставной лестнице? Или по веревке? Придется им строить настоящую лестницу или откос... на это уйдет не меньше одной луны, а то и больше. Манс, конечно, понимает, что для него самое лучшее пройти под Стеной. Через ворота или...

— Через брешь.

— Что? — резко вскинул голову

Мормонт.

— Они не собираются лезть на

Стену или подкапываться под нее, милорд. Они хотят ее проломить.

— В Стене семьсот футов вышины, а у основания она такая толстая, что сто человек должны работать целый год, чтобы долбить ее кирками.

— Все равно.

Мормонт запустил пальцы в бороду.

— Но как?

— Колдовством, как же иначе. — Куорен откусил половину яйца. — С чего бы еще Манс стал собирать свое войско в Клыках Мороза? Это голый суровый край, и до Стены от него будь здоров.

— Я полагал, он просто хочет

скрыть свои маневры от глаз моих разведчиков.

– Может, и так, – сказал Куорен, приканчивая яйцо, – но я думаю, дело не только в этом. Он что-то ищет на этих холодных высотах – что-то, необходимое ему до зарезу.

– Но что? – Ворон Мормонта задрал голову и завопил так, что в палатке всем уши заложило.

– Некую силу. Наш пленник не мог сказать, в чем она заключается. Его, вероятно, допрашивали слишком ретиво, и он умер, не успев сказать всего, что знал. Но этого он, видимо, не знал вовсе.

Джон слышал, как снаружи воет ветер, проникая сквозь круглую

стену и дергая растяжки палатки. Мормонт задумчиво потер подбородок.

— Сила, — задумчиво повторил он. — Я должен знать, в чем она.

— Тогда вам нужно послать разведчиков в горы.

— Не хочу я больше рисковать людьми.

— Двум смертям не бывать. Для чего мы еще надеваем черные плащи, как не для того, чтобы умереть за отечество? Предлагаю послать пятнадцать человек, разбив их на три отряда. Один пойдет по Молочной, второй — на Воющий перевал, третий поднимется на Лестницу Гигантов. Командирами будут Джармен Баквел,

Торен Смолвуд и я. Надо узнать, что таится в этих горах.

— Таится, — крикнул ворон. — Таится.

Лорд-командующий испустил глубокий вздох.

— Другого выхода я не вижу, — признался он, — но если вы не вернетесь...

— Кто-нибудь непременно спустится с гор, милорд. Если не мы, то Манс-Разбойник, и мимо вас он не пройдет. Он не сможет оставить вас у себя в тылу и вынужден будет атаковать, а это крепкое место.

— Не настолько.

— Что ж, возможно, мы все умрем, зато выиграем время братьям

на Стене. Время, чтобы заселить пустые замки и наглухо заморозить ворота, чтобы призвать себе на помощь лордов и королей, чтобы наточить топоры и починить катапульты. Мы потратим свою жизнь не без пользы.

— Умрем, — сказал ворон, расхаживая по плечам Мормонта. — Умрем, умрем, умрем. — Старый Медведь сидел молча, сгорбившись, словно придавленный тяжестью этих слов. Наконец он сказал:

— Да простят меня боги. Отбирай людей.

Куорен Полурукий, повернув голову, встретился глазами с Джоном и не отвел их.

– Хорошо. Я выбираю Джона Сноу.

Мормонт моргнул:

– Он совсем еще мальчишка и мой стюард к тому же. Даже не разведчик.

– Вам сможет прислуживать Толлет, милорд. – Куорен поднял искалеченную двупалую руку. – Старые боги за Стеной еще сильны. Боги Первых Людей... и Старков.

– Что скажешь ты, Джон? – спросил Мормонт.

– Я готов, – сразу же ответил тот.

– Я так и думал, – грустно улыбнулся старик. Когда Джон с Куореном вышли из палатки,

забрезжил рассвет. Ветер шевелил их черные плащи и выдувал из костра красные угли.

— В полдень мы выступаем, —
сказал Джону разведчик. —
Постарайся найти своего волка.

Тирион

– Королева намерена отослать принца Томмена из города. – Они стояли рядом на коленях, одни в тишине и полумраке септы, окруженные мерцанием свечей, но Лансель все равно старался говорить потише. – Лорд Джайлс увезет его в Росби и скроет там под видом пажа. Они хотят перекрасить ему волосы в темный цвет и выдать его за сына межевого рыцаря.

– Чего она боится? Толпы? Или меня?

– И того, и другого.

– Ага. – Тирион ничего не знал

об этой затее. Неужто певчие пташки Вариса в кои-то веки подвели его? Даже паукам случается задремать... а может, евнух ведет какую-то свою игру? – Прими мою благодарность, сир.

– Вы исполните мою просьбу?

– Возможно. – Лансель просил, чтобы в следующем бою ему позволили командовать собственным отрядом. Превосходный способ умереть, еще не отрастив как следует усов, но юные рыцари всегда считают себя непобедимыми.

Отпустив кузена, Тирион задержался и поставил на алтарь Воина свечу, зажженную от другой. «Храни моего брата, ублюдок этакий,

– он ведь один из твоих». Вторую свечу он поставил Неведомому – за себя.

Ночью, когда в Красном Замке погасли огни, к нему в покои пришел Бронн. Тирион запечатывал письмо.

– Отнесешь это сиру Джаселину Байвотеру, – сказал карлик, капая золотым воском на пергамент.

– А что там написано? – Бронн читать не умел, поэтому задавал беззастенчивые вопросы.

– Что он должен взять пятьдесят своих лучших мечей и произвести разведку по Дороге Роз. – Тирион приложил свою печать к мягкому воску.

– Станнис скорее уж приедет по

Королевскому Тракту.

— Без тебя знаю. Скажи Байвотеру — пусть не смотрит на то, что написано в письме, и ведет своих людей на север. Надо устроить засаду на дороге в Росби. Лорд Джайлс через день-другой отбудет в свой замок с дюжиной латников, слугами и моим племянником. Принц Томмен может быть одет пажом.

— Ты хочешь вернуть парнишку обратно?

— Нет, пусть его отвезут в Росби.
— Убрать мальчика из города — один из лучших замыслов Серсеи. В Росби ему не грозит опасность от бунтующих толп — кроме того, его удаление затруднит жизнь Станнису.

Даже если тот возьмет Королевскую Гавань и казнит Джоффри, у Ланнистеров все-таки останется претендент на престол. — Лорд Джайлс слишком хвор, чтобы бежать, и слишком труслив, чтобы драться. Он прикажет кастеляну открыть ворота. Войдя в замок, Байвотер должен разогнать тамошний гарнизон и остаться стеречь Томмена. Спроси его, как ему нравится сочетание «лорд Байвотер».

— «Лорд Бронн» еще лучше. Я бы тоже мог постеречь мальчонку. Я качал бы его на колене и пел ему колыбельные, раз за это лордом делают.

— Ты нужен мне здесь. — (И

своего племянника я тебе не доверю). — Случись что-нибудь с Джоффри, вся надежда Ланнистеров на Железный Трон окажется в слабых ручонках Томмена. Золотые плащи сира Джаселина сберегут мальчика, а наемники Бронна вполне способны продать его врагу.

— А как новый лорд должен поступить со старым?

— Как угодно, лишь бы кормить его не забывал. Я не хочу, чтобы Джайлс умер. — Тирион вылез из-за стола. — Моя сестра пошлет с принцем одного из королевских гвардейцев.

Бронна это не встревожило.

— Пес — телохранитель Джоффри

и не оставит его, а с остальными золотые плащи Железнорукого уж как-нибудь управятся.

– Скажи сиру Джаселину: если дело дойдет до драки, на глазах у Томмена никого убивать нельзя. – Тирион накинул тяжелый плащ из темно-бурой шерсти. – У моего племянника нежное сердце.

– Ты уверен, что он Ланнистер?

– Ни в чем я не уверен, кроме зимы и войны. Пошли. Я проеду с тобой часть пути.

– К Катае?

– Слишком ты много обо мне знаешь.

Они вышли через калитку в северной стене. Тирион прищипорил

лошадь каблуками и поскакал по Дороге Тени. Несколько фигур шмыгнуло во мрак, услышав стук копыт, но напасть никто не осмелился. Совет подтвердил и продлил его указ: всякому, взятому на улице после вечернего звона, грозила смерть. Эта мера немного умиротворила Королевскую Гавань и вчетверо сократила число трупов, находимых утром в переулках, но Варис сказал, что народ клянет Тириона за это. «Им бы спасибо сказать мне за то, что они живы и могут ругаться». На улице Медников их остановили двое золотых плащей, но, увидев, кто едет, извинились перед десницей и пропустили. Бронн

повернул на юг к Грязным воротам, и они расстались. Тирион продолжил путь к Катае, но терпение вдруг изменило ему. Повернувшись в седле, он оглядел улицу — за ним никто не следил. Все окна были темны или плотно закрыты ставнями, и только ветер свистал в переулках. Если Серсея и послала за ним соглядатая, тот скорее всего прикинулся крысой.

— А, пропади все пропадом, — проворчал Тирион. Предосторожности обрыдли ему. Он развернул и пришпорил коня. «Если позади кто-то есть, посмотрим, как он за мной утонится». Он несся по лунным улицам мимо темных извилистых закоулков, цокая по

булыжнику, спеша к своей любви.

Постучав в ворота, он услышал из-за утыканых пиками стен слабую музыку. Один из ибенессцев впустил его. Тирион отдал ему коня и спросил:

— Кто там у нее? — Оконные ромбы зала светились желтым, и мужской голос пел.

— Какой-то толстопузый певец.

Пока Тирион шел от конюшни к дому, звуки стали громче. Он никогда особенно не любил певцов, а этот, хоть и невидимый, нравился ему еще меньше всех остальных. Когда Тирион толкнул дверь, мужчина умолк.

— Милорд десница, —

пробормотал он, преклонив колени, лысеющий и пузатый. — Какая честь.

— Милорд, — улыбнулась Шая. Тирион любил ее быструю искреннюю улыбку, так шедшую к ее красивому личику. Шая облачилась в свои пурпурные шелка и подпоясалась кушаком из серебряной парчи. Эти цвета тоже шли к ее темным волосам и гладкой молочной коже.

— Здравствуй, милая, — а это кто такой?

— Меня зовут Саймон Серебряный Язык, милорд, — отозвался певец. — Я и музыкант, и певец, и сказитель...

— И набитый дурак к тому же.

Как ты называл меня, когда я вошел?

— Я только... — Серебро Саймонова языка, видимо, обратилось в свинец. — Я сказал «милорд десница, какая честь...».

— Умный притворился бы, что меня не узнал. Я, конечно, понял бы, что это притворство, но вид сделать стоило. А теперь что прикажешь с тобой делать? Ты знаешь мою милую Шаю, знаешь, где она живет, и знаешь, что я навещаю ее по ночам.

— Клянусь, я никому не скажу...

— В этом я с тобой согласен. Доброй тебе ночи. — И Тирион повел Шаю вверх по лестнице.

— Боюсь, мой певец никогда уже не будет петь, — поддразнила она. —

Со страху лишился голоса.

— Наоборот — страх поможет ему брать высокие ноты. Она закрыла за ними дверь спальни.

— Ты ведь ничего ему не сделаешь, правда? — Шая зажгла ароматическую свечу и стала на колени, чтобы снять с него сапоги. — Его песни помогают мне коротать ночи, когда тебя нет.

— Хотел бы я бывать здесь каждую ночь. — Шая растерла ему ноги. — Хорошо он хоть поет-то?

— Не хуже других, но и не лучше.

Тирион распахнул ее платье и зарылся лицом в ее грудь. От нее всегда пахло чистотой, даже в этом городе, похожем на грязный хлев.

– Оставь его при себе, если хочешь, только не отпускай никуда. Я не хочу, чтобы он шлся по городу и сеял сплетни в харчевнях.

– Не отпущу, – пообещала она.

Тирион закрыл ей рот поцелуем. Довольно с него было разговоров – он нуждался в том сладостно-простом блаженстве, которое находил меж ее ног. Здесь ему по крайней мере были рады.

Позже он высвободил руку из-под ее головы, натянул рубашку и вышел в сад. Месяц серебрил листья плодовых деревьев и гладь выложенного камнем пруда. Тирион сел у воды. Где-то справа заливался сверчок – уютные домашние звуки.

Какой тут покой – вот только надолго ли?

Неприятный запах заставил его повернуть голову. Шая стояла на пороге в серебристом халате, который он ей подарил. «Была моя любовь, как снег, прекрасна, и волосы ее – как свет луны». Рядом маячил нищенствующий брат, дородный, в грязных лохмотьях, с покрытыми грязью босыми ногами. На шее, где септоны носят кристалл, у него на кожаном шнурке висела чашка для подаяния, и запах от него шел такой, что впору крыс морить.

– К тебе лорд Варис, – объявила Шая.

Нищенствующий

брат

изумленно заморгал, а Тирион засмеялся.

— Ну конечно. Как это ты догадалась? Я вот его не узнал.

— Да ведь это он, — пожала плечами Шая, — только одет по-другому.

— И одет по-другому, и пахнет по-другому, и походка у него другая. Многие бы обманулись.

— Только не шлюхи. Шлюха учится видеть не одежду мужчины, а его суть — иначе ее находят мертвой в переулке.

Вариса явно что-то мучило — но не фальшивые язвы на ногах. Тирион хмыкнул.

— Шая, ты не принесешь нам

вина? – Выпить не помешает. Если уж евнух явился сюда среди ночи, хорошего не жди.

– Я просто боюсь говорить вам, зачем пришел, милорд, – сказал Варис, когда Шая ушла. – У меня дурные вести.

– Тебе бы черные перья, Варис, – ты, как ворон, только дурные вести и носишь. – Тирион неуклюже поднялся на ноги, боясь спрашивать. – Это Джейме? – Если они с ним что-то сделали, их ничто не спасет.

– Нет, милорд. Не то. Сир Кортни Пенроз мертв, и Штормовой Предел открыл ворота Станнису Баратеону.

Испуг изгнал все прочие мысли

из головы Тириона. Когда Шая вернулась с вином, он выпил только глоток и швырнул чашу о стену дома. Шая заслонила рукой от осколков. Вино протянуло по камню длинные пальцы, черные в лунном свете.

— Будь он проклят! — крикнул Тирион.

Варис улыбнулся, показав гнилые зубы.

— Кто, милорд? Сир Кортни или лорд Станнис?

— Оба. — (Штормовой Предел мог бы продержаться с полгода, если не больше... это дало бы отцу время покончить с Роббом Старком.) — Как это случилось?

Варис посмотрел на Шаю:

— Милорд, стоит ли тревожить сон нашей прелестной дамы столь мрачными и кровавыми делами?

— Дама, может, и побоялась бы, — сказала Шая, — но я нет.

— А надо бы, — ответил Тирион. — Раз Штормовой Предел пал, Станнис скоро обратит свой взор на Королевскую Гавань. — Он пожалел, что выплеснул вино. — Лорд Варис, дайте мне немного времени, и я вернусь в замок с вами.

— Я буду ждать на конюшне. — Евнух поклонился и ушел. Тирион привлек к себе Шаю:

— Тебе опасно здесь оставаться.

— У меня есть стены и стража, которую ты мне дал.

– Наемники. Мое золото им по вкусу, но станут ли они умирать за него? Что до стены, то один человек, став на плечи другому, мигом через нее перескочит. Точно такой же дом сожгли во время бунта. Убили хозяина, золотых дел мастера, только за то, что у него была полная кладовая, а верховного септона разорвали на куски, а Лоллис изнасиловали пятьдесят человек, а сиру Брону разбили череп всмятку. Что они, по-твоему, сделают с любовницей десницы, если она попадется им в руки?

– Со шлюхой десницы, ты хочешь сказать? – Она смотрела на него своими большими дерзкими

глазами. — А хотела бы я быть твоей леди, милорд. Наряжаться в то, что ты мне подарил, — в атлас, шелк и парчу, носить твои драгоценности, держать тебя за руку и сидеть рядом с тобой на пирах. Я могла бы родить тебе сыновей, знаю, что могла бы... и никогда не посрамила бы тебя, клянусь.

«Моя любовь к тебе — сама по себе позор».

— Сладкие мечты, Шая. Оставь их, прошу тебя. Этому никогда не бывать.

— Из-за королевы? Ее я тоже не боюсь.

— Зато я боюсь.

— Тогда убей ее и покончи с

этим. Не похоже, что вы сильно любите друг друга.

– Она моя сестра, – вздохнул Тирион. – Тот, кто убивает свою родную кровь, проклят навеки и богами, и людьми. И потом, что бы ни думали о Серсее мы с тобой, моему отцу и брату она дорога. Я могу перехитрить любого жителя Семи Королевств, но боги не создали меня для того, чтобы противостоять Джейме с мечом в руках.

– У Молодого Волка и лорда Станниса тоже есть мечи, однако их ты не боишься.

«Много ты знаешь, милая».

– Против них у меня вся мощь дома Ланнистеров, а против отца с

братом — только кривая спина да пара коротких ног.

— У тебя есть я. — Шая поцеловала его, обвив руками его шею и прижавшись к нему.

Ее поцелуй возбудил его, как всегда, но он мягко освободился из ее объятий.

— Не теперь, милая. У меня появился... ну, скажем, зачаток плана. Быть может, мне удастся устроить тебя на замковую кухню.

Ее лицо застыло.

— На кухню?

— Да. Если действовать через Вариса, никто не узнает.

— Милорд, да я ж вас отравлю, — хихикнула она. — Каждый мужчина,

который попробовал мою стряпню, начинал говорить мне, как я хороша в постели.

— В Красном Замке поваров хватает, равно как мясников и пекарей. Тебя мы пристроим в посудомойки.

— Горшечница в колючей бурой тканине. Вот, значит, какой милорд желает меня видеть?

— Милорд желает видеть тебя живой. А в шелку и бархате горшки скрести затруднительно.

— Я уже наскучила милорду? — Рука Шай, скользнув ему под рубашку, нашла его член, который от этого сразу затвердел. — А вот он хочет меня по-прежнему. Не

приляжете ли со своей посудомоечной, милорд? — засмеялась она. — Можете посыпать меня мукой и облизать с меня подливку...

— Перестань. — Ее поведение напомнило ему Данси, которая так старалась выиграть спор. Он отвел от себя ее руку, чтобы пресечь дальнейшие шалости. — Сейчас не время кувыркаться в постели, Шая. Возможно, речь идет о твоей жизни.

Ее улыбка погасла.

— Я сожалею, если вызвала неудовольствие милорда, но... нельзя ли просто усилить мою стражу?

Помни, она совсем еще молода, с глубоким вздохом сказал себе

Тирион.

— Драгоценности можно заменить другими, — ответил он, взяв Шаю за руку, — и платьев нашить еще красивее старых. Для меня самая большая драгоценность в этих стенах — ты. В Красном Замке тоже небезопасно, но все-таки гораздо безопаснее, чем здесь. Я хочу, чтобы ты была там.

— На кухне, — тусклым голосом отозвалась она. — И скребла бы горшки.

— Это ненадолго.

— Отец меня тоже загнал на кухню — потому-то я от него и сбежала, — скривилась Шая.

— Ты говорила, что сбежала,

потому что отец заставлял тебя спать с собой.

— Это тоже было. Скрести горшки мне нравилось не больше, чем терпеть его на себе. — Она вздернула голову. — Почему ты не можешь поселить меня в твоей башне? Половина лордов при дворе содержит наложниц.

— Мне решительно запретили брать тебя ко двору.

— Твой отец — старый дурак. Ты достаточно взрослый, чтобы завести себе целую кучу шлюх. Он что, за безусого юнца тебя держит? И что он тебе сделает, если не слушаешься, — отшлепает?

Он ударил ее по щеке — не

сильно, но достаточно чувствительно.

— Будь ты проклята. Не смей насмехаться надо мной. От тебя я этого не потерплю.

Шая на миг умолкла, и только сверчок продолжал трещать.

— Виновата, милорд, — сказала она наконец деревянным голосом. — Я не хотела проявлять неуважения.

«А я не хотел тебя бить. Боги милостивые, я веду себя, как Серсея».

— Мы оба виноваты. Шая, ты не понимаешь. — Слова, которые он вовсе не собирался говорить, вдруг посыпались из него, как скоморохи из брюха деревянного коня. — Когда

мне было тринадцать, я женился на дочери издольщика. То есть это я так думал. Любовь к ней ослепила меня, и я думал, что она чувствует ко мне то же самое, но отец ткнул меня носом в правду. Моя невеста была шлюхой, которую Джейме нанял, чтобы сделать меня мужчиной. – (А я-то всему верил, дурак этакий.) – Чтобы я окончательно усвоил этот урок, лорд Тайвин послал мою жену в казарму к своим гвардейцам, чтобы они позабавились вволю, а мне велел смотреть. – (И взять ее последним, после всех остальных. Напоследок, уже безо всякой любви или нежности. «Так ты лучше запомнишь, какая она на самом

деле», – сказал он. Я не хотел этого делать, но мое естество подвело меня, и я повиновался.) – После этого отец расторг наш брак. Все чисто, как будто мы и не женились совсем, объяснили мне септоны. – Тирион сжал Шае руку. – Пожалуйста, не будем больше говорить о башне Десницы. На кухне ты пробудешь недолго. Как только мы разделаемся со Станнисом, ты получишь новый дом и шелка, мягкие, как твои руки.

Глаза Шаи сделались большими, но он не мог разгадать, что за ними скрывается.

– Мои руки перестанут быть мягкими, если я день-деньской буду

выгребать золу да мыть посуду. Захочешь ли ты коснуться их, когда они все покраснеют и потрескаются от воды и щелока?

— Еще больше, чем прежде. Их вид будет напоминать мне, какая ты храбрая.

Она опустила глаза, и он не понял, поверила она ему или нет.

— Я ваша, милорд, — приказывайте.

Он видел, что большего от нее на этот раз не добьется, и поцеловал ее щеку в месте удара, чтобы хоть немного загладить свою вину.

— Я пришлю за тобой.

Варис ждал на конюшне, как обещал, со своей полудохлой клячей.

Тирион сел верхом, и один из наемников открыл им ворота. Некоторое время они ехали молча. «Боги, и зачем я рассказал ей о Тише?» — испугался вдруг Тирион. Есть тайны, которые нельзя открывать — свой позор мужчина должен унести с собой в могилу. Чего он хотел от нее — прощения? Что означал взгляд, которым она смотрела на него? В чем причина — в ненавистных горшках или в его исповеди? Разве можешь ты после этого надеяться на ее любовь? — говорила часть его души, а другая смеялась: дурак ты, карлик, шлюха любит только золото да драгоценности.

Его ушибленный локоть давал о себе знать при каждом шаге лошади. Порой ему казалось, что он слышит скрежет трущихся костей. Надо бы сходить к мастеру, пусть даст какое-нибудь лекарство... но Тирион не доверял больше мастерам с тех пор, как Пицель показал свое истинное лицо. Одни боги знают, с кем они состоят в заговоре и что подмешивают в свои снадобья.

— Варис, — сказал он, — мне надо перевести Шаю в замок без ведома Серсеи. — И вкратце изложил свой кухонный план. Евнух, выслушав, поцокал языком.

— Я, разумеется, исполню приказ милорда... но должен предупредить,

что на кухне полно глаз и ушей. Даже если девушка не вызовет особых подозрений, ее будут выпрашивать без конца. Где родилась? Кто родители? Как попала в Королевскую Гавань? И поскольку правду сказать нельзя, ей придется все время лгать.

— Варис бросил взгляд на Тириона. — Еще: такая пригожая посудомойка будет разжигать не только любопытство, но и похоть. Ее начнут трогать, щипать и лапать. Поварята будут лазать к ней ночью под одеяло, одинокий повар захочет взять ее в жены, пекари будут мять ее груди обсыпанными мукой руками.

— Пусть уж ее лучше щупают, чем убьют.

– Можно найти другой способ, – через некоторое время сказал Варис. – Дело в том, что горничная, прислуживающая дочери леди Танды, крадет у нее драгоценности. Если я скажу об этом леди Танде, ей придется уволить девицу немедленно – и дочери потребуется новая горничная.

– Понятно. – Тирион сразу смекнул, что это не в пример удобнее. Горничная знатной дамы одевается куда лучше, чем посудомойка, и даже украшения может носить. Шае это понравится. А Серсея, считающая леди Танду скучной и взбалмошной, а Лоллис – безмозглой, вряд ли будет наносить

ИМ ВИЗИТЫ.

– Лоллис – существо робкое и доверчивое, – сказал Варис, – она проглотит любую историю, которую ей преподнесут. После того как чернь лишила ее девственности, она боится выходить из своих комнат, поэтому Шая не будет на виду... но вы найдете ее поблизости, когда захотите утешиться.

– Ты не хуже меня знаешь, что за башней Десницы следят. Серсее уж точно станет любопытно, если горничная Лоллис начнет ко мне заходить.

– Авось мне удастся провести ее к вам незаметно. Дом Катай – не единственный, где есть тайные ходы.

– Потайная дверь? В моих комнатах? – Это вызвало у Тириона скорее раздражение, чем удивление. Для чего же тогда Мейегор Жестокий велел умертвить всех рабочих, которые строили его замок, если не ради сохранения подобных тайн? – Я так и думал, что там есть нечто подобное. Где она? В горнице? В спальне?

– Друг мой, не хотите же вы, чтобы я открыл вам все свои маленькие секреты?

– Думай о них впредь как о наших маленьких секретах, Варис. – Тирион посмотрел снизу вверх на евнуха в зловонном нищенском наряде. – Если, конечно, ты на моей

стороне.

– Вы еще сомневаетесь?

– О нет, я верю тебе безгранично. – Горький смех Тириона отразился от наглухо закрытых окон. – Как члену собственной семьи. Ладно – расскажи, как умер Кортни Пенроз.

– Говорят, он бросился с башни.

– Бросился? Сам? Не верю!

– Его стража не видела, чтобы кто-то входил к нему, и в его комнатах потом никого не нашли.

– Значит, убийца пришел раньше и спрятался под кроватью – или спустился с крыши по веревке. Либо стражники лгут. Может, они сами его и убили.

— Вы, безусловно, правы, милорд.

Тон евнуха расходился с его словами.

— Но ты так не думаешь? Как же тогда это было сделано?

Варис долго молчал, и только копыта стучали по булыжнику. Наконец он прочистил горло.

— Милорд, вы верите в древнюю силу?

— В колдовство, что ли? Заклинания, проклятия, превращения и прочее? Ты полагаешь, что сира Кортни уморили путем волшебства?

— Утром того же дня сир Кортни вызвал лорда Станниса на поединок. Разве это — поступок человека

отчаявшегося? Возьмите также загадочное и весьма своевременное убийство лорда Ренли, совершенное в тот самый час, когда его войско строилось, чтобы наголову разбить немногочисленные силы брата. — Евнух помолчал немного. — Милорд, вы однажды спросили меня, как я стал кастратом.

— Да, помню. Но ты не захотел отвечать.

— И теперь не хочу, но... — На этот раз молчание длилось еще дольше, а после Варис заговорил странно изменившимся голосом. — Я был тогда мальчишкой, сиротой при бродячем балагане. У нашего хозяина была маленькая барка, и мы плавали

по всему Узкому морю, давая представления в вольных городах, а время от времени также в Старгороде и Королевской Гавани.

Однажды в Море к нам в балаган пришел некий человек. После выступления он сделал хозяину предложение относительно меня, против которого тот не смог устоять. Я был в ужасе. Я думал, этот человек хочет совершить со мной то, что, я знал, некоторые мужчины делают с мальчиками, но ему было нужно от меня только одно: мое мужское естество. Он дал мне снадобье, от которого я лишился способности двигаться и говорить, но чувствительности не утратил.

Длинным загнутым ножом он подсек меня под корень, все время, распевая что-то, и у меня на глазах сжег мои мужские части на жаровне. Пламя сделалось синим, и некий голос ответил ему, хотя слов я не понимал.

После этого я стал ему не нужен, и он выгнал меня вон. Скоморохи к этому времени уже уплыли. Я спросил его, что же мне теперь делать, и он сказал «умереть». Назло ему я решил выжить. Я попрошайничал, воровал и продавал те части моего тела, которые остались при мне. Скоро я вошел в число лучших воров Мира, а потом подрос и понял, что чужие письма часто бывают ценнее содержимого

чужих кошельков.

Но та ночь все время снилась мне, милорд. Не колдун, не его нож, даже не то, как поджаривались мои мужские органы. Мне снился голос — голос из пламени. Был ли то бог, демон или просто фокус? Не могу вам сказать, хотя в фокусах знаю толк. Скажу одно: колдун вызвал это нечто, и оно ответило, а я с того дня возненавидел магию и всех, кто ею занимается. Если лорд Станнис один из них, я намерен пресечь его жизнь.

Часть пути они проехали молча. Затем Тирион сказал:

— Душераздирающая история. Прими мои соболезнования.

— Вы мне соболезнаете, но не

верите, — вздохнул евнух. — Нет, милорд, не извиняйтесь. Я был одурманен, страдал от боли, и все это случилось давным-давно и очень далеко. Этот голос мне, конечно же, приснился. Я сам твердил себе это тысячу раз.

— Я верю в стальные мечи, золотые монеты и человеческий разум, — сказал Тирион. — И верю, что драконы когда-то жили на свете, — я ведь видел их черепа.

— Будем надеяться, что ничего худшего вам не доведется увидеть, милорд.

— Согласен с тобой, — улыбнулся Тирион. — Что до смерти сира Кортни, то нам известно, что

Станнису служат наемники из вольных городов — быть может, он нанял и искусного убийцу.

— Чрезвычайно искусного.

— Такие существуют. Прежде я мечтал, что когда-нибудь разбогатею и пошлю к моей сестрице Безликого.

— Как бы ни умер сир Кортни, он мертв, и замок пал. Станнис свободен и может выступать.

— Есть ли у нас хоть малейшая возможность убедить дорнийцев перевалить через Марки?

— Ни малейшей.

— Жаль. Ну что ж, хорошо и то, что лорды Марки будут сидеть по своим замкам. Что слышно о моем отце?

— Если лорд Тайвин и сумел переправиться через Красный Зубец, до меня весть об этом еще не дошла. Если он не поторопится, то может оказаться зажатым между вражескими силами. Лист Окхарта и дерево Рована видели к северу от Мандера.

— От Мизинца по-прежнему ничего?

— Возможно, он так и не добрался до Горького Моста. Или погиб там. Лорд Тарли захватил обозы Ренли и многих предал мечу — в основном Флорентов. Лорд Касвелл заперся в своем замке.

Тирион запрокинул голову и расхохотался.

– Милорд? – невозмутимо сказал Варис, натянув поводья.

– Разве ты не видишь, как это забавно, Варис? – Тирион обвел рукой закрытые ставнями окна и весь спящий город. – Штормовой Предел пал, Станнис идет сюда с огнем, мечом и боги ведают какими еще темными силами, а добрых горожан некому защитить. Нет здесь ни Джейме, ни Роберта, ни Ренли, ни Рейегара, ни их любимого Рыцаря Цветов. Есть только я, ненавидимый ими. Я, карлик, дурной советчик, уродливый маленький демон. Я – это все, что стоит между ними и хаосом.

Кейтилин

– Скажи отцу: я уйду, чтобы он мог гордиться мной. – Брат сел в седло – лорд с головы до пят в своей блестящей кольчуге и струящемся плаще цвета речной воды. Серебристая форель украшала его шлем, еще одна была нарисована на щите.

– Он и без того гордится тобой, Эдмар. И очень любит тебя, парень.

– Теперь у него появится более весомый повод для гордости, помимо того, что я его сын. – Эдмар, развернув коня, поднял руку. Затрубили трубы, забил барабан,

рывками опустился подъемный мост, и войско сира Эдмара Талли вышло из Риверрана с поднятыми копьями и реющими знаменами.

«Мое войско побольше твоего», — подумала Кейтилин, глядя на них. Целая рать сомнений и тревог.

Горе Бриенны рядом с ней было почти осязаемым. Кейтилин приказала сшить по ее мерке красивое платье, подобающее ей по рождению и полу, но Бриенна по-прежнему предпочитала кольчугу и вареную кожу. На поясе у нее висел меч. Она охотнее отправилась бы с Эдмаром на войну, но стены, даже такие крепкие, как в Риверране, тоже надо кому-то защищать. Брат увел

всех боеспособных мужчин к переправам, оставив сира Десмонда Грелла командовать гарнизоном, состоящим из раненых, стариков и больных, в придачу — немного оруженосцев да крестьянских парней-подростков. Вот и вся защита замка, битком набитого женщинами и детьми.

Когда последние пехотинцы Эдмара прошли под решеткой, Бриенна спросила:

— Что будем делать, миледи?

— Исполнять свой долг. —

Кейтилин мрачно зашагала через двор. Она всегда его исполняла — потому-то, быть может, ее лорд-отец и дорожил ею больше всех своих

детей. Двое ее старших братьев умерли в младенчестве, и она была лорду Хостеру и сыном, и дочерью, пока не родился Эдмар. Потом умерла мать, и отец сказал Кейтилин, что она теперь хозяйка Риверрана. Что ж, она и с этим справилась. А когда лорд Хостер пообещал ее Брандону Старку, она поблагодарила отца за столь блестящую партию.

«Я дала Брандону свою ленту, не сказала Петиру ни одного ласкового слова, когда он был ранен, и не попрощалась с ним, когда отец отослал его прочь. А когда Брандона убили и отец сказал, что я должна выйти за его брата, я подчинилась с охотой, хотя ни разу не видела Неда

до самой свадьбы. Я отдала свое девичество этому угрюмому незнакомцу и проводила его на войну, к его королю и к женщине, которая родила ему бастарда, потому что всегда исполняла свой долг».

Ноги сами привели ее в септу, семигранный храм из песчаника, стоящий в садах ее матери и сияющий радужными огнями. Когда они с Бриенной вошли, там было полно народу — не одна Кейтилин нуждалась в молитве. Она опустилась на колени перед раскрашенной мраморной статуей Воина и зажгла душистую свечу за Эдмара и другую за Робба там, за холмами. Сохрани их и приведи их к

победе, молилась она, упокой души убитых и утешь тех, кто горюет по ним.

В это время вошел септон с кадилом и кристаллом, и Кейтилин осталась послушать службу. Она не знала этого септона, серьезного молодого человека, ровесника Эдмару. Он неплохо справлялся со своими обязанностями и возносил хвалы Семерым звучно и красиво, но Кейтилин скучала по тонкому дребезжащему голосу септона Осминда, давно уже умершего. Осминд терпеливо выслушал бы рассказ о том, что она видела и чувствовала в шатре Ренли, – а быть может, объяснил бы ей, что это

значило и что ей делать, чтобы изгнать тени из своих снов. «Осминд, отец, дядя Бринден, старый мейстер Ким — мне всегда казалось, что они знают все на свете, а теперь я осталась одна, и мне кажется, что я ничего не знаю — даже того, в чем состоит мой долг. Как же мне исполнить его, если я не знаю, в чем он?»»

У Кейтилин затекли колени, когда она поднялась, а знания так и не прибавилось. Быть может, стоит ночью пойти в богорощу и помолиться заодно богам Неда? Они старше Семерых.

Выйдя, она услышала совсем другое пение. Раймунд-Рифмач, сидя

у пивоварни в кругу слушателей, пел своим зычным голосом о лорде Деремонте на Кровавом Лугу.

Из десяти последний он
Стоит с мечом в руке...

Бриенна остановилась послушать, сгорбив широкие плечи и скрестив толстые руки на груди. Мимо пронеслась стайка оборванных мальчишек, вопя и размахивая палками. И почему мальчишки так любят играть в войну? Быть может, ответ нужно искать у Раймунда. Песня завершалась, и голос его гремел:

Красна у ног его трава,
И знамя как в огне,
И красным пламенем закат
Пылает в вышине.

«Сюда, – врагов окликнул
лорд, –
Мой меч еще не сыт».
И хлынули они вперед –
Так с гор поток бежит...

– Лучше сражаться, чем вот так сидеть и ждать, – сказала Бриенна. – В сражении ты не чувствуешь себя беспомощной. Там у тебя есть конь и меч, а то и топор. Притом ты в доспехах, и ранить тебя не так

просто.

— В бою рыцари гибнут, —
напомнила ей Кейтилин.

Бриенна посмотрела на нее
своими красивыми голубыми
глазами.

— А женщины умирают в родах —
но о них песен не поют.

— Ребенок — тоже битва. —
Кейтилин снова двинулась через
двор. — Без знамен и трубящих рогов,
но не менее жестокая. Выносить
дитя, произвести его на свет... твоя
мать, верно, говорила тебе, какая это
боль...

— Я не знала своей матери. У
отца были дамы — каждый год другая,
но...

— Какие они дамы. Рожать тяжело, Бриенна, но то, что приходит потом, еще труднее. Временами я чувствую себя так, будто меня раздирают на части. И с радостью поделилась бы, чтобы защитить всех своих детей.

— А кто же защитит вас, миледи?

— Мужчины моего дома, — с усталой улыбкой ответила Кейтилин.
— Так по крайней мере говорила мне моя леди-мать. Отец, брат, дядя, муж... но поскольку они сейчас не со мной, их можешь заменить ты, Бриенна.

Девушка склонила голову:

— Я постараюсь, миледи.

Позже мейстер Виман принес

письмо. Кейтилин приняла его незамедлительно, надеясь на весть от Робба или от сира Родрика из Винтерфелла, но письмо оказалось от лорда Медоуза, именующего себя кастеляном Штормового Предела. Оно было адресовано ее отцу, ее брату, ее сыну «или тому, кто нынче управляет Риверраном». Сир Кортни Пенроз мертв, писал лорд, и Штормовой Предел открыл ворота Станнису Баратеону, истинному и полноправному королю. Гарнизон замка присягнул ему, как один человек, и никому не причинили вреда.

— Кроме Кортни Пенроза, — промолвила Кейтилин. Она не знала

его, но ее опечалила весть о его кончине. — Робб должен узнать об этом немедленно. Известно ли нам, где он сейчас?

— Согласно последним сведениям, он шел на Крэг, усадьбу дома Вестерлингов, — ответил мейстер Виман. — Если отправить ворона в Эшмарк, они, возможно, пошлют к нему гонца.

— Хорошо, отправьте.

Мейстер ушел, и Кейтилин перечитала письмо еще раз.

— Лорд Медоуз ничего не говорит о бастарде Роберта, — сказала она Бриенне. — Должно быть, мальчика сдали заодно со всем замком, хотя я, признаться, не

понимаю, зачем он был так нужен Станнису.

— Быть может, Станнис боится, что тот будет претендовать на трон.

— Бастард? Нет, дело не в этом. Каков он с виду, этот мальчик?

— Ему лет семь или восемь, он пригожий, черноволосый, с ярко-голубыми глазами. Гости часто принимали его за сына лорда Ренли.

— А Ренли был очень похож на Роберта. — Кейтилин начала что-то понимать. — Станнис хочет показать бастарда своего брата народу, чтобы люди увидели его сходство с отцом и спросили себя, почему Джоффри его не имеет.

— Неужели это так важно?

— Те, кто поддерживает Станниса, назовут это уликой. Сторонники Джоффри скажут, что это сущие пустяки. — Ее собственные дети — скорее Талли, чем Старки. Только Арья напоминает Неда. (И Джон Сноу, но он не мой сын.) Кейтилин снова подумала о матери Джона. Тайная любовь, о которой ее муж не желал говорить. «Горюет ли она по Неду так, как горюю я? Или ненавидит его за то, что он бросил ее ради меня? Молится ли за своего сына, как я за моего?»

Беспокойные мысли — и праздные. Если Джон родился от Эшары Дейн в Звездопаде, как шептались некоторые, эта леди давно

мертва, если нет, то вовсе не известно, кем могла быть его мать. Да это и не важно. Неда больше нет, и все его любви и тайны умерли вместе с ним.

Однако ее заново поразило отношение мужчин к побочным детям. Нед всегда яростно защищал Джона, сир Кортни Пенроз отдал жизнь за Эдрика Шторма, а вот для Русе Болтона его бастард значит меньше собаки, судя по холодному письму, которое получил от Русе Эдмар три дня назад. Болтон перешел через Трезубец и двинулся, согласно приказу, на Харренхолл. «Крепкий замок, и с сильным гарнизоном, — писал он, — но король

получит его, хотя бы мне пришлось перебить всех защитников до последнего». Он надеялся, что в глазах его величества это искупит преступления его незаконного сына, преданного смерти сиром Родриком Касселем. «Эту судьбу он вполне заслужил, — писал Болтон. — Нечистая кровь всегда вероломна, и Рамси был хитер, жаден и жесток от природы. Избавление от него я почитаю за счастье. Мои законные сыновья, которых обещала мне моя молодая жена, всегда были бы под угрозой, покуда он жив».

Звук торопливых шагов развеял ее мрачные мысли. В комнату, задыхаясь, влетел оруженосец сира

Десмонда и преклонил колени.

— Миледи... Ланнистеры за рекой!

— Отдышись, мальчик, и расскажи все по порядку.

Он повиновался и доложил:

— Колонна вооруженных людей за Красным Зубцом. Их эмблема — пурпурный единорог под львом Ланнистеров.

Кто-то из сыновей лорда Бракса. Бракс приезжал в Риверран, когда она была девочкой, и предлагал обручить одного из своих сыновей с ней или с Лизой. Не тот ли сын теперь командует атакой?

Ланнистеры появились с юго-востока под развернутыми

знаменами, сказал ей сир Десмонд, когда она поднялась к нему на стену.

— Передовой отряд, и только, — заверил он. — Главные силы лорда Тайвина находятся гораздо дальше к югу. Здесь нам ничего не грозит.

Местность к югу от Красного Зубца была открытой и плоской. Кейтилин со сторожевой башни видела вдаль на многие мили, однако не дальше ближайшего брода. Эдмар поручил лорду Ясону Маллистеру защищать и его, и три других выше по течению. Разведчики Ланнистера нерешительно крутились у воды под багряными с серебром знаменами.

— Их не больше полусотни, миледи, — заявил сэр Десмонд.

Всадники растянулись в длинную линию. Люди лорда Ясона ждали их, засев за валунами и пригорками. Запела труба, и всадники торжественным маршем двинулись вперед, расплескивая воду. Это было красивое зрелище – яркие доспехи, развернутые знамена, сверкающие на солнце острия копий.

– Ну же, – прошипела Бриенна.

Трудно было разобрать, что происходит, но дикое ржание лошадей донеслось до самого замка, сопровождаемое более слабым лязгом стали о сталь. Знамя рухнуло вместе со знаменосцем, и мимо стен замка проплыл, увлекаемый течением, первый труп. Ланнистеры

поспешно отступили. Они перестроились, посоветовались и ускакали в ту сторону, откуда пришли. Люди на стенах улюлюкали им вслед, хотя те за дальностью не могли этого слышать.

Сир Десмонд похлопал себя по животу.

— Эх, видел бы это лорд Хостер — сразу бы в пляс пошел.

— Боюсь, отец уже не запляшет, да и битва только начинается. Ланнистеры еще вернутся. У лорда Тайвина людей вдвое больше, чем у моего брата.

— Да хоть бы и вдесятеро. Западный берег Красного Зубца выше восточного, миледи, и густо зарос

лесом. У наших лучников хорошее прикрытие и открытое поле для стрельбы... а если даже враг пробьет брешь, Эдмар оставил в резерве своих лучших рыцарей, готовых выехать в случае нужды. Через реку им не перебраться.

— Молюсь, чтобы вы оказались правы, — сумрачно сказала Кейтилин.

Ночью враг вернулся. Кейтилин приказала разбудить себя, если это случится, и далеко за полночь служанка тронула ее за плечо. Кейтилин тут же села.

— Что там?

— Снова брод, миледи.

Кейтилин, завернувшись в халат, поднялась на крышу. Оттуда поверх

стен она видела залитую луной реку, где кипела битва. Защитники разложили вдоль берега костры, и Ланнистеры, вероятно, надеялись ночью застать их врасплох, но напрасно. Темнота — ненадежный союзник. Войдя по грудь в воду, люди начали проваливаться в специально вырытые ямы, спотыкаться о камни и разбросанные по дну колючки. Лучники Маллистера послали через реку тучу огненных стрел, очень красивых издали. Один солдат, пронзенный в дюжине мест, в горящей одежде, крутился по колено в воде. Наконец он упал, и его унесло течением. Когда он проплыл мимо Риверрана, огни уже погасли, как и

его жизнь.

«Маленькая, но победа», — подумала Кейтилин, когда бой кончился и уцелевшие враги отошли обратно в ночь. Спускаясь по винтовой лестнице с башни, она спросила Бриенну, что та думает на этот счет.

— Лорд Тайвин коснулся нас пальцем, миледи. Он нащупывает слабое место, незащищенный брод. Если он его не найдет, то сожмет все свои пальцы в кулак и попытается пробиться силой. Я бы на его месте поступила именно так. — Рука Бриенны потрогала рукоять меча, словно проверяя, на месте ли он.

«И да помогут нам тогда боги»,

– подумала Кейтилин. Она тут ничего не могла поделать. Биться на реке – дело Эдмара, ее дело – держать замок.

Наутро, сев завтракать, она послала за пожилым стюардом отца, Утерайдсом Уэйном.

– Пусть сиру Клеосу Фрею принесут штоф вина. Я собираюсь вскоре допросить его, и мне нужно, чтобы язык у него развязался.

– Слушаюсь, миледи.

Некоторое время спустя гонец с вышитым на груди орлом Маллистеров привез послание от лорда Ясона, где говорилось о еще одной стычке и еще одной победе. Сир Флемент Бракс пытался перейти

реку у другого брода в шести лигах к югу. На этот раз Ланнистеры укоротили копья и двинулись через реку пешими, но лучники стали пускать стрелы высоко, им за щиты, а скорпионы, поставленные на берегу Эдмаром, метали тяжелые камни.

— Дюжина убитых осталась в воде, и только двое добрались до нашего берега, где мы мигом с ними разделались, — рассказывал гонец. Рассказал он и о сражении выше по реке, где брод держал лорд Карил Венс. — Там враг тоже отбит и понес тяжелые потери.

«Быть может, Эдмар умнее, чем я полагала, — подумала Кейтилин. — Все лорды одобрили его план —

возможно, я просто слепа? Мой брат уже не тот маленький мальчик, каким я его помню, как и Робб».

Посещение сира Клеоса Фрея она отложила до вечера, рассудив, что чем дольше она промедлит, тем больше он напьется. Когда она вошла к нему в башню, сир Клеос хлопнулся на колени.

— Миледи, я ничего не знал о побеге. Бес сказал, что у Ланнистера должен быть достойный эскорт. Клянусь своей рыцарской честью...

— Встаньте, сир, — сказала Кейтилин и села. — Я знаю, что внук Уолдера Фрея не может быть клятвопреступником. — (Если только не видит в этом выгоды для себя.) —

Мой брат говорил, что вы привезли условия мира.

– Это так. – Сир Клеос поднялся на ноги, и Кейтилин с удовлетворением заметила, как нестойко он на них держится.

– Расскажите мне о них, – велела она, и он рассказал. Кейтилин, выслушав его, нахмурилась. Эдмар прав: это вообще не условия, кроме разве что... – Значит, Ланнистер готов поменять Арию и Сансу на своего брата?

– Он поклялся в этом, сидя на Железном Троне.

– При свидетелях?

– Перед всем двором, миледи. И перед богом. Я передал это сиру

Эдмару, но он сказал, что это невозможно, что его величество Робб никогда не согласится.

— Он верно сказал. — Быть может, Робб даже прав. Арья и Санса — дети. Цареубийца же, живой и свободный, — чуть ли не самый опасный человек в королевстве. Этот путь никуда не ведет. — Вы видели моих девочек? С ними хорошо обращаются?

— Да... как будто бы... — замялся сир Клеос. «Ищет, как бы соврать, — поняла Кейтилин, — вино затуманило ему мозги».

— Сир Клеос, — холодно сказала она, — вы злоупотребили званием посла, — приведя сюда злоумышленников. Если будете мне

лгать, вас повесят на стене рядом с ними. Можете мне верить. Я спрашиваю вас еще раз: видели ли вы моих дочерей?

На лбу у него выступила испарина.

— Я видел Сансу при дворе в тот день, когда Тирион назвал мне свои условия. Она очень хороша, миледи, — разве что похудела немного. Осунулась.

«Сансу, но не Арью. Это может означать все что угодно. Арью всегда было нелегко укротить. Быть может, Санса не захотела брать ее ко двору, боясь, что она скажет или сделает что-нибудь не то, и Арью просто убрали с глаз долой. Но могли и

убить». Кейтилин прогнала от себя эту мысль.

– Вы сказали – его условия... но ведь регентша – королева Серсея.

– Тирион говорил от лица их обоих. Мне объяснили, что королеве нездоровится.

– Любопытно. – Кейтилин вспомнила жуткий путь через Лунные горы, когда Тирион умудрился переманить к себе ее наемника. Он чересчур умен, этот карлик. Кейтилин до сих пор не понимала, как он проделал обратную дорогу, когда Лиза выгнала его из Долины, но ее не удивляло, что он остался жив. Но в убийстве Неда он не участвовал. «И встал на мою

защиту, когда горцы напали на нас. Если б я могла доверять его словам...»

Раскрыв руки, она посмотрела на свои шрамы и напомнила себе, что это след его кинжала. Его кинжала в руке убийцы, которому он заплатил за смерть Брана. Карлик, конечно же, это отрицает. Даже когда Лиза заперла его в своей небесной камере и угрожала ему лунной дверью, он продолжал отрицать.

— Он лжет, — резко поднявшись, сказала Кейтилин. — Ланнистеры — лжецы все до единого, а карлик худший, из них. Убийца был вооружен его кинжалом.

— Я ничего не знаю о... —

опешил сир Клеос.

— Верно, не знаете, — сказала она, повернувшись и вышла. Бриенна молча шагала рядом с ней. Ей проще, с внезапной завистью подумала Кейтилин. Она как мужчина, а для мужчин ответ всегда один и тот же и находится там же, где и меч. Для женщины, для матери путь гораздо более крут.

Ужинала она поздно, в Большом Чертоге вместе со своим гарнизоном. Надо было насколько возможно приободрить людей. Раймунд-Рифмач пел во время всей трапезы, избавляя ее от необходимости разговаривать. Закончил он сложенной им песней о

победе Робба при Окскроссе: «И звезды в ночи словно волчьи глаза, и ветер — словно их зов». Между куплетами Раймунд задирает голову и выл. К концу песни гарнизон выл вместе с ним, в том числе и порядком захмелевший Десмонд Грелл. Под стропилами гуляло эхо.

«Пусть поют, если это прибавляет им храбрости», — думала Кейтилин, вертя в руках серебряный кубок.

— Когда я была девочкой, у нас в Вечернем Замке всегда жил какой-нибудь певец, — тихо сказала Бриенна. — Я знаю все песни наизусть.

— Санса тоже знала, хотя мало

кто из певцов давал себе труд проделать весь долгий путь до Винтерфелла. — (Я сказала ей, что при дворе короля много певцов. Сказала, что там она будет слушать всевозможную музыку и что отец найдет мастера, который обучит ее играть на большой арфе. Да простят меня боги...)

— Помню одну женщину, — сказала Бриенна. — Она приехала откуда-то из-за Узкого моря. Не знаю даже, на каком языке она пела, но голос ее был столь же прекрасен, как она сама. Глаза у нее были как сливы, а талия такая тонкая, что мой отец охватывал ее ладонями. У меня руки почти такие же большие, как и у

него. — Бриенна смущенно убрала с глаз свои толстые пальцы.

— А ты для отца не пела? — спросила Кейтилин.

Бриенна потрясла головой, уставившись в свою миску.

— А для лорда Ренли?

— Никогда. — Бриенна залилась краской. — Его дурак очень зло шутил, и я...

— Я когда-нибудь попрошу тебя спеть для меня.

— Нет. Я не обладаю таким даром. — Бриенна поднялась из-за стола. — Простите, миледи, — можно мне уйти?

Кейтилин кивнула, и девушка вышла из зала большими

неуклюжими шагами, почти незамеченная среди буйного веселья. «Да будут с тобой боги», – подумала Кейтилин, вновь с неохотой возвращаясь к еде.

Через три дня обрушился удар молота, предсказанный Бриенной, а через пять они услышали об этом. Кейтилин сидела с отцом, когда прибыл гонец от Эдмара – в щербатых доспехах, пыльных сапогах, разодранном камзоле, но его лицо, когда он преклонил колени, сказало Кейтилин, что он привез хорошие вести.

– Победа, миледи. – Он подал ей письмо Эдмара, и она дрожащими руками взломала печать.

«Лорд Тайвин пытался переправиться у дюжины разных бродов, – писал брат, – но каждый раз его отбрасывали назад. Лорд Леффорд утонул, рыцарь Кракехоллов по прозвищу Дикий Вепрь взят в плен, сира Аддама Марбранда заставили отступить трижды... но самый жестокий бой завязался у Каменной Мельницы, где атакой командовал сир Грегор Клиган. Он понес такие потери, что туши убитых коней едва не запрудили реку. В конце концов Гора с горстью лучших своих бойцов выбрался-таки на западный берег, но Эдмар бросил на них свой резерв, и они насилу унесли ноги обратно.

Сам сир Грегор лишился коня и побрел через Красный Зубец, покрытый кровью из дюжины ран, осыпаемый градом стрел и камней. Им нипочем не перейти реку, Кет, — писал Эдмар. — Лорд Тайвин повернул на юго-восток. Уловка это или полное отступление — разницы нет. Здесь они не пройдут». Сир Десмонд Грелл ликовал.

— Хотел бы я быть вместе с ним, — сказал старый рыцарь, когда Кейтилин прочла ему письмо. — Где этот дурак Раймунд? Это просится в песню, клянусь богами — такую даже Эдмар захочет послушать. Я сам готов сочинить, как мельница смолола гору, вот только таланту не

хватает.

— Не стану я слушать никаких песен до конца войны, — чуть резковато ответила Кейтилин, однако позволила сиру Десмонду рассказать о происшедшем и согласилась с его предложением открыть несколько бочек вина в честь Каменной Мельницы. Настроение в Риверране напряженное и мрачное — пусть выпьют немного и воспрянут духом.

Ночью замок шумно праздновал. «Риверран! Талли!» — кричал народ. Эти люди пришли сюда напуганные и беспомощные, и брат впустил их, хотя большинство лордов закрыли перед ними ворота. Их голоса проникали сквозь высокие окна и

тяжелые двери красного дерева. Раймунд играл на арфе в сопровождении пары барабанщиков и юноши, дудевшего на тростниковой свирели. Кейтилин слышала девичий смех и болтовню мальчишек, оставленных ей братом в защитники. Но эти приятные звуки не трогали ее — она не разделяла общего веселья.

Она нашла в отцовской горнице тяжелый, переплетенный в кожу том и раскрыла его на карте речных земель. Вот он, Красный Зубец. Кейтилин вела вдоль него глазами при мерцающем огоньке свечи. Повернул на юго-восток... Теперь они уже, вероятно, достигли истоков Черноводной.

Она закрыла книгу, и ее тревога стала еще сильнее. Боги даруют им победу за победой. При Каменной Мельнице, при Окскроссе, в Шепчущем Лесу...

Почему же тогда ей так страшно?

Бран

Звук царапнувшей о камень стали был едва слышен. Он поднял голову, вслушиваясь и приносясь. Вечерний дождь пробудил к жизни сто уснувших запахов, сделав их густыми и сильными. Трава, колючки, осыпавшиеся ягоды ежевики, земля, черви, прелые листья, крыса, крадущаяся в кустах. Он уловил лохматый черный запах меха его брата и резкий медный дух крови белки, которую убил. Другие белки шмыгали в ветвях наверху — от них пахло мокрым мехом и страхом, их коготки царапали кору.

Незнакомый звук походил на этот.

Звук послышался снова, и он вскочил на ноги и подняв хвост. Он испустил вой — низкий дрожащий зов, пробуждающий спящих, но человечески скалы оставались темными и мертвыми. В такую тихую сырую ночь люди всегда забираются в берлоги. Дождь уже кончился, но они все еще жмутся к огню в своих норах.

Брат выбежал из-за деревьев тихо, как другой брат, которого он помнил смутно, — белый, с кровавыми глазами. У этого брата глаза темные и не видны, но шерсть на спине стоит дыбом. Он тоже слышал звуки и знает, что они

означают опасность.

На этот раз за царапаньем последовал скользящий шорох и тихое шлепанье босых ног по камню. Ветер донес слабую струйку человеческого запаха, незнакомого ему. Чужой. Опасность. Смерть.

Он помчался на этот звук. Брат бежал рядом. Человечья скала возникла впереди, мокрая и скользкая. Он оскалил зубы, но скала не обратила внимания. Ворота – туго свернувшийся черный железный змей. Он бросился на них, и змей дрогнул и лязгнул, но удержался. Сквозь прутья виднелся длинный каменный ров, бегущий между стен к каменному полю, но пути к нему не

было. Между прутьями только морду можно просунуть, больше ничего. Брат не раз пытался разломать черные кости ворот своими зубами, но они не ломались. Внизу тоже не подкопаешься — там лежат большие плоские камни, присыпанные землей и палыми листьями.

Рыча, он побегал перед воротами и снова бросился на них. Они отшвырнули его назад. «Заперты», — шепнуло ему что-то. Замком и цепью. Голоса он не слышал и запаха не учуял. Другие пути тоже закрыты — все проходы в человеческой скале загорожены толстым крепким деревом. Выхода отсюда нет.

«Есть», – возразил шепот, и он увидел образ большого дерева с иглами, в десять раз выше человека. Он огляделся, но его тут не было. На том конце богорощи, скорей, скорей...

Во мраке раздался приглушенный крик и тут же оборвался.

Он кинулся обратно в лес – мокрые листья шуршали под лапами, ветки хлестали его. Брат бежал за ним по пятам. Они промчались под сердце-деревом, вокруг холодного пруда, сквозь кусты ежевики, через дубраву, ясени, терновник – и вот оно, дерево, которое он увидел не видя, кривое, наклоненное в сторону

крыш. «Страж-дерево», —
промелькнуло в голове.

Он помнил, как лазал по нему. Иглы колют лицо, сыплются за шиворот, руки в липкой смоле, остро пахнущей. Но лезть легко — дерево наклонное, ветки посажены близко, почти как лестница, и взбираешься прямо на крышу.

Ворча, он обнюхал ствол, поднял ногу и пометил его. Низкая ветка задела его морду — он схватил ее зубами, потянул и оторвал прочь. Пасть наполнилась иглами и горьким соком. Он потряс головой и зарычал.

Брат сел и протяжно, скорбно завыл. Никакой это не выход. Они не белки и не человечесьи детеныши — не

могут они лазить по деревьям, у них лапы не так устроены. Они бегуны, охотники, пластуны.

В ночи, за каменным ограждением, подняли лай собаки — сперва одна, потом другая, потом все прочие. Они тоже учуяли это — врага и страх.

Бессильная ярость переполняла его, жгучая, как голод. Он отбежал от стены, пронесся под деревьями, где тени листвы пятнали его серую шкуру, вихрем повернул назад. Иглы и листья летели у него из-под ног — он охотился, гнал рогатого оленя, видя и чуя его. Запах страха заставлял сердце колотиться, и слюна бежала изо рта. С разбега он прыгнул на

дерево, цепляясь когтями за кору. Еще прыжок, другой, третий – и он добрался до нижних ветвей. Он путался в них лапами, иглы кололи ему глаза, как он на них ни огрызался. Пришлось сбавить ход. Задняя лапа застряла, и он с рычанием выдернул ее. Ствол стал узким, почти отвесным и мокрым. Кора рвалась, как кожа, под его когтями. Он проделал уже треть пути, половину, еще больше, и крыша уже маячила перед ним... но он оступился на мокром дереве и заскользил вниз. Он взвыл от страха и ярости – он падал, падал, кувыркаясь в воздухе, и земля ринулась навстречу, чтобы сломать

его.

Бран снова лежал в постели, один в своей башне, запутавшись в одеяле, и тяжело дышал.

— Лето, — позвал он вслух. — Лето. — Плечо у него болело, как будто он упал на него, но он знал, что это пустяки по сравнению с тем, что чувствует волк. «Жойен правду сказал — я оборотень». Снаружи доносился лай собак. Море пришло. Оно перехлестнуло через стену, как и говорил Жойен. Бран схватился за брус у себя над головой, подтянулся и позвал на помощь. Никто не пришел, да и не мог прийти. У его двери больше нет часового. Сиру Родрику нужно было как можно больше

боеспособных мужчин, и гарнизон в Винтерфелле остался самый незначительный.

Остальные ушли восемь дней назад — шестьсот человек из Винтерфелла и окрестных селений. На пути к ним присоединился Клей Сервин еще с тремя сотнями, а мейстер Лювин послал воронов, вызывая подкрепление из Белой Гавани, с пустошей и даже из чаш Волчьего Леса. На Торрхенов Удел напал некий страшный воин по имени Дагмер Щербатый. Старая Нэн говорила, что убить его нельзя — однажды ему уже раскололи голову топором, но свирепый Дагмер просто свел половинки вместе и

держал, пока они не срослись. А вдруг он победит, этот Дагмер? От Винтерфелла до Торрхенова Удела много дней пути, и все же...

Бран сполз с кровати и по брусьям добрался до окна. Повозившись немного, он открыл ставни. Двор был пуст, все окна, видные ему, темны — Винтерфелл спал.

— Ходор! — крикнул Бран вниз как можно громче. Ходор сейчас спит у себя над конюшней, но если кричать громко, авось услышит либо он, либо еще кто-нибудь. — Ходор, иди скорей! Оша! Мира, Жойен, кто-нибудь! — Бран сложил руки ковшом у рта. — ХООООООООООООДОООООООООР!

Дверь наконец открылась, но в нее вошел неизвестный Брану человек, в кожаном кафтане с нашитыми сверху железными дисками, с кинжалом в руке и топором за спиной.

— Чего тебе надо? — испугался Бран. — Это моя комната. Уходи отсюда.

Следом за незнакомцем вошел Теон Грейджой.

— Мы не причиним тебе зла, Бран.

— Теон? — У Брана даже голова закружилась от облегчения. — Тебя Робб послал? Он тоже здесь?

— Робб далеко и тебе не поможет.

— Не поможет? — испугался Бран.

– Не пугай меня, Теон.

– Теперь я принц Теон. Мы оба с тобой принцы. Кто бы мог подумать? Однако я взял твой замок, мой принц.

– Винтерфелл? – Бран покачал головой. – Нет, ты не мог.

– Оставь нас, Верлаг. – Человек с кинжалом вышел, и Теон сел на кровать. – Я послал на стену четырех человек с крючьями и веревками, и они открыли нам калитку. Сейчас мои люди расправляются с твоими. Говорю тебе: Винтерфелл мой.

– Но ты воспитанник моего отца! – недоумевал Бран.

– А теперь вы с братом будете моими воспитанниками. Когда бой

окончится, мои люди соберут все население замка в Большом Чертоге, и мы с тобой обратимся к ним. Ты скажешь, что сдал Винтерфелл мне, и велишь им служить новому лорду и слушаться его, как прежнего.

— Не скажу. Мы тебя побьем и вышвырнем вон. Я тебе не сдавался, и ты не заставишь меня сказать, что я сдался.

— Это не игра, Бран, так что перестань капризничать — я этого не потерплю. Замок мой, но люди в нем пока еще твои. Если принц хочет их уберечь, надо сделать так, как я сказал. — Теон встал и подошел к двери. — Сейчас кто-нибудь придет одеть тебя и отвести в Великий

Чертог. Подумай хорошенько о том, что будешь говорить.

Ожидание заставило Брана почувствовать себя еще более беспомощным, чем прежде. Он сидел на подоконнике, глядя на темные башни и черные во мраке стены. Один раз ему почудился крик у кордегардии и что-то похожее на звон мечей, но сейчас у него не было ни острого слуха Лета, ни его обоняния. «Наяву я сломанный, но во сне, когда я Лето, я бегаю, дерусь, все слышу и все чую».

Бран ждал, что к нему придет Ходор или кто-то из служанок, но вошел мейстер Лювин со свечой.

— Бран... ты ведь знаешь уже,

что случилось? Тебе сказали? – Под глазом у мастера была неглубокая рана, и по щеке текла кровь.

– Теон приходил сюда. И сказал, что Винтерфелл теперь его.

Мейстер поставил свечу и вытер кровь с шеи.

– Они переплыли ров, влезли на стену с крючьями и веревками и обрушились на замок мокрые, с мечами наголо. – Он сел на стул у двери. На его лице снова проступила кровь. – На воротах стоял Элбелли – его захватили в башне и убили. Хэйхед ранен. Я успел отправить двух воронов, прежде чем они ворвались. Тот, что направляется в Белую Гавань, улетел, но другого

сбили стрелой. – Мейстер опустил глаза в пол. – Сир Родрик увел с собой слишком много людей, но винить следует не его, а меня. Я не подумал о том, что нам грозит, я...

«Жойен знал», – подумал Бран и сказал:

– Помогите-ка мне одеться.

– Да-да. – Мейстер достал из окованного железом сундука в ногах кровати рубашку, бриджи и камзол. – Ты Старк из Винтерфелла, наследник Робба – ты должен быть одет, как принц. – С его помощью Бран облачился в подобающий лорду наряд.

– Теон хочет, чтобы я сдал ему замок, – сказал он, когда мейстер

застегнул на нем плащ его любимой, серебряной с янтарем пряжкой в виде волчьей головы.

— Это не стыдно. Лорд должен защищать своих людей. В жестоких местах рождаются жестокие люди — помни об этом, Бран, когда имеешь дело с жителями Железных островов. Твой лорд-отец делал что мог, чтобы смягчить нрав Теона, но, боюсь, эти меры были недостаточны, да и запоздали.

За ними пришел коренастый воин с угольно-черной бородищей, закрывавшей половину груди. Брана он поднял довольно легко, хотя эта повинность явно его не радовала. Спальня Рикона была на полпролета

ниже. Малыш раскапризничался, когда его разбудили.

— Хочу маму, — ныл он. — И Лохматика.

— Твоя мать далеко, мой принц, — зато мы с Браном здесь. — Мейстер натянул на мальчика одежды и повел с собой, держа за руку.

Внизу они увидели Миру и Жойена — их выводил из комнаты лысый островитянин, вооруженный копьем на три фута длиннее, чем он сам. Жойен посмотрел на Брана зелеными, полными скорби глазами. Другие захватчики конвоировали Фреев.

— Твой брат потерял свое королевство, — сказал Брану Уолдер

Малый. — Ты теперь не принц, а только заложник.

— Ты тоже, — сказал Жойен, — и я, и мы все.

— Тебя, лягушонок, никто не спрашивал.

Один островитянин пошел впереди с факелом, но дождь, зарядивший снова, скоро погасил огонь. Идя через двор, они слышали, как воют лютоволки в богороще. Бран надеялся, что Лето не слишком пострадал, упав с дерева.

Теон Грейджой сидел на высоком месте Старков. Плащ он снял. Поверх его тонкой кольчуги был надет черный камзол с золотым кракеном его дома. Руки лежали на

волчьих головах, вырезанных на
конце широких каменных
подлокотников.

— Теон сидит на месте Робба, —
сказал Рикон.

— Тихо, Рикон. — Бран чувствовал
вокруг угрозу, но брат был для этого
слишком мал. Горело несколько
факелов, и в большом очаге тлел
огонь, но основная часть зала тонула
во мраке. Скамьи составили у стен —
сесть было негде, и обитатели замка
стояли кучками, не смея
переговариваться. Бран видел старую
Нэн, открывавшую и закрывавшую
беззубый рот. Хэйхеда поддерживали
двое других стражников — его голую
грудь обматывала окровавленная

повязка. Рябой Том безутешно рыдал, Бет Кассель тихо плакала от страха.

– Это еще кто такие? – спросил Теон, указав на Ридов и Фреев.

– Это воспитанники леди Кейтилин – их обоих зовут Уолдер Фрей, – объяснил мейстер Лювин. – А это Жойен Рид и его сестра Мира – дети Хоуланда Рида из Сероводья. Они приехали, чтобы заново присягнуть Винтерфеллу.

– Другой бы сказал, не ко времени, а по мне – в самый раз. – Теон встал со своего места. – Раз приехали, тут и останутся. Лоррен, давай сюда принца. – Чернобородый плюхнул Брана на каменное сиденье, словно мешок с овсом.

Людей продолжали сгонять в Великий Чертог, подгоняя их копьями и криками. Гейдж и Оша явились с кухни все в муке – они замешивали хлеб на утро. Миккена тащили волоком, а он ругался. Прихрамывающий Фарлен поддерживал Паллу – платье на ней разодрали надвое, она зажимала его в кулаке и шла так, будто ей было больно. Септон Шейли бросился им на помощь, но один из островитян повалил его на пол.

Последним, кто вошел в дверь, был пленный Вонючка – ядреный запах опережал его, и Брана замутило.

– Этот был заперт в башне, –

доложил конвоир, рыжий безусый парень, весь мокрый — несомненно, один из тех, кто переплывал ров. — Говорит, что звать его Вонючка.

— С чего бы это? — улыбнулся Теон. — Ты всегда так пахнешь, или только что полюбился со свиньей?

— Я ни с кем не любился с той поры, как меня взяли, милорд. Вообще-то меня зовут Хеке. Я служил Бастарду из Дредфорта, пока Старки не угостили его стрелой в спину вместо свадебного подарка.

Теона это, похоже, развеселило.

— И на ком же он женился?

— На вдове Хорнвуда, милорд.

— На этой старухе? Ослеп он, что ли? У нее титьки как пустые

бурдюки, сухие и сморщенные.

— Так он не ради титек ее взял, милорд.

Островитяне закрыли высокие двери в дальнем конце. С высокого сиденья Бран насчитал их около двадцати. Теон, наверное, оставил стражу у ворот и у оружейни, но все равно их никак не может быть больше тридцати.

Теон вскинул руки, призывая к тишине:

— Вы все меня знаете...

— Еще бы тебя не знать, дерьма мешок! — крикнул Миккен, но лысый двинул его концом копья в живот и ударил древком в лицо. Кузнец рухнул на колени и выплюнул

выбитый зуб.

— Миккен, молчи. — Бран старался говорить сурово и важно, как Робб, когда командует, но голос подвел его, и он сорвался на писк.

— Слушайся своего маленького лорда, Миккен, — сказал Теон. — У него разума побольше, чем у тебя.

Хороший лорд защищает своих людей, напомнил себе Бран и объявил:

— Я сдал Винтерфелл Теону.

— Громче, Бран. И называй меня принцем.

— Я сдал Винтерфелл принцу Теону, — повысил голос Бран. — Вы все должны делать то, что он приказывает.

– Да будь я проклят, если стану его слушаться! – взревел Миккен.

Теон сделал вид, что не слышит.

– Мой отец возложил на себя древнюю корону соли и камня и провозгласил себя королем Железных островов. По праву завоевателя он требует себе также и Север. Вы все – его подданные.

– Да пошел ты. – Миккен вытер окровавленный рот. – Я служу Старкам, а не каким-нибудь поганым спрутам... а-а... – Тупой конец копья сбил его на каменный пол.

– Известно, что у кузнеца руки сильные, а голова слабая, – заметил Теон. – Но если вы все будете служить мне столь же преданно, как

Неду Старку, то найдете во мне лорда настолько великодушного, как только можете пожелать.

Миккен привстал на четвереньки, выплюнув кровь. Пожалуйста, не надо, мысленно взмолился Бран, но кузнец уже крикнул:

– Если ты думаешь, что сможешь удержать Север с твоей жалкой...

Лысый вогнал острие копья Миккену в затылок. Сталь пробила шею и вышла из горла с потоком крови. Закричала какая-то женщина, а Мира обхватила руками Рикона. «Он утонул в крови, – подумал Бран. – В собственной крови».

– Кто еще хочет высказаться? –

спросил Теон Грейджой.

– Ходор-Ходор-Ходор, – завопил конюх, выпучив глаза.

– Заткните-ка этого полудурка.

Двое островитян начали бить Ходора концами копий, и он опустился на пол, прикрываясь руками.

– Я буду вам лордом не хуже, чем был Эддард Старк. – Теон поднял голос, чтобы перекрыть удары дерева по телу. – Но тот, кто предаст меня, горько пожалеет. И не думайте, что люди, которых вы видите здесь, – это все мое войско. Торрхенов Удел и Темнолесье тоже скоро будут нашими, а мой дядя, поднявшись по Соленому Копью, захватит Ров

Кейлин. Пусть Робб Старк правит на Трезубце, если отобьется от Ланнистеров, – Север отныне принадлежит дому Грейджоев.

– Лорды Старка выступают против тебя, – отозвался Вонючка. – Тот боров из белой Гавани, Амберы, Карстарки. Тебе понадобятся люди. Освободи меня – и я твой.

Теон поразмыслил немного:

– Говоришь ты лучше, чем пахнешь, но твою вонь я долго не выдержу.

– Ну что ж – если меня освободят, и я помыться могу.

– Редкого ума человек, – улыбнулся Теон. – Преклони колено.

Один из Железных Людей подал

Вонючке меч, а тот положил его к ногам Теона и поклялся повиноваться дому Грейджоев и королю Бейлону. Бран не мог на это смотреть. Зеленый сон сбывался.

– Милорд Грейджой! – Оша вышла вперед, переступив через тело Миккена. – Я здесь тоже пленница. Вы были тут, когда меня взяли.

«Я думал, ты мне друг», – с болью молвил про себя Бран.

– Мне нужны бойцы, а не кухонные замарашки.

– Это Робб Старк отправил меня на кухню. Скоро год, как я скребу горшки, чищу котлы и грею солому вот для него. – Она оглянулась на Гейджа. – Я сыта этим по горло.

Дайте мне снова копье.

— У меня есть для тебя копьецо,
— сказал лысый, убивший Миккена, и
с ухмылкой взялся за ширинку.

Оша двинула его между ног
своим костлявым коленом.

— Оставь свою тряпичную
висюльку при себе. — Выхватив у
островитянина копье, она тупым
концом сшибла его с ног. — Мне
подавай дерево и железо. — Лысый
скорчился на полу, а все остальные
захватчики грохнули со смеху.

Теон смеялся вместе с ними.

— Ладно, сгодишься. Оставь
копье при себе. Стигг найдет себе
другое. Преклони колено и присягай.

Больше охотников принести

присягу не нашлось, и всех отпустили с наказом исполнять свою работу и не смутьянничать. Ходору велели отнести Брана обратно в постель. Лицо у парня было все в синяках, нос распух, один глаз закрылся.

– Ходор, – жалобно проскулил он разбитым ртом, поднял Брана большими вымазанными кровью руками и вынес его под дождь.

Арья

– Есть тут призраки – я знаю, что есть. – Пирожок, по локоть в муке, месил тесто. – Пиа видела что-то в маслобойне прошлой ночью.

Арья изобразила неприличный звук. Пиа всегда что-то видела в маслобойне – в основном мужчин.

– Можно мне плюшку? Ты их целый противень напек.

– Он мне весь нужен. Сир Амори их очень любит.

Она ненавидела сира Амори.

– Давай на них наплюем.

Пирожок тревожно огляделся. Кухня была полна теней и шорохов,

но все повара и посудомойки уже спали на просторных полатах над печками.

— Он узнает.

— Не узнает. Плевки вкуса не имеют.

— Если узнает, то выпорют меня.

— Пирожок перестал месить. — Тебе тут и быть-то не полагается. Ночь во дворе.

Ну и что ж, что ночь. Кухня даже ночью не затихает — всегда тут кто-то валяет хлеба на завтра, помешивает в котле деревянной поварешкой или разделывает свинью, чтобы подать сиру Амори ветчину на завтрак. Нынче очередь Пирожка.

— Если Кролик проснется и

увидит, что тебя нет...

— Кролик никогда не просыпается. — По-настоящему его звали Меббл, но все называли его Кроликом из-за красных глаз. — Уж если завалился дрыхнуть — все. — Каждое утро Кролик начинал с эля, а вечером валился, как колода, пуская окрашенные вином слюни. Арья ждала, когда он захрапит, и прокрадывалась босиком по черной лестнице, производя не больше шума, чем мышь, которой и была. Ни свечи, ни коптилки она не брала. Сирио сказал как-то, что темнота может стать ей другом, и был прав. Довольно луны и звезд, чтобы найти дорогу. — Спорю, мы могли бы

бежать, а Кролик меня бы и не хватился.

– Не хочу я никуда бежать. Здесь лучше, чем в лесу. Охота была снова червяков жрать. Посыпь-ка лучше муки на доску.

Арья склонила голову набок.

– Что это?

– А что? Я не...

– Слушай ушами, а не языком. Это рог трубит. Два раза – не слышишь разве? А вот цепи загремели, поднимают решетку – кто-то либо приехал, либо выезжает. Пошли посмотрим?

Ворота Харренхолла не открывались с того дня, как лорд Тайвин выступил в поход со своим

войском.

— Мне хлеб печь надо. И я не люблю, когда темно, — я ж тебе говорил.

— Тогда я пойду, а потом расскажу тебе. Можно плюшку?

— Нет.

Но она все равно стянула одну и съела по дороге. Начинка была из толченых орехов, фруктов и сыра, корочка мягкая и еще теплая. Съев плюшку сира Амори, Арья осмелела. «Босоножка-легконожка, — напевала она себе под нос. — Я призрак Харренхолла».

Рог пробудил замок от сна — люди выходили во двор посмотреть, что за шум. Арья смешалась с

остальными. В ворота въезжали запряженные волами телеги. «Добыча», – сразу смекнула Арья. Всадники, сопровождавшие обоз, говорили на смеси разных языков. Их доспехи блестели при луне, и Арья разглядела пару полосатых зебр. Кровавые Скоморохи. Арья отодвинулась подальше в тень. На одной из телег ехал в клетке громадный черный медведь. Другие были нагружены серебряной посудой, оружием, щитами, мешками муки, визжащими свиньями, тощими собаками и курами. Арья подумала, что давно уже не ела свинины, – и тут увидела пленников.

Первый из них, судя по его

гордой осанке, был лордом, под его рваным красным камзолом поблескивала кольчуга. Сначала Арья приняла его за Ланнистера, но, когда он прошел мимо факела, она разглядела его эмблему — это был серебряный кулак, а не лев. Руки у него были туго скручены, а веревка вокруг щиколотки связывала его с теми, кто шел позади, так что вся вереница еле тащилась. Многие были ранены. Если кто-то останавливался, всадник подъезжал и хлестал его кнутом. Арья попыталась сосчитать пленных, но сбилась со счета, не дойдя и до пятидесяти, а их было по крайней мере вдвое больше. Их одежда была вымазана грязью и

кровью, и при плохом свете трудно было различить все их эмблемы, но некоторые Арья узнала. Две башни. Солнце. Окровавленный человек. Топор. Топор – это Сервины, белое солнце на черном – Карстарки. Это северяне. Люди ее отца и Робба. Ей не хотелось даже думать, что это может означать.

Кровавые Скоморохи
спешивались. Сонные конюхи
вылезли из соломы, чтобы принять у
них взмыленных лошадей. Один из
всадников требовал эля. Шум вызвал
на галерею сира Амори Лорха с
двумя факельщиками по бокам. Варго
Хоут в козлином шлеме остановил
коня под ним.

– Милорд каштелян. – Наемник шепелявил так, словно у него язык не умещался во рту.

– В чем дело, Хоут? – нахмурился сир Амори.

– Пленные. Русе Болтон хотел перейти реку, но мои Бравые Ребята разбили его авангард вдребезги. Многие убиты, и Болтон обратился в бегство. Это их лорд-командующий, Гловер, а позади него шир Эйениш Фрей.

Сир Амори уставился на связанных пленников своими поросячьими глазками. Он не казался довольным. Весь замок знал, что они с Варго Хоутом ненавидят друг друга.

– Прекрасно. Сир Кадвин, отведите этих людей в темницу.

Лорд с кольчужным кулаком на камзоле поднял глаза.

– Нам обещали достойное обращение...

– Молчать!!! – завизжал на него Хоут, брызгая слюной.

– Что обещал вам Хоут, меня не касается, – заявил сир Амори. – Лорд Тайвин поставил кастеляном Харренхолла меня, и я поступлю с вами, как мне заблагорассудится. – Он махнул стражникам. – В подвале под Вдовьей башней они все должны поместиться. Всякий, кто не желает туда идти, волен умереть прямо здесь.

Пленных увели, подталкивая
копьями, и Арья увидела, что Кролик
тоже вылез наружу, щурясь на свет.
Если бы он ее хватился, то поднял бы
крик и пригрозил бы спустить с нее
шкуру, но Арья его не боялась. Это не
Виз. Он вечно грозитя спустить с
кого-нибудь шкуру, но никого ни разу
даже не ударил. И все же незачем
показываться ему на глаза. Она
оглянулась. Волон распрягали, телеги
разгружали, Бравые Ребята требовали
выпивку, зеваки толпились вокруг
клетки с медведем. В суматохе
нетрудно было ускользнуть
незамеченной. Арья вернулась той
же дорогой, что пришла, пока никто
ее не заметил и не заставил работать.

Вдали от ворот и конюшен большой замок казался пустынным. Шум позади затихал. Ветер свистал и выл, проходя сквозь трещины в башне Плача. Листья в богороще начали опадать — они носились по дворам, между пустыми зданиями, тихо шурша по камням. Теперь, когда Харренхолл снова опустел, со звуками стали происходить странные вещи. Порой камни словно впитывали всякий шум, окутывая дворы покровом тишины. Порой в замке оживало эхо — за каждым твоим шагом следовала призрачная армия, каждый далекий голос сопровождался призрачным хором. Эти игры звука относились к тому,

что пугало Пирожка, но не Арию.

Тихая как тень, она прошмыгнула через средний двор, обошла башню Страха и миновала пустой охотничий вольер, где, как говорили, бьют призрачными крыльями духи мертвых соколов. Она могла ходить, где ей вздумается. В гарнизоне осталось не больше ста человек — их в Харренхолле и видно-то не было. Зал Тысячи Очагов заперли вместе с множеством более мелких зданий, куда входила и башня Плача. Сир Амори занял покои кастеляна в Королевском Костре, не менее просторные, чем у самого лорда, и Ария с прочими слугами перешла в подвал под его башней,

чтобы быть под рукой. При лорде Тайвине латники вечно спрашивали, куда ты идешь, — но когда на тысячу дверей осталось сто стражников, никто особенно не заботился, кто где находится.

Проходя мимо оружейни, Арья услышала стук молотка. В высоких окнах светилось рыжее зарево. Арья взобралась на крышу и заглянула вниз. Джендри ковал панцирь. Когда он работал, для него ничего не существовало, кроме металла, мехов и огня. Молот казался продолжением его руки. Арья видела, как играют мускулы у него на груди, слышала, как поет сталь под его ударами. «Он сильный», — подумала она. Когда он,

взяв длинные клещи, погрузил панцирь в желоб с водой, она проскользнула в окно и прыгнула на пол рядом с ним.

Он как будто не удивился, увидев ее.

— Тебе давно спать пора. — Панцирь в холодной воде зашипел, как кот. — Что это там за шум?

— Варго Хоут вернулся с пленными, я видела их эмблемы. Среди них Гловер из Темнолесья, вассал моего отца. Другие почти все тоже наши. — Арья вдруг поняла, почему ноги привели ее сюда. — Ты мне поможешь освободить их.

— Это каким же манером? — засмеялся Джендри.

– Сир Амори отправил их в темницу под Вдовьей башней – это один большой подвал. Ты мог бы выбить дверь своим молотом...

– А стража будет смотреть и биться об заклад, с какого удара я ее высажу?

Арья прикусила губу:

– Часовых придется убить.

– Как?

– Может, их будет не так много.

– Для нас с тобой и двое уж чересчур. Ты так ничему и не научилась в той деревне, что ли? Сунься только – и Варго Хоут отрубит тебе руки и ноги, как у него заведено. – Джендри снова взял клещи.

– Ты просто боишься.

– Отвяжись.

– Джендри, северян целая сотня.

А может, и больше – я сбилась со счета. Столько же, сколько у сира Амори, не считая, правда, Кровавых Скоморохов. Лишь бы освободить их – а там мы захватим замок и убежим.

– Освободить ты их не сможешь, как не смогла спасти Ломми. – Джендри поворачивал панцирь клещами, осматривая его. – А если мы даже убежим, куда нам податься?

– В Винтерфелл. Я расскажу матери, как ты мне помог, и ты сможешь остаться...

– С разрешения миледи? Чтобы я подковывал лошадей для тебя и

ковал мечи для твоих лордов-братцев?

Временами он просто злил ее.

— Перестань!

— На кой мне рисковать своими ногами, чтобы потеть в Винтерфелле вместо Харренхолла? Знаешь старого Бена Чернопалого? Он попал сюда еще мальчишкой. Работал на леди Уэнт, и на ее отца, и даже на лорда Лотстона, который владел Харенхоллом до Уэнтов. Теперь он работает на лорда Тайвина, и знаешь, что он говорит? Меч — это меч, шлем — это шлем, и если ты сунешься в огонь, то обожжешься, кому бы ты ни служил. А Люкан — неплохой хозяин. Я хочу остаться тут.

— Чтобы попасть в руки королевы? Небось за Беном Чернопалым она золотых плащей не посылала!

— Может, им вовсе не я был нужен.

— Прекрасно знаешь, что ты. Ты какая-то важная персона.

— Я кузнечный подмастерье и когда-нибудь стану мастером-оружейником... если не стану бегать, не лишусь ног и не дам себя убить. — Он отвернулся, взял молот и начал ковать.

Руки Арьи от бессилия сжались в кулаки.

— К очередному шлему можешь приделать ослиные уши вместо

бычьих рогов! — выкрикнула она и убежала — иначе она накинулась бы на него и стала колотить. Хотя он, наверное, даже не почувствовал бы. Вот узнают, кто он такой, и отрубят ему его ослиную башку — тогда он пожалеет, что не помог ей. Без него даже лучше. Это из-за него ее схватили в деревне.

Вспомнив о деревне, она вспомнила дорогу, сарай и Щекотуна. Мальчика, которому разбили лицо палицей, глупого старого «мы-за-Джоффри», Ломми Зеленые Руки. «Сперва я стала овцой, потом мышью. Только и могу, что прятаться. Но нет, теперь я опять изменилась». Арья попыталась вспомнить, когда

же мужество вернулось к ней. «Это Якен сделал меня храброй. Он превратил меня из мыши в призрак».

Она избегала лоратийца со дня смерти Виза. С Чизвиком все было просто — столкнуть человека со стены всякий может, но Виз растил свою противную суку со щенячьего возраста, и только колдовством можно было натравить собаку на него. Йорен нашел Якена в каменном мешке вместе с Роржем и Кусакой. Якен сделал что-то ужасное, и Йорен знал об этом, потому и держал его в цепях. А если лоратиец колдун, то, возможно, Рорж и Кука — вовсе не люди, а демоны, вызванные им из преисподней.

Якен все еще должен ей одну смерть. В сказках старой Нэн человеку, которому грамкин предлагает исполнить три желания, следовало быть особенно осторожным с третьим, потому что оно последнее. «Чизвик и Виз были мелкой сошкой. Последняя смерть должна быть весомой», – говорила себе Арья каждую ночь, прежде чем прочесть свою молитву. Но в этом ли истинная причина ее колебаний? Пока она способна убивать одним своим шепотом, она может никого не бояться... но когда последнее желание исполнится, она снова станет мышью.

Кролик проснулся, и она не

посмела вернуться к себе в постель. Не зная, где бы еще укрыться, она отправилась в богорощу. Ей нравился резкий запах сосен и страж-деревьев, ощущение травы и земли под ногами, шелест ветра в листве. По роще протекал тихий ручеек, уходя потом в землю.

В этом месте, под гнилушками и переплетенными корнями, Арья хранила свой меч.

Упрямый Джендри не захотел сковать ей настоящий, и Арья сделала свой из черенка метлы. Меч был слишком легок и не давал нужной опоры пальцам, зато у него был острый расщепленный конец. Когда у Арьи выдавался свободный

час, она бежала сюда и проделывала упражнения, которым научил ее Сирио, – прыгала босиком по палым листьям, рубила ветки и листья. Иногда она даже забиралась на дерево и плясала на верхних ветвях, обхватывая их пальцами ног. С каждым днем она держалась все лучше – чувство равновесия возвращалось к ней. Ночь была самым хорошим временем – ночью ее никто не беспокоил.

Она и теперь взобралась наверх и там, в листве, забыла обо всем – о сире Амори, о Скоморохах и о северянах. Подошвы ее ног упирались в шершавую кору, а меч свистал в воздухе. Надломленная

ветка превратилась в Джоффри, и Арья рубила ее, пока та не отвалилась совсем. Королева, сир Илин, сир Меррин и Пес были просто листьями — их она тоже порубила на зеленые ленты. Когда рука устала, Арья уселась верхом, дыша ночной прохладой и слушая, как пищат, охотясь, летучие мыши. Сквозь полог листьев виднелись белые, как кость, ветви сердце-дерева. Отсюда оно кажется таким же, как в Винтерфелле. Будь это правда, она слезла бы вниз и снова оказалась бы дома — и может быть, отец сидел бы под чардревом, как он делал всегда.

Заткнув меч за пояс, Арья с

ветки на ветку спустилась вниз. Луна посеребрила чардрово, но красные пятиконечные листья ночью казались черными. Арья посмотрела на вырезанный в стволе лик — страшный, с искривленным ртом, с широко раскрытыми, полными ненависти глазами. Неужели это облик бога? Могут ли боги чувствовать боль, как люди? Надо бы помолиться, внезапно подумала она.

Арья опустилась на колени, не зная, с чего начать, и стиснула руки. «Помогите мне, старые боги, — произнесла она про себя. — Помогите выпустить этих людей из темницы, чтобы убить сира Амори, и верните меня домой в Винтерфелл. Сделайте

меня водяной плясуньей и волком, чтобы я больше никогда ничего не боялась».

Хватит или нет? Быть может, надо молиться вслух, если она хочет, чтобы боги ее слышали. И подольше. Отец иногда молился подолгу, но старые боги так ему и не помогли. Вспомнив об этом, она рассердилась.

— Вы должны были спасти его, — упрекнула она богов, обращаясь к дереву. — Он вам все время молился. Не хотите мне помогать — не надо. Да вы и не смогли бы, если б даже захотели.

— Богам дерзить негоже, девочка. Голос испугал ее. Она вскочила

и выхватила свой деревянный меч. Якен Хгар стоял во тьме так тихо, что его самого можно было принять за дерево.

— Человек пришел услышать имя. Сначала один, потом два, потом три. Человек хотел бы покончить с этим.

Арья опустила расщепленную палку к земле.

— Откуда ты узнал, что я тут?

— Человек видит. Человек слышит. Человек знает.

Арья смотрела на него подозрительно. Уж не боги ли послали его?

— Как ты заставил собаку убить Виза? А Роржа и Кусаку ты вызвал из

ада? А Якен Хгар – твое настоящее имя?

– У некоторых людей бывает много имен. Ласка. Арри. Арья.

Она попятилась от него, пока не уперлась в чардрово.

– Тебе Джендри сказал?

– Человек знает, миледи Старк.

Может, это все-таки боги послали его в ответ на ее молитвы?

– Ты нужен мне, чтобы освободить пленных из темницы. Гловера и всех остальных. Надо убить часовых и открыть дверь...

– Девочка забыла. Она получила двух – я должен трех. Если умереть должен часовой, ей стоит только назвать его имя.

– Но одного часового убить мало
– их надо убить всех, чтобы открыть
подземелье. – Арья сильно
прикусила губу, чтобы не заплакать. –
Я хочу, чтобы ты спас северян, как я
спасла тебя.

Он смотрел на нее без всякой
жалости.

– У бога отняли три жизни. Три
жизни он должен получить назад.
Богам дерзить негоже. – Голос его
был как шелк и сталь.

– Я им не дерзила. Так, значит...
я могу назвать любое имя? И ты
этого человека убьешь?

Якен Хгар склонил голову.

– Человек так сказал.

– Кого бы я ни назвала?

Мужчину, женщину, малого ребенка?
Лорда Тайвина, верховного септона,
родного отца?

— Родитель человека давно умер,
но будь он жив и знай ты его имя, он
умер бы по твоему повелению.

— Поклянись в этом. Поклянись
богами.

— Клянусь всеми богами моря и
воздуха и даже им, владыкой огня. —
Он вложил руку в рот, вырезанный на
чардреве. — Клянусь семерыми
новыми богами и старыми, которым
несть числа.

— А если бы я назвала короля?

— Назови имя, и смерть придет.
Завтра, с новой луной, через год — но
она настанет. Человек не умеет

летать, как птица, но он переставляет ноги, одну за другой. Однажды он оказывается на месте, и король умирает. — Он стал перед ней на колени, и они оказались лицом к лицу. — Пусть девочка скажет шепотом, если боится сказать вслух. Ну, говори же. Это Джоффри?

Арья приложила губы к его уху.

— Это Якен Хгар.

Даже там, в горящем амбаре, когда стены пылали вокруг, а он был в цепях, он не выказывал такого ужаса.

— Девочка шутит.

— Ты поклялся. И боги тебя слышали.

— Да, они слышали. — В руке у

него вдруг возник нож, тонкий, как ее мизинец. Для кого он — для Якена или для нее? — Девочка будет плакать. Девочка лишится своего единственного друга.

— Ты мне не друг. Друг помог бы мне. — Она отступила от него, покачиваясь на пятках на случай, если он метнет нож. — Друга я бы не стала убивать.

На лице Якена мелькнула улыбка.

— И девочка могла бы... назвать другое имя, если друг ей поможет?

— Девочка могла бы. Если друг поможет.

Нож исчез.

— Пошли.

– Прямо сейчас? – Она не ожидала от него такой прыти.

– Человек слышит, как сыплется песок в склянке. Человек не уснет, пока девочка не отменит того, что сказала. Пойдем, злое дитя.

«Я не злое дитя, – подумала она, – я лютоволк и призрак Харренхолла». Она спрятала свою палку обратно в тайник и пошла с Якеном.

Несмотря на поздний час, в Харренхолле царило оживление. Прибытие Варго Хоута нарушило весь распорядок. Повозки, подводы и лошади исчезли со двора, но клетка с медведем осталась. Ее подвесили на цепях под горбатым мостиком,

соединявшим внешний двор со средним, в нескольких футах над землей. Расположенные кольцом факелы заливали этот участок светом. Конюшенные мальчишки бросали в медведя камни, и он ревел. Из казармы по ту сторону двора тоже лился свет. Там гремели кружки, и мужские голоса требовали еще вина. Около дюжины человек завело песню на гортанном языке, чуждом для слуха Арьи.

Они пьют и едят, а потом завалятся спать. Кролик наверняка послал разбудить ее, чтобы прислуживать за столом, и уже знает, что ее нет на месте. А впрочем, он должен быть занят по горло —

Бравым Ребятам и людям из гарнизона сира Амори только поспевай наливать, и шум, который они производят, очень отвлекает.

— Голодные боги этой ночью напьются крови, если человек сделает что задумано, — сказал Якен. — Славная, добрая девочка. Отмени одно имя, назови другое, и забудем эту безумную блажь.

— Нет.

— Ну что ж. — Он, видимо, смирился со своей участью. — Дело будет сделано, но девочка должна слушаться. У человека нет времени на разговоры.

— Девочка будет слушаться. Что я должна делать?

– Сто человек голодны, их надо накормить, лорд приказал сварить им суп. Пусть девочка бежит на кухню и передаст это своему приятелю пирожнику.

– Суп, – повторила она. – А ты что будешь делать?

– Девочка поможет сварить суп и будет ждать на кухне, пока человек не придет за ней. Беги.

Когда Арья влетела на кухню, Пирожок доставал свои хлеба из печи, но он был там уже не один. Поваров подняли, чтобы накормить Кровавых Скоморохов Варго Хоута. Слуги сновали с корзинами хлеба и плюшек, главный повар резал холодный окорок, поварята жарили

на вертелах кроликов, которых другие обмазывали медом, женщины крошили лук и морковь.

— Чего тебе, Ласка? — спросил главный, увидев ее.

— Мне нужен суп. Милорд приказал.

— А это что, по-твоему? — Он ткнул ножом в сторону чугунных котлов, висящих над огнем. — Нассать бы туда да и подать козлу. Даже ночью покоя нет, — плюнул он. — Так что беги назад и скажи, что котел раньше срока не вскипит.

— Я здесь подожду, пока не будет готово.

— Так не путайся под ногами. А еще лучше займись чем-нибудь.

Сбегай на маслобойню — его козлиной милости понадобится масло и сыр. Разбуди Пиа и скажи, пусть пошевелится раз в жизни, если ноги дороги.

Арья пустилась бегом. Пиа на полатах уже стонала под одним из Скоморохов, но живо напятила свои одежды, услышав, как разоряется Арья. Она наполнила шесть корзин кругами масла и пахучего сыра, обернутого в ткань, и попросила Арью:

— Помоги мне это снести.

— Не могу. Но ты лучше поторопись, не то Варго Хоут отрубит тебе ноги. — И Арья умчалась, не дав Пиа себя поймать.

На обратном пути она задумалась о том, почему же никому из пленных не отрубили ни рук, ни ног. Может быть, Варго Хоут боится вызвать гнев Робба? Хотя он, похоже, не из тех, кто хоть кого-то боится.

Пирожок помещивал в котлах длинной деревянной ложкой. Арья схватила такую же и взялась ему помогать. Она раздумывала, не сказать ли ему, но вспомнила деревню и решила этого не делать. Он опять захочет сдаться.

Потом она услышала гнусный голос Роржа:

– Эй, кухарь! Мы забираем твой поганый суп. – Арья в испуге бросила ложку. Она не просила

Якена брать их с собой. Рорж был в своем железном шлеме со стрелкой, скрывающей недостаток носа. Следом за ним шли Якен и Кусака.

— Поганый суп для погани еще не поспел. Он должен закипеть. Мы только что бросили лук и...

— Заткнись, не то вставлю вертел тебе в задницу да поверну пару раз. Сказано — давай сюда.

Кусака с шипением оторвал кусок мяса от недожаренного кролика, вымазав пальцы медом, и смолол его своими заостренными зубами. Повар сдался.

— Забирай свой суп, но если козел спросит, почему он так жидок, сам будешь объяснять.

Кусака слизал с пальцев жир и мед, Якен надел пару толстых рукавиц, а вторую пару дал Арье.

— Помогай, Ласка. — Арья с Якеном взяли один горячий котел, Рорж — другой, Кусака захватил целых два и зашипел от боли, когда дужки обожгли ему руки, однако ноши не бросил. Они вынесли котлы из кухни и потащили через двор. У двери Вдовьей башни стояли двое часовых.

— Это что у вас? — спросил один Роржа.

— Горшок горяченькой мочи — не хочешь хлебнуть?

— Узникам тоже надо есть, — обезоруживающе улыбнулся Якен.

— Нам никто ничего не говорил

насчет...

– Это им, а не вам, – вмешалась
Арья.

Второй часовой махнул рукой:

– Ладно, тащите вниз.

Винтовая лестница за дверью
вела в темницу. Рорж шел впереди,
Якен с Арьей замыкали.

– Девочка будет держаться в
стороне, – сказал он ей.

Лестница привела их в длинный
сводчатый подвал без окон.
Несколько факелов освещало
ближний его конец, где часовые сира
Амори за исцарапанным деревянным
столом играли в плашки. Тяжелая
железная решетка отделяла их от
сгрудившихся во тьме узников. Запах

супа привлек к брусьям многих из них.

Арья посчитала: восемь часовых. Они тоже унюхали суп.

— Ну и красотку вы себе нашли в подавальщицы, — сказал старший Роржу. — Что в котле-то?

— Твои причиндалы. Вы жрать хотите или нет?

Один солдат разгуливал взад-вперед, другой стоял у решетки, третий сидел на полу у стены, но охота поесть всех толкнула к столу.

— Наконец-то почесались нас накормить.

— Никак луком пахнет?

— А хлеб где?

— А миски, ложки...

– Обойдетесь. – Рорж выплеснул горячее варево прямо на них, Якен тоже. Кусака метнул свои котлы так, что они пролетели по всему подвалу, расплескивая кипяток. Один угодил привставшему начальнику караула в висок, и тот рухнул как подкошенный. Остальные орали в голос и пытались отползти.

Арья прижалась к стене, а Рорж принялся резать глотки. Кусака предпочитал брать человека за темя и сворачивать ему шею. Только один стражник успел вытащить клинок. Якен отскочил назад, достал собственный меч, загнал часового в угол, осыпая ударами, и убил прямым выпадом в сердце. Подойдя к Арье,

лоратиец вытер окровавленный клинок о ее рубаху.

— На девочке тоже должна быть кровь. Это ее работа.

Ключ от темницы висел на стене у стола. Рорж снял его и отпер дверь. Первым вышел лорд с кольчужным кулаком на камзоле.

— Молодцы, ребята. Я Роберт Гловер.

— Милорд, — поклонился ему Якен.

Пленники сняли с часовых оружие и бросились вверх по лестнице с клинками в руках. Остальные, безоружные, бежали следом. Все происходило быстро и почти без слов. Они казались совсем

не такими изнуренными, как тогда, когда Варго Хоут гнал их через ворота Харренхолла.

— Умно вы устроили с супом — я такого не ожидал, — сказал Гловер. — Это лорд Хоут придумал?

Роржа разобрал такой смех, что сопли потекли из дыры на месте носа. Кусака сидел на одном из мертвецов, держа его за руку, и обгрызал пальцы, похрустывая костями.

— Вы кто? — На лбу у Роберта Гловера образовалась складка. — Вас не было с Хоутом, когда он напал на лагерь лорда Болтона. Вы не из Бравых Ребят?

Рорж вытер сопли с подбородка.

– Из них, а как же.

– Этот человек имеет честь быть Якеном Хгаром из вольного города Лората. Его недостойных соратников зовут Рорж и Кусака. Милорд сам поймет, кто из них Кусака. – Якен указал на Арию. – А это...

– Я Ласка, – выпалила она, чтобы не дать ему сказать, кто она на самом деле. Незачем произносить ее имя здесь, где могут услышать и Рорж, и Кусака, и все остальные, неизвестные ей.

Гловер не обратил на нее внимания.

– Хорошо, – сказал он. – Давайте покончим с этим кровавым делом.

Когда они выбрались из подвала,

наружные часовые лежали в лужах собственной крови, а северяне бежали через двор. Раздались крики. Дверь казармы распахнулась, и оттуда с криком вывалился раненый. Беглецы, выскочив вслед за ним, прикончили его копьем и мечом. В караульне у ворот тоже шел бой. Рорж и Кусака последовали за Гловером, но Якен Хгар опустился на колени рядом с Арьей.

— Девочка не поняла, в чем дело?

— Почему же, поняла, — не совсем уверенно ответила она.

— Козел переметнулся. Скоро здесь, думаю, поднимут волчье знамя. Но сначала человек должен

услышать, как одно имя возьмут назад.

– Я беру его назад. Ты все еще должен мне одну смерть?

– Жадная девочка. – Якен потрогал мертвого часового и показал ей окровавленные пальцы. – Здесь двое, там четверо, еще восемь лежат внизу. Долг уплачен.

– Уплачен, – нехотя, с грустью признала Арья. Теперь она снова серая мышка.

– Бог получил свое. Теперь человек должен умереть. – Странная улыбка тронула губы Якена Хгара.

– Умереть?! – растерялась Арья. Что это значит? – Но ведь я взяла имя назад. Тебе больше не нужно

умирать.

— Нужно. Мое время пришло. — Якен провел рукой по лицу от лба до подбородка, и оно изменилось. Щеки стали полнее, глаза сдвинулись и сели близко, нос загнулся крючком, на правой щеке появился шрам. Якен потряс головой, и длинные прямые волосы, рыжие с белым, словно растаяли, уступив место шапке черных густых завитков.

Арья открыла рот.

— Кто ты? — прошептала она, слишком пораженная, чтобы бояться. — Как ты это делаешь? Это трудно?

Он усмехнулся, сверкнув золотыми зубами.

— Не труднее, чем взять новое

имя, если знаешь как.

— Научи меня. Я тоже так хочу.

— Если хочешь учиться, ты должна пойти со мной.

— Куда?

— Далеко, за Узкое море.

— Я не могу. Мне надо домой, в Винтерфелл.

— Тогда нам придется расстаться

— у меня тоже есть свои обязательства. — Он сунул ей в ладонь монетку. — Возьми.

— Что это?

— Великая ценность.

Арья попробовала монету на зуб — такой твердый металл мог быть только железом.

— А лошадь на нее можно

купить?

– Она не предназначена для покупки лошадей.

– На что же она тогда нужна?

– Спроси еще, на что нужны жизнь и смерть. Если придет день, когда ты захочешь найти меня, дай эту монетку любому браавосцу и скажи ему такие слова: «Валар моргулис».

– Валар моргулис, – повторила Арья – это было нетрудно запомнить. Монету она зажала в кулаке. Побоище на той стороне двора продолжалось. – Пожалуйста, Якен, не уходи.

– Якен теперь мертв, как и Арри, – печально ответил он, – и я

дал обещания, которые должен сдержать. Валар моргулис, Арья Старк. Повтори еще раз.

— Валар моргулис. — Чужой человек в одежде Якена поклонился ей и ушел во тьму, колыхнув плащом. Она осталась одна с мертвыми. Они заслужили смерть, сказала она себе, вспоминая всех тех, кого сир Амори Лорх убил в крепости у озера.

Вернувшись на свою соломенную постель, она нашла подвал под Королевским Костром пустым. Она перечислила все свои имена, а под конец шепнула: «Валар моргулис», думая, что это может означать.

На рассвете вернулись Кролик и

все прочие, кроме одного мальчика, которого убили в свалке ни за что ни про что. Кролик снова вышел наружу посмотреть, как обстоят дела при свете дня, кряхтя и сетуя на ступеньки, изнурительные для старых костей. Вернувшись, он объявил, что Харренхолл взят.

— Кровавые Скоморохи перебили много людей сира Амори прямо в постелях и пьяных, что сидели с ними за столом, тоже убили. Новый лорд будет здесь еще до исхода дня со всем своим войском. Он с дикого севера, оттуда, где Стена, и, говорят, крутенок. Ну, тот лорд или другой, а работу выполнять надо. Будете дурить — шкуру спущу. — При этих

словах он посмотрел на Арию, но так и не спросил, где она была ночью.

Все утро она видела, как Кровавые Скоморохи обирают мертвых и волокут их во Двор Расплавленного Камня, где сложили костер. Шагвелл-Дурак отрубил головы двум мертвым рыцарям и носился с ними по замку, говоря за них.

«Отчего ты умер?» – спрашивала одна голова. «От Ласкиного супа», – отвечала другая.

Арию послали отмывать засохшую кровь. Никто не сказал ей ничего, помимо самых обычных слов, но она то и дело ловила на себе странные взгляды. Роберт Гловер и

другие, освобожденные ею, рассказали, наверное, что случилось в темнице, вот Шагвелл со своими дурацкими говорящими головами и зарядил про Ласкин суп. Она с радостью велела бы ему заткнуться, но боялась. Дурак наполовину сумасшедший и, говорят, как-то убил человека за то, что тот не посмеялся над его шуткой. «Но лучше ему замолчать, не то я внесу его в свой список», — думала она, отскребая очередное бурое пятно.

Уже вечерело, когда прибыл новый хозяин Харренхолла — некрасивый, безбородый и самый обыкновенный. Примечательны в нем были только странные бледные

глаза. Не толстый, не тонкий и не могучего сложения, он был в черной кольчуге и замызганном розовом плаще. Эмблема на его знамени изображала человека, покрытого кровью.

— На колени перед лордом Дредфорта! — крикнул его оруженосец, мальчик не старше Арьи, и Харренхолл преклонил колени. Варго Хоут вышел вперед.

— Милорд, Харренхолл ваш.

Лорд что-то ответил, но так тихо, что Арья не расслышала. Роберт Гловер и сир Эйенис Фрей, вымытые и переодетые в чистые дублеты и плащи, подошли к нему и после краткого разговора подвели его

к Роржу и Кусаке. Арья удивилась, что они еще здесь, ей почему-то казалось, что они исчезнут вместе с Якеном. Рорж прогнусил что-то, но слов она не разобрала. Тут к ней подскочил Шагвелл и поволок через двор.

— Милорд, милорд — вот она, Ласка, которая состряпала суп.

— Пусти, — крикнула Арья, вырываясь.

Лорд оглядел ее. Только глаза и двигались на его лице — очень светлые, цвета льда.

— Сколько тебе лет, дитя?

Арья не сразу вспомнила.

— Десять.

— Десять, милорд, — поправил

он. — Ты любишь животных?

— Некоторых люблю... милорд.

— Но не львов, как видно, — с тонкой улыбкой заметил он. — И не мантикоров.

Не зная, что на это ответить, она промолчала.

— Мне сказали, что тебя зовут Ласка. Так не годится. Какое имя дала тебе мать?

Арья прикусила губу, думая, как бы еще назваться. Ломми звал ее Вороньим Гнездом, Санса — Лошадкой, люди ее отца — Арьей-Надоедой, но вряд ли эти имена ему подойдут.

— Нимерия, — сказала она, — А если коротко, то Нэн.

– Всегда добавляй «милорд», когда говоришь со мной, Нэн. Для службы в Бравых Ребятах ты слишком мала и к тому же принадлежишь к слабому полу. А пиявок ты не боишься?

– За что же их бояться... милорд?

– Вижу, моему оруженосцу есть чему у тебя поучиться. Лечение пиявками – секрет долгой жизни. Человек должен очищать свою кровь. Думаю, ты мне подойдешь. Во время моего пребывания в Харренхолле, Нэн, ты будешь моей чашницей, будешь прислуживать мне за столом и в покаях.

На сей раз она благоразумно

воздержалась от замечания, что предпочла бы работать на конюшне.

— Да, милорд.

— Приведите ее в приличный вид, — распорядился лорд, ни к кому в отдельности не обращаясь, — и научите лить вино в чашу, а не мимо. А вы, лорд Хоут, займитесь знаменами над воротной башней.

Четверо Бравых Ребят, взобравшись на стену, спустили льва Ланнистеров и черного мантикора сира Амори, а на их место подняли ободранного человека Болтонов и лютоволка Старков. В тот же вечер чашница по имени Нэн наливала вино Русе Болтону и Варго Хоуту, которые, стоя на галерее, смотрели,

как Бравые Ребята гоняют голого сира Амори Лорха по двору. Он плакал, молил о пощаде и цеплялся за ноги своих мучителей. Наконец Рорж отпустил его, а Шагвелл спихнул ногой в медвежью яму.

«Этот медведь весь черный, — подумала Арья. — Как Йорен». И наполнила чашу Русе Болтона, не пролив ни капли.

Дейенерис

Дени ожидала, что в этом городе чудес Дом Бессмертных окажется самым большим чудом, но, выйдя из паланкина, она увидела перед собой серые ветхие руины. Здание, длинное и низкое, без окон и башен, вилось каменным змеем среди деревьев с черной корой, из чьих чернильных листьев делали колдовской напиток, называемый в Кварте вечерней тенью. Других домов поблизости не было. Крытая черной черепицей кровля зияла дырами, известь, скреплявшая камни, раскрошилась. Теперь Дени поняла, почему Ксаро

Ксоан Даксос звал этот дом пыльным дворцом. Даже черному Дрогону не понравился его вид, и он зашипел, выпустив дым сквозь острые зубы.

— Кровь моей крови, — сказал Чхого по-дотракийски, — это дурное место, жилище призраков и мейег. Видишь, как оно пьет утреннее солнце? Давай уйдем отсюда, пока оно и нас не высосало.

Сир Джорах Мормонт подошел к ним.

— Какую власть они могут иметь, если живут в таком доме?

— Прислушайся к словам тех, кто тебя любит, — подал голос Ксаро Ксоан Даксос из паланкина. — Колдуны — это нежить, они питаются

прахом и пьют тень. Они ничего тебе не дадут — им нечего дать.

Агго положил руку на свой аракх.

— Кхалиси, я слышал, что многие входили в Пыльный Дворец, но немногие выходили оттуда.

— Я тоже слышал, — подтвердил Чхого.

— Мы кровь от крови твоей, — сказал Агго, — мы поклялись жить и умереть вместе с тобой. Мы войдем с тобой в это темное место, чтобы защищать тебя от всякого зла.

— Есть места, в которые кхал должен входить один, — ответила Дени.

— Тогда возьмите меня, —

предложил сир Джорах. —
Опасность...

— Королева Дейенерис войдет
либо одна, либо не войдет вовсе. —
Из-за деревьев вышел колдун Пиат
Прей. Быть может, он все это время
был здесь? — И если она отступит
сейчас, двери мудрости навеки
закроются перед ней.

— Моя барка ждет у причала, —
заметил Ксаро. — Откажись от этой
блажи, о упорнейшая из королев.
Мои флейтисты убаюкают твою
смятенную душу сладкой музыкой, и
есть у меня маленькая девочка, чей
язычок заставит тебя вздыхать и
таять.

Сир Джорах угрюмо глянул на

купеческого старшину.

— Ваше величество, вспомните Мирри Маз Дуур.

— Я помню ее, — внезапно решившись, ответила Дени, — и помню, как много она знала, хотя была только мейегой.

— Это дитя говорит мудро, как старая женщина, — улыбнулся Пиат Прей. — Дай мне руку, и я поведу тебя.

— Я не дитя, — сказала Дени, но все-таки приняла его руку.

Под черными деревьями было темнее, чем ей представлялось, и путь был дольше. Ей казалось, что дорожка с улицы ведет прямо к дверям дворца, но Пиат Прей свернул

куда-то вбок. Дени спросила его почему, и он ответил:

– Передняя дверь ведет внутрь, но не наружу. Внемли моим словам, королева: этот дом создан не для смертных. Если твоя душа дорога тебе, делай только то, что я тебе говорю.

– Хорошо, – согласилась Дени.

– Войдя, ты окажешься в комнате с четырьмя дверями: той, в которую вошла, и тремя другими. Ступай в правую дверь и поступай так каждый раз. Если тебе встретится лестница, иди только вверх. Никогда не спускайся и входи только в крайнюю справа дверь.

– В крайнюю справа. Хорошо, я

поняла. А когда я пойду обратно, нужно делать наоборот?

– Ни в коем случае. Туда или обратно, все равно. Всегда вверх и всегда в крайнюю справа дверь. Перед тобой будут открываться другие двери, и в них ты увидишь многое, что смутит тебя, – картины страшные и прелестные, чудеса и ужасы. Картины прошлого, грядущего и того, чего никогда не бывало. Обитатели и слуги дворца могут заговорить с тобой. Отвечай или молчи, как тебе угодно, но не входи ни в одну комнату, пока не придешь к приемной зале.

– Я поняла.

– Придя в палату Бессмертных,

будь терпелива. Наши жизни для них не важнее, чем взмах мотылькового крыла. Слушай внимательно и запечатлевай каждое слово в своем сердце.

Когда они дошли до двери — овального зева, сделанного в стене, напоминающей человеческое лицо, — на пороге появился карлик, самый крохотный из виденных Дени. Ростом он доходил ей до колена, и его острое вытянутое личико напоминало звериную мордочку. Одет он был в нарядную пурпурную с синим ливрею и в розовых ручках держал серебряный поднос. Стройный хрустальный бокал на подносе был наполнен густо-синей

«вечерней тенью», вином колдунов.

– Выпей это, – велел Пиат Прей.

– И у меня посинеют губы?

– Один бокал лишь раскупорит

твои уши и снимет пелену с твоих глаз, чтобы ты могла видеть и слышать истины, которые откроются перед тобой.

Дени поднесла бокал к губам. Первый глоток хотя и отдавал чернилами и протухшим мясом, но внутри ее как будто ожил. Щупальцы зашевелились в ее груди, охватили сердце огненными пальцами, вызвав на языке вкус меда, аниса и сливок, вкус материнского молока и семени Дрого, красного мяса, горячей крови и расплавленного золота. Она

ощущала все, что когда-либо
пробовала и не пробовала никогда...
а затем бокал опустел.

– Теперь ты можешь войти, –
сказал колдун.

Дени поставила бокал обратно на поднос и вошла.

Она оказалась в каменной передней с четырьмя дверями, по одной в каждой стене. Дени не колеблясь прошла в крайнюю справа. Вторая комната была двойником первой, и снова Дени повернула в правую дверь. Открыв ее, она увидела такую же комнату с четырьмя дверями. Вот оно, колдовство, — началось.

Четвертая комната,

облицованная не камнем, а источенным червями деревом, была скорее овальной, чем прямоугольной, и в ней имелось шесть дверей вместо четырех. Дени выбрала правую и оказалась в длинном темном коридоре с высокими сводами. Справа дымным оранжевым пламенем горели факелы, а двери были только слева. Дрогон развернул черные крылья, всколыхнув затхлый воздух, и пролетел двадцать футов, а потом шлепнулся. Дени устремилась за ним.

Заплесневелый ковер у нее под ногами некогда играл яркими красками, и в его серо-зеленой тусклоте еще поблескивали золотые

нити. Даже обветшалый, он глушил ее шаги, и это не всегда было к лучшему. В этих стенах бродили шорохи, напоминающие крысиную возню. Дрогон тоже их слышал и поворачивал на них голову, а когда они смолкали, сердито кричал. Из-за закрытых дверей доносились другие звуки, еще более тревожные. Одна ходила ходуном, словно кто-то пытался взломать ее изнутри, нестройный визг дудок из-за другой заставил дракона бешено замахать хвостом. Дени поспешила пройти мимо.

Не все двери были закрыты. Не стану смотреть, сказала себе Дени, но искушение оказалось слишком

сильным.

В одной комнате на полу лежала красивая нагая женщина, а по ней ползали четверо маленький человечков с острыми крысиными мордочками и розовыми лапками, вроде того, что подал Дени «вечернюю тень». Один трудился меж ее ног, другой терзал ее соски мокрым красным ртом.

Чуть дальше Дени наткнулась на пир мертвецов. Зверски убитые, они валялись среди поломанных стульев и разрубленных столов в лужах стынувшей крови. Многие лишились рук, ног и даже голов, но отрубленные руки по-прежнему сжимали кровавые чаши, деревянные

ложки, куски дичи и краюхи хлеба. Над ними сидел на троне мертвец с волчьей головой, в железной короне. Вместо скипетра он держал в руке баранью ногу, и его глаза с немым призывом смотрели на Дени.

Она спаслась бегством, но следующая дверь тоже была открыта, и Дени узнала эту комнату. Она хорошо помнила эти толстые стропила с вырезанными на них головами животных. И лимонное дерево за окном! Его вид наполнил тоской ее сердце. Это он — дом в Браавосе, дом с красной дверью. Не успела Дени сообразить это, в комнату вошел старый сир Биллем, тяжело опираясь на трость.

— Вот и ты, маленькая принцесса, — сказал он своим ворчливым добрым голосом. — Поди ко мне, миледи, теперь ты дома и в безопасности. — Его большая морщинистая, как старый кошелек, рука протянулась к ней, и Дени захотелось ее поцеловать — еще ничего на свете ей так не хотелось. Она уже ступила вперед, но сказала себе: «Он мертв, славный старый медведь, он давно уже умер...» И пустилась бежать.

Коридор тянулся все дальше, с нескончаемыми дверьми на левой стороне и одними только факелами на правой. Дени бежала мимо этих дверей, открытых и закрытых,

деревянных и железных, резных и простых, с ручками, замками и молоточками. Дрогон бил хвостом по ее спине, подгоняя ее, и Дени бежала, пока не выбилась из сил.

Слева возникли двойные бронзовые двери, превосходящие роскошью все остальные. Они раскрылись при ее приближении, и она поневоле заглянула внутрь. Там простирался огромный зал, самый большой из виденных ею. Черепа драконов смотрели вниз с его стен. На величественном шипастом троне сидел старик в богатых одеждах, темноглазый, с длинными серебристыми волосами.

— Да будет он королем обгорелых

костей и поджаренной плоти, — сказал он человеку внизу. — Да будет он королем пепла. — Дрогон завопил, вцепившись когтями в шелк и кожу на ее плече, но король на троне его не услышал, и Дени прошла дальше.

Визерис, подумала она, когда перед ней предстала следующая картина, но тут же поняла, что ошиблась. Волосы у этого человека были как у ее брата, но он был выше и глаза имел не лиловые, а цвета индиго.

— Эйегон, — сказал он женщине, лежавшей с новорожденным на большой деревянной кровати. — Лучше имени для короля не найти.

— Ты сложишь для него песню? —

спросила женщина.

— У него уже есть песня. Он тот принц, что был обещан, и его гимн — песнь льда и огня. — Сказав это, мужчина поднял голову, встретился глазами с Дени и как будто узнал ее. — Должен быть еще один, — сказал он, но Дени не поняла, к кому он обращается — к ней или к женщине на постели. — У дракона три головы. — Он взял с подоконника арфу и провел пальцами по ее серебряным струнам. Звуки, полные сладкой грусти, наполнили комнату. Мужчина, женщина и ребенок растаяли, как утренний туман, и только музыка лилась, провожая Дени.

Прошел, по ее расчетам, целый час, и коридор уперся в лестницу, уходящую вниз, во тьму. Справа по-прежнему не было ни одной двери. Дени оглянулась назад и со страхом увидела, что факелы гаснут. Только двадцать или тридцать оставались зажженными. Вот погас еще один, и тьма продвинулась чуть дальше по коридору, подползая ближе. Дени показалось, что к ней приближается еще что-то, шаркая и волочась по истертому ковру. Ужас охватил ее. Вернуться назад она не могла, оставаться на месте боялась и не знала, куда ей деваться. Дверей справа не было, и ступеньки вели вниз, а не вверх.

Еще один факел погас, и звук стал чуть громче. Дрогон вытянул длинную шею и закричал, пуская дым. Он тоже слышал. Дени тщетно всматривалась в правую стену. Может быть, там есть потайная дверь, невидимая? Факелы гасли один за другим. Он сказал – крайняя дверь справа, всегда только первая справа.

Но первая дверь справа, вдруг
осенило ее... это последняя слева.

Дени бросилась туда и вновь очутилась в маленькой комнате с четырьмя дверьми. Она повернула направо, и снова направо, и еще, и еще... силы снова оставили ее, и голова пошла кругом.

В очередной комнате

противоположная дверь оказалась круглой, напоминающей открытый рот, и за ней на лужайке под деревьями стоял Пиат Прей.

— Неужели Бессмертные отпустили тебя так скоро? — изумленно спросил он, увидев ее.

— Скоро? — растерялась она. — Я блуждала много часов, а их так и не нашла.

— Значит, ты не туда повернула. Пойдем я провожу тебя. — Пиат Прей протянул ей руку.

Дени заколебалась, глядя на правую, закрытую дверь.

— Не туда, — твердо сказал Пиат Прей, неодобрительно сжав синие губы. — Бессмертные не будут ждать

тебя вечно.

— Наши жизни для них не важнее, чем взмах мотылькового крыла, — вспомнила Дени.

— Упрямая девчонка. Ты заблудишься там, и тебя никогда не найдут.

Она отступила от него к правой двери.

— Нет, — завопил Пиат. — Не туда, ко мне, ко мне, ко мне-е-е... — Он стал меняться, превращаясь в какого-то бледного червяка.

Правая дверь вела на лестницу, и Дени стала подниматься по ней. Скоро у нее заболели ноги — а ведь в Доме Бессмертных как будто не было башен.

Наконец лестница кончилась, и справа явились двойные двери, отделанные черным деревом и чардревом. Черные и белые волокна переплетались в странные узоры — очень красивые, но чем-то пугающие. Нет. Кровь дракона не должна бояться. Дени произнесла краткую молитву, прося Воина дать ей мужество, а дотракийского лошадиного бога — силу, и заставила себя ступить вперед.

За дверьми в огромном зале ее ожидало собрание чародеев. Одни были в великолепных одеждах из алого бархата с горностаем и золотой парчи, другие блистали доспехами с множеством драгоценных камней, на

третьих высились остроконечные шапки, усеянные звездами. Были среди них и женщины в прекраснейших нарядах. Лучи солнца падали сквозь разноцветные окна, и небывало сладостная музыка наполняла воздух.

Царственного вида мужчина встал и улыбнулся Дени.

— Добро пожаловать, Дейенерис из дома Таргариенов. Приди и подели с нами хлеб вечности. Мы — Бессмертные Кварта.

— Долго мы ждали тебя, — сказала женщина рядом с ним, в розовом с серебром платье. Одна грудь, оставленная обнаженной по квартийскому обычаю, была

ослепительно прекрасна.

— Мы знали, что ты придешь к нам, — сказал король мудрецов. — Мы знаем это уже тысячу лет и ждем тебя все это время. Мы послали комету, чтобы указать тебе путь.

— Мы поделимся с тобой нашим знанием, — сказал воин в изумрудных доспехах, — и дадим тебе в руки волшебное оружие. Ты выдержала все испытания. Иди же и сядь с нами, и мы ответим на все твои вопросы.

Дени шагнула вперед, но Дрогон взлетел с ее плеча на верхушку черно-белых дверей и принялся грызть резное дерево.

— Храбрый воин, — со смехом

сказал красивый юноша. — Хочешь, мы научим тебя их языку? Иди же.

Дени засомневалась. Створки дверей были очень тяжелы, но Дени с великим трудом сдвинула одну из них — и увидела позади другую дверь, из простого неоструганного дерева, находившуюся, однако, правее черно-белой. Мудрецы продолжали манить ее сладкозвучными голосами, и она бросилась прочь. С Дрогоном, снова севшим ей на плечо, она влетела в другую дверь и оказалась в сумраке.

Здесь стоял длинный каменный стол, а над ним висело человеческое сердце, распухшее и синее, но еще живое. Оно билось гулками толчками, с каждым ударом исторгая

из себя вспышку индигового света. Вокруг стола маячили синие тени. Когда Дени прошла к пустому стулу на дальнем конце стола, они не шелохнулись и не повернулись к ней. В тишине слышалось только гулкое биение полуразложившегося сердца.

— Мать драконов... — произнес кто-то полупшепотом-полустоном, и другие голоса отозвались: — Драконов... драконов... драконов... — Голоса мужские и женские, один как будто даже детский. Бьющееся сердце превращало сумерки в мрак. Дени с трудом обрела дар речи, с трудом вспомнила слова, которые так часто твердила.

— Я Дейенерис Бурерожденная

из дома Таргариенов, королева Семи Королевств Вестероса. — «Слышат ли они меня? Почему они не шевелятся?» Она села, сложив руки на коленях. — Я пришла просить у вас совета. Уделите мне толику вашей мудрости, о победившие смерть.

Сквозь индиговый мрак она различала черты Бессмертного справа от себя — древнего старца, сморщенного и безволосого. Тело у него было густого сине-лилового цвета, губы и ногти еще темнее, почти черные. Даже белки глаз посинели. Глаза эти смотрели невидящим взором на старуху по ту сторону стола, одетую в давно сгнившее шелковое платье. Одна

высохшая грудь была обнажена по квартирскому обычаю, и острый синий сосок казался твердым, как железо.

Да ведь она не дышит. Дени прислушалась к тишине. Никто из них не дышит, и не шевелится, и глаза у них ничего не видят. Неужели Бессмертные мертвы?

Ей ответил шепот, тихий, как мышинный шорох.

— Мы живы... живы... живы... — И другие шепчущие голоса подхватили: — Мы знаем... знаем... знаем...

— Я пришла сюда в поисках истины. Истинно или ложно то, что я видела в коридорах? Прошное это

или грядущее? И что означают эти видения?

— Игра теней... дни, еще не осуществленные... испей из чаши льда... испей из чаши огня...

— Мать драконов... дитя троих...

— Троих? — непонимающе повторила она.

— Ибо три головы у дракона... — Призрачный хор шуршал у нее в голове, хотя губы вокруг не шевелились, и ничье дыхание не колебало синий воздух. — Мать драконов... дитя бури... — Шепоты складывались в песнь. — Три огня должна ты зажечь... один за жизнь, один за смерть, один за любовь... —

Сердце Дени билось в такт с тем, что плавало над столом. — Трех коней должна ты оседлать... один для похоти, один для страха, один для любви... — Ей показалось, что голоса стали громче, а ее сердцебиение и дыхание — медленнее. — Три измены должна ты испытать... одну из-за золота, одну из-за крови, одну из-за любви...

— Я не... — прошептала она почти так же тихо, как они. Что с ней творится? — Я не понимаю, — сказала она погромче. Почему здесь так трудно разговаривать? — Помогите мне. Научите меня.

— Помогите... — передразнили голоса. — Научите...

В синем мраке замелькали картины. Визерис кричал, а расплавленное золото текло по его лицу и заливало рот. Высокий меднокожий лорд с серебристо-золотыми волосами стоял под знаменем с эмблемой огненного коня, а позади него пылал город. Рубины, словно капли крови, брызнули с груди гибнущего принца, и он упал на колени в воду, прошептав напоследок женское имя. Мать драконов, дочь смерти... Красный меч светился в руке голубоглазого короля, не отбрасывающего тени. Тряпичный дракон раскачивался на шестах над ликующей толпой. С дымящейся

башни взлетело крылатое каменное чудище, выдыхая призрачный огонь. Мать драконов, истребительница лжи... Ее серебристая кобылка трусила по траве к темному ручью под звездным небом. На носу корабля стоял труп с горящими глазами на мертвом лице, с печальной улыбкой на серых губах. На ледовой стене вырос голубой цветок, наполнив воздух своим ароматом. Мать драконов, невеста огня...

Все быстрее и быстрее мелькали видения, одно за другим – самый воздух вокруг словно ожил. В палатке плясали тени, бескостные и жуткие. Маленькая девочка бежала босиком к большому дому с красной дверью.

Мирри Маз Дуур истошно кричала в
пламени, и дракон проклевывался
наружу из ее лба. Серебристая
лошадь волокла за собой
окровавленный голый труп. Белый
лев бежал в траве выше
человеческого роста. Трясущиеся
нагие старухи вылезали из озера близ
Матери Гор и становились перед ней
на колени, склонив седые головы.
Десять тысяч рабов воздевали
окровавленные руки, пока она
неслась мимо, как ветер, на своей
Серебрянке. «Мать, мать!» —
кричали они и тянулись к ней,
хватали за плащ, за подол юбки, за
ноги, за грудь. Они желали ее,
нуждались в ней, в огне, в жизни — и

Дени распростерла руки, чтобы отдаться им...

Но черные крылья забили вокруг ее головы, яростный вопль прорезал индиговый воздух, и видения вдруг пропали, а страстный порыв Дени преобразился в ужас. Бессмертные обступили ее, синие и холодные, — продолжая шептать, они трогали ее своими сухими руками, гладили, хватали за платье, запускали пальцы ей в волосы. Все силы покинули ее, даже сердце перестало биться, и она не могла шевельнуться. Чья-то рука легла ей на голую грудь, стиснула сосок, чьи-то зубы нашарили мягкое горло, чей-то рот лизал ее глаз и покусывал веко...

Но индиговый воздух полыхнул оранжевым, и шепоты превратились в вопли. Сердце Дени бурно забилося, руки и рты исчезли, кожу омыло тепло, и она заморгала от яркого света. Дракон у нее на плече, растопыбив крылья, терзал страшное синее сердце, то и дело выбрасывая изо рта огонь, яркий и горячий. Бессмертные, охваченные огнем, выкрикивали тонкими голосами какие-то слова на давно забытых языках. Их плоть пылала, как старый пергамент, кости — как сухие дрова. Они плясали, крутились и корчились, высоко воздевая горящие руки.

Дени вскочила на ноги и ринулись к выходу. Бессмертные,

легкие как шелуха, падали от одного прикосновения. Когда она добралась до двери, вся комната была в огне.

— Дрогон, — крикнула она, и он сквозь огонь прилетел к ней.

Перед ней вился темный коридор, освещаемый мерцающим заревом пожара. Дени бежала, высматривая дверь — справа или слева, все равно, но по бокам тянулись сплошные стены, а пол словно извивался под ее ногами, стараясь задержать ее. Но она, не поддаваясь, бежала все быстрее, и вот впереди возникла дверь, похожая на открытый рот.

Она выбежала на солнце и закачалась от яркого света. Пиат

Прей, бормоча что-то на неизвестном языке, перескакивал с одной ноги на другую. Дени оглянулась — сквозь щели древней постройки ползли тонкие щупальца дыма, и черная черепичная крыша тоже дымилась.

Пиат Прей с громкими проклятиями выхватил нож и устремился к Дени, но Дрогон бросился на него. Щелкнул кнут Чхого — никогда еще она не слышала столь сладкого звука. Нож вылетел из руки колдуна, и Ракхаро тут же повалил его наземь. Дени опустилась на прохладную зеленую траву, а сир Джорах стал рядом на колени и обнял ее за плечи.

Тирион

– Если умрешь глупой смертью, я скормлю твоё тело козлу, – пригрозил Тирион, когда первая партия Каменных Ворон отчалила от берега.

– У Полумужа нет козлов, – засмеялся Шагга.

– Я нарочно заведу их для тебя.

Занимался рассвет, и его блики бежали по реке, дробясь под шестами и вновь смыкаясь за кормой парома. Тиметт переправился со своими Обгорелыми в Королевский Лес ещё два дня назад. Вчера туда же отправились Черноухие и Лунные

Братья, сегодня Каменные Вороны.

— Что бы там ни было, в бой не вступайте, — сказал Тирион. — Нападайте на их лагеря и обозы. Подкарауливайте их передовые отряды и развешивайте трупы на деревьях вдоль пути их следования, режьте отбившихся от войска. Действуйте ночью, часто и внезапно, чтобы они боялись ложиться спать...

Шагга положил руку на голову Тириона.

— Я всему этому уже научился от Дольфа, сына Хольгера, когда у меня еще борода не выросла. У нас в Лунных горах только так и воюют.

— Королевский лес — не Лунные горы, и ты будешь сражаться не с

Молочными Змеями и не с Крашеными Псами. Слушай проводников, которых я тебе дал, — они знают этот лес не хуже, чем ты свои горы. Не пренебрегай ими, и они сослужат тебе хорошую службу.

— Шагга будет слушать собачонок Полумужа, — пообещал горец и взошел с конем на паром.

Тирион посмотрел, как они, отталкиваясь шестами, правят к стрежню Черноводной. Когда Шагга скрылся в утреннем тумане, у него засосало под ложечкой — без своих горцев он казался себе голым.

У него остались наемники Бронна, теперь около восьмисот человек, но верность наемников всем

известна. Тирион сделал что мог, чтобы ее укрепить: пообещал Бронну и дюжине лучших людей земли и рыцарство после победы. Они пили его вино, смеялись над его шуточками и величали друг друга сирами, пока все не повалились... все, кроме Бронна, который знай себе усмехался своей наглой улыбочкой, а после сказал: «За это рыцарство они будут убивать почем зря, но не надейся, что они умрут за него».

Тирион и не надеялся.

На золотых плащях надежда была столь же плохая. Стараниями Серсеи в городскую стражу входило теперь шесть тысяч человек, но разве

что на четверть из них можно было положиться. «Откровенных предателей мало, хотя есть и такие — ваш паук не всех выловил, — предупредил его Байвотер. — Но в наших рядах сотни зеленых новобранцев, поступивших на службу ради хлеба, эля и безопасности. Никому не хочется выглядеть трусом перед другими, и поначалу они будут сражаться храбро — тут ведь и рога трубят, и знамена выются, и все такое. Но если битва обернется не в нашу пользу, они дрогнут, да так, что не поправишь. За первым, кто бросит копье и побежит, ринется тысяча других».

Были, конечно, в городской

страже и опытные бойцы – те, что получили золотые плащи от Роберта, а не от Серсеи, около двух тысяч. Но и эти... стражник не солдат, говаривал лорд Тайвин Ланнистер. Рыцарей же, оруженосцев и латников у Тириона имелось не более трехсот. Скоро ему придется проверить на деле еще одну отцовскую поговорку: «Один человек на стене стоит десяти под ней».

Бронн с эскортом ждал Тириона на пристани, в толпе нищих, шлюх и рыбачек, распродающих улов. У этих последних дело шло бойчее, чем у всех остальных, вместе взятых. Покупатели толклись у их лотков и бочонков, торгуясь из-за моллюсков,

плотвы и щук. Поскольку другой провизии в город не подвозили, цены на рыбу подскочили вдесятеро против довоенных и продолжали расти. Те, у кого водились деньги, приходили к реке каждое утро и каждый вечер, надеясь принести домой угря или корзинку раков; те, у кого их не было, шныряли повсюду в надежде что-нибудь стащить или стояли, исхудалые и безразличные, под стеной.

Золотые плащи расчищали дорогу в толпе, расталкивая народ древками копий. Тирион старался пропускать приглушенные проклятия мимо ушей. Тухлая рыба шмякнулась у его ног и распалась на куски. Он

осторожно переступил через нее и сел на коня. Детишки с раздутыми животами уже дрались из-за вонючих ошметков.

Тирион оглядел берег с седла. В утреннем воздухе звенели молотки — это плотники у Грязных ворот ставили деревянную загородку вдоль гребня стены. Работа шла споро — значительно менее радовали глаз ветхие строения, разросшиеся вдоль реки, — все эти лавчонки, харчевни, притоны с дешевыми шлюхами, облепившие городскую стену, как ракушки днище корабля. Все это придется снести — иначе Станнису даже лестницы не понадобится. Он подозвал к себе Бронна.

– Возьми сотню человек и сожги все, что находится между рекой и городскими стенами. – Тирион обвел своими короткими пальцами прибрежные трущобы. – Чтоб от всего этого следа не осталось – понял?

Наемник оценил предстоящую ему работу.

– Хозяевам это не понравится.

– Само собой. Делать нечего – зато им будет за что проклинать уродливого маленького демона.

– Некоторые могут и в драку полезть.

– Постарайся, чтобы победа осталась за тобой.

– А как быть с теми, кто здесь

живет?

— Дай им время вынести пожитки и гони. От смертоубийства воздерживайся — они нам не враги. И никаких насилий над женщинами. Держи своих молодцов в руках.

— Они наемники, а не септоны. Ты им еще и пить не вели.

— Это бы им не повредило.

Жаль, что заодно нельзя сделать городские стены вдвое выше и втрое толще. Впрочем, какая разница. Массивные стены и высокие башни не спасли ни Штормовой Предел, ни Харренхолл, ни даже Винтерфелл.

Тирион вспомнил Винтерфелл, каким его видел в последний раз. Не чудовищно громадный, как

Харренхолл, не столь неприступный на вид, как Штормовой Предел, но в его камнях чувствовалась сила, уверенность, что в этих стенах человек может ничего не бояться. Весть о падении замка потрясла Тириона. «Боги дают одной рукой и отнимают другой», – пробормотал он, когда Варис сообщил ему новость. Они дали Старкам Харренхолл и отняли Винтерфелл – страшная мена.

Ему бы следовало радоваться. Роббу Старку придется теперь повернуть на север – если он не отстоит собственный дом и очаг, королем ему не бывать, и дом Ланнистеров вернет себе запад, но

все же...

Теона Грейджоя со времени, проведенного им у Старков, Тирион помнил очень смутно. Совсем юный, вечно с улыбкой, искусный стрелок из лука — трудно представить его лордом Винтерфелла. Винтерфеллом всегда владели Старки.

Тирион вспомнил их богорощу: высокие страж-деревья в серо-зеленой хвое, кряжистые дубы, терновник, ясень и сосны, а в самой середине — сердце-дерево, как застывший во времени бледный великан. Он прямо-таки ощущал запах этого места, земляной, вечный. Как темно там было даже днем. Эта роща и есть Винтерфелл. Это север.

«Я нигде еще не чувствовал себя таким чужим, таким незванным гостем. Может, и Грейджой это чувствует? Замок теперь принадлежит ему, но богороща – нет. И никогда не будет принадлежать – ни через год, ни через десять лет, ни через пятьдесят».

Тирион медленно двинулся к Грязным воротам. «Какое тебе дело до Винтерфелла? – сказал он себе. – Будь доволен, что он пал, и думай о собственных стенах». За открытыми воротами на рыночной площади стояли три больших требюшета, выглядывая поверх стены, как журавли. Их рычаги сделаны из дуба и окованы железом, чтобы не

раскололись. Золотые плащи прозвали их Тремя Шлюхами: они встретят лорда Станниса с распростертыми объятиями — надо надеяться.

Тирион пришпорил коня и въехал в ворота навстречу людскому потоку. За Шлюхами толпа поредела, и улица открылась перед ним.

Возвращение в Красный Замок обошлось без происшествий, но в башне Десницы его ждала дюжина сердитых торговых капитанов, у которых отобрали корабли. Тирион искренне извинился перед ними и пообещал возместить ущерб после войны. Это их мало устроило.

— А если вы проиграете,

милорд? – спросил один браавосец.

– Обращайтесь тогда за возмещением к королю Станнису.

Когда он от них отделался, колокола уже звонили, и он спохватился, что опоздает к началу службы. Чуть ли не бегом он пустился через двор и втиснулся в замковую септу, когда Джоффри уже застегивал белые шелковые плащи на плечах двух новых королевских гвардейцев. По обряду всем полагалось стоять, и Тирион не видел ничего, кроме стены придворных задов. Но нет худа без добра: когда новый верховный септон примет у двух рыцарей торжественный обет и помажет их

елеем во имя Семерых, можно будет выйти одним из первых.

Тирион одобрил выбор септона, предназначивший сира Бейлона Сванна на место убитого Престона Гринфилда. Сванны – лорды Марки, гордые, могущественные и осторожные. Лорд Гулиан Сванн, сославшись на болезнь, остался в замке и не принимал участия в войне, его старший сын примкнул сначала к Ренли, потом к Станнису. Бейлон же, младший, служил в Королевской Гавани. Тирион подозревал, что, будь у лорда третий сын, он отправился бы к Роббу Старку. Поведение, может быть, не самое благородное, зато здоровое: кто

бы ни занял Железный Трон, Сванны уцелеют. Помимо знатного происхождения, молодой сир Бейлон отважен, учтив, отменно владеет оружием — и копьем, и булавой, а лучше всего луком. Он будет служить с честью.

Как ни жаль, ко второму избраннику сестры Тирион относился не столь одобрительно. Хотя вид у Осмунда Кеттлблэка весьма внушительный — рост шесть футов шесть дюймов, сплошные жилы и мускулы, нос крючком, кустистые брови, и бурая бородаща лопатой делает его свирепым, когда он не улыбается. Низкого происхождения, захудалый межевой

рыцарь, Кеттлблэк обязан своим возвышением исключительно Серсее — потому-то она, конечно, его и выбрала. «Сир Осмунд столь же предан нам, как и храбр», — сказала она Джоффри, назвав его имя. К несчастью, это правда. Сир Осмунд продает ее секреты Бронну с того самого дня, как поступил к ней на службу, но ей ведь об этом не скажешь.

Что ж, пожалуй, все к лучшему. Его назначение даст Тириону еще одно приближенное к королю ухо без ведома сестры. И даже если сир Осмунд окажется полным трусом, он не может быть хуже сира Бороса Блаунта, ныне пребывающего в

темнице замка Росби. Сир Борос сопровождал Томмена и лорда Джайлса, когда Джаселин Байвотер со своими золотыми плащами налетел на них, и сдал своего подопечного с готовностью, которая взбесила бы старого сира Барристана Селми не меньше, чем взбесила Серсею: рыцарю Королевской Гвардии полагается умереть, защищая короля и членов его семьи. Сестра убедила Джоффри лишить Блаунта белого плаща за трусость и предательство — и заменила его не менее подлым малым.

На молитвы, обеты и помазание ушло чуть ли не все утро. У Тириона разболелись ноги, и он переносил

вес с одной на другую. Леди Танда стояла в нескольких рядах от него, но дочери с ней не было, а он так надеялся хоть одним глазком посмотреть на Шаю. Варис сказал, что у нее все хорошо, но Тирион предпочел бы сам в этом убедиться.

«Горничная лучше, чем горшечница, — согласилась она, когда он, рассказал ей план евнуха. — Можно мне взять пояс из серебряных цветочков и золотой обруч с черными алмазами — ты еще сказал, что они похожи на мои глаза? Я не стану надевать их, если ты не велишь».

Как ни жаль Тириону было ей отказывать, он заметил, что, хотя

леди Танда умом и не славится, даже ее может удивить то, что у дочкиной горничной украшения лучше, чем у ее ребенка. «Возьми пару платьев, не больше. Из добротной шерсти — никаких шелков и мехов. Остальное я буду держать для тебя в своих комнатах». Шая, конечно, ждала не такого ответа, зато теперь она в безопасности.

Церемония наконец завершилась, и Джоффри прошел к выходу, сопровождаемый сиром Бейлоном и сиром Осмундом в новых белых плащах. Тирион задержался, чтобы перемолвиться словом с новым верховным септоном (это был уже его избранник, хорошо

знавший, чье масло мажет на свой хлеб).

– Я хочу, чтобы боги были на нашей стороне, – напрямик сказал ему Тирион. – Объявите народу, что Станнис поклялся сжечь Великую Стену Бейелора.

– Это правда, милорд? – спросил верховный септон, высохший старичок с жидкой белой бородой.

– Очень может быть, – пожал плечами Тирион. – Он сжег богорощу в Штормовом Пределе, принеся ее в дар Владыке Света. Раз он так расправляется со старыми богами, с чего ему щадить новых? Скажите об этом народу. Скажите, что всякий, замышляющий оказать помощь

узурпатору, предает и богов, а не только своего законного короля.

— Скажу, милорд. И велю молиться за здоровье короля и его десницы.

Галлин-пиромант ждал Тириона в его горнице. Мейстер Френкен как раз принес письма, и Тирион заставил алхимика подождать еще немного, пока не прочел вести, доставленные воронами. Было одно старое письмо от Дорана Мартелла, извещавшее, что Штормовой Предел пал, и гораздо более занимательное — от Бейлона Грейджоя на Пайке, объявлявшего себя королем Железных островов и Севера. Он предлагал королю Джоффри отправить

посланника на Железные острова для обсуждения границ между обоими государствами и возможного заключения союза.

Тирион перечитал письмо трижды и отложил в сторону. Ладьи лорда Бейлона могли оказать большую помощь против флота, идущего от Штормового Предела, но они находятся за тысячи лиг отсюда, по ту сторону Вестероса, притом Тирион далеко не был уверен, что готов отдать островитянам полкоролевства. Этим, пожалуй, надо поделиться с Серсеей или созвать совет.

Лишь тогда он выслушал последний отчет Таллина.

– Не может быть, – сказал Тирион, сверившись со счетной книгой. – Около тринадцати тысяч сосудов? Вы что, за дурака меня держите? Предупреждаю, я не намерен отдавать королевское золото за горшки с дерьмом, запечатанные воском.

– Нет-нет, – засуетился Таллин, – цифры верные, клянусь вам. Нам весьма посчастливилось, милорд десница. Найден еще один тайник лорда Россарта, более трехсот сосудов. Прямо под Драконьей Ямой! Некоторые шлюхи водили в эти руины своих клиентов. Один из них провалился сквозь прогнивший пол в подвал, нашел там сосуды и решил,

что в них вино. Будучи сильно пьян, он взломал печать и попробовал.

— Один принц тоже как-то попробовал, — сухо заметил Тирион. — Я не видел, чтобы над городом взлетали драконы, — стало быть, и на этот раз не получилось. — Драконья Яма на холме Рейенис уже полтора века стояла заброшенная. Дикий огонь, конечно, можно хранить и там, место не хуже всякого другого, но лучше бы покойный лорд Россарт кому-нибудь вовремя сказал об этом. — Триста сосудов, говорите? Все равно с общей суммой не сходится. Этот итог на несколько тысяч превышает ваши последние прикидки.

– Все так. – Таллин промокнул бледный лоб рукавом черно-алого одеяния. – Но мы трудились не покладая рук, милорд десница.

– Тогда понятно, почему вы теперь производите настолько больше субстанции. – Тирион с улыбкой вперил в пироманта свой разномастный взгляд. – Возникает, правда, вопрос, отчего же вы раньше трудились не столь усердно.

Цветом лица Таллин напоминал гриб, и трудно было поверить, что он может побледнеть еще больше, однако он это сделал.

– Нет, трудились, милорд десница, – и днем, и ночью с самого начала. Просто теперь мы... хм-м...

приобрели сноровку, и, кроме того... есть древние секреты нашего ордена, способы тонкие и весьма опасные, но необходимые для того, чтобы субстанция получалась такой, как надо.

Тирион начинал терять терпение. Сир Джаселин Байвотер, должно быть, уже здесь, а он ждать не любит.

— Ну да, у вас есть всякие секреты, заклинания и прочее. И что же?

— Теперь они как будто стали действовать сильнее, чем раньше. Тут ведь нигде поблизости не может быть... не может быть драконов, как вы думаете?

– Если вы только не нашли их в Драконьей Яме. А что?

– Прошу прощения... я просто вспомнил то, что сказал его мудрость старый Поллитор, когда я был еще послушником. Я спросил его, почему многие наши заклинания не так действенны, как говорится в книгах, и он ответил – это потому, что магия стала уходить из мира после смерти последнего дракона.

– Мне жаль вас разочаровывать, но я никаких драконов не видел. Зато я часто вижу королевского палача. Если хоть в одном из этих плодов, которые вы мне продаете, окажется что-нибудь, кроме дикого огня, вы с ним тоже встретитесь.

Таллин удалился так быстро, что чуть не налетел на сира Джаселина — нет, лорда Джаселина, это надо запомнить. Железная Рука, как всегда, говорил с беспощадной прямоотой. Он вернулся из Росби с пополнением, набранным в поместьях лорда Джайлса, чтобы снова возглавить городскую стражу.

— Как там мой племянник? — спросил Тирион, когда они закончили обсуждать оборону города.

— Принц Томмен здоров и весел, милорд. Он взял на свое попечение олененка, которого один из моих людей принес с охоты. Говорит, что у него уже был один, но Джоффри содрал с него шкуру себе на кафтан.

Иногда он спрашивает о матери и постоянно начинает письмо к принцессе Мирцелле, но до конца никогда не дописывает. О брате он как будто совсем не скучает.

— Вы приняли все необходимые меры на случай поражения?

— Мои люди получили нужные указания.

— И в чем они состоят?

— Вы приказывали не говорить об этом никому, милорд.

Его слова вызвали у Тириона улыбку.

— Мне приятно, что вы это запомнили. — Если Королевская Гавань падет, его могут взять живым — лучше ему не знать, где находится

наследник Джоффри.

Варис явился вскоре после ухода лорда Джаселина.

— Как вероломны люди, — вместо приветствия произнес он.

— Кто изменил нам на этот раз? — вздохнул Тирион.

Евнух подал ему свиток.

— Печальную славу оставит по себе наш век. Неужели честь умерла вместе с нашими отцами?

— Мой отец еще не умер. — Тирион пробежал глазами список. — Некоторые из этих имен мне знакомы. Это богатые люди. Купцы, лавочники, ремесленники. Зачем им злоумышлять против нас?

— Видимо, они верят, что

победит лорд Станнис, и желают разделить с ним его победу. Они называют себя Оленьими Людьми, в честь коронованного оленя.

— Надо бы известить их, что Станнис сменил свою эмблему, пусть называются Горячими Сердцами. — Впрочем, шутки тут плохи: эти Оленьи Люди, похоже, вооружили несколько сотен своих единомышленников, чтобы захватить Старые ворота, когда начнется сражение, и впустить врага в город. В списке значился мастер-оружейник Саллореон. — Не видать мне теперь, полагаю, нового шлема с демонскими рогами, — пожаловался Тирион, подписывая приказ о его

аресте.

Теон

Он спал и вдруг проснулся. Кира лежала рядом, слегка обняв его одной рукой, прильнув грудью к его спине. Он слышал ее дыхание, тихое и ровное. Простыни под ними сбились. Стояла глубокая ночь, и в спальне было темно и тихо.

В чем же дело? Он, кажется, что-то слышал?

Ветер тихо вздыхал за ставнями, и где-то далеко орали коты. Больше ничего. «Спи, Грейджой, – сказал он себе. – В замке все спокойно, и ты выставил стражу. У своей двери, у ворот, около оружейни».

Пробуждение можно было приписать дурному сну, но Теон ничего такого не помнил. Кира измотала его вконец. Все свои восемнадцать лет она прожила в зимнем городке и даже ногой не ступала в замок, пока Теон за ней не послал. Она явилась к нему на все готовая, охочая, юркая, как ласка, да и сладко это как-никак — тискать трактирную девку в кровати самого лорда Эддарда Старка.

Она сонно пробормотала что-то, когда Теон освободился от нее и встал. В очаге еще тлели угли. Векс спал в ногах кровати на полу, свернувшись под плащом, глухой ко всему миру. Все было тихо. Теон

подошел к окну и распахнул ставни. Ночь коснулась его холодными пальцами, и по голой коже побежали мурашки. Облокотившись на каменный подоконник, он оглядел темные башни, пустые дворы и небо, где горело столько звезд, что человеку не счесть их, проживи он хоть сто лет. Месяц висел над Часовой Башней, отражаясь в кровле теплицы. Ни тревожных звуков рога, ни голосов — даже шагов не слышно.

Все хорошо, Грейджой. Слышишь, какая тишь? Тебе бы прыгать от радости. Ты взял Винтерфелл меньше чем с тридцатью людьми — такой подвиг достоин песен. Сейчас он вернется в постель,

перевернет Киру на спину и возьмет ее снова, чтобы прогнать призраки. Ее вздохи и смешки рассеют застывшую тишину.

Теон уже отошел от окна и вдруг замер на месте. Он так привык к вою лютоволков, что уже не слышал его... но что-то в нем, какое-то охотничье чутье услышало отсутствие воя.

У его двери стоял Урцен — жилистый, с круглым щитом за спиной.

— Волки замолкли, — сказал ему Теон. — Поди посмотри, что они делают, и сразу назад. — Мысль, что волки могли вырваться на волю, внушала беспокойство. Теон помнил день, когда одичалые напали в

Волчьем Лесу на Брана – Лето и Серый Ветер растерзали их на куски.

Он пихнул Векса ногой.
Мальчуган сел и протер глаза.

– Проверь, на месте ли братья Старки, да поживее.

– Милорд? – сонно окликнула Кира.

– Спи, тебя это не касается. –
Теон налил себе вина и выпил. Все это время он прислушивался, надеясь, что вой раздастся снова. «Нас слишком мало, – мрачно подумал он. – Если Аша не придет на подмогу...»

Векс вернулся первым, мотая головой. Теон с бранью отыскал камзол и бриджи на полу, куда

скинул их, спеша дорваться до Киры. Поверх камзола он натянул кожаный кафтан с заклепками и застегнул пояс с мечом и кинжалом. Волосы торчали во все стороны, но ему было не до них.

Вернулся Урцен и доложил:

– Волков на месте нет.

Теон придал себе холодный и решительный вид по образу лорда Эддарда:

– Поднимай замок. Выгоняйте всех во двор – посмотрим, кого не хватает. А Лоррен пусть обойдет ворота. Векс, за мной.

Знать бы, добрался ли уже Стигг до Темнолесья. Он не столь хороший наездник, как уверяет – мало кто из

островитян может похвастаться этим искусством, — но времени у него было достаточно. Возможно, Аша уже в пути. И если она узнает, что Старки пропали... Невыносимая мысль.

Комната Брана была пуста, спальня Рикона, на полпролета ниже, — тоже. Теон выругался. Надо было и к ним поставить стражу, но он счел, что держать караул на стенах и у ворот важнее, чем приставлять няньку к двум ребятишкам, один из которых калека.

Снаружи слышался плач — обитателей замка вытаскивали из постелей и сгоняли во двор. Сейчас они еще не так заплачут. «Я

обходился с ними мягко, и вот благодарность». Он даже высек до крови двух своих людей за то, что изнасиловали ту девчонку с псарни, чтобы доказать, как он справедлив. «Но они продолжали винить меня и за это насилие, и за все остальное. Так нечестно».

Миккен сам навлек на себя смерть своим языком, и Бенфред тоже. Что до Шейли, то надо было хоть кого-нибудь отдать Утонувшему Богу – островитяне этого ждали. «Я не держу на тебя зла, – сказал Теон септону перед тем, как того бросили в колодец, – но тебе и твоим богам здесь отныне места нет». Другим бы спасибо сказать ему за то, что он не

выбрал кого-то из них, — так ведь нет. Сколько участвовало в этом заговоре? Неизвестно. Урцен вернулся с Черным Лорреном.

— Там, у Охотничьих ворот, — сказал тот. — Погляди лучше сам.

Охотничьи ворота находились поблизости от псарни и кухни и открывались прямо в поле и в лес, позволяя охотникам не проезжать через зимний городок.

— Кто нес там караул? — спросил Теон.

— Дреннан и Сквинт.

Дреннан был одним из тех, кто изнасиловал Паллу.

— Если они дали мальчишкам убежать, я с них не так еще шкуру

спущу, клянусь.

— Не понадобится, — кратко ответил Лоррен.

И верно. Сквинт плавал лицом вниз во рву, и внутренности тянулись за ним, как клубок бледных змей. Дреннан валялся полуголый в караульне, в каморке, откуда опускали мост. Ему перерезали горло от уха до уха. Рванный камзол прикрывал полузажившие рубцы на его спине, но сапоги лежали на полу, и штаны были спущены. На столе лежал сыр и стоял пустой винный штоф с двумя кубками.

Теон взял один и понюхал.

— Сквинт был на стене, так?

Лоррен подтвердил. Теон

швырнул кубок в очаг.

— Дреннан, видать, собрался засадить бабенке, но она ему первая засадила. Скорее всего ножом, которым он сыр резал. Возьмите кто-нибудь багор да выудите того другого дурня из воды.

Другой дурень пострадал куда больше, чем Дреннан. Когда Черный Лоррен вытащил его, стало видно, что одна рука у него оторвана по локоть, половина горла выдрана, на месте пупка и промежности зияет рваная дыра. Багор прорвал кишки, и смрад стоял страшный.

— Лютоволки, — сказал Теон. — Похоже, оба сразу. — С отвращением он вернулся на мост. Винтерфелл

опоясывали две гранитные стены с широким рвом между ними. Во внешней было восемьдесят футов вышины, во внутренней более сотни. За недостатком людей Теону пришлось отказаться от внешних постов и расставить караулы на внутренней, более высокой стене. Он опасался отправлять людей на ров на случай, если замок восстанет против него.

Злоумышленников было не меньше двух, сообразил он. Пока женщина отвлекала Дреннана, другой или другие выпустили волков.

Потребовав факел, Теон первым поднялся на стену. Факел он держал низко, ища следы, и нашел — в

амбразуре между двумя зубцами.

— Кровь, наспех стертая. Я думаю, женщина, убив Дреннана, опустила мост. Сквинт слышал лязг цепей, пошел посмотреть и дошел вот до этого места. Труп через амбразуру спихнули в ров, чтобы другой часовой не нашел.

Урцен посмотрел вдоль стены:

— Другие сторожевые башни недалеко. И факелы там горят.

— Факелы горят, но часовых нет, — раздраженно бросил Теон. — В Винтерфелле этих голубятен больше, чем у меня людей.

— У главных ворот четверо, — сказал Лоррен, — да пять на стене, помимо Сквинта.

– Ему бы в рог затрубить, – посетовал Урцен.

«Мне служат одни дурни».

– Поставь себя на его место, Урцен. Кругом темно, тебе холодно. Ты вышагиваешь уже несколько часов, дожидаясь, когда тебя сменят. Ты слышишь шум, идешь к воротам и вдруг видишь на лестнице глаза, горящие зеленым огнем. Две тени бросаются к тебе с немыслимой быстротой. Ты видишь блеск их зубов и хочешь поднять копье, но они уже обрушиваются на тебя и разрывают тебе живот, точно шкурку от сыра. – Теон сильно толкнул Урцена. – И вот ты лежишь на спине с выпущенными кишками, а одна из теней рвет тебе

горло. — Теон сгреб воина за тощую шею и улыбнулся. — А теперь выбери среди всего этого миг, чтобы затрубить в свой хренов рог! — Он швырнул Урцена на зубец стены. Тот растирал шею. «Надо было прикончить этих зверей, как только мы взяли замок. Я должен был распорядиться — я же знал, как они опасны».

— Надо снарядить погоню, — сказал Лоррен.

— Только не ночью. — Недоставало еще гоняться за лютоволками по лесу в темноте — как бы охотникам самим не стать добычей. — Дождемся рассвета. А я тем временем поговорю с моими

верными подданными.

Во дворе собралась встревоженная толпа мужчин, женщин и детей. Многим не дали даже одеться — они кутались в одеяла, в плащи или в простыни. Их караулила дюжина Железных Людей с факелами в одной руке и оружием в другой. Ветер усилился, и дрожащий оранжевый свет отражался в стальных шлемах, озаряя косматые бороды и не улыбочивые лица.

Теон расхаживал перед согнанными, вглядываясь в лица. Все они казались ему виноватыми.

— Скольких недостает?

— Шестерых. — К Теону подошел Вонючка — от него пахло мылом, и

длинные волосы шевелились на ветру. — Обоих Старков, мальчишки-лягушатника с сестрой, недоумка с конюшни и твоей одичалой.

Оша. Он подозревал ее с того мгновения, как увидел второй кубок. Не надо было ей доверяться. Она такая же порченная, как Аша, — даже имена у них похожи.

— Кто-нибудь смотрел на конюшне?

— Аггар говорит, лошади все на месте.

— И Плясунья тоже?

— Плясунья? — Вонючка нахмурился. — Аггар говорит, все лошади в стойлах. Только дурака нет.

Значит, они ушли пешими.

Лучшая новость, которую он услышал с того мгновения, как проснулся. Бран, конечно, едет в корзине на спине у Ходора. А Оше придется нести Рикона — сам он далеко не уйдет. Скоро он опять приберет их к рукам.

— Бран и Рикон бежали, — сказал он, глядя в глаза жителям замка. — Кто-нибудь знает, куда они ушли? — Никто не ответил. — Они не могли бежать без чьей-то помощи. Без пищи, одежды и оружия. — Он запер под замок все мечи и топоры, но кое-что от него могли утаить. — Я узнаю, кто им помогал и кто знал об этом, но помалкивал. — Ни звука, только ветер свищет. — На рассвете я

собираюсь вернуть их назад. — Он заложил большие пальцы за пояс. — Мне понадобятся охотники. Кто хочет получить на зиму теплую волчью шкуру? Гейдж? — Повар всегда приветливо встречал Теона, когда он возвращался с охоты, и спрашивал, не привез ли он чего вкусного для стола, но теперь молчал. Теон продолжал шарить глазами по лицам, ища признания вины. — Лес не место для калеки. Да и маленький Рикон — долго ли он там протянет? Подумай, Нэн, как ему должно быть страшно. — Старуха десять лет ворчала на него и рассказывала ему свои бесконечные сказки, а теперь смотрит на него, как на чужого. — Я мог бы перебить здесь

всех мужчин, а женщин отдать на потеху моим солдатам, но не сделал этого. Хорошо же вы меня отблагодарили. — Джозет, который ходил за его лошадьми, Фарлен, который делился с ним своими знаниями о собаках, Барт, жена пивовара, которая была у него первой, — все избегали смотреть ему в глаза. «Они меня ненавидят», — понял он.

— Сдери с них шкуру, — посоветовал Вонючка, облизывая толстые губы. — Лорд Болтон говаривал, что у голого человека секретов немного — а у ободранного их и вовсе нет.

Человек с содранной кожей —

эмблема дома Болтонов. В старину лорды этого дома делали себе плащи из кожи своих врагов, но Старки положили этому конец – добрых тысячу лет назад, когда Болтоны преклонили колено перед Винтерфеллом. Но Теону ли не знать, как тяжело умирают старые законы.

– На севере ни с кого не будут сдирать кожу, пока Винтерфеллом правлю я, – громко заявил он. «Я – единственная ваша защита от таких, как он», – хотелось крикнуть Теону. Напрямик, конечно, этого не скажешь, но авось те, кто поумнее, его поймут.

Небо над стенами замка стало светлеть. Скоро рассвет.

– Джозет, оседлай Улыбчивого и возьми коня себе. Мэрч, Гарисс, Рябой Том – вы тоже едете. – Мэрч и Гарисс были лучшими охотниками в замке, а Том хорошо стрелял из лука. – Аггар, Красноносый, Гельмарр, Вонючка, Векс. – Свои тоже нужны, чтобы прикрывать ему спину. – Ты, Фарлен, возмешь собак.

Седой мастер над псарней скрестил руки на груди.

– Так я тебе и стану травить моих природных лордов, к тому же детей.

Теон подошел к нему:

– Теперь я твой лорд, и благополучие Паллы зависит от меня. Вызов в глазах Фарлена погас.

– Да, милорд.

Теон оглянулся, думая, кого бы еще взять:

– Мейстер Лювин.

– Я в охоте ничего не смыслю.

«Верно – но в замке я тебя в свое отсутствие не оставлю».

– Самое время поучиться.

– Возьмите меня. Я хочу плащ из волчьей шкуры. – Вперед вышел мальчик не старше Брана – Теон не сразу вспомнил, кто это. – Я уже много раз охотился, – сказал Уолдер Фрей. – На красного оленя, на лося, даже на вепря.

Кузен поднял его на смех.

– Он ездил на вепря со своим отцом, но к зверю его и близко не

подпустили.

Теон посмотрел на мальчугана с сомнением.

– Езжай, если хочешь, но коли отстанешь, я с тобой нянчиться не буду. Винтерфелл я оставляю на тебя, – сказал Теон Черному Лоррену. – Если мы не вернемся, поступай по своему усмотрению. – (Молитесь, люди добрые, за мою удачу – не то хуже будет.)

Когда первые лучи солнца осветили Часовую башню, они собрались у Охотничьих ворот, дыша паром на утреннем холоде. Гельмарр вооружился длинным топором – им хорошо отбиваться от волков. Таким лезвием можно убить зверя с одного

удара. Аггар надел стальные поножи. Вонючка пришел с копьем для охоты на вепря и с мешком, набитым каким-то тряпьем. Теон взял свой лук — больше он ни в чем не нуждался. Однажды он спас своим выстрелом жизнь Брана и надеялся, что ему не придется отнять ее другим, но в случае нужды он это сделает.

Одиннадцать мужчин, двое мальчишек и дюжина собак перешли через ров. За внешней стеной на мягкой земле ясно виднелись следы — волчьи лапы, глубокие отпечатки Ходора и более мелкие — двух Ридов. Дальше, на каменистой почве и палых листьях, видно было уже хуже,

но рыжая сука Фарлена взяла след. Остальные собаки с лаем понеслись за ней – два громадных мастиффа замыкали свору. Их величина и свирепость могли решить схватку с загнанным лютоволком.

Теон полагал, что Оша подалась на юг к сиру Родрику, но след вел на северо-запад, в самую чащу Волчьего Леса. Теону это крепко не понравилось. Вот смеху будет, если Старки отправятся в Темнолесье и попадут прямиком в руки Аши. «Лучше бы я убил их, – с горечью думал Теон. – Пусть бы лучше во мне видели зверя, чем глупца».

Бледный туман клубился между стволами. Здесь густо росли страж-

деревья и сосны, а мрачнее хвойного леса нет ничего. Опавшие иглы скрывали неровности почвы, делая ее опасной для лошадей, и двигаться приходилось медленно. Но уж точно не медленнее, чем парень, несущий калеку, или тощая баба с четырехлетней на спине. Терпение. Он настигнет их еще до конца дня.

Они ехали по звериной тропе вдоль глубокой лощины. Мейстер Лювин поравнялся с Теоном.

— На мой взгляд, охота мало чем отличается от прогулки по лесу, милорд.

— Сходство есть, — улыбнулся Теон, — только охота всегда кончается кровью.

– Это обязательно? Их побег был большой глупостью, но почему бы вам не проявить милосердие? Ведь они ваши названные братья.

– Ни один Старк, кроме Робба, не проявлял ко мне братских чувств, но Бран с Риконом мне нужнее живые, чем мертвые.

– То же относится и к Ридам. Ров Кейлин расположен на краю болот. Лорд Хоуленд может превратить жизнь вашего дяди в ад, если захочет, но, зная, что его наследники в ваших руках, будет вынужден воздержаться.

Об этом Теон не подумал. По правде сказать, он почти вовсе не думал об этих лягушатниках – только

полюбопытствовал как-то про себя, девственница ли еще Мира.

— Тут ты, пожалуй, прав. Надо будет пощадить их по возможности.

— И Ходора тоже. Вы же знаете, как он прост. Он делает то, что ему велят. Вспомните, как он холил вашего коня, как чистил вам кольчугу...

На Ходора Теону было наплевать.

— Если не станет лезть в драку, пусть живет. Но, — Теон поднял палец, — если ты скажешь хоть слово в защиту одичалой, то умрешь вместе с ней. Она присягнула мне и наплевала на свою присягу.

— Клятвопреступницу я

оправдывать не могу, — склонил голову мейстер. — Поступайте как считаете нужным. Спасибо вам за ваше милосердие.

«Милосердие, — подумал Теон, когда Лювин отстал. — Проклятая ловушка. Переберешь через край — скажут, что ты слаб, недоберешь — ославят чудовищем». Он понимал, однако, что мейстер дал ему хороший совет. Его отец мыслит как завоеватель — но что толку завоевывать себе королевство, если ты не можешь его удержать? На силе и страхе долго не продержишься. Жаль, что Нед Старк увез дочек на юг, иначе Теон скрепил бы узы с Винтерфеллом, женившись на одной

из них. Санса миленькая девочка и теперь уже, наверное, созрела для брака – но она за тысячи лиг отсюда, в лапах у Ланнистеров. А жаль.

Лес становился все гуще. Сосны и страж-деревья уступили место темным кряжистым дубам. Разросшийся терновник скрывал предательские водомоины. Каменистые буфы перемежались впадинами. Они проехали мимо заброшенной хижины дровосека и затопленной копи, где тихая вода отливала сталью. Собаки залились, и Теон решил, что беглецы уже близко. Он пришпорил Улыбчивого и рысью пустился вперед, но это оказалась туша молодого лося... вернее, то, что

от нее осталось.

Он спешил, чтобы рассмотреть ее поближе. Лося убили недавно, и это явно сделали волки. Собаки жадно принюхивались, и один из мастиффов запустил зубы в лосиную ляжку, но Фарлен его отозвал. Но тушу, как заметил Теон, никто не разделявал. Волки наелись, но люди мяса не тронули. Если даже Оша опасалась разводить костер, кусок мякоти она могла отрезать. Куда это годится — бросать столько хорошего мяса?

— Фарлен, ты уверен, что мы идем правильно? Может, твои псы гонятся не за теми волками?

— Моя сука хорошо знает запах

Лета и Лохматого.

— Надеюсь на это — ради твоего же блага.

Менее чем через час след спустился по склону к мутному ручью, раздувшемуся после недавних дождей, и здесь пропал. Фарлен и Векс перешли с собаками на тот берег и вернулись, качая головами. Псы рыскали взад-вперед вдоль ручья.

— Они вошли в воду здесь, милорд, но непонятно, где они вышли, — доложил мастер над псарней.

Теон, став на колени у ручья, окунул в него руку.

— Долго они в такой воде

оставаться не могли. Иди с половиной собак вниз по течению, а я пойду вверх. — Векс громко хлопнул в ладоши. — Чего ты? — Немой показал пальцем на илистый берег, где хорошо были видны волчьи следы. — Отпечатки лап? Ну и что же?

Векс вогнал каблук в ил и покрутил ногой — она оставила глубокую впадину.

— Такой детина, как Ходор, оставил бы в грязи глубокие следы, — догадался Джозет. — Тем более с мальчиком на спине. Но следов сапог тут нет, кроме наших, — поглядите сами.

Пораженный Теон убедился, что

это правда. В эту бурю воду волки вошли одни.

— Оша, должно быть, свернула в сторону еще до лоса, а волков послала вперед, чтобы сбить нас со следа. Если вы помогли ей надуть меня... — накинута он на охотников.

— След был только один, милорд, клянусь, — оправдывался Гарисс, — и лютоволки ни за что не расстались бы с мальчиками надолго.

«И то верно, — подумал Теон. — Лето и Лохматый Песик, должно быть, отлучились поохотиться, но рано или поздно вернутся к Брану и Рикону».

— Гарисс, Мэрч, берите четырех собак и ступайте назад — найдите, где

они разделились. Ты, Аггар, пойдешь с ними, чтобы не вздумали хитрить. Мы с Фарленом пойдем за волками. Трубите в рог, когда нападете на след, и два раза, если увидите зверей. Найти бы волков – а уж они приведут нас к своим хозяевам.

Теон с Вексом, юным Фреем и Гиниром Красноносый двинулся вверх по ручью. Они с Вексом ехали по одному берегу с парой собак, Красноносый и Уолдер Фрей, тоже с собаками, – по другому. Волки могли вылезти на любой стороне. Теон искал следы, помет, сломанные ветки – все что угодно. Им попадалось множество оленьих, лосиных и барсучьих следов, Векс спугнул

пьющую из ручья лисицу, Уолдер — трех кроликов, одного из которых успел подстрелить. На высокой березе виднелись следы медвежьих когтей, но лютоволки исчезли бесследно.

Чуть дальше, говорил себе Теон. За тем дубом, за тем пригорком, за поворотом ручья они непременно найдутся. Он упорствовал, хотя было уже ясно, что пора возвращаться. Тревога грызла его. Была середина дня, когда он с неохотой повернул Улыбчивого назад.

Оша и эти несчастные мальчишки как-то провели его. Как она это сделала — пешая, обремененная калекой и малым

ребенком? Каждый час увеличивал вероятность того, что им удастся уйти. Стоит им только добраться до деревни... Северяне никогда не откажут в приюте сыновьям Неда Старка, братьям Робба. Им дадут лошадей, снабдят их провизией. Мужчины будут спорить за честь защитить их, и весь треклятый север сплотится вокруг них.

Волки ушли вниз по течению, только и всего. Теон цеплялся за эту мысль. «Рыжая сука учует, где они вышли из воды, и мы снова пустимся в погоню».

Но один взгляд на лицо Фарлена отнял у Теона всякую надежду.

— Медведю бы их скормить,

твоих шавок, — больше они ни на что не годны. Жаль, у меня медведя нет.

— Собаки не виноваты. — Фарлен стоял на коленях между мастиффом и своей драгоценной рыжей сукой, обнимая их. — Проточная вода запаха не держит, милорд.

— Должны же были волки где-то вылезти из ручья!

— Ясное дело — выше или ниже. Если мы будем продолжать, то найдем это место, только в какую сторону податься?

— Не знал, что волк способен бежать по воде несколько миль, — сказал Вонючка. — Человек — иное дело, если он знает, что за ним охотятся. Но волк?

Кто их знает. Эти твари – не простые волки. Надо было сразу с них шкуру содрать.

Когда они съехались с Гариссом, Мэрчем и Аггаром, история повторилась. Охотники прошли полпути до Винтерфелла, но так и не нашли места, где Старки расстались с волками. Собаки Фарлена казались раздосадованными не менее чем люди, они тщетно обнюхивали деревья и камни, огрызаясь друг на друга.

Теон не смел сознаться в своем поражении.

– Вернемся к ручью и поищем снова. На этот раз пойдем до конца.

– Мы их ни за что не найдем, –

сказал вдруг юный Фрей, – пока с ними лягушатники. Эти подлые болотные твари сражаются не как порядочные люди – они прячутся и пользуются отравленными стрелами. Ты их не видишь, а они тебя да. Те, кто уходил за ними в болото, никогда оттуда не вышли. А дома у них движутся, даже замки вроде Сероводья. – Малец беспокойно оглядел зелень, обступившую их со всех сторон. – Может, они сидят где-то здесь и слушают, что мы говорим.

Фарлен засмеялся:

– Мои собачки учуяли бы в этих кустах кого угодно и накинулись бы на них, не успел бы ты ветер пустить, парень.

– Лягушатники пахнут не как все люди, – упорствовал Фрей. – Они болотом пахнут, как лягушки или стоячая вода. Под мышками у них мох растет вместо волос, а жрать они могут один ил.

Теон уже собрался послать мальчишку подальше вместе с его рассказнями, но тут вмешался мейстер Лювин.

– История гласит, что болотные жители сблизились с Детьми Леса в те дни, когда древовидцы хотели обрушить воды на Перешеек. Возможно, они и в самом деле обладают тайным знанием.

Лес вдруг стал казаться темнее, чем раньше, как будто облако

набежало на солнце. Глупый мальчишка может молоть что угодно, но мастера, как известно, народ ученый.

— Единственные дети, до которых мне есть дело, это Бран и Рикон, — рявкнул Теон. — Возвращаемся к ручью.

На миг он испугался, что они не подчинятся ему, но старая привычка возобладала, и они угрюмо повиновались. Мальчишка Фрей держался пугливо, как кролики, попавшие ему в кустах. Расставив людей по обоим берегам, Теон направился вниз по течению. Они ехали много миль, медленно и осторожно, то и дело спешиваясь и

ведя за собой лошадей на зыбкой почве, давая «никуда не годным шавкам» обнюхивать каждый куст. Там, где ручей запрудило упавшее дерево, им пришлось объехать глубокую зеленую заводь, но след лютоволков так и не нашелся. Похоже, они просто уплыли вниз по ручью. «Вот поймаю вас, тогда наплаваетесь вволю, — злобно думал Теон. — Обоих отдам Утонувшему Богу».

В лесу стало темнеть, и Теон Грейджой понял, что он побит. Либо лягушатникам в самом деле известна магия Детей Леса, либо Оша пустила в ход какую-то хитрость одичалых. Он продолжал гнать своих лошадей

по лесу, но, когда последний свет померк, Джозет наконец набрался мужества сказать:

– Это бесполезно, милорд, – так мы только лошадей перекалечим.

– Джозет прав, – сказал мейстер Лювин. – Блуждая по лесу с факелами, мы ничего не добьемся.

Желчь жгла Теону плотку, а в животе словно клубок змей шевелился. Если он заявится в Винтерфелл с пустыми руками, можно с тем же успехом надеть на себя дурацкий колпак – весь Север будет над ним потешаться. А уж когда отец с Ашей прознают...

– Милорд принц, – сказал, подъехав к нему, Вонючка, – может,

Старки здесь и вовсе не проходили. На их месте я подался бы на северо-восток. К Амберам. Те крепко стоят за Старков, но до их земель далеко. Мальчишки должны были приютиться где-то поблизости — я, пожалуй, даже знаю где.

Теон посмотрел на него подозрительно.

— Говори.

— Знаешь мельницу на Желудевой? Мы останавливались там, когда меня вели в Винтерфелл пленного. Мельничиха продала нам сена для лошадей, а старый рыцарь возился с ее ребятами. Там-то, думаю, Старки и прячутся.

Теон знал эту мельницу и даже

позабавился пару раз с мельничихой. Ни в мельнице, ни в ней ничего примечательного не было.

— Почему именно там? Здесь поблизости будет с дюжину селений и острогов.

Белесые глаза Вонючки весело блеснули.

— Почему? Не знаю. Но они там, я чувствую.

Теону надоели его выверты. И что за пакостные у него губы — точно два червяка любятся.

— О чем ты? Если ты что-то от меня утаиваешь...

— Милорд принц! — Вонючка спешился и знаком пригласил Теона сделать то же самое, а после раскрыл

мешок, который захватил с собой из Винтерфелла. – Вот погляди-ка.

В темноте становилось трудно что-то разглядеть. Теон нетерпеливо сунул руку в мешок и натолкнулся на мягкий мех и грубую колючую шерсть. Палец что-то укололо – Теон зажал эту штуку в кулак и вытащил пряжку в виде волчьей головы, серебряную с янтарем. Тогда он понял.

– Гелмарр, – позвал он, думая, кому из них можно довериться. Нет, пожалуй, никому. – Аггар, Красноносый – едете с нами. Остальные могут вернуться с собаками в Винтерфелл – мне они больше не нужны. Я знаю, где

прячутся Бран и Рикон.

– Принц Теон, – умоляюще сказал мейстер Лювин, – вы ведь помните свое обещание? Будьте милосердны.

– Милосердным я был утром. – (Пусть лучше меня боятся, чем смеются надо мной.) – Пока они не рассердили меня.

Джон

Огонь светился в ночи на склоне горы, как упавшая звезда, — но был краснее звезд и не мигал, только вспыхивал ярко и снова превращался в тусклую, слабую искру. В полумиле впереди и двух тысячах футах выше, прикинул Джон, — как раз там, откуда хорошо видно всякое движение на перевале.

— Караульщики на Воющем перевале, — подивился самый старший из них. В юности он служил оруженосцем у короля, и братья до сих пор звали его Оруженосец Далбридж. — Хотел бы я знать, чего

боится Манс-Разбойник?

– Знал бы он, что они развели костер, он бы с этих бедолаг шкуру содрал, – заметил Эббен, коренастый и лысый, весь в буграх мускулов, точно камнями набитый.

– Огонь там наверху – это жизнь, – сказал Куорен Полурукий, – но может стать и смертью. – Им он запретил разводить огонь, как только они вошли в горы. Питались они холодной солониной, сухарями и еще более твердым сыром, спали одетыми, сбившись в кучку под грудой плащей и меха. Джону вспоминались холодные ночи в Винтерфелле, когда он спал вместе со своими братьями. Эти люди ему

тоже братья, хотя вместо постели у них земля и камень.

— У них, должно быть, рог есть, — сказал Каменный Змей.

— Этот рог не должен затрубить, — ответил Полурукий.

— Попробуй заберись туда ночью. — Эббен поглядел на далекую искру сквозь расщелину скал, где прятались черные братья. Небо было ясное, и горы высились, черные на черном, — только их снеговые шапки белели при луне.

— Да, падать высоко будет, — сказал Куорен. — Думаю, идти надо двоим. Там, наверху, наверно, тоже двое — чтобы сменять друг друга.

— Я пойду. — Разведчик по

прозвищу Каменный Змей уже проявил себя лучшим среди них скалолазом – он просто должен был вызваться.

– И я, – сказал Джон Сноу.

Куорен посмотрел на него. Ветер выл, пролетая через перевал над ними. Одна из лошадей заржала, скребя копытом тощую каменистую почву.

– Волк останется с нами, – сказал Полурукий. – Он белый, и его при луне хорошо видно. Вот что, Каменный Змей, как управитесь, брось вниз горящую головню. Мы увидим ее и придем.

– Идти, так прямо сейчас, – сказал Каменный Змей.

Оба взяли по длинной свернутой веревке, а Каменный Змей захватил еще мешок с железными колышками и обмотанный плотным фетром молоток. Лошади остались в укрытии вместе со шлемами, кольчугами и Призраком. Джон, став на колени, потерся лицом о морду волка.

— Жди меня тут, — приказал он. — Я вернусь за тобой.

Каменный Змей шел впереди, маленький и жилистый. Ему уже почти пятьдесят, и борода у него поседела, но он был сильнее, чем казался, а ночью видел лучше всех известных Джону людей. Сейчас этот его талант придется кстати. Горы, днем серо-голубые, тронутые инеем,

с наступлением темноты почернели, а восходящая луна побелила их серебром.

Двое черных братьев пробирались в черной тени черных скал, поднимаясь вверх по извилистой тропе, и их дыхание стыло паром в черном воздухе. Джон чувствовал себя почти голым без кольчуги, зато ее тяжесть не давила на плечи. Они продвигались медленно, с трудом. Поспешишь — можешь сломать лодыжку, если не хуже. Змей точно чуял, куда поставить ногу, но Джону приходилось напрягать все свое внимание.

Воющий перевал на самом деле

представлял собой целый ряд перевалов, длинную тропу, которая то огибала ледяные вершины, то спускалась вниз, в долины, почти не видящие солнца. Разведчики не встретили ни единой живой души с тех пор, как оставили за собой лес. Клыки Мороза — одно из самых жестоких мест, созданных богами, и человеку оно враждебно. Ветер здесь режет, как ножом, а ночью воет, словно мать по убиенным детям. Малочисленные деревья криво торчат из расщелин. Тропу часто пересекают полуразвалившиеся карнизы, увешанные сосульками, похожими издали на длинные белые зубы.

Но Джон Сноу не жалел, что отправился сюда. Здесь встречались и чудеса. Он видел, как блещет солнце в маленьких замерзших водопадах, видел россыпь цветов на горном лугу — голубые холодянки, алые зимовки, высокую красновато-золотистую дудочную траву. Видел пропасти, глубокие и черные, наверняка ведущие в преисподнюю, и проехал на коне по выветренному природному мосту, где по бокам не было ничего, кроме неба. Орлы, гнездящиеся на высотах, кружили над долинами на серовато-голубых крыльях, почти неотличимых от небес. Сумеречный кот скрадывал барана, дымком струясь по склону

горы, выжидая время для прыжка.

«Теперь мы тоже готовимся прыгнуть». Хотел бы Джон двигаться так же уверенно и тихо, как тот кот, и убивать так же быстро. Длинный Коготь висел у него за спиной, но неизвестно, хватит ли места, чтобы его вынуть. Для схватки в тесноте Джон имел два кинжала. У караульщиков тоже, конечно, есть оружие, а он ничем не защищен. Любопытно знать, кто к исходу ночи окажется сумеречным котом, а кто бараном.

Долгое время они придерживались тропы, выющейся по горе все вверх и вверх. Костер временами пропадал из виду, но

каждый раз появлялся опять. Каменный Змей выбрал путь, по которому лошади нипочем бы не прошли. Кое-где приходилось прижиматься спиной к холодному камню и двигаться боком, как краб, дюйм за дюймом. Даже в более широких местах тропа была коварной — того и гляди попадешь ногой в трещину, или споткнешься на осыпи, или поскользнешься на замерзшей ночью луже. Один шаг, потом другой, твердил себе Джон. Один, потом другой — тогда не упадешь.

Он не брился с тех пор, как они покинули Кулак Первых Людей, и усы над губой заиндевели. Уже два

часа поднимались они, и ветер сделался так неистов, что оставалось только пригибаться, держась за скалу и молясь, чтобы тебя не сдуло. «Один шаг, потом другой, – повторил Джон, оправившись от особенно свирепого натиска. – Один, потом другой, и я не упаду».

Они уже забрались так высоко, что вниз лучше было не смотреть. Внизу ничего, кроме зияющей пустоты, вверху ничего, кроме луны и звезд. «Гора – все равно что мать, – сказал ему Змей несколько дней назад, во время другого, более легкого подъема. – Прильни к ней, прижмись лицом к ее груди, и она тебя не уронит». Джон тогда пошутил

— всегда, мол, хотел выяснить, кто была его мать, и думать не думал, что найдет ее в Клыках Мороза. Теперь ему было не до шуток. «Один шаг, потом другой», — думал он, цепляясь за камень.

Тропа внезапно оборвалась, упершись в массивное плечо черного гранита. Тень скалы при ярком лунном свете казалась черной, как устье пещеры.

— Теперь прямо вверх, — тихо сказал Змей. — Надо подняться выше их. — Он заткнул перчатки за пояс и обвязал одним концом веревки себя, а другим Джона. — Лезь за мной, когда веревка натянется. — И разведчик полез вверх, перебирая

руками и ногами так быстро, что Джон глазам своим не верил. Длинная веревка медленно разматывалась. Джон следил за каждым движением Змея, замечая, за что тот держится руками, и на последнем витке веревки тоже снял перчатки и стал карабкаться, только намного медленнее.

Змей пропустил веревку вокруг выступа, на котором сидел, дождался Джона и снова двинулся вверх. На конце их связки теперь не оказалось удобного места, поэтому Змей достал молоток и несколькими ловкими ударами вбил в трещину кольцо. Звуки, хотя и тихие, вызвали такое гулкое эхо, что Джон сморщился,

уверенный, что одичалым тоже слышно. Змей прикрепил к колышку веревку, и Джон полез за ним. «Соси грудь горы, — напоминал он себе. — Не смотри вниз. Перемести вес выше ног. Не смотри вниз. Смотри на скалу перед собой. Правильно, возьмишь рукой вот здесь. Не смотри вниз. Передохнешь вон там, на карнизе. Главное — добраться до него. Никогда не смотри вниз».

Однажды нога, на которую он слишком сильно оперся, скользнула, и сердце остановилось в груди, но боги сжалились над ним, и он удержался. Джон чувствовал, как холод из камня сочится в его пальцы, но не смел надеть перчатки —

перчатки скользят, как бы туго ни сидели на руке, ткань и мех мешают чувствовать камень, это может стоить ему жизни. Обожженная рука заоченела и начала болеть. Потом он сорвал ноготь большого пальца, и оттуда потекла кровь. Джон мог лишь надеяться, что к концу подъема сохранит все свои пальцы.

Они взбирались все выше и выше, две черные тени, ползущие по освещенной луной скале. С нижней точки перевала их всякий мог разглядеть, но от костра одичалых их скрывала гора. Одичалые были уже близко, Джон это чувствовал, но думал не о предстоящей схватке с ничего не подозревающим врагом, а о

своём брате в Винтерфелле. «Бран – вот кто был верхолаз. Мне бы десятую долю его отваги».

В двух третях пути наверх стену пересекала кривая трещина. Змей подал руку, чтобы помочь Джону влезть. Он снова надел перчатки, и Джон сделал то же самое. Разведчик мотнул головой влево, и они проползли по трещине около трехсот ярдов, пока не увидели тусклое оранжевое зарево за краем утеса.

Одичалые развели свой костер в выемке над самой узкой частью перевала – впереди у них был отвесный обрыв, позади скала прикрывала от ветра. Эта-то скала и позволила черным братьям

подобраться к ним на несколько футов. Джон и Змей, лежа на животе, смотрели сверху на людей, которых им предстояло убить.

Один из них спал, свернувшись клубком под грудой шкур. Джон видел только его волосы, ярко-рыжие при свете костра. Другой сидел у огня, подкладывая в него ветки и сварливо жалуясь на ветер. Третий наблюдал за перевалом, где нечего было видеть — сплошная огромная чаша тьмы, окаймленная снеговыми плечами гор. Рог был у него.

Так их трое. Джон на миг заколебался. Один, правда, спит. Впрочем, будь их двое, трое или двадцать, он все равно должен

сделать то, для чего пришел. Змей, тронув его за руку, указал на одичалого с рогом, а Джон кивнул на того, кто сидел у костра. Странное это чувство – выбирать, кого убьешь. Полжизни он провел с мечом и щитом, готовясь к этому мгновению. Может, Робб чувствовал то же самое перед своей первой битвой? Но раздумывать об этом не было времени. Змей с быстротой создания, давшего ему прозвище, сиганул вниз, обрушив целый град щебня. Джон выхватил из ножен Длинный Коготь и устремился следом.

Все произошло в мгновение ока. После Джон восхищался мужеством одичалого, который первым делом

схватился не за меч, а за рог и уже поднес его к губам, но Змей выбил у него рог своим коротким мечом. Противник Джона вскочил на ноги, ткнув вперед головней. Джон отскочил от опалившего лицо жара, заметив краем глаза, что спящий шевелится. Надо было поскорее прикончить своего. Джон ринулся навстречу головне, держа меч обеими руками. Валирийская сталь рассекла кожаный верх, мех, шерсть и тело, но одичалый, падая, вырвал у Джона меч. Спящий сел под своими шкурами. Джон выхватил кинжал, сгреб его за волосы и приставил лезвие к подбородку.

— Да это девушка.

– Одичалая, – сказал Змей. –
Зарежь ее.

Джон видел в ее глазах страх и огонь. По белому горлу из-под острия ножа струилась кровь. Один укол – и кончено. От нее пахло луком, и она была не старше его. Джон почему-то вспомнил Арию, хотя никакого сходства между ними не было.

– Ты сдаешься? – спросил он, сильнее нажав клинком.

А если она не сдастся?

– Сдаюсь, –дохнув паром, сказала она.

– Тогда ты наша пленница. –
Джон отвел кинжал.

– Куорен о пленных ничего не говорил, – возразил Змей.

— Но и не запрещал их брать. — Джон отпустил девушку, и она отползла назад.

— Воительница. — Змей показал на длинный топор рядом с меховой постелью. — Она тянулась к нему, когда ты ее схватил. Моргни только, и она вгонит его тебе между глаз.

— А я не буду моргать. — Джон ногой отшвырнул топор подальше. — У тебя имя есть?

— Игритт. — Она приложила руку к горлу и уставилась на окровавленную ладонь.

Джон спрятал кинжал и выдернул Длинный Коготь из тела убитого им человека.

— Ты моя пленница, Игритт.

– А тебя как звать?

– Джон Сноу.

– Плохое имя, – поморщилась

она.

– Имя бастарда. Моим отцом был лорд Эддард Старк из Винтерфелла.

Девушка ответила ему настороженным взглядом, а Змей хмыкнул.

– Раз она пленница, говорить полагается ей, а не тебе. – Разведчик взял из костра длинную ветку. – Да только она не станет. Я знавал одичалых, которые откусывали себе язык, лишь бы не отвечать на вопросы. – Змей бросил горящую ветку вниз, и она, крутясь, полетела

во мрак.

– Надо сжечь тех, кого вы убили,
– сказала Игритт.

– Для этого нужен костер побольше, а большие костры чересчур ярко горят. – Змей всматривался в ночь, ища проблески света. – Здесь поблизости еще есть одичалые?

– Сожгите их, – настаивала девушка, – а то как бы снова не пришлось браться за мечи.

Джон вспомнил мертвого Отора и его холодные черные руки.

– Она дело говорит.

– Есть другой способ. – Змей снял с убитого им одичалого плащ, сапоги, пояс и кафтан, взвалил труп

на плечо и швырнул вниз с обрыва. Миг спустя оттуда донесся тяжелый мокрый удар. Змей раздел второй труп, и они с Джоном, взяв мертвеца за руки и за ноги, отправили его вслед за первым.

Игритт молча смотрела на это. Она была старше, чем показалось Джону с первого взгляда, — лет двадцати, невысокая, кривоногая, круглолицая и курносая. Рыжие вихры торчали во все стороны. Она могла показаться толстой, но виной тому были многочисленные одежды из шерсти, кожи и меха. Если снять с нее все это, она будет худенькой, как Арья.

— Вас послали следить за нами?

– спросил Джон.

– За всеми, кто придет.

Змей погрел руки над огнем.

– Что у вас там, за перевалом?

– Вольный народ.

– Сколько вас?

– Сотни и тысячи. Столько ты

еще не видал, ворона. – Она улыbnулась, показав неровные, но очень белые зубы. Она не знает, сколько их всего.

– Зачем вы собрались здесь, в горах?

Она промолчала.

– Что нужно в Клыках Мороза вашему королю? Без еды вы тут долго не протянете.

Она отвернулась.

– Вы намерены идти к Стене?
Когда?

Она смотрела в огонь, словно не слыша его.

– Знаешь ты что-нибудь о моем дяде, Бенджене Старке?

Игритт не отвечала. Змей засмеялся.

– Сейчас язык выплюнет – не говори потом, что я тебя не предупреждал.

Низкий рык прокатился во мраке. Сумеречный кот, понял Джон, и тут же услышал другого, поближе. Он достал свой меч и прислушался.

– Нас они не тронут, – сказала Игритт. – Они за мертвыми пришли. Коты чуют кровь за шесть миль. Они

не уйдут, пока не обгложут трупы дочиста и не разгрызут кости.

Звуки их пиршества отдавались эхом от скал, и Джону стало не по себе. У костра его разморило, и он вдруг понял, как сильно устал, но уснуть не посмел. Он взял пленную и теперь должен ее охранять.

– Они тебе не родственники, эти двое? – тихо спросил он.

– Такие же, как и ты.

– Я? О чем ты?

– Ты сказал, что ты бастард из Винтерфелла?

– Ну да.

– А кто твоя мать?

– Женщина, как у всех. – Так ему ответил однажды кто-то из взрослых

— он уже не помнил кто.

Она снова улыбнулась, сверкнув белыми зубами.

— Разве она не пела тебе песню о зимней розе?

— Я не знал своей матери и песни такой не знаю.

— Ее сложил Баэль-Бард, стародавний Король-За-Стеной. Весь вольный народ знает его песни, но, может быть, у вас на юге их не поют.

— Винтерфелл — это не юг.

— Для нас все, что за Стеной, — это юг.

Об этом он как-то не думал.

— Наверно, все зависит от того, откуда смотреть.

— Конечно.

– Расскажи мне свою сказку, – попросил Джон. Пройдет несколько часов, пока Куорен поднимется к ним, – авось сказка поможет ему не уснуть.

– Пожалуй, она тебе не понравится.

– Все равно Расскажи.

– Ишь какая храбрая ворона. Так вот: до того, как стать королем вольного народа, Баэль был великим воином.

– То есть грабителем, насильником и убийцей, – фыркнул Каменный Змей.

– Все зависит от того, откуда смотреть. Старк из Винтерфелла хотел отрубить Баэлю голову, но не

мог его поймать, и это бесило Старка. Однажды в своем озлоблении он обозвал Баэля трусом, который нападает только на слабых. Баэль, услышав об этом, решил преподать лорду урок. Он перебрался через Стену и по Королевскому Тракту пришел зимней ночью в Винтерфелл — пришел с арфой, назвавшись Сигерриком со Скагоса. Сигеррик на языке Первых Людей значит «обманщик» — великаны до сих пор говорят на этом наречии.

Певцов и на севере, и на юге встречают радушно, поэтому Баэль ел за столом лорда Старка и до середины ночи играл ему, сидящему на своем высоком месте. Баэль пел и

старые песни, и новые, которые сочинял сам, и делал это так хорошо, что лорд сказал ему: проси в награду чего хочешь. «Я прошу только цветок, — сказал Баэль, — самый прекрасный цветок из садов Винтерфелла».

Зимние розы как раз расцвели тогда, а нет цветов более редких и драгоценных. Старк послал в свою теплицу и приказал отдать певцу самую прекрасную из этих роз. Так и сделали. Но наутро певец исчез... а с ним девица, дочь лорда Брандона. Постель ее была пуста, и лишь на подушке лежала оставленная Баэлем голубая роза.

Джон никогда не слышал прежде эту историю.

– Это который же Брандон? Брандон-Строитель жил в Век Героев, за тысячи лет до Баэля. Был еще Брандон-Поджигатель и его отец Брандон-Корабельщик, но...

– Брандон Бездочерний, – отрезала Игритт. – Ты будешь слушать или нет?

– Ладно, рассказывай.

– Других детей у лорда Брандона не было. По его велению черные вороны сотнями вылетели из своих замков, но ни Баэля, ни девушки так и не нашли. Больше года искали они, и, наконец, лорд отчаялся и слег в постель. Казалось, что род Старков прервется на нем, но однажды ночью, лежа в ожидании смерти,

лорд Брандон услышал детский плач. Лорд пошел на этот звук и увидел, что дочь его снова спит в своей постели с младенцем у груди.

— Значит, Баэль вернул ее назад?

— Нет. Они все это время пробыли в Винтерфелле, в усыпальнице под замком. Дева так полюбила Баэля, что родила ему сына... хотя, по правде сказать, его все девушки любили за песни, которые он пел. Но одно верно: Баэль оставил лорду дитя за сорванную без спроса розу, и мальчик, когда вырос, стал следующим лордом Старком. Вот почему в тебе, как и во мне, течет кровь Баэля.

— Ничего этого не было.

— Было или не было, песня все равно красивая. Мне ее пела мать. Такая же женщина, как и твоя, Джон Сноу. — Игритт потрогала оцарапанное кинжалом горло. — Песня кончается на том, как лорд находит ребенка, но у этой истории есть и другой конец, печальный. Тридцать лет спустя, когда Баэль стал Королем-За-Стеной и повел вольный народ на юг, молодой лорд Старк встретил его у Замерзшего Брода... и убил, ибо у Баэля не поднялась рука на родного сына, когда они сошлись в поединке.

— А сын, выходит, убил отца.

— Да. Но боги не терпят отцеубийц, даже тех, кто не ведает,

что творит. Когда лорд Старк вернулся с поля битвы и мать увидела голову Баэля у него на копье, она бросилась с башни. Сын ненадолго пережил ее. Один из его лордов содрал с него кожу и сделал из нее плащ.

– Вранье все это, – уже уверенно ответил Джон.

– Просто у бардов правда не такая, как у нас с тобой. Ты просил сказку – вот я и рассказала. – Игритт отвернулась от него, закрыла глаза и, судя по всему, уснула.

Куорен Полурукий явился вместе с рассветом. Черные камни стали серыми, а восточный небосклон – индиговым, когда Змей

разглядел братьев внизу. Джон разбудил свою пленницу и, держа ее за руку, спустился к Куорену. Тропа с северо-западной стороны горы была, к счастью, много легче той, по которой они со Змеем поднимались. В узком ущелье они дождались братьев с лошадьми. Призрак, почуяв хозяина, ринулся вперед. Джон присел на корточки, и волк любовно стиснул ему зубами запястье, раскачивая руку туда-сюда. Игритт вытаращила на них побелевшие от страха глаза.

Куорен ничего не сказал, увидев пленницу, а Змей только и проронил:

— Их было трое.

— Мы видели двоих, — сказал

Эббен, – вернее, то, что коты от них оставили. – На девушку он смотрел с явным подозрением.

– Она сдалась, – счел нужным заметить Джон.

– Ты знаешь, кто я? – с бесстрастным лицом спросил ее Куорен.

– Куорен Полурукий. – Рядом с ним Игритт казалась совсем ребенком, но держалась храбро.

– Скажи правду: если бы я сдался вашим, что бы мне это дало?

– Ты умер бы медленнее.

– Нам нечем ее кормить, – сказал командир Джону, – и сторожить ее некому.

– Впереди опасно, парень, –

добавил Оруженосец Далбридж. — Стоит один раз крикнуть там, где надо молчать, — и нам всем крышка.

— Стальной поцелуй ее успокоит.

— Эббен вынул кинжал.

У Джона пересохло в горле, и он обвел их беспомощным взглядом.

— Но она мне сдалась.

— Тогда сам сделай то, что нужно, — сказал Куорен. — Ты родом из Винтерфелла и брат Ночного Дозора. Пойдемте, братья. Оставим его. Ему будет легче без наших глаз. — И он увел их навстречу розовой заре, а Джон и Призрак остались одни с одичалой.

Он думал, что Игритт попытается убежать, но она стояла и

ждала, глядя на него.

— Ты никогда еще не убивал женщин? — Джон покачал головой. — Мы умираем так же, как мужчины, но тебе не нужно этого делать. Манс примет тебя, я знаю. Есть тайные тропы — твои вороны нас нипочем не догонят.

— Я такая же ворона, как и они.
Она кивнула, покоряясь судьбе.

— Ты сожжешь меня после?

— Не могу. Дым далеко виден.

— Ну что ж, — пожала плечами она. — Желудок сумеречного кота — еще не самое плохое место.

Он снял со спины Длинный Коготь.

— Ты не боишься?

– Ночью боялась, – призналась она, – но солнце уже взошло. – Она отвела волосы, обнажив шею, и стала перед ним на колени. – Бей насмерть, ворона, не то я буду являться тебе.

Длинный Коготь, не такой длинный и тяжелый, как отцовский Лед, был, тем не менее, выкован из валирийской стали. Джон приложил клинок к шее Игритт, чтобы отметить место удара, и она содрогнулась.

– Холодно. Давай быстрее.

Он поднял Длинный Коготь над головой обеими руками. Надо сделать это с одного раза, вложив в удар весь свой вес. Самое малое, что

он может дать ей, — это легкая, чистая смерть. Он — сын своего отца. Ведь так? Ведь так?

— Ну давай же, бастард. Моей храбрости надолго не хватит. — Удара не последовало, и она повернула голову, чтобы взглянуть на него. Джон опустил меч и сказал:

— Ступай.

Она смотрела на него во все глаза.

— Уходи, пока разум не вернулся ко мне.

И она ушла.

Санса

Весь южный небосклон заволокло дымом. Он поднимался от сотни пожарищ, пачкая черными пальцами звезды. За Черноводной огни пылали от горизонта до горизонта, на этом берегу Бес жег причалы и склады, дома и харчевни — все, что находилось за стеной.

Даже в Красном Замке пахло пеплом. Когда Санса встретилась с сиром Донтосом в тишине богороци, он спросил, почему она плачет.

— Из-за дыма, — солгала она. — Можно подумать, что половина Королевского Леса горит.

– Лорд Станнис хочет выкурить оттуда дикарей Беса. – Донтос покачивался, придерживаясь за ствол каштана. Его шутовской красный с желтым камзол был залит вином. – Они убивают его разведчиков и грабят его обозы. И сами поджигают лес. Бес сказал королеве, что Станнису придется приучать своих лошадей питаться пеплом – травы он там не найдет. Я сам слышал. Став дураком, я слышу то, о чем понятия не имел, будучи рыцарем. Они говорят так, словно меня нет рядом, а Паук, – Донтос нагнулся, дыша вином в лицо Сансе, – Паук платит золотом за каждую мелочь. Думаю, что Лунатик давным-давно у него на

жалованье.

«Он снова пьян. Он называет себя моим бедным Флорианом — таков он и есть. Но больше у меня нет никого».

— Правда ли, что лорд Станнис сжег богорощу в Штормовом Пределе?

— Да. Он сложил огромный костер из деревьев в жертву своему новому богу. Это красная жрица его заставила. Говорят, она владеет и душой его, и телом. Великую Септу Бейелора он тоже поклялся сжечь, если возьмет город.

— Пусть жжет. — Впервые увидев Великую Септу с ее мраморными ступенями и семью кристальными

башнями, Санса подумала, что прекраснее здания на свете нет, — но на этих самых ступенях Джоффри велел обезглавить ее отца. — Я хочу, чтобы она сгорела.

— Тише, дитя, — боги услышат.

— Не верю. Они никогда не слышат меня.

— Нет, слышат. Разве не они послали меня вам?

Санса потрогала кору дерева. Голова у нее кружилась, словно от лихорадки.

— Послали, да что от вас проку? Вы обещали увезти меня домой, а я все еще здесь.

Донтос потрепал ее по руке:

— Я говорил с одним человеком,

моим хорошим другом... и вашим тоже, миледи. Он наймет быстрый корабль, чтобы увезти вас, когда время придет.

— Время уже пришло — потом начнется битва. Сейчас про меня все забыли, и можно попробовать убежать.

— Дитя, дитя. Из замка убежать нетрудно, но городские ворота охраняются еще бдительнее, чем обычно, а Бес даже реку закрыл.

Это правда. Санса никогда еще не видела Черноводную такой пустой. Все паромы угнали на северный берег, торговые галеи, не успевшие уйти, задержаны Бесом. На реке остались только королевские

боевые корабли — они все время ходили взад-вперед, держась посередине и обмениваясь стрелами с лучниками Станниса на южном берегу.

Сам лорд Станнис еще в пути, но его авангард уже показался две ночи назад, когда луны не было. Королевская Гавань, проснувшись, увидела чужие палатки и знамена. Санса слышала, что их пять тысяч — почти столько же, сколько в городе золотых плащей. На знаменах у них красные и зеленые яблоки дома Фоссовеев, черепаха Эстермонта, флорентовская лиса в цветах, а командует ими сир Гюйард Морригон, знаменитый южный

рыцарь, именуемый ныне Гюйард Зеленый. Его эмблема — летящая ворона, распростершая черные крылья на грозном зеленом небе. Но город больше взволнован видом бледно-желтого знамени с хвостами как языки огня — на нем эмблема не лорда, но бога: пылающее сердце Владыки Света.

— У Станниса людей в десять раз больше, чем у Джоффри, — все так говорят.

Донтос сжал плечо Сансы:

— Это все равно, сколько у него войска, дорогая, пока оно находится по ту сторону реки. Без кораблей Станнису не переправиться.

— У него и корабли есть —

больше, чем у Джоффри.

— От Штормового Предела плыть долго — надо обогнуть Крюк Масси, пройти Глотку и пересечь Черноводный залив. Авось милостивые боги пошлют шторм и потопят их. Вам нелегко, я знаю, но будьте терпеливы, дитя. Когда мой друг вернется в город, у нас будет корабль. Положитесь на своего Флориана и постарайтесь не бояться.

Санса впилась ногтями в ладонь. Страх поселился у нее в животе и с каждым днем мучил ее все сильнее. События, произошедшие в день отплытия принцессы Мирцеллы, продолжали вторгаться в ее сны, и она просыпалась, задыхаясь. Во сне

ее обступали люди, издающие бессловесный звериный рев. Они тянули ее за подол, забрасывали грязью, старались стащить с лошади. Было бы еще хуже, если бы к ней не пробился Пес. Верховного септона они разорвали на куски, сиру Арону разбили голову о камни. Хорошо ему говорить «постарайся не бояться»!

Весь город боится – это даже из замка видно. Люди прячутся за ставнями и накрепко запирают двери, как будто это может их спасти. При последнем взятии Королевской Гавани Ланнистеры грабили, насиловали и предавали сотни человек мечу, хотя город сам открыл им ворота. На этот раз Бес

намерен сражаться, а город, оказывающий сопротивление, не может ждать пощады.

— Останься я рыцарем, — продолжал трещать Донтос, — мне пришлось бы надеть доспехи и занять место на стене вместе с другими. Впору в ножки поклониться королю Джоффри.

— Если вы поклонитесь ему за то, что он сделал вас дураком, он снова сделает вас рыцарем, — отрезала Санса.

— Как умна моя Джонквиль, — прищелкнул языком Донтос.

— Джоффри и его мать говорят, что я глупа.

— Пусть себе говорят — так

безопаснее, дорогая. Королева Серсея, Бес и лорд Варис следят друг за другом, как коршуны, и платят шпионам, чтобы узнать, что делают другие, зато дочь леди Танды никого не волнует, правда? – Донтос рыгнул, прикрыв рот. – Да хранят вас боги, маленькая моя Джонквиль. – Вино сделало его слезливым. – Поцелуйте своего Флориана – на счастье.

Он качнулся к ней. Санса, избегая его мокрых губ, чмокнула его в небритую щеку и пожелала ему доброй ночи. Ей стоило огромного труда не заплакать – она слишком много плакала последнее время. Она знала, что так не годится, но ничего не могла с собой поделать – слезы

текли по самому ничтожному поводу, и нельзя было удержать их.

Мост в крепость Мейегора никем не охранялся. Бес забрал почти всех золотых плащей на городские стены, а у белых рыцарей Королевской Гвардии были обязанности поважнее, чем сторожить Сансу. Она могла ходить где угодно в пределах замка, но ей нигде не хотелось бывать.

Она перешла сухой ров со страшными железными пиками на дне и поднялась по узкой винтовой лестнице. У двери в свою комнату она остановилась, не в силах войти. В этих стенах она чувствовала себя как в западне, и даже с распахнутым

настежь окном ей казалось, что там нечем дышать.

Она взошла на самый верх лестницы. Дым затмевал звезды и тонкий серп месяца, и крышу окутывал мрак. Зато отсюда она видела все: высокие башни и массивные угловые откосы Красного Замка, путаницу городских улиц за его стенами, черную ленту реки на юге и западе, залив на востоке, столбы дыма и пожары, пожары. Солдаты сновали по городским стенам, как муравьи с факелами, и толпились на свежесрубленных деревянных подмостках. У Грязных ворот, где дым стоял всего гуще, виднелись очертания трех огромных

катапульт. Таких больших Санса еще не видывала: они возвышались над стеной на добрые двадцать футов. Но страха это зрелище в ней не убавляло. Боль вдруг пронзила ее — такая острая, что Санса всхлипнула и схватилась за живот. Она упала бы, но к ней придвинулась тень и сильные пальцы сжали ее руку.

Санса схватилась за зубец крыши, царапая ногтями по грубому камню.

— Пустите меня. Пустите.

— Пташка думает, что у нее есть крылышки, — так, что ли? Или ты хочешь стать калекой, как твой братец?

— Я не нарочно. Вы... испугали

меня, только и всего.

— Такой я страшный?

Санса сделала глубокий вдох, стараясь успокоиться.

— Я думала, что одна здесь...

— Пташка по-прежнему не может выносить моего вида? — Пес отпустил ее. — Когда тебя окружила толпа, ты не была так разборчива — помнишь?

Санса помнила это слишком хорошо — и злобный вой, и кровь, текущую по щеке из раны, нанесенной камнем, и чесночное дыхание человека, который пытался стащить ее с лошади. И пальцы, вцепившиеся ей в запястье, когда она потеряла равновесие и начала падать.

Она уже приготовилась умереть, но пальцы разжались, человек издал животный вопль. Его отрубленная рука отлетела прочь, а другая, более сильная, вернула Сансу в седло. Пахнувший чесноком лежал на земле с хлещущей из культи кровью, но вокруг толпились другие, с дубинками в руках. Пес ринулся на них — меч его так и мелькал, окутанный кровавым туманом. Когда бунтовщики дрогнули и побежали от него, он рассмеялся, и его жуткое обожженное лицо на миг преобразилось.

Санса заставила себя снова взглянуть на это лицо — и не отводить глаз. Простая вежливость этого

требует, а леди никогда не должна забывать о вежливости. Шрамы — еще не самое страшное, и судорога, кривящая ему рот, — тоже. Все дело в его глазах. Санса еще ни в чьем взгляде не видела столько злобы.

— Мне... мне следовало бы прийти к вам после этого. Поблагодарить вас за спасение... Вы так храбро вели себя.

— Храбро? — У него вырвался смех, похожий на рычание. — Псу не нужно храбрости, чтобы крыс гонять. Их было тридцать против меня одного, и ни один не посмел сразиться со мной.

Она не выносила его речи, всегда злой и резкой.

— Вам доставляет удовольствие пугать людей?

— Мне доставляет удовольствие их убивать. — Пес скривил рот. — Морщись сколько хочешь, только святошу из себя не строй. Ты дочка знатного лорда. Не говори мне, что лорд Эддард Старк из Винтерфелла никого не убивал.

— Он исполнял свой долг, но это не приносило ему радости.

— Это он тебе так говорил, — засмеялся Клиган. — Лгал он, твой отец. Убивать — самое сладкое дело на свете. — Он обнажил свой длинный меч. — Вот она, правда. Твой драгоценный батюшка постиг ее на ступенях Бейелора. Лорд

Винтерфелла, десница короля, Хранитель Севера, могущественный Эддард Старк, чей род насчитывал восемь тысячелетий... однако Илин Пейн перерубил ему шею, как всякому другому. Помнишь, как он заплясал, когда его голова слетела с плеч?

Санса обхватила себя руками, как от холода.

— Почему вы всегда такой злой? Ведь я хотела поблагодарить вас...

— Как истинного рыцаря, которых ты так любишь. А на что, по-твоему, они нужны, рыцари? Получать знаки отличия от дам да красоваться в золотых доспехах? Дело рыцарей — убивать. — Клиган

приложил лезвие меча к ее шее под самым ухом, и Санса ощутила остроту стали. — Я впервые убил человека, когда мне было двенадцать, а после и счет потерял. Знатные лорды из древних родов, толстосумы в бархате, рыцари, раздувшиеся от спеси, и женщины, и дети, да-да — все это просто мясо, а я мясник. Пусть оставят при себе свои земли, своих богов и свое золото. Пусть кличут себя сирами. — Клиган сплюнул под ноги Сансе. — У меня есть вот это, — он отвел клинок от горла Сансы, — и я никого на свете не боюсь.

«Кроме своего брата», — подумала Санса, но благоразумно

промолчала. Он и правда пес. Полудикий и злобный, который кусает руку, желающую его погладить, но разорвет любого, кто тронет его хозяев.

— Даже тех, кто за рекой?

Клиган обратил взгляд к далеким огням.

— Ишь как полыхает. — Он спрятал меч в ножны. — Только трусы дерутся с помощью огня.

— Лорд Станнис не трус.

— Но до брата ему тоже далеко. Роберта ни одна река не могла остановить.

— Что вы будете делать, когда он переправится?

— Драться. Убивать. Может, и

меня убьют.

— Вам не страшно? Боги пошлют вас в самое ужасное пекло за все зло, которое вы совершили.

— Какое там зло? — засмеялся он.
— Какие боги?

— Боги, которые создали нас всех.

— Неужто всех? Что это за бог, птичка, который создает чудовище вроде Беса или полоумную дочь леди Танды? Боги, если они существуют, создали овец, чтобы волки ели баранину, и слабых, чтобы сильные ими помыкали.

— Настоящие рыцари защищают слабых.

— Нет настоящих рыцарей, и

богов тоже нет. Если ты не можешь защитить себя сам, умри и уйди с дороги тех, кто может. Этим миром правят сильные руки и острая сталь — не верь тому, кто скажет тебе другое.

— Вы ужасный человек, — попятилась от него Санса.

— Просто честный. Это мир ужасен. Ладно, птичка, лети — я сыт по горло твоим чириканьем.

Санса поспешила уйти. Она боялась Сандора Клигана... и все же отчасти желала, чтобы у сира Донтоса была хоть доля свирепости Пса. Есть боги, твердила она себе, и настоящие рыцари тоже есть. Не могут же все рассказы о них быть ложью.

Ночью ей снова приснился бунт. Толпа кишела вокруг с воплями, бешеный зверь с тысячью лиц, которые у нее на глазах превращались в чудовищные маски. Она плакала и говорила, что никому из них не делала зла, но они все равно стащили ее с лошади. «Нет, — кричала она, — не надо, не надо», но никто ее не слушал. Она звала сира Донтоса, и своих братьев, и казненного отца, и убитую волчицу, и отважного сира Лораса, подарившего ей однажды красную розу, но никто из них не пришел. Она звала героев из песен, Флориана, и сира Разма Редвина, и принца Эйемона, Драконьего Рыцаря, но они не вняли

ей. Женщины накиннулись на нее, как куницы, — они щипали ее, пинали, и кто-то ударил ее в лицо так, что зубы зашатались. Сверкнула сталь — в живот ей вонзился нож и стал кромсать, кромсать, разрезая ее на мелкие куски.

Когда она проснулась, в окно лился бледный утренний свет, но Санса чувствовала себя такой разбитой, словно вовсе не спала. Между ног ощущалось что-то липкое. Санса откинула одеяло, увидела кровь и подумала, что сон ее каким-то образом сбылся, — не зря тот нож так терзал ее. Она в ужасе отпрянула, путаясь в простынях, и свалилась на пол, нагая, окровавленная и

перепуганная.

Тут она начала понимать, что с ней случилось.

— О нет, — прошептала Санса, — пожалуйста, не надо. — Она не хотела этого — только не здесь, не сейчас, не сейчас, не сейчас.

Безумие овладело ею. Придерживаясь за столбик кровати, она поднялась и смыла с себя всю кровь. Вода в тазу порозовела. Служанки увидят это и все поймут. Вспомнив о простынях, Санса в ужасе уставилась на красноречивое красное пятно. В голове у нее было одно: избавиться от него, пока никто не увидел. Нельзя им этого показывать — иначе они выдадут ее за

Джоффри и заставят лечь с ним в постель.

Схватив свой нож, Санса принялась полосовать простыню. Если спросят, откуда взялась дыра, что сказать? Слезы текли у нее по щекам. Она стащила с кровати изрезанную простыню и испачканное одеяло. Надо все это сжечь. Она скомкала обличающие ее тряпки, сунула в очаг, полила маслом из лампы и подожгла. Заметив, что кровь просочилась на перину. Санса скомкала и ее, но перина была слишком громоздкая, и в очаге поместилась только ее половина. Санса, стоя на коленях, пыталась затолкать ее поглубже в огонь. Густой

серый дым заволок комнату, дверь отворилась, и вошедшая служанка ахнула.

Понадобились еще двое, чтобы оттащить Сансу от очага. Все ее усилия пошли прахом. То, что она запихала в огонь, сгорело, но по ногам уже снова текла кровь. Собственное тело предательски толкало ее в руки Джоффри, развернув красное знамя Ланнистеров напоказ всему свету.

Потушив огонь, служанки вынесли вон обгоревшую перину, кое-как проветрили комнату и принесли ванну. Они сновали туда-сюда, перешептываясь и странно поглядывая на Сансу. Ее выкупали в

обжигаяще горячей воде, вымыли ей голову и дали тряпицу заткнуть между ног. Санса к тому времени успокоилась и устыдилась своей глупости. Дым испортил почти всю ее одежду. Одна из женщин принесла зеленую шерстяную рубаху, пришедшуюся Сансе впору.

– Это не так красиво, как ваши наряды, ну да ничего, сойдет. Хорошо, что хоть башмаки не сгорели, не то пришлось бы идти к королеве босиком.

Серсея завтракала, когда Сансу ввели в ее горницу.

– Можешь сесть, – приветливо сказала королева. – Есть хочешь? – На столе стояла овсянка, молоко,

мед, варенные яйца и только что зажаренная рыба. От вида еды Сансу затошнило.

— Нет, благодарю, ваше величество.

— И не диво. Между Тирионом и лордом Станнисом вся еда имеет вкус пепла. А тут еще и ты пожар устроила. Чего ты думала этим добиться?

— Я увидела кровь и испугалась, — потупилась Санса.

— Кровь — это печать твоей зрелости. Леди Кейтилин должна была тебя подготовить. Это твой расцвет, только и всего.

Санса никогда не чувствовала себя менее цветущей.

— Моя леди-мать говорила мне, но я думала, все будет по-другому.

— Как это — по-другому?

— Не знаю. Чище. Красивее.

— Вот погоди, как рожать будешь, Санса, — засмеялась королева. — Женская жизнь — это на девять частей грязь и только на одну красота, скоро сама узнаешь... и та ее часть, которая кажется красивой, на поверку порой оказывается самой грязной. — Серсея отпила немного молока. — Так, теперь ты женщина. Имеешь ли ты хоть какое-то понятие о том, что это значит?

— Это значит, что я созрела для брака и для ложа — и могу родить королю детей.

– Я вижу, эти грядущие радости уже не так чаруют тебя, как бывало, – криво улыбнулась королева. – Я тебя за это не виню – с Джоффри всегда было трудно. Даже при родах... я мучилась около полутора суток, чтобы произвести его на свет. Ты не представляешь себе, какая это боль, Санса. Я кричала так, что Роберт, должно быть, слышал меня в Королевском Лесу.

– Разве его величество был не с вами?

– Роберт? Роберт охотился, как это у него заведено было. Когда мое время приближалось, король, мой супруг, улепетывал в лес со своими охотниками и гончими. Вернувшись,

он подносил мне меха или оленью голову, а я ему – ребенка. Впрочем, не думай, что я хотела иметь его при себе. На то у меня были великий мастер Пицель, целая армия повитух и мой брат. Когда Джейме говорили, что ему нельзя к роженице, он только улыбался и спрашивал, кто и как намерен ему помешать. Боюсь, что Джоффри тебе такой преданности не окажет. Благодарю за это свою сестру, если она еще жива. Он так и не забыл, как она у Трезубца посрамила его у тебя на глазах, – вот и старается посрамить тебя в свою очередь. Но ты крепче, чем кажешься с виду, и авось переживешь немного унижения, как

пережила я. Пусть ты не любишь короля, но детей от него полюбишь.

– Я люблю его величество всем своим сердцем.

– Придумай лучше что-нибудь новенькое, да поскорее, – вздохнула королева. – Эта твоя ложь лорду Станнису не понравится, уверяю тебя.

– Новый верховный септон сказал, что боги никогда не позволят лорду Станнису победить, ибо Джоффри – наш законный король.

По лицу королевы мелькнула улыбка.

– Законный сын Роберта и наследник престола. Хотя Джофф плакал всякий раз, как Роберт брал

его на руки. Его величеству это не нравилось. Его бастарды в таких случаях всегда ворковали и сосали его палец, который он клал в их ублюдочные ротки. Роберт всегда жаждал улыбок и восторгов и уходил туда, где мог их найти, — к своим друзьям и своим шлюхам. Роберт хотел быть любимым. У моего брата Тириона та же болезнь. Ты тоже хочешь быть любимой, Санса?

— Кто же не хочет.

— Я вижу, расцвет не прибавил тебе ума. Позволь мне в этот особенный день поделиться с тобой женской мудростью. Любовь — это яд, Санса. Да, он сладок, но убивает не хуже всякого другого.

Джон

Темно было на Воющем перевале. Горные склоны почти весь день скрывали солнце, и всадники ехали в глубокой тени, дыша паром в холодном воздухе. Ледяные струйки воды, стекая с верхних снегов, застывали в лужицы, хрустевшие под копытами коней. В трещинах порой пробивалась чахлая трава или белел лишайник — и только, а лес остался далеко позади.

Узкая и крутая тропа вела все время вверх. Иногда перевал так сжимался, что приходилось ехать гуськом. Оруженосец Далбридж

следовал первым и оглядывал высоты, всегда держа под рукой свой длинный лук. Говорили, что у него самый острый глаз во всем Ночном Дозоре.

Призрак трусил рядом с Джоном и постоянно оборачивался, насторожив уши, словно слышал что-то позади. Джон не думал, что сумеречные коты способны напасть на людей — разве что очень оголодают — но все-таки брался за Длинный Коготь.

Созданная ветром арка из серого камня отмечала наивысшую точку перевала. Здесь тропа расширялась, начиная долгий спуск в долину Молочной. Куорен постановил

устроить здесь перевал, пока не стемнеет.

— Темнота — друг черных братьев, — сказал он.

Джон понимал, что командир прав. Приятно, конечно, ехать при свете дня, когда яркое горное солнце пригревает сквозь плащ, изгоняя холод из костей, но, кроме трех караульщиков, в горах могут быть и другие, готовые поднять тревогу.

Каменный Змей свернулся под своим драным меховым плащом и заснул почти мгновенно. Джон поделился солониной с Призраком, Эббен и Далбридж покормили лошадей. Куорен, сидя спиной к скале, точил свой длинный меч

медленными плавными движениями. Джон, набравшись смелости, подошел к нему.

— Милорд... вы так и не спросили меня, как я поступил с девушкой.

— Я не лорд, Джон Сноу. — Куорен ловко водил брусом, держа его двупалой рукой.

— Она сказала, что Манс примет меня, если я убегу с ней.

— Она правду сказала.

— Еще она заявила, что мы родня, и рассказала мне сказку...

— О Баэле-Барде и розе Винтерфелла. Змей сказал мне. Я знаю эту песню. Манс пел ее в былые дни, возвращаясь из дозора. У

него была слабость к песням одичалых — и к их женщинам тоже.

— Так вы его знали?

— Мы все его знали, — с грустью ответил Куорен.

Они были друзьями и братьями, а теперь они — заклятые враги.

— Отчего он дезертировал?

— Одни говорят — из-за женщины, другие — из-за короны. — Куорен попробовал меч на ногте большого пальца. — Манс правда любил женщин и колени сгибал нелегко, это верно. Но дело не только в этом. Он любил лес больше, чем Стену. У него это было в крови. Он родился одичалым и попал к нам ребенком после разгрома какой-то

шайки. Покинув Сумеречную Башню, он вернулся домой, только и всего.

– Он был хороший разведчик?

– Лучший из нас – и худший в то же время. Только дураки вроде Торена Смолвуда презируют одичалых. Храбростью они не уступают нам, равно как силой, умом и проворством. Вот только дисциплины у них нет. Они именуют себя вольным народом, и каждый из них почитает себя не ниже короля и мудрее мастера. И Манс такой же – он так и не научился повиноваться.

– Как и я, – тихо произнес Джон.

Куорен просверлил его насквозь своими серыми глазами.

– Так ты отпустил ее? – без

всякого удивления спросил он.

– Вы знаете?

– Теперь знаю. Скажи – почему ты ее пощадил?

Это было трудно выразить словами.

– Мой отец никогда не держал палача. Он говорил, что человеку, которого ты казнишь, ты обязан посмотреть в глаза и выслушать его последние слова. Я посмотрел в глаза Игритт, и... – Джон потупился. – Я знаю, что она нам враг, но в ней не было зла.

– В двух других его тоже не было.

– Там речь шла о нашей жизни – либо они, либо мы. Если бы они

заметили нас и протрубили в свой рог...

— Одичалые нашли бы нас и убили, это верно.

— Рог теперь у Змея, и мы забрали у Игритт нож и топор. Она осталась позади, пешая и безоружная...

— И вряд ли сможет навредить нам. Если бы я хотел ее смерти, то оставил бы ее с Эббеном или сам выполнил эту работу.

— Почему же вы тогда поручили это мне?

— Я не поручал. Я сказал тебе, как следует поступить, а решать предоставил тебе. — Куорен встал и спрятал меч в ножны. — Когда мне

нужно взобраться на гору, я зову Каменного Змея. Когда нужно попасть стрелой в глаз врагу против ветра, я обращаюсь к Далбриджу. А Эббен развяжет язык кому угодно. Чтобы командовать, людьми, ты должен их знать, Джон Сноу. Теперь я знаю о тебе больше, чем знал утром.

— А если бы я убил ее?

— Она была бы мертва, а я опять-таки знал бы о тебе больше, чем прежде. Ну, хватит разговоров. Тебе надо поспать. Перед нами еще много лиг опасного пути, и тебе понадобятся силы.

Джон не думал, что ему удастся уснуть, но понимал, что Полурукий

прав. Он выбрал себе место за скалой, в затишье, и снял плащ, чтобы укрыться им.

— Призрак, поди сюда. — Ему всегда лучше спалось рядом с волком — от Призрака уютно пахло, и лохматый белый мех хорошо грел. Но на этот раз Призрак только посмотрел на Джона, обежал вокруг лошадей и улетучился. «Поохотиться хочет, — подумал Джон. — Может, здесь козы водятся. Должны же сумеречные коты чем-то питаться». — Только кота не трогай, — произнес Джон ему вслед, — это опасно даже для лютоволка. — Потом завернулся в плащ и улегся.

Он закрыл глаза, и ему

приснились лютоволки.

Их было пятеро вместо шестерых, и все они были разделены, одиноки. Он чувствовал щемящую пустоту, тоску незавершенности. Лес огромен и угрюм, а они так малы. Он потерял следы братьев и сестры, не чуял их запаха. Он сел, задрал голову к темнеющему небу и огласил лес своим скорбным одиноким зовом. Вой замер вдали, и он насторожил уши в ожидании ответа, но только вьюга отозвалась ему.

Джон... донеслось откуда-то сзади легче шепота, но внятно. Может ли крик быть беззвучным? Он повернул голову, ища своего брата, поджарую серую тень между

стволами, но позади не было ничего, кроме... чардрева.

Оно росло на голом камне, вцепившись бледными корнями в едва заметные трещины, совсем тонкое по сравнению с другими известными ему чардревыми, — но оно крепло у него на глазах, ветви утолщались и тянулись к небу. Он с опаской обошел гладкий белый ствол, чтобы увидеть лицо. Глаза, красные и свирепые, обрадовались ему. У дерева лицо его брата — но разве у брата три глаза?

«Не всегда было три, — произнес беззвучный голос. — Так стало после вороны».

Он обнюхал кору, пахнущую

волком, деревом и мальчиком, но за этими запахами скрывались другие: густой бурый дух теплой земли, резкий серый – камней и еще что-то, страшное. Он знал: так пахнет смерть. Он отпрянул, ошетилившись, и оскалил клыки.

«Не бойся! Я люблю, когда темно. Они тебя не видят, а ты их – да. Но сначала надо открыть глаза. Вот так, смотри», – и дерево, склонившись, коснулось его.

Он снова оказался в горах. Увязнув лапами в снегу, он стоял на краю глубокой пропасти. Перед ним обрывался в воздух Воющий перевал, а внизу, как стеганое одеяло, лежала длинная клинообразная долина,

играя всеми красками осени.

В одном ее конце между горами высилась огромная голубовато-белая стена, и он на миг подумал, что сон перенес его обратно в Черный Замок, но тут же понял, что смотрит на ледяную реку высотой в несколько тысяч футов. Под этим ледовым утесом простиралось большое озеро, в чьих глубоких густо-синих водах отражались окрестные снежные вершины. Теперь он разглядел в долине людей — много народу, тысячи, целое войско. Одни долбили ямы в промерзшей земле, другие упражнялись в боевых ремеслах. Куча всадников атаковала стену из щитов — их кони отсюда казались не

больше муравьев. Ветер доносил шум этого потешного боя, похожий на шорох стальных листьев. В лагере не было порядка — ни канав, ни частокола, ни лошадиных загонов. Повсюду, словно оспины на лице земли, грудились землянки и шалаши из шкур, торчали растрепанные копны сена. Он чуял коз и овец, лошадей и свиней, собак в большом количестве. От тысячи костров тянулись столбы темного дыма.

Это не армия и не город. Здесь собрался вместе целый народ.

Один из пригорков за длинным озером зашевелился, и он разглядел, что это не пригорок вовсе, а огромный косматый зверь со

змеистым носом и клыками больше, чем у самого крупного вепря. Его наездник тоже был громаден и чересчур толстоног для человека.

Внезапный порыв холодного воздуха взъерошил его шерсть, и в воздухе захлопали крылья. С неба над ледяной горой падала какая-то тень, и пронзительный крик резал уши. Голубовато-серые перья распростерлись, заслоняя солнце...

— Призрак! — закричал Джон и сел. Он еще чувствовал эти когти, эту боль. — Призрак, ко мне!

Эббен схватил его и потряс.

— Тихо! Ты наведешь на нас одичалых! Что с тобой такое, парень?

— Сон, — пролепетал Джон в

ответ. – Я был Призраком, стоял на краю обрыва и смотрел на ледяную реку, когда что-то напало на меня... Птица... орел, наверно...

– А мне всегда снятся красивые женщины, – улыбнулся Оруженосец Далбридж. – Жаль, что я редко вижу сны.

– Ледяная река, говоришь? – спросил подошедший Куорен.

– Молочная берет начало из большого озера у подножия ледника, – вставил Каменный Змей.

– Мне снилось дерево с лицом моего брата. И одичалые... их там тысячи, я и не знал, что их столько. И великаны верхом на мамонтах. – Судя по перемене света, Джон проспал

около четырех-пяти часов. У него болела голова и затылок в том месте, где в него впились когти. Но ведь это был сон?

— Расскажи мне все, что помнишь, с начала и до конца, — сказал Куорен.

— Да ведь это только сон...

— Волчий сон. Крастер сказал лорду-командующему, что одичалые собираются у истока Молочной — может быть, это и есть причина твоего сна, а может быть, ты увидел то, что ждет нас впереди, через несколько часов пути. Рассказывай.

Джон, вынужденный говорить при всех о таких вещах, почувствовал себя дураком, однако повиновался.

Никто из братьев, впрочем, не смеялся над ним, а когда он закончил, даже Оруженосец Далбридж перестал улыбаться.

– Оборотень! – угрюмо сказал Эббен, обращаясь к Полурукому.

«О ком это он, – подумал Джон, – об орле или обо мне?» Оборотни – это существа из сказок старой Нэн и не из мира, где Джон прожил всю свою жизнь. Но здесь, в этой пустыне из камня и льда, в них не так уж трудно поверить.

– Поднимаются холодные ветра. Мормонт опасался не зря. И Бенджен Старк это тоже чувствовал. Мертвые встают, и у деревьев снова открываются глаза. Стоит ли бояться

такой малости, как оборотни и великаны?

— Выходит, мои сны тоже правдивы? — спросил Далбридж. — Пусть лорд Сноу берет себе своих мамонтов — мне подайте моих красоток.

— Я сызмальства в Дозоре и бывал за Стеной дальше многих других, — сказал Эббен. — Я видел кости великанов и слышал много разных историй, но живых в глаза не видал ни разу.

— Смотри, как бы они первые тебя не увидели, Эббен, — отозвался Змей.

К тому времени, как они снова отправились в путь, Призрак так и не

появился. Тени легли на дно перевала, и солнце быстро закатывалось за раздвоенную вершину огромной горы, которую разведчики называли Двузубой. Если этот сон правдив... Даже мысль об этом пугала Джона. Вдруг орел ранил Призрака и сбросил его в пропасть? И это чардрово с лицом его брата, пахнущее смертью и мраком...

Последний луч солнца погас за вершиной Двузубой, и сумерки затопили Воющий перевал. Сразу похолодало. Тропа понемногу начала спускаться вниз, усеянная трещинами, камнями и осыпями. Скоро совсем стемнеет, а Призрака не видать. Это терзало Джона. Но он

не смел позвать волка — мало ли кто может его услышать.

— Куорен, — тихо окликнул Далбридж, — погляди-ка.

Высоко над ними сидел на скале орел, еще заметный на темнеющем небе. «Орлы нам уже встречались, — подумал Джон. — Может, это вовсе не тот, который мне снился».

Эббен все-таки собрался пустить в него стрелу, но бывший оруженосец его удержал.

— Он за пределами выстрела.

— Не нравится мне, что он следит за нами.

— Мне тоже, но помешать ему ты не можешь — только стрелу зря изведешь.

Куорен, сидя в седле, долго разглядывал орла.

– Поехали, – сказал он наконец, и разведчики возобновили спуск.

Призрак, хотелось крикнуть Джону, где ты?

Он уже собирался последовать за остальными, как вдруг увидел между камнями что-то белое. «Остатки снега», – подумал Джон, но белое вдруг зашевелилось, и он мигом соскочил с коня. Призрак поднял голову ему навстречу. Шея волка мокро поблескивала, но он не издал ни звука, когда Джон снял перчатку и ощупал его. Орлиные когти разодрали шерсть и мясо, однако хребет остался цел.

Куорен уже стоял над ними.

— Что, плохо дело?

Призрак, как бы в ответ, с трудом поднялся на ноги.

— Молодец, крепкий зверюга. Эббен, воды. Змей, подай свой мех с вином. Подержи его, Джон.

Вместе они смыли с волка засохшую кровь. Призрак заартачился и оскалил зубы, когда Куорен стал лить вино на рваную рану, но Джон обхватил его, шепча ласковые слова, и волк успокоился. Его перевязали, оторвав полоску от плаща Джона. К тому времени совсем уже стемнело, и только россыпь звезд отделяла черноту неба от черноты камня.

— Дальше поедем или как? — осведомился Змей.

Куорен прошел к своему коню.

— Поедем, только не вперед, а назад.

— Назад? — опешил Джон.

— У орлов зрение острее, чем у людей. Нас заметили — значит пора убираться. — Полурукий обмотал лицо длинным черным шарфом и сел в седло.

Другие разведчики переглянулись, но спорить никому и в голову не пришло. Все один за другим повернули коней в сторону дома.

— Призрак, пошли, — позвал Джон, и волк последовал за ним

бледной тенью.

Они ехали всю ночь, пробираясь ощупью по неровной извилистой тропе. Ветер крепчал. Порой становилось так темно, что они слезали и вели лошадей в поводу. Эббен предложил зажечь факелы, но Куорен отрезал:

— Никакого огня. — Вот и весь разговор.

Они пересекли каменный мост у вершины перевала и снова начали спускаться. Во мраке яростно взвыл сумеречный кот, вызвав такое эхо, будто их там собралось не меньше дюжины. Джону показалось, что он видит на верхнем карнизе пару горящих глаз, здоровенных, как луны.

Перед рассветом они остановились напоить лошадей, дав каждой пригоршню овса и пару пучков сена.

— Мы недалеко от места гибели одичалых, — сказал Куорен. — С той высоты один человек может сдержать сотню — если этот человек подходящий. — И он посмотрел на Оруженосца Далбриджа.

Тот склонил голову.

— Оставьте мне стрел, сколько сможете, братья. — Он погладил свой лук. — И дайте моей лошадке яблоко, как доберетесь до дому, — заслужила, бедная скотинка.

Он остается, чтобы умереть, понял Джон.

Куорен стиснул плечо
Далбриджа рукой в перчатке.

— Если орел слетит вниз
поглядеть на тебя...

— ...у него отрастут новые перья.
На прощание Джон увидел
только спину Оруженосца
Далбриджа, когда тот карабкался
вверх по узкой тропке.

Когда рассвело, Джон поднял
глаза к небу и увидел на нем темное
пятнышко. Эббен тоже заметил его и
выругался, но Куорен велел ему
замолчать.

— Слышите?

Джон затаил дыхание. Далеко
позади в горах пропел рог, и
прокатилось гулкое эхо.

– Они идут, – сказал Куорен.

Тирион

Для предстоящего испытания Под облачил его в бархатный камзол цвета знамени Ланнистеров и принес ему цепь десницы, но ее Тирион оставил на ночном столике. Серсея не любит, когда ей напоминают, что он десница короля, а он не желал сейчас обострять отношения с ней. Во дворе его догнал Варис.

— Милорд, — с легкой одышкой сказал он, — советую вам прочесть это незамедлительно. — В мягкой белой руке он держал пергамент. — Донесение с севера.

– Хорошие новости или плохие?

– Не мне судить.

Тирион развернул свиток и прищурился, чтобы разобрать написанное при свете факелов.

– Боги праведные. Оба?

– Боюсь, что да, милорд, как это ни печально. Столь юные, невинные существа.

Тирион вспомнил, как были волки, когда маленький Старк упал. И теперь, наверно, воют...

– Ты уже кому-нибудь говорил об этом?

– Пока нет, но придется.

Тирион свернул письмо.

– Я сам скажу сестре. – Ему очень хотелось посмотреть, как она

воспримет новость.

Королева в эту ночь была особенно прелестна в открытом платье из темно-зеленого бархата, подчеркивающего цвет ее глаз. Золотые локоны ниспадали на обнаженные плечи, талию охватывал пояс с изумрудами. Тирион сел, взял поданную ему чашу вина и только тогда вручил ей письмо, не сказав ни слова. Серсея с недоумением приняла от него пергамент.

— Тебе это, думаю, будет приятно, — сказал он, когда она принялась за чтение. — Ты ведь хотела, чтобы юный Старк умер.

Серсея скривилась:

— Это Джейме выбросил его из

окошка, а не я. Ради любви, сказал он, — как будто это могло доставить мне удовольствие. Глупость, конечно, притом опасная, но когда наш любезный братец давал себе труд подумать?

— Мальчик вас видел, — заметил Тирион.

— Он совсем еще мал. Можно было запугать его и принудить к молчанию. — Она задумчиво уставилась на письмо. — Почему меня обвиняют всякий раз, когда кто-то из Старков наколет себе ногу? То, о чем говорится здесь, — работа Грейджоя, я к этому непричастна.

— Будем надеяться, что леди Кейтилин в это поверит.

– Неужели она способна... – округлила глаза Серсея.

– Убить Джейме? А почему бы и нет? Что бы сделала ты, если бы Джоффри с Томменом убили?

– Но Санса по-прежнему у меня!

– У нас, – поправил он, – и мы должны заботиться о ней как следует. Ну а где же обещанный ужин, сестрица?

Стол Серсея, надо признать, накрыла отменный. Они начали с густого супа из каштанов, горячего хлеба и салата с яблоками и лесными орехами. За этим последовали пирог с миногами, сдобренная медом ветчина, тушенная в масле морковь, белые бобы с салом и жареный

лебедь, начиненный грибами и устрицами. Тирион держался с изысканной учтивостью, предлагая сестре самые лакомые кусочки, и ел только то, что ела она. Не то чтобы он опасался отравы — просто осторожность никогда не помешает.

Новость о постигшей Старков участи явно огорчила ее.

— Из Горького моста по-прежнему ничего? — спросила она озабоченно, насадив яблоко на острие кинжала и понемножку откусывая от него.

— Ничего.

— Никогда не доверяла Мизинцу. Если предложить ему хорошие деньги, он мигом перебежит к

Станнису.

— Станнис Баратеон чересчур праведен, чтобы кого-то подкупать. Притом для Петира он весьма неудобный лорд. На нынешней войне заключаются самые неожиданные союзы, но эти двое? Нет.

Он отрезал себе еще окорока, а она сказала:

— За эту свинью мы должны благодарить леди Танду.

— Знак ее нежной любви?

— Взятка. Она просит разрешения вернуться в свой замок. Не только у меня, но и у тебя. Боится, наверно, как бы ты не перехватил ее по дороге, как это случилось с лордом Джайлсом.

– Но она как будто не везет с собой наследника трона? – Тирион подал сестре ломоть ветчины, взяв другой себе. – Пусть лучше остается, а если она стремится к безопасности, предложи ей вызвать сюда стоквортский гарнизон – сколько сможет.

– Если мы так нуждаемся в людях, зачем было отсылать твоих дикарей? – недовольно осведомилась Серсея.

– Это наилучший способ распорядиться ими, – откровенно ответил Тирион. – Они свирепые воины, но не солдаты, а в битве двух регулярных войск дисциплина важнее мужества. В Королевском

Лесу они уже принесли нам больше пользы, чем могли бы принести на городских стенах.

Когда подали лебедя, королева спросила Тириона о заговоре Оленьих Людей, который явно больше раздражал ее, нежели пугал.

— Почему нам постоянно изменяют? Что плохого сделал дом Ланнистеров этим несчастным?

— Ничего — просто они надеялись оказаться на стороне победителя, и это доказывает, что они не только изменники, но и глупцы.

— Ты уверен, что всех их выловил?

— Варис говорит, что всех. —

Лебедь был слишком приторным на его вкус.

Между прекрасных глаз Серсеи на белом челе прорезалась морщинка.

— Ты слишком доверяешься этому евнуху.

— Он хорошо мне служит.

— Вернее, делает вид. Ты думаешь, он тебе одному шепчет на ухо свои секреты? Он говорит каждому из нас ровно столько, чтобы мы уверились, будто без него нам не обойтись. Точно такую же игру он вел со мной, когда я только-только вышла за Роберта. Многие годы я верила, что надежнее друга при дворе у меня нет, но теперь... —

Серсея пристально посмотрела на Тириона. — Он говорит, что ты хочешь забрать у Джоффри Пса.

«Будь ты проклят, Варис».

— Для Клигана у меня есть более важные задачи.

— Нет ничего важнее, чем жизнь короля.

— Жизни короля ничто не угрожает. У Джоффри остаются храбрый сир Осмунд и Меррин Трант. — (Эти больше все равно ни на что не годятся.) — Бейлон Сванн и Пес нужны мне, чтобы командовать вылазками и не дать Станнису закрепиться на нашей стороне Черноводной.

— Джейме всеми вылазками

командовал бы сам.

— Из Риверрана ему это будет затруднительно.

— Джофф еще мальчик.

— Мальчик, который хочет сражаться, — и это самая здравая мысль, которая его когда-либо посещала. Я не собираюсь бросать его в гущу боя, но надо, чтобы люди его видели. Они будут лучше драться за того короля, который делит с ними опасность, чем за того, который прячется за материнскими юбками.

— Ему всего лишь тринадцать, Тирион.

— Вспомни Джейме в этом возрасте и позволь Джофффри доказать, что он сын своего отца. У

него самые лучшие доспехи, которые только можно купить за деньги, и его все время будет окружать дюжина золотых плащей. А при малейшей опасности падения города я тут же верну его в Красный Замок.

Тирион хотел успокоить сестру, но не увидел облегчения в ее зеленых глазах.

— По-твоему, город падет?

— Нет. — (Но если это случится, молись, чтобы мы удержали хотя бы Красный Замок, пока наш лорд-отец не подоспеет нам на подмогу.)

— Ты лжешь, Тирион, ты и прежде мне лгал.

— У меня были на то причины, сестрица. Я не меньше твоего желаю,

чтобы мы были добрыми друзьями, — и решил освободить лорда Джайлса. — Тирион держал Джайлса в целости и сохранности как раз для такого случая. — Сира Бороса Бланта ты тоже можешь получить назад.

Королева сжала губы:

— По мне, пусть сир Борос хоть сгниет в Росби — но Томмен...

— Томмен останется там, где он есть. Под защитой лорда Джаселина он будет куда сохраннее, чем под защитой лорда Джайлса.

Слуги убрали лебедя, почти не тронутого, и Серсея приказала подать сладкое.

— Надеюсь, ты любишь ежевичное пирожные?

– Я все сладкое люблю.

– Это я давно знаю. Известно ли тебе, почему Варис так опасен?

– Я вижу, мы перешли к загадкам? Нет, не известно.

– У него нет мужского члена.

– У тебя его тоже нет. – (И это, похоже, бесит тебя, Серсея.)

– Возможно, я тоже опасна. А вот ты – такой же дурак, как все прочие мужчины. Этот червяк между ног отнимает у тебя добрую половину разума.

Тирион слизнул крошки с пальцев – сестрина улыбка ему крепко не нравилась.

– Да – и теперь мой червячок думает, что нам пора удалиться.

– Тебе нехорошо, братец? – Она наклонилась вперед, позволив ему обозреть верхнюю часть своей груди. – Ты что-то засуетился.

– Засуетился? – Тирион посмотрел на дверь, и ему послышался какой-то шум. Он начинал сожалеть, что пришел сюда один. – Раньше ты никогда не выказывала интереса к моим мужским достоинствам.

– Меня интересуют не твои мужские достоинства, а место их приложения. И я не во всем завишу от евнуха в отличие от тебя. У меня есть свои способы выяснить то и другое... особенно то, что от меня хотят скрыть.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только одно: твоя шлюшка у меня.

Тирион схватился за винную чашу, пытаясь собраться с мыслями.

— Я думал, что ты предпочитаешь мужчин.

— Забавный ты человек. Ты, случаем, на ней не женился? — Не услышав ответа, Серсея сказала: — Отец вздохнет с облегчением, узнав, что этого не случилось.

Тириону казалось, что в животе у него копошатся угри. Как она умудрилась найти Шаю? Может, это Варис его предал? Или он сам свел на нет все свои меры предосторожности той ночью, когда

поехал прямо к ней?

— Какое тебе дело до того, кто греет мне постель?

— Ланнистеры всегда платят свои долги. Ты строил против меня козни с того самого дня, как явился в Королевскую Гавань. Ты продал Мирцеллу, похитил Томмена, а теперь замышляешь убить Джоффри. Ты хочешь его смерти, чтобы править от имени Томмена.

«Соблазнительная мысль, отрицать не стану».

— Это безумие, Серсея. Станнис будет здесь со дня на день. Без меня тебе не обойтись.

— Почему это? Ты такой великий воин?

– Наемники Бронна без меня в бой не пойдут, – солгал он.

– Еще как пойдут. Они любят золото, а не твою бесовскую хитрость. Впрочем, можешь не бояться – без тебя они не останутся. Не скрою, мне порой очень хочется перерезать тебе глотку, но Джейме мне этого никогда не простит.

– А женщина? – Он не хотел называть ее имени. Если он сумеет убедить Серсею, что Шая для него ничего не значит, то, возможно...

– С ней будут прилично обращаться. Пока мои сыновья целы и невредимы. Но если Джофф погибнет или Томмен попадет в руки наших врагов, твоя потаскушка умрет

смертью более мучительной, чем ты можешь себе представить.

«Неужели она искренне верит, что я намерен убить своего родного племянника?»

– Мальчикам ничего не грозит, – устало заверил Тирион. – Боги, Серсея, ведь в нас течет одна кровь. Что же я, по-твоему, за человек после этого?

– Маленький и подлый.

Тирион уставился на остатки вина в чаше. «Что сделал бы Джейме на моем месте? Убил бы эту суку скорее всего, а уж потом бы задумался о последствиях. Но у меня нет золотого меча, и я не умею с ним управляться». Тирион любил своего

безрассудно-гневного брата, но в этом случае ему лучше руководствоваться примером их лорда-отца. «Я должен быть как камень, как Бобровый Утес, твердый и непоколебимый. Если я не выдержу этого испытания, мне останется только поступить в ближайший балаган».

— Почем мне знать — может, ты ее уже убила.

— Хочешь с ней повидаться? Я так и подумала. — Серсея, пройдя через комнату, распахнула тяжелую дубовую дверь. — Введите сюда шлюху моего брата.

Братья сира Осмунда Осни и Осфрид, того же поля ягоды, что и

старший, высокие, темноволосые, с крючковатыми носами и жестокими ухмылками, вошли с девушкой. Она висела между ними с широко раскрытыми белыми глазами на темном лице. Из ее разбитой губы сочилась кровь, и на теле сквозь прорехи в одежде виднелись синяки. Руки ей связали, а рот заткнули клепом.

— Ты сказала, что ей не причинят вреда.

— Она сопротивлялась. — Осни Кеттлблэк в отличие от братьев был выбрит, и на его голых щеках остались царапины. — У нее когти, как у сумеречной кошки.

— От синяков не умирают, —

проронила Серсея. – Твоя шлюха будет жить, пока жив Джофф.

Тирион с великим наслаждением рассмеялся бы ей в лицо, но это испортило бы всю игру. «Ты попала впросак, Серсея, а твои Кеттлблэки еще глупее, чем утверждает Бронн. Стоит мне произнести эти слова...»

Но Тирион спросил только, глядя девушке в лицо:

– Ты клянешься освободить ее после битвы?

– Если ты отпустишь Томмена – да.

Тирион встал с места.

– Что ж, будь по-твоему, но не причиняй ей вреда. Если эти скоты

полагают, что могут ею пользоваться... то позволь тебе напомнить, сестрица, что у всякой палки есть два конца. — Он говорил спокойно и равнодушно, отцовским голосом. — То, что случится с ней, может случиться и с Томменом, включая побои и насилие. — (Если она считает меня чудовищем — воспользуемся этим.)

Серсея не ожидала такого оборота.

— Ты не посмеешь.

Тирион раздвинул губы в медленной холодной улыбке. Его глаза, зеленый и черный, смеялись.

— Не посмею? Я сам этим займусь.

Рука сестры метнулась к его лицу, но Тирион перехватил ее и заломил так, что Серсея вскрикнула. Осфрид бросился ей на выручку.

— Еще шаг — и я сломаю ей руку, — предупредил карлик. — Я уже говорил тебе, Серсея: больше ты меня не ударишь. — Он толкнул ее на пол и приказал Кеттлблэкам: — Развяжите девушку и выньте кляп.

Веревку стянули так туго, что на руках у нее проступила кровь. Девушка закричала, когда кровообращение вернулось к ней. Тирион осторожно помассировал ее пальцы.

— Мужайся, милая. Я сожалею, что тебе сделали больно.

– Я знала, что вы освободите меня, милорд.

– Непременно освобожу, – пообещал он, и Алаяя, склонившись, поцеловала его в лоб. От ее разбитых губ остался кровавый след. «Я не заслуживаю такого поцелуя, – подумал Тирион. – Если бы не я, с ней бы ничего не случилось».

Не стирая крови со лба, он посмотрел на королеву:

– Я никогда не любил тебя, Серсея, но ты моя сестра, и я не делал тебе зла. До настоящего времени. Эта выходка тебе даром не пройдет, так и знай. Я не знаю еще, как поступлю с тобой, но со

временем решу. Когда-нибудь, будучи весела и благополучна, ты вдруг ощутишь во рту вкус пепла и поймешь, что я уплатил свой долг.

Отец как-то сказал ему, что на войне все решает миг, когда одна из армий обращается в бегство. Пусть это войско не менее многочисленно, чем миг назад, пусть оно по-прежнему вооружено и одето в доспехи — тот, кто побежал, уже не обернется, чтобы принять бой. Так же было и с Серсеей.

— Убирайся! — только и смогла ответить она. — Прочь с моих глаз!

— Доброй тебе ночи, — поклонился Тирион. — И приятных снов.

Он шел к башне Десницы, и тысяча обутых в броню ног топотала у него в голове. «Надо было предвидеть это с первого же раза, когда я пролез в потайной шкаф Катай». Возможно, он просто не хотел об этом думать. Когда он взобрался по лестнице, ноги у него разболелись. Он послал Пода за вином и прошел в спальню.

На кровати под балдахинном, поджав ноги, сидела Шая – голая, но с золотой цепью на груди. Цепь была составлена из золотых рук, сжимающих одна другую.

Этого Тирион никак не ожидал.
– Что ты тут делаешь?

Она со смехом погладила цепь.

— Хоть чьи-то руки почувствовать на себе... только эти, золотые, холодноваты.

Тирион на миг онемел. Как сказать ей, что вместо нее взяли другую женщину, которая вполне может умереть, если с Джоффри в бою что-то случится? Он вытер со лба кровь Алаяйи.

— Леди Лоллис...

— Да спит она. Только и знает, что дрыхнуть, корова, да еще жрать, а иногда и за едой засыпает. Еда изо рта валится в постель, а она так и лежит, пока не уберешь. Подумаешь, позабавились с ней — эка важность!

— Ее мать говорит, что она больна.

— Брюхата, только и всего.

Тирион оглядел комнату — со времени его ухода здесь ничего не изменилось.

— Как ты сюда вошла? Покажи мне дверь.

— Лорд Варис завязал мне глаза, и я ничего не видела. Только в одном месте разглядела пол... там такая картинка выложена из мелких кусочков.

— Мозаика?

— Ага. Черная и красная, вроде как дракон. А так везде темно было. Мы спустились по приставной лестнице и долго шли — я совсем запуталась. Один раз мы остановились, и он отпер какую-то

железную калитку. Дракон был после, уже за ней. Потом поднялись по другой лестнице в коридор, очень низкий — я пригнулась, а лорду Варису не иначе как ползти пришлось.

Тирион обошел спальню, и ему показалось, что один из светильников держится непрочно. Привстав на цыпочки, Тирион повернул его, и оттуда выпал огарок. Тростник, разбросанный по каменному полу, тоже как будто не был нарушен.

— Не хочет ли милорд лечь в постель? — спросила Шая.

— Сейчас. — Тирион открыл шкаф, выбросил оттуда одежду и

ощупал заднюю стенку. Что годится для публичного дома, может пригодиться и в замке... но нет, прочное древо не поддавалось. Выступающий камень у окна тоже не уступил, сколько Тирион ни налегал на него. Раздосадованный, он вернулся к Шая.

Она развязала ему тесемки и обняла за шею.

— У тебя плечи как каменные. Иди ко мне скорее. — Но когда ее ноги обвились вокруг Тириона, мужская сила его подвела. Шая, почувствовав это, скользнула под одеяло и стала ласкать его ртом, но и тогда не смогла возбудить.

Немного погодя он ее остановил.

– Что с тобой? – спросила она. Вся невинность мира заключалась в этом юном лице.

«Невинность? Это у шлюхи-то? Права Серсея – ты думаешь не тем местом, дурак».

– Давай-ка спать, милая. – Он погладил Шаю по голове. Но когда она уже уснула, он еще долго лежал, держа в ладони ее маленькую грудь и прислушиваясь к ее дыханию.

Кейтилин

В Великом Чертоге Риверрана было слишком одиноко ужинать вдвоем. Тени наполняли зал. Один факел погас, и осталось гореть только три. Кейтилин сидела, глядя в свой кубок. Вино казалось ей кислым и водянистым. Бриенна поместилась напротив. Высокое место отца между ними пустовало, как и все прочие сиденья. Даже слуги, отпущенные Кейтилин на праздник, ушли.

Даже сквозь толстые стены было слышно, как веселятся на дворе. Сир Десмонд выкатил из

подвалов двадцать бочек, и народ поднимал рога темного эля за скорое возвращение Эдмара и взятие Роббом Крэга.

«Нельзя их винить, — думала Кейтилин. — Они ничего не знают. А если бы и знали, что им за дело? Они не знали моих сыновей. Не видели, как Бран лазит по крышам, и сердце не замирало у них в груди, охваченное гордостью и ужасом. Не слышали, как он смеется, не улыбались, глядя, как тянется Рикон за старшими братьями». Ужин стоял перед ней нетронутым: форель, обернутая ломтиками ветчины, салат из вершков репы с красным укропом, горошек, лук и горячий хлеб. Бриенна

поглощала все это добросовестно, словно выполняя очередную задачу. «Я становлюсь угрюмой, – думала Кейтилин. – Не нахожу больше радости в мясе и меде, а смех и песни кажутся мне подозрительными. Я соткана из горя, праха и злой тоски, а на месте сердца у меня пустота».

Ей невыносимо было слушать, как жует другая.

– Бриенна, тебе со мной скучно. Ступай повеселись, если хочешь. Выпей эля и попляши под арфу Раймунда.

– Я не создана для веселья, миледи. – Бриенна разломила большими руками краюху черного

хлеба и уставилась на нее, словно забыв, для чего она нужна. – Но если вы приказываете, я...

Кейтилин видела, как она мучается.

– Я просто подумала, что с ними тебе будет приятнее, чем со мной.

– Мне и тут хорошо. – Девушка принялась подбирать хлебом соус с тарелки.

– Утром прилетела еще одна птица. – Кейтилин сама не знала, к чему это говорит. – Мейстер тотчас же разбудил меня. Он исполнил свой долг, но лучше бы он этого не делал. – Она не собиралась ничего говорить Бриенне. Никто не знал об этом, кроме нее самой и мейстера Вимана,

и Кейтилин хотела сохранить это в тайне, пока... пока...

«Пока что? Глупая женщина — как будто сохранение тайны делает утрату менее горькой! Как будто, если ты будешь молчать, это превратится в сон, в полузабытый кошмар. О, если бы боги могли сотворить чудо...»

— Новости из Королевской Гавани? — спросила Бриенна.

— Если бы. Птица прилетела из замка Сервин от сира Родрика, моего кастеляна. — Черные крылья, черные вести. — Он собрал людей, сколько смог, и идет на Винтерфелл, чтобы отбить замок обратно. — (Кому это нужно теперь?) — Но он пишет... он

пишет, что...

— Миледи, в чем дело? Что-нибудь о ваших сыновьях?

Какой простой вопрос — вот если бы и ответ на него был столь же прост. Слова застряли у Кейтилин в горле.

— У меня больше нет сыновей, кроме Робба. — Она выговорила это страшное известие, не всхлипнув, — и на том спасибо.

— Миледи? — в ужасе воскликнула Бриенна.

— Бран и Рикон пытались бежать, но их схватили на мельнице, на берегу Желудевой. Теон Грейджой поместил их головы на стене Винтерфелла. Теон Грейджой,

который ел за моим столом с десятилетнего возраста. — «Вот я и сказала это, да простят меня боги. Я сказала, и теперь это — правда».

Лицо Бриенны расплылось перед ней. Девушка протянула руку через стол, но так и не коснулась Кейтилин, словно боясь потревожить ее.

— Я... не нахожу слов, миледи. Добрая моя госпожа. Ваши сыновья теперь на небе...

— На небе? — взъярилась Кейтилин. — Что это за боги, если они допустили такое? Рикон был совсем еще дитя — чем он заслужил такую смерть? А Бран... когда я уехала на юг, он еще не открыл глаз

после падения. Я покинула его до того, как он очнулся. Теперь я уже больше не вернусь к нему, не услышу, как он смеется. — Она показала Бриенне свои ладони. — Эти шрамы... когда Бран лежал без чувств, они послали убийцу перерезать ему горло. Бран погиб бы тогда, и я вместе с ним, но волк Брана сам перегрыз глотку тому человеку. Должно быть, Теон и волков тоже убил. Иначе они не дали бы мальчиков в обиду. Как Серый Ветер Робба. А у дочерей моих больше нет волков.

Столь резкая перемена разговора смутила Бриенну.

— У дочерей?

– Санса уже в три года была леди, всегда вежливой и стремящейся всем угодить. Больше всего на свете она любила истории о рыцарях. Говорят, она похожа на меня, но когда она вырастет, то будет гораздо красивее, вот увидишь. Я часто отсылала прочь ее горничную и сама расчесывала ей волосы. Они у нее цвета осенних листьев, легче, чем у меня, очень густые и мягкие... при свете факелов они блестят словно медь. Что до Арьи, гости Неда часто принимали ее за конюшонка, если въезжали во двор неожиданно-негаданно. С ней я, надо признаться, порядком
намучилась.

Полумальчишка-полуволчонок.

Запрети ей что-нибудь, и ей этого захочется больше всего на свете. Лицо у нее длинное, как у Неда, а волосы каштановые и всегда так всклокочены, словно в них птица гнездо свила. Я отчаялась сделать из нее леди. Она собирала шишки, как другие девочки кукол, и говорила все, что в голову взбредет. Должно быть, ее тоже нет в живых. — Кейтилин сказала это, и точно гигантская рука стиснула ей грудь. — Я хочу, чтобы они умерли все до одного, Бриенна. Сначала Теон Грейджой, потом Джейме Ланнистер, Серсея, Бес — все. Но мои девочки... мои девочки...

— У королевы ведь тоже есть

маленькая дочка. И сыновья — ровесники вашим. Может быть, она сжалится, когда услышит...

— И отправит моих дочерей назад? — печально улыбнулась Кейтилин. — Как ты еще наивна, дитя. Хорошо бы... но этому не бывать. Робб отомстит за своих братьев. Лед убивает не хуже, чем огонь. «Лед» — так звался большой меч Неда. Из валирийской стали, покрытой волнистым узором после долгойковки, и такой острый, что я боялась к нему прикасаться. Клинок Робба по сравнению с ним туп, как полено. Боюсь, им не так просто будет снести голову Теону. Старки не держат палачей. Нед всегда говорил,

что человек, выносящий приговор, должен выполнить его сам, хотя не находил никакого удовольствия в исполнении этого долга. Но я бы сделала это с радостью. — Сжав и снова разжав свои изрезанные руки, она медленно подняла глаза. — Я послала ему вина.

— Вина? — опешила Бриенна. — Кому, Роббу? Или... Теону Грейджою?

— Цареубийце. — С Клеосом Фреем эта ее уловка хорошо себя оправдала. «Надеюсь, у тебя сильная жажда, Джейме. Надеюсь, у тебя как следует пересохло в горле». — Мне хотелось бы, чтобы ты пошла со мной.

– Приказывайте, миледи.

– Хорошо. – Кейтилин

порывисто поднялась с места. –
Останься и доешь свой ужин. Я
пришлю за тобой позже, в полночь.

– Так поздно, миледи?

– В темницах нет окон и все
часы похожи один на другой, а для
меня теперь всякий час – полночь. –
Шаги выходящей из зала Кейтилин
гулко отдались в тишине. Она
поднялась в горницу лорда Хостера,
слыша, как люд снаружи кричит:
«Талли!» и «За нашего храброго
молодого лорда!» «Мой отец еще
жив, – хотелось крикнуть ей. –
Сыновья мои умерли, но отец еще
жив, будьте вы все прокляты, и он все

еще ваш лорд».

Лорд Хостер крепко спал.

— Недавно он выпил чашу сонного вина, миледи, чтобы облегчить боль, — сказал мейстер Виман. — Он не услышит вас.

— Ничего. — «Он наполовину мертв, но все-таки жив — а моих милых сыновей больше нет».

— Миледи, не могу ли я помочь вам? Не дать ли и вам сонного зелья?

— Спасибо, мейстер, не надо. Я не хочу усыплять свое горе — Бран и Рикон заслуживают лучшего. Ступайте на праздник, я посижу с отцом.

— Как прикажете, миледи. — Виман поклонился и вышел.

Лорд Хостер лежал на спине с открытым ртом, дыша чуть слышно. Одна рука свесилась с кровати – бледная, почти бесплотная, но теплая. Кейтилин переплела его пальцы со своими. «Как бы крепко я ни держала, долго мне его не удержать», – с грустью подумала она. Уж лучше отпустить... Но ее пальцы не хотели разжиматься.

– Мне не с кем больше поговорить, отец. Я молюсь, но боги мне не отвечают. – Она поцеловала его руку, где голубые вены ветвились, как реки, под бледной прозрачной кожей. Там, снаружи, тоже текут реки, Камнегонка и Красный Зубец, которые будут течь вечно в отличие

от этих, чье течение остановится слишком скоро. — Ночью мне приснилось, как мы с Лизой заблудились, возвращаясь верхом из Сигарда. Помнишь? Откуда ни возьмись пал туман, и мы отстали от других. Все стало серым, и я не видела ничего дальше носа моей лошади. Мы сбились с дороги, и ветви деревьев хватали нас, как длинные костлявые руки. Лиза расплакалась, а я стала кричать, но туман поглощал все звуки. Только Питер догадался, где мы, — он вернулся назад и нашел нас... А вот теперь меня никто не найдет. Я должна сама искать дорогу, а это тяжело, ох как тяжело. Мне все время

вспоминается девиз Старков. Для меня зима уже настала, отец. Роббу теперь, кроме Ланнистеров, придется сражаться с Грейджоями — и чего ради? Ради золотой шапки и железного стула? Довольно крови пролито. Я хочу вернуть своих девочек, хочу, чтобы Робб отложил меч и взял в жены какую-нибудь дочку Уолдера Фрея, которая сделает его счастливым и родит ему сыновей. Хочу, чтобы Бран и Рикон были живы, хочу... — Кейтилин поникла головой. — Хочу, — произнесла она еще раз и умолкла.

Через некоторое время свеча догорела и погасла. Лунный свет, проникая сквозь ставни, расчертил

бледными полосами лицо отца. Она слышала его тихое трудное дыхание, и неумолчный плеск вод, и отзвуки любовной песни со двора, сладкие и печальные. «Была моя любовь прекрасна, словно осень, — пел Раймунд, — и локоны ее — как золото листвы».

Кейтилин не заметила, когда умолкло пение. Часы промелькнули для нее как одно мгновение, и Бриенна, появившись в дверях, тихо оповестила:

— Уже полночь, миледи.

«Уже полночь, отец, и я должна исполнить свой долг». Кейтилин отпустила его руку.

Тюремщик, суетливый

красноносый человек, сидел за кружкой эля и остатками голубиноного пирога в порядочном подпитии. Увидев их, он подозрительно прищурился.

— Прошу прощения, миледи, но лорд Эдмар не велел никого пускать к Цареубийце без его письменного приказа с печатью.

— Лорд Эдмар? Выходит, мой отец умер, а мне забыли сказать?

— Да вроде нет, миледи, — облизнул губы тюремщик.

— Открой темницу — а нет, так пойдем со мной к лорду Хостеру, и объяснишь ему сам, как посмел мне перечить.

— Как прикажете, миледи. —

Тюремщик потупил взор. Бормоча что-то, он порылся в связке, висевшей на его кожаном с заклепками поясе, и отыскал ключ от двери Цареубийцы.

— Пей свой эль и оставь нас, — приказала Кейтилин. На крюке под низким потолком висела масляная лампа. Кейтилин сняла ее и прибавила огня. — Бриенна, позаботься, чтобы меня не беспокоили.

Бриенна кивнула и стала у самой двери в темницу, опустив руку на рукоять меча.

— Зовите, если я вам понадоблюсь, миледи.

Кейтилин, отворив тяжелую,

окованную железом дверь, ступила в смрадную тьму. Это было подбрюшье Риверрана, и пахло здесь соответственно. Под ногами хрустела старая солома, на стенах проступила селитра. Сквозь камень слышался слабый плеск Камнегонки. При свете лампы Кейтилин разглядела кадку с нечистотами в одном углу и скрюченную фигуру в другом. Винный штоф стоял за дверью нетронутый. Вот тебе и схитрила. Хорошо еще, что тюремщик сам все не выпил.

Джейме прикрыл руками лицо, звякнув цепями.

— Леди Старк, — произнес он хрипло. — Боюсь, я не в том виде,

чтобы принимать дам.

— Посмотрите на меня, сир.

— Свет режет мне глаза.

Повремените немного. — Джейме Ланнистеру не давали бритвы с той ночи, как взяли его в Шепчущем Лесу, и он оброс косматой бородой, утратив сходство с королевой. Эта поросль, отливающая золотом при свете, делала его похожим на большого зверя, великолепного даже в цепях. Немытые волосы космами падали ему на плечи, одежда сопрела и превратилась в лохмотья, лицо побледнело и осунулось, но сила и красота этого человека до сих пор останавливала взгляд.

— Я вижу, присланное мной вино

не пришлось вам по вкусу.

— Столь внезапная щедрость показалась мне подозрительной.

— Я могу отрубить вам голову, когда захочу. К чему мне травить вас?

— Смерть от яда можно представить как естественную — а вот притвориться, что моя голова сама собой свалилась с плеч, будет потруднее. — Он поднял на нее прищуренные зеленые кошачьи глаза, медленно привыкающие к свету. — Я предложил бы вам сесть, но ваш брат не позаботился снабдить меня стулом.

— Я вполне в состоянии постоять.

— Так ли? Вид у вас, должен

заметить, ужасный, хотя, возможно, дело в освещении. — Он был скован по рукам и ногам так, что не мог ни встать, ни лечь поудобнее. Ножные кандалы крепились к стене. — Мои браслеты достаточно тяжелы для вас, или вы пришли, чтобы сделать их поувесистее? Я могу побренчать ими, если желаете.

— Вы сами навлекли это на себя. Мы поместили вас в башне в соответствии с вашим родом и положением, вы же отплатили нам тем, что попытались бежать.

— Тюрьма есть тюрьма. У нас под Бобровым Утесом есть такие, рядом с которыми эта покажется солнечным садом. Когда-нибудь я

надеюсь показать их вам.

«Если он и боится, то хорошо это скрывает», – подумала она.

– Человеку, скованному по рукам и ногам, следует выражаться более учтиво, сир. Я пришла не затем, чтобы выслушивать угрозы.

– Вот как? Зачем же тогда – чтобы поразвлечься немного? Вдовам, говорят, надоедает пустая постель. Мы в Королевской Гвардии приносим обет безбрачия, но я мог бы оказать вам услугу, если вы этого хотите. Налейте нам вина, снимите ваше платье, и посмотрим, гожусь ли я еще на что-нибудь.

Кейтилин посмотрела на него с отвращением. Обитала ли когда-

нибудь столь порочная душа в столь красивом теле?

— Если бы вы сказали это при моем сыне, он убил бы вас.

— Разве что скованного. — Джейме погромел цепями. — Мы оба знаем, что ваш мальчик боится сойтись со мной в поединке.

— Пусть мой сын молод, но если вы принимаете его за глупца, то горько заблуждаетесь... и вы не очень-то спешили послать ему вызов, когда стояли во главе войска.

— Старые Короли Зимы тоже прятались за материнскими юбками?

— Довольно, сир. Я пришла кое-что узнать.

— С какой стати я должен

отвечать вам?

— Чтобы спасти свою жизнь.

— Вы думаете, я боюсь смерти? —

Эта мысль как будто позабавила его.

— А следовало бы. За ваши преступления вам уготовано место в самой глубокой из семи преисподних, если боги хоть сколько-нибудь справедливы.

— О каких богах вы говорите, леди Кейтилин? О деревьях, которым молился ваш муж? Хорошо же они послужили ему, когда моя сестра сняла с него голову! Если боги есть, почему тогда в мире столько страданий и несправедливости?

— Из-за таких, как вы.

— Таких, как я, больше нет. Я

один в своем роде.

«В нем нет ничего, кроме надменности, гордыни и пустой отваги безумца. Я попусту трачу с ним время. Если и была в нем искра чести, она давно умерла».

— Ну что ж, не хотите со мной говорить — не надо. Можете выпить это вино или помочиться в него — мне дела нет.

Она уже взялась за дверь, но Джейме окликнул ее:

— Леди Старк. — Она обернулась. — В этой сырости все ржавеет, даже правила хорошего тона. Оставайтесь, и я отвечу вам... но не даром.

Стыда у него нет.

— Узники не назначают цену.

— Мою вы найдете достаточно скромной. Ваш ключарь все время потчует меня ложью, притом неумелой. То он говорит, что с Серсеи содрали кожу, то такой же участи подвергается мой отец. Ответьте на мои вопросы, и я отвечу на ваши.

— Правдиво ответите?

— Так вам нужна правда? Осторожней, миледи. По словам Тириона, люди всегда требуют правды, но она редко приходится им по вкусу.

— У меня достанет сил выслушать все, что вы скажете.

— Что ж, как угодно. Но сначала, будьте добры... вина. У меня в горле

совсем пересохло.

Кейтилин повесила лампу на дверь и пододвинула ему штоф и чашу. Джейме прополоскал вином рот, прежде чем проглотить.

— Кислятина — ну ничего, сойдет.
— Он привалился спиной к стене, подтянув колени в груди. — Я слушаю вас, леди Кейтилин.

Не зная, сколько будет продолжаться эта игра, она не стала терять времени.

— Джоффри — ваш сын?

— Вы не стали бы спрашивать, если бы уже не знали ответа.

— Я хочу услышать его из ваших собственных уст.

— Да, Джоффри мой, — пожал

плечами Джейме. — Как и весь прочий выводок Серсеи, полагаю.

— Вы сознаетесь в том, что были любовником своей сестры?

— Я ее всегда любил, а вы теперь должны мне два ответа. Мои родственники живы?

— Сир Стаффорд Ланнистер убит при Окскроссе, как мне сказали.

— А-а, дядюшка Олух — так сестра его называла. Я спрашивал о Серсее и Тирионе — и моем лорде-отце.

— Все трое живы. — (Но им недолго осталось, если будет на то воля богов.)

Джейме выпил еще вина.

— Спрашивайте дальше.

Осмелится ли он ответить на ее следующий вопрос, не солгав при этом?

— Как вышло, что мой сын Бран упал?

— Я выбросил его из окна.

Легкость этих слов на миг отняла у нее дар речи. «Будь у меня нож, я убила бы его на месте», — подумала она, но вспомнила о девочках и сдавленно выговорила:

— А ведь вы рыцарь, поклявшийся защищать слабых и невинных.

— Ваш мальчуган был слаб, спору нет, но не столь уж невинен. Он шпионил за нами.

— Бран никогда бы не стал этого

делать.

— Что ж, вините своих драгоценных богов за то, что они привели мальчика к нашему окошку и показали ему то, что ему видеть не полагалось.

— Богов?! Да ведь это вы швырнули его вниз. Вы хотели, чтобы он умер.

— Не для того же я бросил его с башни, чтобы он стал здоровее. Конечно, я хотел, чтобы он умер.

— А когда этого не случилось, вы поняли, что ваше положение стало еще хуже прежнего, и дали вашему наймиту мешок серебра, чтобы Бран никогда уж больше не встал.

— Вот как? — Джейме надолго

припал к чаше. — Не скрою, мы говорили об этом, но вы находились при мальчике день и ночь, ваш мейстер и лорд Эддард часто навещали его, его стерегла стража и даже эти проклятые лютоволки... мне пришлось бы прорубать себе путь через половину Винтерфелла. Да и к чему было трудиться, если мальчик все равно умирал?

— Если вы лжете мне, считайте нашу беседу законченной. — Кейтилин показала ему свои ладони. — Эти шрамы оставил на мне человек, пришедший перерезать Брану горло. Вы клянетесь, что не посылали его?

— Клянусь честью Ланнистера.

– Ваша честь Ланнистера стоит меньше, чем это. – Кейтилин пнула зловонную кадку, и оттуда пролилась бурая жижа, впитываясь в солому.

Джейме попятился, насколько ему позволила цепь.

– Отрицать не стану, но я никого еще не нанимал убивать за меня. Думайте что хотите, леди Старк, но если бы я хотел прикончить вашего Брана, то убил бы его сам.

Боги милостивые, а ведь он правду говорит.

– Если не вы послали убийцу, значит, это сделала ваша сестра.

– Я бы знал. У Серсеи от меня нет секретов.

– Тогда Бес.

– Тирион еще более невинен, чем ваш Бран, – уж он-то никому не подглядывал в окна.

– Почему тогда убийца был вооружен его кинжалом?

– Что это за кинжал?

– Вот такой длины, – показала она, – простой, но изящно сделанный, с клинком из валирийской стали и рукояткой драконьей кости. Ваш брат выиграл его у лорда Бейлиша на турнире в день именин принца Джоффри.

Джейме налил себе, выпил и налил снова.

– Если выпить этого вина побольше, его вкус улучшается. Вы знаете, я припоминаю этот кинжал.

Так Тирион выиграл его, вы говорите? Каким образом?

— Поставив на вас, когда вы вышли против Рыцаря Цветов, — сказала Кейтилин и тут же поняла, что ошиблась. — Или наоборот?

— Тирион на турнирах всегда ставил на меня, но в тот день сир Лорас выбил меня из седла. Я недооценил этого мальчика, но суть не в этом. Мой брат проиграл, но тот кинжал, как мне помнится, действительно сменил владельца. Роберт показал мне его в тот же вечер на пиру. Его величество любил сыпать соль на мои раны, особенно подвыпив, — а когда он бывал трезв?

Тирион сказал ей почти то же

самое, когда они ехали через Лунные горы, а она ему не поверила. Петир клялся ей в другом – Петир, который был ей почти братом и любил ее так, что дрался на поединке за ее руку. Но рассказ Джейме не расходится с рассказом Тириона, а между тем они не виделись с тех пор, как уехали из Винтерфелла больше года назад.

– Вы хотите меня обмануть? – Где-то здесь должна быть западня, иначе быть не может.

– Я ведь признался, что выкинул вашего драгоценного отпрыска за окно, – с чего бы я стал лгать насчет ножа? – Он осушил еще одну чашу вина. – Думайте что хотите – я давно уже не забочусь о том, что обо мне

говорят. Теперь моя очередь. Братья Роберта вступили в войну?

– Да.

– Это слишком кратко.

Расскажите подробнее, иначе в следующий раз получите столь же скупой ответ.

– Станнис идет на Королевскую Гавань, – неохотно молвила она. – Ренли убит своим братом у Горького Моста с помощью какой-то черной магии.

– Жаль. Ренли мне скорее нравился, а вот Станнис – иное дело. Чью сторону приняли Тиреллы?

– Сперва Ренли, теперь не знаю.

– Ваш паренек, должно быть, чувствует себя одиноким.

— Роббу на днях исполнилось шестнадцать... он взрослый мужчина и король. Он выигрывает все свои сражения. Согласно последнему известию от него, он отбил у Вестерлингов Крэг.

— Но с моим отцом он еще не встречался, верно?

— Когда они встретятся, он и его побьет, как побил вас.

— Меня он застиг врасплох с помощью трусливой уловки.

— Не вам бы говорить об уловках. Ваш брат Тирион прислал сюда головорезов, переряженных посланниками, под мирным знаменем.

— Если бы здесь сидел один из

ваших сыновей, разве его братья не сделали бы для него то же самое?

«У моего сына больше нет братьев», – подумала она, но не стала делиться своей болью с таким человеком.

Джейме выпил еще вина.

– Что такое жизнь брата, когда речь идет о чести, скажете вы? Но у Тириона хватает ума понять, что ваш сын ни на какой выкуп не согласится.

Этого Кейтилин не могла отрицать.

– Знаменосцы Робба скорее увидят вас мертвым, особенно Рикард Карстарк. Вы убили в Шепчущем Лесу двух его сыновей.

– Это которые с белыми

солнцами? – Джейме пожал плечами. – По правде сказать, я хотел убить вашего сына – эти просто подвернулись мне под руку. Я убил их в честном бою, и любой рыцарь на моем месте сделал бы то же самое.

– Как вы можете считать себя рыцарем, нарушив все данные вами обеты?

Джейме снова потянулся за штофом.

– Их так много, этих обетов... язык устанет клясться. Защищать короля. Повиноваться королю. Хранить его тайны. Исполнять его приказания. Отдать за него жизнь. Повиноваться своему отцу, помимо этого. Любить свою сестру.

Защищать невинных. Защищать слабых. Уважать богов. Подчиняться законам. Это уж чересчур – что бы ты ни сделал, какой-нибудь обет да нарушишь. – Он хлебнул вина и на миг закрыл глаза, прислонившись головой к пятну селитры на стене. – Я был самым младшим из тех, кто когда-либо носил белый плащ.

– И самым младшим, предавшим все, что стоит за ним, Цареубийца.

– Цареубийца, – медленно повторил он. – Такого царя убил, шутка сказать! – Джейме наполнил чашу. – За Эйериса Таргариена, второго этого имени, правителя Семи Королевств и Хранителя Государства. И за меч, раскроивший ему горло.

Золотой меч, заметьте. Ставший красным от его крови. Цвета Ланнистеров – красное с золотом.

Он засмеялся, и она поняла, что вино сделало свое дело. Джейме выпил больше половины штофа и опьянел.

– Только такой, как вы, способен гордиться подобным деянием.

– Я уже говорил вам: таких, как я, больше нет. Ответьте мне вот на что, леди Старк: ваш Нед не рассказывал вам, как умер его отец? Или брат?

– Брандона удушили на глазах у отца, а затем убили и лорда Рикарда.

– Мрачная история, и ей уже шестнадцать лет. Почему Джейме

вдруг вспомнил об этом?

– Верно, убили – но как?

– Веревкой или топором, полагаю.

Джейме выпил еще и вытер рот.

– Нед, несомненно, щадил чувства своей милой, юной, хотя и не совсем невинной невесты. Вы хотели знать правду – так спросите меня. Мы заключили сделку, и я не вправе вам отказать. Спрашивайте.

– Мертвые от этого не воскреснут.

– Брандон был не такой, как его брат, верно? У него в жилах текла кровь, а не холодная вода. Он скорее походил на меня.

– Брандон ни в чем на вас не

походил.

— Вам виднее — ведь вы с ним собирались пожениться.

— Он как раз ехал в Риверран, когда... — Странно, как сжалось ее горло при этих словах — после стольких лет. — ...когда услышал о Лианне и повернул в Королевскую Гавань. Он сделал это, не подумав. — Ей вспомнилось, как бушевал ее отец, узнав об этом в Риверране, и обзывал Брандона рыцарственным дуралеем.

Джейме вылил остаток штофа в чашу.

— Он явился в Красный Замок вместе с несколькими спутниками и стал громко требовать, чтобы принц

Рейегар вышел к нему. Но Рейегара не было в замке, а Эйерис послал стражу и арестовал их всех за покушение на убийство его сына. Все остальные, насколько я помню, тоже были сыновьями лордов.

— Этан Гловер был оруженосцем Брандона. Он единственный остался в живых. Остальные были Джеффори Маллистер, Кайл Ройс и Элберт Аррен, племянник и наследник Джона Аррена. — Странно, что она все еще помнила их имена. — Эйерис обвинил их в измене и вызвал их отцов ко двору держать ответ за сыновей. Когда же они прибыли, он убил без суда и сыновей, и отцов.

— Нет, суд состоялся — в своем

роде. Лорд Рикард просил поединка, и король удовлетворил его просьбу. Старк оделся в доспехи, как для боя, думая, что будет сражаться с одним из королевских гвардейцев — возможно, со мной. Вместо этого его привели в тронный зал, подвесили к стропилам, и двое пиромантов Эйериса развели под ним огонь. Король сказал ему, что огонь выступает как боец от дома Таргариенов. Поэтому лорду Рикарду, чтобы доказать свою невиновность в измене, оставалось одно... не сгореть.

Когда огонь разгорелся, привели Брандона. Руки ему сковали за спиной, а шею обвязали мокрым

кожаным шнуром, прикрепив его к приспособлению, привезенному королем из Тироша. Однако ноги ему оставили свободными и за самым пределом его досягаемости положили длинный меч.

Пироманты поджаривали лорда Рикарда медленно, то убавляя, то раздувая огонь, чтобы тот давал хороший ровный жар. Сначала на лорде вспыхнул плащ, потом камзол, и он остался в одних доспехах. Эйерис пообещал, что скоро он испечется... если только сын его не освободит. Брандон пытался, но чем сильнее он боролся, тем туже затягивалась веревка вокруг его горла, и в конце концов он удавил

сам себя.

Что до лорда Рикарда, его доспехи раскалились докрасна, и расплавленное золото со шпор стало капать в огонь. Я стоял у подножия Железного Трона в своей белой броне и белом плаще, стараясь думать о Серсее. После сам Герольд Хайтауэр отвел меня в сторону и сказал: «Ты давал обет защищать короля, а не судить его». Таков был Белый Бык, верный до конца, хороший человек, не то что я.

— Эйерис... — Кейтилин чувствовала вкус желчи во рту. Столь жуткую историю, пожалуй, нельзя было выдумать. — Эйерис был безумен, вся страна это знала, но не

пытайтесь уверить меня, что вы убили его, мстя за Брандона Старка.

— А я и не пытаюсь. Просто нахожу странным, что один человек любит меня за добро, которого я никогда не совершал, и столь многие ненавидят за лучший в моей жизни поступок. На коронации Роберта меня заставили преклонить колени перед королем вместе с великим мастером Пицелем и Варисом-евнухом, дабы государь простил нам наши прегрешения, прежде чем взять к себе на службу. А ваш Нед? Ему следовало бы поцеловать руку, убившую Эйериса, он же предпочел облить презрением зад, севший на трон Роберта. Мне сдается, Нед

Старк любил Роберта больше, чем своего отца и брата... даже чем вас, миледи. Роберту-то он никогда не изменял! – Джейме залился пьяным смехом. – Полно, леди Старк, – разве все это не кажется вам забавным?

– Ничего забавного в тебе я не вижу, Цареубийца.

– Опять эта кличка. Пожалуй, я все-таки не стану с вами спать. Первым у вас был Мизинец, не так ли? Никогда не ем из чужой миски. Притом вы и в подметки не годитесь моей сестре. – Он уже не улыбался. – Я не спал ни с одной женщиной, кроме Серсеи, значит, я по-своему вернее вашего Неда. Бедный старина Нед. Так чья же честь в итоге не

стоит кадки с дерьмом? Как бишь зовут его бастарда?

Кейтилин отступила на шаг.

— Бриенна!

— Нет, не так. — Джейме перевернул штоф кверху дном, и кровавая струйка побежала по его лицу. — Сноу — вот как его звать. Какое белое имя... ни дать ни взять те плащи, которые давали в Королевской Гвардии после произнесения наших прекрасных обетов.

Бриенна, толкнув дверь, вошла в темницу.

— Вы звали, миледи?

— Дай мне свой меч, — протянув руку, сказала Кейтилин.

Теон

Лес под ненастным небом стоял мертвый, застывший. Корни цепляли бегущего Теона за ноги, голые ветви хлестали по лицу, оставляя кровавые следы. Но он продолжал ломиться вперед, задыхаясь, стряхивая лед с веток. «Сжальтесь, – рыдал он». Сзади неся вой, от которого кровь стыла в жилах. «Сжальтесь, сжальтесь». Оглядываясь, он видел, что они приближаются – волки величиной с лошадь, но с детскими головами. «О, сжальтесь, сжальтесь». Из их пастей капала кровь, черная, как смола, прожигая дыры в снегу.

Каждый шаг приближал их к нему. Теон пытался бежать быстрее, но ноги не слушались его. У всех деревьев были лица, и они смеялись над ним, а волки все выли. Он уже чувствовал горячее дыхание зверей, отдающее серой и гнилью. «Но они же мертвы, мертвы, — хотелось крикнуть ему, — я видел, как их убили, как их головы обмакнули в смолу...» — но изо рта вырывался только бессловесный стон. Затем что-то коснулось его, и он обернулся с криком...

Он схватился за кинжал, который держал у кровати, но только сбил его на пол. Векс отскочил прочь. За ним стоял Вонючка со свечой в

руке.

– В чем дело? – крикнул Теон. – Чего тебе надо? – (Сжальтесь.) – Зачем ты явился ко мне в спальню?

– Милорд принц, ваша сестра приехала. Вы просили тотчас же уведомить вас об этом.

– Наконец-то, – буркнул Теон, расчесывая пятерней волосы. Он уж начал бояться, что Аша бросила его на произвол судьбы. «Сжальтесь». Он посмотрел в окно, где первый проблеск рассвета обрисовал башни Винтерфелла. – Где она?

– Лоррен проводил ее с людьми в Великий Чертог, где им подали завтрак. Пойдете к ней прямо сейчас?

– Да. – Теон откинул одеяло. Огонь в очаге прогорел до углей. – Подай горячей воды, Векс. – Нельзя показываться Аше потным и растрепанным. О, эти волки с детскими лицами... Он содрогнулся. – И закрой ставни. – В спальне было холодно, как в лесу из его сна.

Последнее время ему всегда снятся холодные сны, один страшнее другого. Прошлой ночью он снова оказался на мельнице – он стоял на коленях, обряжая мертвых. Их члены уже коченели и как будто сопротивлялись его озябшим пальцам, пока он надевал бриджи, завязывал узлы и натягивал меховые сапоги на твердые негнущиеся ноги

и застегивал кожаный пояс на тельце, которое мог бы охватить ладонями. «Я не хотел этого, — говорил он им, занимаясь всем этим. — Они не оставили мне выбора!» Мертвые не отвечали ему, только холодели и становились все тяжелее.

А позавчерашней ночью ему приснилась мельничиха. Теон забыл ее имя, но помнил ее мягкие, как подушки, груди, следы от родов на животе и то, как она вонзала ногти ему в спину во время любви. Во сне он снова спал с ней, но теперь у нее и внизу были зубы — верхними она перегрызла ему горло, а нижними вцепилась в его мужское естество. Безумие какое-то — ведь она тоже

умерла. Гелмарр свалил ее одним ударом топора, когда она молила Теона о милосердии. «Оставь меня, женщина. Он убил тебя, а не я». Гелмарр теперь тоже мертв, но он по крайней мере не является Теону во сне.

Когда Векс принес воду, сон уже немного отступил. Теон смыл его с себя вместе с потом, а после не спеша оделся. Аша долго заставила себя ждать — теперь его очередь. Он выбрал атласный камзол в черную и золотую полосу, кафтан тонкой кожи с серебряными заклепками... и только тогда вспомнил, что его злосчастная сестра больше ценит оружие, чем наряды. Выругавшись,

он оделся заново — в черную шесть и кольчугу. Опоясавшись мечом и кинжалом, он вспомнил, как она унизила его за отцовским столом. «Твое милое дитяtko? Ладно, у меня тоже есть нож, и я умею с ним обращаться».

Напоследок он надел корону — холодный железный обруч не толще пальца с необработанными черными алмазами и золотыми самородками. Убор получился корявый, но тут уж ничего не поделаешь. Миккен лежит в могиле, а его преемник одни только гвозди да подковы умеет делать. Теон утешался тем, что это корона принца, — став королем, он раздобудет что-нибудь поизящнее.

Вонючка ждал его за дверью с Урценом и Кроммом. Теон теперь всюду ходил с охраной, даже в отхожее место. Винтерфелл хотел его смерти. В ту самую ночь, когда они вернулись с Желудевой, Гелмарр Угрюмый свалился с какой-то лестницы и сломал себе хребет. Аггара на следующий день нашли с перерезанным горлом. Гинир Красноносый сделался таким подозрительным, что отказывался от вина, спал в панцире и шлеме и взял с псарни самую брехливую собаку, чтобы та предупреждала его о каждом, кто приблизится к нему ночью. Однажды утром весь замок проснулся от лая этой собаки — она

носилаь вокруг колодца, в котором плавал труп Красноносого.

Теон не мог оставить все это безнаказанным. Фарлен мог быть виновным не меньше, чем всякий другой, поэтому Теон назначил суд, обвинил псаря в убийствах и осудил его на смерть. Но Фарлен и тут ему подгадил — уже стоя на коленях у плахи, он сказал: «Милорд Эддард всегда сам приводил приговор в исполнение». Пришлось Теону взяться за топор, чтобы не показаться слабым. Руки у него вспотели, топорище скользило в них, и первый удар пришелся Фарлену между плеч. Понадобилось еще три, чтобы отделить голову от туловища, а после

Теона стошнило. Он хорошо помнил, как они с Фарленом сиживали за чашей меда, толкуя об охоте и гончих. «У меня не было выбора, — хотел бы он крикнуть обезглавленному трупу. — Железные Люди не умеют хранить секретов — их надо было убрать и свалить на кого-то вину». Жаль только, что он не сумел убить Фарлена быстро. Нед Старк всегда обезглавливал человека с одного удара.

После казни Фарлена убийства прекратились, но люди Теона все равно ходили угрюмые и озабоченные. «В бою они врага не боятся, — сказал Черный Лоррен. — Иное дело — жить среди врагов, не

зная, поцелует тебя прачка или убьет и что мальчишка льет тебе в чашу — эль или яд. Лучше нам убраться из этого места».

«Я принц Винтерфелла, — крикнул в ответ Теон. — Это моя усадьба, и никто меня отсюда не выживет — ни мужчина, ни женщина!»

Аша. Все из-за нее. Драгоценная сестрица, Иные бы ее лапали. Она хочет его смерти, чтобы стать наследницей отца. Потому-то она и заставляла его томиться здесь, несмотря на все призывы, которые он слал ей.

Она сидела на высоком месте Старков, разрывая руками каплуна. В

зале стоял гул — ее спутники обменивались новостями с людьми Теона, и его появления почти никто не заметил.

— А где остальные? — спросил он Вонючку. За столами сидели не более полусотни человек, в основном из его отряда, — Великий Чертог Винтерфелла мог вместить в десять раз больше.

— Тут все, милорд принц.

— Как все? Сколько же человек она с собой привела?

— Я насчитал двадцать.

Теон устремился к сестре. Она смеялась шутке кого-то из своих, но умолкла, увидев его.

— Ба, никак сам принц

Винтерфеллский. — Она бросила каплуною кость одной из собак, шнырявших по залу, и ее большой рот под ястребиным носом насмешливо искривился. — А может, Принц Дураков?

— Зависть девице не к лицу.

Аша слизнула жир с пальцев. Черная прядь упала ей на глаза. Ее люди орали, требуя хлеба и ветчины, и производили великий шум, несмотря на свое малое число.

— Зависть, говоришь?

— А как же иначе? Я взял Винтерфелл за одну ночь, с тридцатью людьми. Тебе, чтобы взять Темнолесье, понадобилась целая луна и тысяча человек.

– Ну, я ведь не столь великий воин, как ты, братец. – Она выпила полрога эля и вытерла рукой рот. – Я видела головы у тебя над воротами. Скажи, кто из них боролся дольше – калека или младенец?

Кровь бросилась в лицо Теону. Ему от этих голов радости было не больше, чем от обезглавленных тел, выставленных перед замком. Старая Нэн стояла, жуя беззубым ртом, а Фарлен бросился на Теона, рыча, словно один из его псов. Урцену и Кадвилу пришлось избить его копьями до бесчувствия. «Как же я дошел до этого?» – думал Теон тогда, стоя над телами, на которых кишели мухи.

Только у мастера Лювина хватило духа подойти к нему. Маленький серый мастер с каменным лицом попросил позволения пришить головы мальчиков на место и похоронить их в крипте вместе с другими Старками.

«Нет, – сказал Теон. – Только не в крипте». «Но почему, милорд? Теперь-то вам их нечего опасаться. Все Старки лежат там...» «Я сказал – нет». Головы Теон выставил на стене, а тела в их богатой одежде сжег в тот же день. После он нашел среди пепла и костей крохотный слиток серебра и треснувший янтарь – все, что осталось от Брановой пряжки в виде волчьей головы. Теон и теперь носил

ее с собой.

— Я поступил с Браном и Риконом великодушно, — сказал он сестре. — Они сами навлекли на себя эту участь.

— Как и все мы, братец.

Его терпение истощилось.

— Как я, по-твоему, удержу Винтерфелл, если ты привела мне всего двадцать человек?

— Десять. Остальные вернутся со мной назад. Ведь не допустишь же ты, чтобы твоя любимая сестра ехала через темный лес без охраны? Там лютоволки рыщут. — Аша поднялась со своего каменного сиденья. — Пойдем куда-нибудь, где мы сможем поговорить наедине.

Это было резонно, но его взбесило, что это предложила Аша, а не он. «Не надо было приходить в чертог, — с запозданием подумал он. — Надо было вызвать ее к себе».

Теперь ему не оставалось ничего иного, как проводить ее в горницу Неда Старка. Усевшись перед угасшим очагом, он выпалил:

— Дагмер проиграл бой при Торрхеновом Уделе...

— Да, старый кастелян проломил его стену из щитов, — спокойно сказала Аша. — А ты чего ждал? Сир Родрик знает этот край в отличие от Дагмера, и у него большая конница — нашим островитянам недостает дисциплины, чтобы выдержать атаку

одетой в броню кавалерии. Дагмер жив и ушел с уцелевшими обратно на Каменный Берег – скажи спасибо и за это.

«Она знает больше, чем я», – подумал Теон, и это еще сильнее рассердило его.

– Победа придала Леобальду Толхарту смелости – он вышел из-за своих стен и примкнул к сиру Родрику. Мне доносят, что лорд Мандерли послал вверх по реке дюжину барок, набитых рыцарями, конями и осадными машинами. Амберы за Последней рекой собирают свое войско. Еще до исхода луны у моих ворот окажется целая армия, а ты приводишь мне десять

человек?!

— Могла бы и вовсе ничего не приводить.

— Я тебе приказывал...

— Отец приказал мне взять Темнолесье, — огрызнулась она. — Он не упоминал, что я должна спасти своего младшего братца.

— Да провались оно, твое Темнолесье. Подумаешь, ночной горшок на буфе. Винтерфелл — это сердце всего края, но как я удержу его, не имея гарнизона?

— Надо было думать об этом до того, как его брать. О, ты проделал это ловко, отдаю тебе должное. Если бы у тебя еще хватило ума сравнить замок с землей и увезти маленьких

принцев заложниками в Пайк, ты мог бы выиграть войну одним ударом.

– Тебе бы очень хотелось, чтобы мой трофей превратился в груды руин, правда?

– Этот твой трофей тебя погубит. Кракены живут в море, Теон, – или ты забыл это за годы, проведенные среди волков? Наша сила – это наши ладьи. Мой «ночной горшок» находится достаточно близко к морю, чтобы я могла получить припасы и свежих людей, когда понадобится. А вот Винтерфелл стоит в сотнях лиг от моря, окруженный лесами, холмами, враждебными нам замками и острогами. Каждый человек на

тысячу лиг окрест теперь твой враг, можешь не сомневаться. Ты позаботился об этом, водрузив головы принцев у себя над воротами. Ну можно ли быть таким дураком? Это же дети...

— Они бросили мне вызов! — крикнул он ей в лицо. — Кровь за кровь — два сына Эддарда Старка за Родрика и Марона. — Эти слова вырвались у него неожиданно, но Теон сразу понял, что отец одобрит его. — Теперь души моих братьев могут успокоиться.

— Наших братьев, — напомнила Аша с полуулыбкой, доказывающей, что своими разговорами о мести он ее не провел. — Ты захватил их души с

собой из Пайка? Да и там они, по-моему, беспокоили только отца.

— Разве женщина когда-нибудь могла понять, что значит месть для мужчины? — Даже если отец не оценит по достоинству взятие Винтерфелла, он просто обязан одобрить то, что Теон отомстил за братьев!

— А ты не подумал о том, что сир Родрик тоже мужчина и хорошо понимает, что это такое? — фыркнула она. — В нас течет одна кровь, Теон, каков ты ни есть. Ради матери, родившей нас обоих, я говорю: вернись со мной в Темнолесье. Предай Винтерфелл огню и отступи, пока еще возможно.

– Нет. – Теон поправил свою корону. – Я взял этот замок и намерен его удержать.

Сестра посмотрела на него долгим взглядом.

– Ну что ж, держи – держи до конца дней своих. По мне, это чистое безумие, – вздохнула она, – но что может робкая дева понимать в таких делах? – У самой двери она послала ему свою последнюю насмешливую улыбку. – Знаешь, я еще в жизни не видывала такой безобразной короны. Ты сам ее сделал?

Оставив его кипящим от злости, она задержалась в замке ровно настолько, чтобы накормить и напоить лошадей. Половина ее

людей, как она и сказала, выехала вместе с ней через те самые Охотничьи ворота, которыми воспользовались при побеге Бран и Рикон.

Теон смотрел им вслед со стены. Сестра скрылась в туманах Волчьего Леса, и он невольно подумал, что зря не послушался ее и не уехал вместе с ней.

– Что, не захотела остаться? – спросил Вонючка.

Теон не слышал, как он подошел, и не учуял его запаха. Не было человека, которого он меньше желал бы видеть. Его тревожило, что Вонючка расхаживает живой, зная то, что знает. Надо было убить и его,

когда он покончил со всеми остальными. Вот только... Вонючка, как ни странно, умел читать и писать — с него станется оставить в каком-нибудь тайнике отчет о происшедшем.

— Вы уж простите, милорд принц, да только не следовало ей бросать вас. Десять человек — это очень мало.

— Без тебя знаю. — И Аша, конечно, это тоже сознает.

— Мне думается, я мог бы помочь вам. Дайте мне коня и мешок с монетой — и я наберу вам подходящих ребят.

— Сколько? — прищурился Теон.

— Сотню, скажем, или две — а

может, и больше. — Он улыбнулся с огоньком в бледных глазах. — Я родился к северу отсюда и знаю многих, и Вонючку тоже многие знают.

Двести человек — еще не армия, но чтобы удержать такой замок, как Винтерфелл, многие тысячи не нужны. Лишь бы они знали, каким концом держать копье, — остальное не так уж важно.

— Хорошо, поезжай — и ты увидишь, что я умею быть благодарным. Проси у меня что хочешь.

— У меня не было женщины с тех пор, как я служил у лорда Рамси, милорд. Я положил глаз на Паллу —

говорят, ею уже попользовались, так что...

Теон зашел с ним слишком далеко, чтобы идти на попятный.

— Двести человек — и она твоя. Но если приведешь хоть на одного меньше, будешь по-прежнему довольствоваться свиньями.

Вонючка уехал еще до заката, увозя с собой мешок с серебром Старков и последнюю надежду Теона. «Скорее всего я больше не увижу этого негодяя», — подумалось ему, но он должен был пойти на этот риск.

Ночью ему приснился пир, который задал Нед Старк, когда король Роберт прибыл в Винтерфелл.

Чертог звенел от музыки и смеха, хотя снаружи дули холодные ветры. Вина и жареного мяса было вдоволь – Теон шутил, глазел на прислужниц и веселился, пока не заметил, что в зале стало темнеть. Музыка перестала казаться ему веселой – он стал различать в ней нестройные аккорды и длинные, режущие ухо ноты. Вино стало горьким – Теон поднял глаза от чаши и увидел, что трапезничает с мертвыми.

У короля Роберта кишки вывалились на стол из распоротого живота. Рядом с ним сидел лорд Эддард без головы. На нижних скамьях тоже сидели мертвецы, и серое мясо сползало у них с костей,

когда они поднимали заздравные чаши, а в пустых глазницах кишели черви. Он знал их всех – Джори Касселя и Толстого Тома, Портера, Кейна и Халлена, мастера над конями, и прочих, кто отправился на юг в Королевскую Гавань, чтобы не вернуться оттуда. Миккен и Шейли сидели рядом – с одного текла кровь, с другого вода. Часть стола занимал Бенфред Толхарт со своими Дикими Зайцами. Мельничиха тоже была здесь, и Фарлен – даже тот одичалый, которого Теон убил в Волчьем Лесу, спасая Брана.

Но были здесь и другие, которых он не знал при жизни и видел только их изваяния. Стройная печальная

девушка в короне из бледно-голубых роз и в белом платье, забрызганном кровью, могла быть только Лианной. Рядом с ней стоял ее брат Брандон, позади — их отец лорд Рикард. Вдоль стен маячили еще какие-то фигуры, бледные тени с длинными угрюмыми лицами. При виде их страх полоснул Теона как ножом. Вот растворились высокие двери, пахнуло леденящим холодом, и в зал из ночи ступил Робб. Рядом шел Серый Ветер с горящими глазами, и оба, человек и волк, истекали кровью из множества страшных ран.

Теон проснулся с воплем, напугав Векса так, что мальчуган голый выскочил из комнаты. В

спальню ворвались часовые с мечами наголо, и Теон велел им привести мастера. Когда явился сонный Лювин, вино уже помогло Теону унять дрожь в руках, и он устыдился своей паники.

– Дурной сон, – пробормотал он, – только и всего. Ничего страшного.

– Конечно, – согласился мастер. Он оставил Теону сонный напиток, но тот вылил снадобье в отхожее место, едва мастер ушел. Лювин не только мастер, но и человек, и этот человек Теона не любит. «Хочет, чтобы я уснул, ну да... вечным сном. Ему этого хочется не меньше, чем Аше».

Теон послал за Кирой, подмял ее

под себя и взял с яростью, которой в себе не подозревал. Кира плакала навзрыд – он изукрасил ей шею и грудь синяками и укусами. Теон спихнул ее с кровати и швырнул ей одеяло:

– Убирайся. – Но уснуть все равно не смог.

Как только рассвело, он оделся и вышел прогуляться по внешней стене. Дул свежий осенний ветер – он румянил щеки и жалил глаза. Лес внизу постепенно из серого становился зеленым. Слева над внутренней стеной торчали верхушки башен, позолоченные восходящим солнцем. Среди зелени пламенели красные листья чар-древа. Дерево

Неда Старка – лес Старков, замок Старков, меч Старков, боги Старков. «Это их место, не мое. Я Грейджой из Пайка, рожденный носить кракена на щите и плавать по великому соленому морю. Надо было уехать с Ашей».

Над воротами на своих железных пиках его поджидали головы.

Теон молча смотрел на них, а ветер дергал его за плащ маленькими призрачными руками. Сыновья мельника были примерно одного возраста с Браном и Риконом, походили на них ростом и цветом волос, а когда Вонючка ободрал кожу с их лиц и обмакнул головы в смолу,

всякий мог узнать знакомые черты в
этих бесформенных комках
гниющего мяса. Люди такие олухи.
Скажи им, что это бараньи головы,
они отыскали бы на них рога.

Санса

В септе пели все утро, с тех пор как в замке узнали о показавшихся вдали вражеских парусах. Поющие голоса смешивались с конским ржанием, бряцанием стали и скрипом больших бронзовых ворот. Все это складывалось в странную пугающую музыку. В септе взывают к милосердию Матери, на стенах же молча молятся Воину. Септа Мордейн говорила, что Воин и Мать — лишь два лика одного великого божества. Но если бог один, чьи молитвы он услышит скорее?

Сир Меррин Трант подвел

Джоффри гнедого коня. И конь, и всадник были в золоченой кольчуге и красных эмалевых панцирях, с золотыми львами на головах. Золото и красная эмаль сверкали на бледном солнце. «Блестящий, но пустой», — подумала Санса о Джоффе.

Бес уже сидел на рыжем жеребце. В своей броне, гораздо проще королевской, он казался мальчиком, нарядившимся в отцовские доспехи. Но топор, висящий у него под щитом, был далеко не детский. Рядом с ним ждал сир Мендон Мур, сверкающий, как льдом, своей белой сталью. Увидев Сансу, Тирион повернул коня в ее сторону.

– Леди Санса, сестра, конечно же, пригласила вас вместе с другими высокородными дамами в Мейегор?

– Да, милорд, но король Джоффри послал за мной, чтобы я его проводила. Я хочу еще зайти в септу – помолиться.

– Не стану спрашивать за кого. – Карлик скривил рот – если это была улыбка, то Санса такой еще не видывала. – Этот день может изменить все – как для вас, так и для дома Ланнистеров. Надо было, пожалуй, отправить вас вместе с Томменом. Ну что ж, в Мейегоре вам ничего не грозит, пока...

– Санса! – прозвенел мальчишеский голос – Джоффри

увидел ее. – Поди сюда!

«Подзывает меня, точно собачонку», – подумала она.

– Его величество нуждается в вас, – сказал Тирион. – Поговорим после боя, если боги позволят.

Санса прошла сквозь ряды копейщиков в золотых плащах.

– Битва начнется скоро, – сказал ей Джоффри. – Все так говорят.

– Да смилуются боги над всеми нами.

– Мой дядя – вот кому понадобится их милость, но от меня он ее не дождет. – Джоффри обнажил меч. На его эфесе рубин в виде сердца был зажат в пасти льва. На клинке были вырезаны три

глубоких желоба. – Мой новый меч – Пожиратель Сердец.

«Раньше у него был меч под названием Львиный Зуб, – вспомнила Санса, – но Арья отняла его у Джоффа и бросила в реку». Санса надеялась, что Станнис поступит с этим таким же образом.

– Он очень красив, ваше величество.

– Благослови мою сталь своим поцелуем. – Он протянул ей клинок. – Ну же, поцелуй его.

Никогда еще он не казался ей таким глупым мальчишкой. Санса приложила губами к стали. Уж лучше мечи целовать, чем самого Джоффри. Он как будто остался

доволен и с размаху вдел меч в ножны.

– Ты поцелуешь его снова, когда я вернусь, и отведаешь дядиной крови.

«Разве что если один из твоих гвардейцев убьет его за тебя». С Джоффри и Тирионом их ехало трое: сир Меррин, сир Мендон и сир Осмунд Кеттлблэк.

– Вы сами поведете своих рыцарей в бой? – с надеждой спросила Санса.

– Повел бы, но дядя Бес говорит, что дядя Станнис нипочем не переправится через реку. Зато я буду командовать Тремя Шлюхами и сам отправлю предателей в дорогу. – При

этой мысли Джофф улыбнулся. Пухлые розовые губы придавали ему вечно надутый вид. Раньше Сансе это нравилось, теперь ее от этого тошнило.

— Говорят, мой брат Робб всегда сражается в самой гуще боя, — храбро сказала она. — Правда, он старше вашего величества — он уже взрослый.

Джофф, услышав это, нахмурился.

— С твоим братом я разделаюсь, когда покончу со своим изменником-дядей. Мой Пожиратель Сердец выпустит ему кишки, вот увидишь. — Он повернул коня и поскакал к воротам. Сир Меррин и сир Осмунд

поравнялись с ним справа и слева, золотые плащи последовали за ними по четыре в ряд. Бес и сир Мендон Мур замыкали. Стража у ворот проводила их криками «ура». Они уехали, и тишина повисла над двором, словно на море перед бурей.

В этой тишине пение зазвучало громче, и Санса направилась к септе вместе с двумя конюхами и одним из сменившихся часовых.

Санса никогда еще не видела замковую септу столь полной и ярко освещенной – радужные лучи лились сквозь кристаллы ее высоких окон, и повсюду горели свечи, мерцая, как звезды. Алтари Матери и Воина купались в свете, но у Кузнеца,

Старицы, Девы и Отца были свои
молельщики, и даже перед
получеловеческим ликом Неведомого
теплилось несколько огоньков... ибо
кто же был Станнис Баратеон, как не
этот Неведомый, пришедший судить
их? Санса обошла каждого из
Семерых и каждому поставила свечу,
а потом нашла себе место на скамье
между старой сморщенной прачкой и
мальчонкой не старше Рикона,
одетым в нарядный полотняный
камзольчик рыцарского сына. Рука
старухи была жесткой и мозолистой,
рука мальчика — маленькой и мягкой,
и Санса с радостью взяла их в свои.
В горячем густом воздухе пахло
благовониями и потом — от его

тяжести, от мерцания свечей и кристаллов кружилась голова.

Санса, знавшая этот гимн еще от матери в Винтерфелле, присоединила свой голос к общему хору:

Мать, Мать всеблагая,
Помилуй наших сыновей,
Огради щитом их крепким
От стрел каленых и мечей.

Мать, женщин оборона,
Помилуй наших дочерей.
Утишь безумство супостата
Рукою благостной своей.

«В Великой Септе Бейелора на холме Висеньи сейчас толпятся тысячи людей и тоже поют — их голоса плывут над городом и рекой, уходя прямо в небо. Боги непременно услышат нас».

Почти все другие гимны Санса тоже знала, а тем, которых не знала, подпевала как могла. Она пела вместе с седыми слугами и встревоженными молодыми женами, с горничными и солдатами, с поварами и сокольничими, с рыцарями и пажамы, с оруженосцами, кухонными мальчишками и кормящими матерями. Пела со всеми, кто был в замке, и с людьми вне его стен, пела

со всем городом. Пела, моля о милости для живых и для мертвых, для Брана, Рикона и Робба, для сестры Арьи, сводного брата Джона Сноу на далекой Стене. Пела за мать и за отца, за своего деда лорда Хостера и дядю Эдмара Талли, за свою подругу Джейни Пуль, за старого пьяницу короля Роберта, за септу Мордейн, сира Донтоса, Джори Касселя и мастера Лювина, за всех храбрых рыцарей и солдат, которые сегодня умрут, за жен и детей, которые будут оплакивать их — даже за Тириона-Беса и за Пса. «Он не настоящий рыцарь, но все-таки спас меня, — говорила она Матери. — Спаси и ты его, если можешь, и

утишь гнев, снедающий его».

Но когда септон, взойдя на возвышение, стал молить богов защитить «нашего истинного и благородного короля», Санса поднялась с места. Проходы были забиты народом, и ей пришлось проталкиваться к выходу, пока септон призывал Кузнеца вложить силу в меч и щит Джоффри, Воина – вселить в короля мужество и Отца – защитить его в час опасности. «Пусть его меч сломается и щит расколется, – думала Санса, пробираясь к двери, – пусть мужество изменит ему и все солдаты до единого покинут его».

По стене расхаживали часовые, но внизу замок казался пустым.

Санса прислушалась, и до нее донеслись звуки битвы. Пение почти заглушало их, но всякий имеющий уши мог слышать гул боевых рогов, грохот катапульта, мечущих камни, всплески, треск кипящей смолы и гудение, с которым скорпионы пускали свои стрелы длиной в ярд с железными наконечниками... а за всем этим крики умирающих.

Это тоже был гимн – страшный гимн. Санса натянула на уши капюшон плаща и поспешила к крепости Мейегора, к замку внутри замка, где королева обещала им полную безопасность. У подъемного моста она увидела леди Танду и двух ее дочерей. Фалиса вчера приехала из

замка Стокворт с небольшим отрядом солдат. Сейчас она уговаривала сестру взойти на мост, но Лоллис, цепляясь за свою служанку, рыдала:

– Не хочу, не хочу, не хочу.

– Но битва уже началась, – дрожащим голосом говорила леди Танда.

– Не хочу, не хочу.

Обойти их было нельзя. Санса вежливо поздоровалась с ними.

– Не могу ли я помочь?

Леди Танда покраснела от стыда.

– Нет, миледи, покорно вас благодарим. Вы уж простите мою дочь – она нездорова.

– Не хочу. – Горничной Лоллис, хорошенькой девушке с короткими темными волосами, похоже, как раз очень хотелось спихнуть свою госпожу в сухой ров, прямо на железные пики. – Не надо, не надо, я не хочу.

– Там, внутри, мы будем втройне защищены, – ласково обратилась к ней Санса, – там будет много еды, питья и песен.

Лоллис уставилась на нее, открыв рот. Ее тусклые карие глаза всегда казались мокрыми от слез.

– Не хочу.

– А придется, – рявкнула ее сестра Фалиса. – Шая, помоги.

Вдвоем они подхватили Лоллис

под локти и поволокли ее через мост. Санса и леди Танда последовали за ними.

— Она больна, — сокрушалась мать.

«Если беременность можно назвать болезнью», — подумала Санса. Весь замок сплетничал о том, что Лоллис беременна.

Двое часовых у двери были в львиных шлемах и красных плащах дома Ланнистеров, но Санса знала, что это просто наемники. Третий сидел на ступеньке лестницы, держа алебарду на коленях, хотя часовому полагалось стоять, однако при виде их встал и открыл им дверь.

Бальный Зал Королевы был раз в

десять меньше замкового Великого Чертога и наполовину – Малого Чертога в башне Десницы, но все же мог принять сто человек и недостаток пространства возмещал изяществом. За каждым настенным светильником висело зеркало кованого серебра, отчего огни казались вдвое ярче, стены были обшиты резными деревянными панелями, а пол устилал душистый тростник. С галереи наверху неслись веселые звуки дудок и скрипок. Вдоль южной стены тянулись закругленные окна, закрытые, однако, плотными бархатными шторами, не пропускающими внутрь ни света, ни молитв, ни шума битвы.

«Только от войны все равно не спрячешься, как ни старайся», — подумала Санса.

Почти все высокородные женщины города собрались здесь за длинными столами вместе с небольшим количеством стариков и мальчиков — жены, дочери, матери и сестры мужчин, ушедших сражаться с лордом Станнисом. Все знали, что многие воины не вернутся назад, и это висело в воздухе. Санса как нареченная Джоффри должна была сидеть на почетном месте по правую руку от королевы. Входя на помост, она увидела человека, стоявшего в полумраке у задней стены. Одетый в длинную намасленную черную

кольчугу, он опирался на меч – меч ее отца, Лед, почти с него ростом. Костлявые пальцы крепко сплелись вокруг эфеса. У Сансы перехватило дыхание. Сир Илин Пейн, видимо, почувствовал ее взгляд и обратил к ней свое изможденное, изрытое оспой лицо.

– Что он здесь делает? – спросила Санса Осфрида Кеттлблэка, который командовал теперь новыми красными плащами – личной гвардией королевы.

– Ее величество полагает, что он понадобится ей еще до исхода ночи, – усмехнулся Осфрид.

Но сир Илин – королевский палач и может понадобиться только в

одном случае. Чью голову потребует у него королева?

— Ее величество Серсея из дома Ланнистеров, королева-регентша и Хранительница Государства, — провозгласил королевский стюард.

Все встали, и вошла Серсея в платье из тонкого полотна, белом, как плащи королевских гвардейцев. Длинные рукава с прорезями показывали золотую атласную подкладку. Грива ярко-желтых волос ниспадала локонами на обнаженные плечи, стройную шею окружало ожерелье из бриллиантов с изумрудами. Белое придавало ей невинный, почти девический вид, щеки пылали румянцем.

– Садитесь, – сказала королева, заняв свое место на помосте, – и будьте моими гостями. – Осфрид Кеттлблэк придвинул ей стул, паж сделал то же самое для Сансы. – Ты что-то бледна, Санса. Твой красный цветок еще цветет?

– Да.

– Весьма кстати. Мужчины проливают кровь там, а ты здесь. – Королева сделала знак подавать первое блюдо.

– Зачем здесь сир Илин? – выпалила Санса.

Королева посмотрела на безмолвного палача.

– Чтобы покарать измену и защитить нас в случае нужды. Он

был рыцарем до того, как стал палачом. — Серсея указала ложкой в конец зала, на высокие запертые на засов двери. — Когда на эту дверь обрушатся топоры, ты, возможно, порадуешься, что он здесь.

Санса больше порадовалась бы Псу. Она верила, что Сандор Клиган, при всем его злобном нраве, не допустил бы, чтобы ей причинили вред.

— Но разве ваша стража не защитит нас?

— Да — вот только кто защитит нас от стражи? — Королева покосилась на Осфрида. — Преданные наемники — такая же редкость, как шлюхи-девственницы.

Если битва будет проиграна, мои гвардейцы мигом сдерут с себя свои красные плащи и пустятся наутек, прихватив все, что можно, а за ними побегут слуги, прачки и конюхи, спасая свою драгоценную шкуру. Знаешь ли ты, что происходит с городом, захваченным неприятелем, Санса? Нет, конечно, где тебе знать. Все, что тебе известно о жизни, почерпнуто из песен, а про грабеж и разорение песен не поют.

— Истинные рыцари не причинят зла женщинам и детям, — произнесла Санса, чувствуя всю пустоту этих слов.

— Истинные рыцари. — Это, видимо, от души позабавило

королеву. – Ты, безусловно, права. Будь же умницей, ешь свой суп и жди, когда тебе на выручку явятся Симеон Звездоглазый и принц Эйемон, Драконий Рыцарь. Я уверена, они не замедлят прийти.

Давос

Черноводный залив был покрыт крупной зыбью с белыми барашками. «Черная Бета» шла вместе с приливом, щелкая парусом при каждой перемене ветра. «Дух» и «Леди Мария» двигались следом не более чем в двадцати ярдах друг от друга. Давос гордился, что его сыновья так хорошо держат строй.

Боевые рога взревели за морем, словно чудовищные звери, перекликаясь от корабля к кораблю.

— Спустить парус, — скомандовал Давос. — Опустить мачту. Берись за весла. — Гребцы бросились по

местам, расталкивая солдат, которые мешали всюду, где бы ни стояли. Сир Имри приказал войти в реку на веслах, чтобы не подставлять паруса скорпионам и огнеметам на стенах Королевской Гавани.

К юго-востоку от себя Давос видел «Ярость» – она тоже спускала свои отливающие золотом паруса с коронованным оленем Баратеонов. С ее палубы Станнис Баратеон шестнадцать лет назад командовал высадкой на Драконий Камень, но теперь он выступил во главе сухопутной армии, вручив «Ярость» и командование флотом брату своей жены сире Имри, который примкнул к нему у Штормового Предела

вместе с лордом Алестером и всеми прочими Флорентами.

Давос знал «Ярость» не хуже, чем собственные корабли. Палуба над тремя сотнями ее весел полностью предоставлена скорпионам, а на корме и на носу верхней стоят катапульты, способные метать бочки с горящей смолой. Грозный корабль и очень быстроходный — хотя сир Имри немного застопорил его, нагрузив до отказа рыцарями и латниками в доспехах.

Рога на «Ярости» запели снова, подавая команды другим кораблям, и Давос ощутил зуд в отсутствующих пальцах.

– Весла на воду, – прокричал он.
– Строй держать. – Сто весел упали на воду, и забил барабан мастера. Он стучал медленно, как большое сердце, и сто гребцов двигали веслами в лад ему, как один человек.

У «Духа» и «Леди Марии» тоже отросли деревянные крылья. Все три корабля согласно пенили воду.

– Тихий ход, – скомандовал Давос. Серебристая «Гордость Дрифтмарка» лорда Велариона заняла свою позицию с левого борта от «Духа», «Дерзкий смех» был на подходе, но «Ведьма» только-только опустила весла на воду, а «Морской конь» еще возился с мачтой. Давос посмотрел на корму. Да, там, на юге,

может быть только «Меч-рыба», отстающая, как всегда. Она имела на борту двести весел и самый большой на флоте таран, но ее капитан вызывал у Давоса серьезные сомнения.

Солдаты на разных кораблях перекликались, подбадривая друг друга. Им надоело быть балластом всю дорогу от Штормового Предела, и они рвались в бой, уверенные в победе. Эту уверенность разделял с ними лорд верховный адмирал, сир Имри Флорент.

Три дня назад, поставив флот на якорь в устье Путеводной, он собрал своих капитанов, чтобы объяснить каждому его позицию. Давосу с

сыновьями назначили места во второй линии наступления, на передовом крае опасного правого крыла. «Почетное место», — заявил Аллард, радуясь случаю проявить себя. «Гибельное», — заметил отец, и сыновья, даже юный Марек, посмотрели на него с жалостью. Трусит Луковый Рыцарь, читал он в этих взглядах — в душе он так и остался контрабандистом.

Что ж, последнее он готов был признать. «Сиворт» звучит по-господски, но в глубине души он по-прежнему Давос с Блошиного Конца, вернувшийся в свой родной город на трех высоких холмах. В парусах, веслах и берегах он смыслит больше

всякого другого в Семи Королевствах, и за плечами у него немало рукопашных схваток на мокрой палубе. Но в битву такого рода он вступал боязливо, словно девушка. Контрабандисты не трубят в рога и не поднимают флагов. Почувяв опасность, они ставят паруса и мчатся прочь быстрее ветра.

Будь он адмиралом, он все сделал бы по-другому. Для начала послал бы вверх по реке несколько самых быстрых кораблей и посмотрел бы, как их там встретят, а не ломился бы очертя голову. Когда он предложил это сиру Имри, лорд-адмирал вежливо поблагодарил его, но в глазах его Давос благодарности

не увидел. «Кто этот трусливый выскочка? — вопрошали они. — Не тот ли, который купил себе рыцарство за кучу лука?»»

Имея вчетверо больше кораблей, чем юный король, сир Имри не видел нужды в обманной тактике. Он разделил флот на десять линий, по двадцать кораблей в каждой. Две первые пойдут вверх по реке, чтобы уничтожить маленький флот Джоффри — «мальчишкины игрушки», как выразился сир Имри, заслужив смех своих знатных капитанов. Последующие высажат под городскими стенами лучников и копейщиков и лишь тогда присоединятся к сражению на реке.

Более мелкие и тихоходные корабли, замыкающие порядок, будут переправлять с южного берега войско Станниса под защитой Салладора Саана и его лиссенийцев, которые останутся в заливе на случай, если у Ланнистеров есть еще корабли, скрытые вдоль побережья и готовые ударить неприятелю в хвост.

По правде сказать, сир Имри спешил не без причины. Ветры были немилостивы к ним во время перехода от Штормового Предела. Они потеряли две барки на скалах залива Губительные Валы в самый день отплытия — недобрый знак. Одна из мирийских галей пошла ко дну в Тарском проливе, а при входе в

Глотку их застал шторм, разметав флот по Узкому морю. Они собрались вновь под защитой Крюка Масси в более спокойных водах Черноводного залива, потеряв много времени и двенадцать кораблей.

Станнис должен был добраться до Черноводной еще несколько дней назад. Королевский Тракт ведет от Штормового Предела прямо к Королевской Гавани — это гораздо короче, чем плыть морем, — а войско его состоит в основном из конницы. Ренли, сам того не желая, оставил брату в наследство около двадцати тысяч рыцарей, легкой кавалерии и вольных всадников. Сам переход отнял у них мало времени, но

закованные в броню кони и двенадцатифутовые копья — плохая подмога против глубокой реки и высоких городских стен. Станнис со своими лордами давно уже, по всей видимости, разбил лагерь на южном берегу Черноводной и кипит от нетерпения, не зная, куда подевался сир Имри со своим флотом.

Два дня назад у скалы Мерлинга с кораблей было замечено несколько рыбачьих лодок. Рыбаки обратились в бегство, но их переловили одного за другим. «Ложка победы — как раз то, что нужно, чтобы успокоить желудок перед боем, — весело объявил сир Имри. — У людей появляется желание получить порцию побольше». Но

Давоса больше интересовало то, что показали пленные относительно обороны Королевской Гавани. Карлик строил какое-то заграждение, чтобы запереть устье реки, но рыбаки расходились во мнениях о том, закончена эта работа или нет. Давос про себя пожелал ей успешного завершения. Если река будет закрыта для них, сиру Имри ничего не останется, как остановиться и подумать.

Над морем стоял шум – крики, рога, барабаны и флейты смешивались с плеском нескольких тысяч весел.

– Держи строй, – крикнул Давос. Налетевший ветер рванул его

старый зеленый плащ. Куртка вареной кожи и круглый шлем – вот и все его доспехи. В море стальная броня может погубить человека с той же вероятностью, что и спасти. Сир Имри и другие знатные капитаны не разделяли его взглядов и сверкали, расхаживая по своим палубам.

«Ведьма» и «Морской конь» заняли свои места, как и «Красный коготь» лорда Селтигара. Справа от Аллардовой «Леди Марии» шли еще три галеи, отнятые Станнисом у злосчастливого лорда Сангласса: «Благочестие», «Молитва» и «Вера» с лучниками на борту. Даже «Меч-рыба» подходила на веслах и под парусом, переваливаясь среди

крепнущей зыби. «Корабль с таким количеством весел должен двигаться гораздо быстрее, — неодобрительно подумал Давос. — Все из-за тарана — он слишком велик и нарушает его равновесие».

Ветер дул с юга, но, поскольку они шли на веслах, это не имело значения. Они движутся вместе с приливом, но Ланнистерам будет благоприятствовать речное течение, быстрое и сильное там, где Черноводная впадает в море. Первое столкновение неизбежно окончится в пользу врага. «Глупо мы поступаем, встречаясь с ними на Черноводной», — думал Давос. При битве в открытом море их боевые линии

окружили бы вражеский флот с обоих флангов, оттеснили к суше и уничтожили. На реке же их численный перевес не так уж много значит. Там они могут идти не более чем по двадцать кораблей в ряд — иначе возникает опасность перепутаться веслами и врезаться друг в друга.

За строем кораблей Давос видел Красный Замок на холме Эйегона, темный на лимонном небе, с устьем Черноводной внизу. Южный берег реки был черен от людей и коней — завидев корабли, они закопошились, как рассерженные муравьи. Станнис, должно быть, заставлял их вязать плоты и делать стрелы, но ждать

всегда тяжело. В гуще войска затрубили крошечные блестящие трубы, но рев тысяч глоток скоро заглушил их. Давос взялся рукой за ладанку, где лежали фаланги его пальцев, и безмолвно помолился за удачу.

«Ярость» занимала середину первой линии, с «Лордом Стеффоном» и «Морским оленем», каждый на двести весел по бокам. С правого и левого борта от них шли стовесельные галеи: «Леди Харра», «Золотая рыбка», «Веселый лорд», «Морской демон», «Черная честь», «Дженна-оборванка», «Горящий трезубец», «Быстрый меч», «Принцесса Рейенис», «Собачий

нос», «Скипетр», «Верный», «Красный ворон», «Королева Алисанна», «Кошка», «Отважный» и «Погибель драконов». На каждой корме развевалось огненное сердце Владыки Света, переливаясь красными, желтыми и оранжевыми бликами. За Давосом и его сыновьями шла другая линия стовесельников под командой рыцарей и лордов-капитанов, а дальше следовали более мелкие мирийские корабли, каждый не больше чем на восемьдесят весел. За ними должны идти парусники, карраки и неуклюжие барки, а последним – Салладор Саан на своей горделивой трехсотвесельной

«Валирийке» в сопровождении остальных приметных полосатых галей. Лиссенийский корсар остался недоволен тем, что его поставили в арьергард, но сир Имри явно доверял ему не больше, чем Станнис. Слишком много жалоб и разговоров о золоте, которое ему задолжали. Тем не менее Давос сожалел об этом решении. Салладор Саан — хитроумный старый пират, а его люди — прирожденные моряки, не знающие страха в бою. В хвосте они попусту пропадают.

Аooooooooooooоооо, пронеслось над волнами и пенящими воду веслами с мостика «Ярости»: сир Имри трубил наступление.

Аoooooooooooooooo, aoooooooooooooooo.

«Меч-рыба» наконец встала в строй, но так и не спустила паруса.

– Быстрый ход, – рявкнул Давос. Барабан забил чаще, и галeya прибавила скорости, кромсая веслами воду. Солдаты на палубе стучали мечами о щиты, стрелки тихо натягивали луки и доставали первые стрелы из колчанов на поясе. Корабли первой линии заслоняли вид, и Давос расхаживал по палубе, ища наилучшую точку обзора. Никакого заграждения он не видел – устье реки было открыто, как зев, готовый поглотить их. Разве только...

В бытность свою контрабандистом Давос часто шутил,

что знает берег у Королевской Гавани гораздо лучше, чем свои пять пальцев, поскольку между пальцами всю жизнь он не плавает. Приземистые башни свежей постройки по обеим сторонам устья для сира Имри Флорента ничего не означали, но Давосу показалось, будто у него на руке отросло два лишних пальца.

Заслонив рукой глаза от клонящегося к западу солнца, он пригляделся к башням получше. Они были слишком малы, чтобы вместить значительный гарнизон. Башня на северном берегу примыкала к утесу, на котором высился Красный Замок, южная поднималась прямо из воды.

Построили, а потом прорыли канал, сразу сообразил Давос. Это делало башню очень трудной для захвата – атакующим пришлось бы идти вброд или наводить мост через канал. Станнис поставил внизу лучников, чтобы стрелять во всякого, кто осмелится высунуть голову, но больше ничего не предпринимал.

В темной воде у подножия башни что-то блеснуло – это солнце отразилось от стали. Больше Давосу Сиворту ничего не нужно было знать. Заградительная цепь... однако они не заперли реку. Почему?

Он и об этом догадывался, но на раздумья не было времени. На передних кораблях кричали и

трубили в рога: впереди был враг.

В просвет между веслами «Скипетра» и «Верного» Давос увидел тонкую линию галей поперек реки — их позолоченные борта сверкали на солнце. Эти корабли он знал превосходно. Будучи контрабандистом, он по одному парусу на горизонте мог сказать, быстрый это корабль или тихоход и кто его капитан: юноша, жаждущий славы, или старикан, дослуживающий свой срок.

Аооооооооооооо, пели рога.

— Боевой ход, — крикнул Давос. За правым и левым бортом Дейл и Аллард отдали такую же команду. Барабаны забили частую дробь, весла

замолотили по воде, и «Черная Бета» рванулась вперед. Дейл с палубы «Духа» отсалютовал отцу. «Меч-рыба» снова отставала, переваливаясь в хвосте у кораблей помельче, но вся остальная линия была ровной, словно стена из сомкнутых щитов.

Река, казавшаяся такой узкой издали, сделалась широкой, как море, и город на ее берегу тоже представлялся огромным. Красный Замок грозно глядел вниз с высокого холма Эйегона. Окованные железом зубцы, массивные башни и толстые красные стены придавали ему вид свирепого зверя, присевшего для прыжка над городом и рекой. Крутые

скалы, служившие ему подножием, обросли лишайником, и на них торчали низкие кривые деревца. Чтобы попасть в гавань и город за ней, флот должен был пройти мимо замка.

Первая линия уже вошла в реку, а вражеские галеи отступали. «Заманивают. Хотят, чтобы мы сбились в плотную кучу и не смогли обойти их с флангов... а позади останется эта цепь». Давос метался по палубе, стараясь получше рассмотреть флот Джоффри. В число «мальчишковых игрушек» входили величественная «Милость богов», старый медлительный «Принц Эйемон», «Шелковая леди» и ее

сестра «Бесстыдница», «Вихрь», «Страж Гавани», «Белый олень», «Копье», «Морской цветок». Но где же «Львиная звезда»? Где красавица «Леди Лианна», названная королем Робертом в честь возлюбленной, которую он потерял? «Молот короля Роберта», самая большая галей королевского флота на четыреста весел, единственный у Джоффри корабль, способный одолеть «Ярость»? Он по всем правилам должен был занять центр обороны.

Давос чуял западню, но не видел позади никаких вражеских сил — только флот Станниса Баратеона, протянувшийся стройными рядами до самого водного горизонта.

«Может, они, подняв свою цепь, разрежут нас надвое?» Давос не видел в этом смысла. Корабли, оставшиеся в заливе, могут высадить людей к северу от города — так переправа пойдет медленнее, зато безопаснее.

Из замка вылетела стая оранжевых птиц, штук двадцать или тридцать, — горшки с горящей смолой, разбрызгивающие огонь. Большинство из них плюхнулось в реку, но некоторые упали на палубы галей первой линии. Солдаты на «Королеве Алисанне» засуетились, а на «Погибели драконов», ближайшей к берегу, дым поднимался сразу в трех местах. Из замка пустили новый

залп, а из башенных амбразур густо посыпались стрелы. Какой-то солдат вывалился за борт «Кошки», ударился о весла и пошел ко дну. «Первая, но не последняя наша потеря», — подумал Давос.

На стенах Красного Замка развевались знамена короля-мальчика: коронованный олень Баратеонов на золотом поле, лев Ланнистеров на красном. Оттуда летели новые горшки со смолой. С загоревшегося «Отважного» слышались крики. Его гребцов защищала палуба, но солдаты, столпившиеся наверху, никакого прикрытия не имели. Правое крыло принимало на себя всю тяжесть

удара, как и опасался Давос. «Скоро настанет наш черед», – с тревогой подумал он. «Черная Бета» полностью попадала под огонь, будучи шестым кораблем от северного берега. С правого борта шли только «Леди Мария», неуклюжая «Меч-рыба», так отставшая, что принадлежала скорее к третьей линии, чем ко второй, а также «Благочестие», «Молитва» и «Вера» – в такой позиции им понадобится вся помощь, которую боги способны дать.

Когда вторая линия прошла мимо двух башен, Давос разглядел три звена огромной цепи, выходящей из отверстия величиной с

человеческую голову, — остальное скрывалось под водой. Обе башни были снабжены единственной дверью футах в двадцати над землей. Лучники с крыши северной обстреливали «Молитву» и «Веру». Стрелки на «Вере» открыли ответный огонь, и кто-то вскрикнул, пораженный стрелой.

— Сир капитан, — сказал, подбежав к нему, сын Маттос. — Ваш шлем. — Давос взял его и нахлобучил на голову. Шлем не имел забрала, и Давоса бесил ограниченный обзор.

Горшки со смолой сыпались вокруг градом. Один разбился о палубу «Леди Марии», но команда Алларда тут же скинула его за борт.

Слева на «Гордости Дрифтмарка» трубили рога, и ее весла поднимали водяные фонтаны. Стрела из скорпиона в ярд длиной пролетела в двух футах от Маттоса и с гудением вонзилась в палубу. Первая линия приблизилась к врагу на расстояние полета стрелы, и летучие древка засвистали между кораблями.

К югу от Черноводной люди тащили к воде наспех сооруженные плоты, и под тысячью знамен строились колонны. Повсюду реяло огненное сердце с крохотным, едва заметным черным оленем внутри. «Нам следовало бы идти в бой под коронованным оленем, — подумал Давос. — Олень — эмблема короля

Роберта, и горожанам он хорошо знаком, а это чужое знамя только настроит их против нас».

Давос не мог видеть этого сердца, не вспомнив о тени, которую родила Мелисандра в сумрачных недрах Штормового Предела. Этот бой по крайней мере ведется честным оружием, при свете дня. Красная женщина и ее черное отродье в нем не участвуют. Станнис отправил ее обратно на Драконий Камень вместе со своим побочным племянником Эдриком Штормом. Его капитаны и лорды-знаменосцы настояли на том, что женщине в бою не место. Только люди королевы говорили обратное, да и то не

слишком громко. Король, вопреки этому, был готов оставить жрицу, но лорд Брюс Карон сказал ему: «Ваше величество, если колдунья останется, люди будут говорить, что это ее победа, а не ваша. И что своей короной вы обязаны ее чарам». Это решило дело. Сам Давос помалкивал, не принимая участия в спорах, но отнюдь не опечалился, когда жрица отбыла. Он не желал иметь дела ни с ней, ни с ее богом.

«Вера» справа подошла к берегу и опустила сходни. Лучники побежали с нее на отмель, держа луки высоко над головой, чтобы не замочить тетиву. Они высаживались на узкую полосу берега под

утесами. Из замка на них сыпались камни, стрелы и копья, но угол был слишком крут, и снаряды почти не наносили ущерба.

«Молитва» причалила ярдах в двадцати выше, а «Благочестие» готовилось сделать то же самое, когда на берегу появился конный отряд защитников. Копыта их коней расплескивали воду на отмели. Рыцари накинулись на лучников, как волки на кур, и загнали их обратно в реку, прежде чем те успели наложить стрелы на тетивы. Солдаты с копьями и топорами бросились на выручку стрелкам, и на берегу закипела кровавая сеча. Давос узнал шлем в виде собачьей головы,

принадлежавший Псу. Клиган в белом плаще въехал по сходням на палубу «Молитвы», рубя всех, кто попадался под руку.

Позади замка, окруженная стенами, раскинулась на холмах Королевская Гавань. Вдоль реки виднелись черные руины — Ланнистеры сожгли все постройки за пределами Грязных ворот. На отмелях торчали остовы сожженных кораблей, преграждая путь к длинным каменным молам. «Здесь нам нипочем не высадиться». Поверх Грязных ворот Давос видел верхушки трех огромных требюшетов, а на холме Висеньи сверкали на солнце семь кристальных башен Великой

Септы Бейелора.

Давос не заметил, в какое мгновение началась битва, зато слышал треск двух столкнувшихся галей — он не видел которых. Затем по воде разнеслось эхо второго удара и третьего. За треском ломающегося дерева слышалась отдача носовой катапульты «Ярости». «Морской олень» расколол пополам одну из галей Джоффри, но «Собачий нос» горел, а «Королева Алисанна» застряла между «Шелковой леди» и «Бесстыдницей» и вступила с ними в рукопашный бой.

Прямо по курсу вражеский «Страж Гавани» устремился в промежуток между «Верным» и

«Скипетром». «Верный» успел убрать свои правые весла, но левые весла «Скипетра» от столкновения переломились, как лучинки.

— Пли! — скомандовал Давос, и его лучники послали над водой целую тучу стрел. Давос увидел, как упал капитан «Стража», но не смог вспомнить, как его звали.

Огромные требюшеты на берегу вскинули руки, и сотня камней взвилась в желтое небо. Каждый с голову величиной, они с плеском рушились в воду, ломали дубовую обшивку и превращали живых людей в кровавое месиво. Вся первая линия вступила в бой. Летели абордажные крючья, железные тараны дробили

борта, люди прыгали на палубу вражеских кораблей, стаи стрел сталкивались в дыму, падали убитые и раненые... но у Давоса пока все были целы.

«Черная Бета» шла вверх по реке, и барабан мастера над гребцами отдавался в голове капитана, высматривающего, кого бы протаранить. Два вражеских корабля, зажавшие «Королеву Алисанну», сцепились с ней крючьями и веревками.

— На таран! — вскричал Давос.

Барабанный бой превратился в сплошную лихорадочную дробь, и «Черная Бета» ринулась вперед по белой, как молоко, воде. Аллард

понял замысел отца и направил туда же «Леди Марию». Первая линия, разбилась на целый ряд отдельных схваток. Три сцепившихся вместе корабля медленно поворачивались. Их палубы заливала кровь людей, рубившихся мечами и топорами. «Еще немного, – воззвал к Воину Давос Сиворт. – Разверни ее еще немного, бортом ко мне».

И Воин, как видно, услышал его. «Черная Бета» и «Леди Мария» протаранили борт «Бесстыдницы» с носа и с кормы, да так, что люди посыпались с палубы «Шелковой леди» через два корабля от нее. У Давоса зубы так лязгнули, что он чуть не откусил себе язык. Он

сплюнул кровью. В следующий раз не разевай рот, болван. Сорок лет он на море, а на таран пошел впервые. Его лучники пускали стрелы сами, без команды.

— Задний ход. — Весла «Черной Беты» отработали назад, и река хлынула в проделанную ею дыру. «Бесстыдница» на глазах у Давоса развалилась на части, роняя в воду десятки людей. Кое-кто из живых поплыл к берегу, кое-кто из мертвых закачался на волнах. Те, кто был в кольчуге и броне, пошли на дно — и живые, и мертвые. Мольбы утопающих звучали в ушах Давоса.

Зеленая вспышка впереди слева бросилась ему в глаза, и клубок

изумрудных змей поднялся, шипя, над кормой «Королевы Алисанны». Миг спустя до него донесся вопль: «Дикий огонь!!»

Давос скривился. Горящая смола — одно дело, а дикий огонь — совсем другое. Потушить его почти невозможно. Накроешь его плащом — плащ загорится, прихлопнешь ладонью — загорится рука. «Апустишь на него струю — хрен отвалится», — говорили старые моряки. Сир Имри предупреждал их, что без этой паскудной «субстанции» дело не обойдется. Хорошо еще, что настоящих пиромантов осталось мало — скоро совсем повыведутся, уверял сир Имри.

«Черная Бета» по команде Давоса оттолкнулась веслами с одного борта, дав задний ход другим, и развернулась. «Леди Мария» тоже освободилась, и хорошо: огонь охватил «Королеву Алисанну» и ее противниц с такой быстротой, что Давос глазам не поверил. Люди, объятые зеленым пламенем, с нечеловеческими воплями бросались в воду. Огнеметы на стенах Королевской Гавани изрыгали эту зеленую смерть, требюшеты за Грязными воротами кидали камни. Один, величиной с вола, плюхнулся между «Черной Бетой» и «Духом» — оба корабля закачались, и на палубах все промокли насквозь. Другой,

немногим меньше, угодил в «Дерзкий смех». Галея Велариона разлетелась в щепки, словно игрушка, сброшенная с башни, но эти щепки были длиной с руку.

Сквозь черный дым и клубящийся зеленый огонь Давос увидел флотилию маленьких лодок, плывущих вниз по реке: плоскодонки, баркасы, шлюпки, какие-то полусгнившие развалины. Враг, как видно, пустился во все тяжкие: подобные посудины не могли переломить ход битвы, они только мешали большим кораблям. Боевые линии безнадежно перепутались. С левого борта «Лорд Стеффон», «Дженна-оборванка» и

«Быстрый меч» прорвались и двигались вверх по реке. Но все правое крыло сражалось, а центр принимал на себя град камней из требюшетов. Несколько капитанов повернули вниз, другие отклонились вправо, пытаясь уйти из-под обстрела. «Ярость» стреляла по городу из кормовой катапульты, но бочки со смолой падали, не долетая до стены. «Скипетр» лишился большей части своих весел, пробитый тараном «Верный» кренился набок. Давос вклинился между ними, задев резную, с позолотой, прогулочную барку королевы Серсеи, нагруженную теперь солдатами вместо сластей. От

столкновения около десятка их упало в воду, где лучники «Беты» принялись расстреливать их.

Крик Маттоса предупредил об опасности слева: одна из ланнистерских галей шла на таран.

– Право на борт, – заорал Давос. Одни гребцы оттолкнулись веслами от барки, другие развернули корабль носом к атакующему «Белому оленю». На миг Давос испугался, что он опоздал и сейчас его потопят, но течение благоприятствовало «Черной Бете»: оба корабля лишь соприкоснулись бортами, поломав друг другу весла. Кусок дерева, острый, как копье, просвистел мимо головы Давоса. Он поморщился и

крикнул:

— На abordаж! — Через борт полетели крючья. Он выхватил меч и сам повел людей в атаку.

Команда «Белого оленя» встретила их у борта, но латники с «Черной Беты» обрушились на нее стальным валом и смели. Давос отыскивал взглядом вражеского капитана, но он уже пал. Когда Давос добрался до его тела, кто-то рубанул его сзади топором, но шлем отвел удар, и череп остался цел — только в голове загудело. Оглушенный, Давос откатился прочь. Враг с воплем накинулся на него, но Давос, перехватив меч двумя руками, вогнал его острием в живот противнику.

Один из матросов помог Давосу подняться.

– Сир капитан, «Олень» наш. – Это была правда. Часть врагов была перебита, часть при смерти, часть сдалась. Давос снял шлем, вытер кровь с лица и вернулся на свой корабль, осторожно ступая по доскам, скользким от человеческих внутренностей. Маттос помог ему перелезть через борт.

В эти несколько мгновений «Черная Бета» и «Белый олень» представляли собой мертвое око урагана. «Королева Алисанна» и «Шелковая леди», сцепившиеся вместе, превратились в бушующий зеленый ад и плыли вниз по

течению, увлекая за собой обломки «Бесстыдницы». Одна из мирийских галей врезалась в них и тоже горела. «Кошка» снимала людей с тонущего «Отважного». «Погибель драконов» ее капитан загнал между двумя молами, продырявив днище, и команда выпрыгивала на берег вместе с латниками и лучниками. Протараненный «Красный ворон» медленно кренился. «Морской олень» боролся с огнем и абордажниками, зато над вражеским «Неподкупным» взвилось огненное сердце. «Ярость», чей гордый нос раздробил камень из катапульты, билась с «Милостью богов». «Гордость Дрифтмарка»,

вклинившись между двумя лодками, перевернула одну и подожгла другую горящими стрелами. Рыцари на южном берегу взводили коней на барки, и несколько мелких галей уже перевозили солдат через реку. Им приходилось лавировать среди тонущих кораблей и островков дикого огня. Весь флот короля Станниса был теперь на реке, за исключением лиссенийских галей Салладора Саана. Скоро они овладеют Черноводной. Сир Имри получит свою победу, а Станнис переправит свое войско, но какой ценой, о боги!

— Сир капитан! — Маттос тронул отца за плечо.

«Меч-рыба» работала обоими рядами весел. Она так и не спустила парусов, и от горящей смолы у нее занялись снасти. Пламя разгоралось на глазах у Давоса, венчая корабль желтой короной. Громоздкий железный таран, сделанный в виде рыбы, давшей название галее, резал воду. Прямо на него, сидя низко в воде, дрейфовала одна из ланнистерских развалюх. Сквозь щели в ее бортах медленно сочилась зеленая кровь.

У Давоса при виде этого
остановилось сердце.

— Нет, — сказал он. —
HEEEEEEEET!

Но никто не услышал его в

грохоте битвы, кроме Маттоса. Капитан «Меч-рыбы» упорно пер на таран. Давос схватился изувеченной рукой за ладанку с костяшками своих пальцев.

«Меч-рыба» с оглушительным треском разнесла гнилую посудину на части. Та лопнула, как переспелый плод, и из тысячи разбитых горшков хлынула зелень, как яд из брюха издыхающего зверя, сверкая и растекаясь по реке...

— Задний ход! — взревел Давос. — Уходим! Уходим! — Люди бросились рубить абордажные линии, и палуба колыхнулась под ногами — «Черная Бета» отчалила от «Белого оленя», погрузив весла в воду.

Давос услышал короткое резкое «уфф», как будто кто-то дунул ему в ухо, и сразу вслед за этим – грохот. Палуба ушла из-под ног, и черная вода ударила в лицо, залив нос и рот. Он захлебывался, тонул. Не зная, где верх, где низ, Давос отчаянно бился в воде, но внезапно выскочил на поверхность. Выплюнув воду, он глотнул воздуха и схватился за ближайший кусок дерева.

«Меч-рыба» и погубившая ее лодка пропали. Вниз по течению плыли обгоревшие тела, и тонущие цеплялись за дымящиеся обломки. В пятидесяти футах выше над рекой плясал зеленый огненный демон. В каждой из десяти своих рук он

держал бич, и все, на что падали удары, воспламенялось. Горела «Черная Бета», горели «Белый олень» и «Неподкупный» у нее по бокам. Пылали «Скипетр», «Красный ворон», «Ведьма», «Верный», «Ярость», а заодно с ними «Страж Гавани» и «Милость богов» – демон не щадил ни чужих, ни своих. Великолепная «Гордость Дрифтмарка» пыталась отвернуть в сторону, но демон лениво протянул зеленый палец к ее серебристым веслам, и они вспыхнули, как фитили. Какой-то миг казалось, что корабль вспахивает реку двумя рядами длинных ярких факелов.

Течение подхватило Давоса и,

крутя, помчало вниз. Работая ногами, он увернулся от пятна дикого огня на воде. Давос думал о сыновьях, но где же было найти их в этом хаосе. Еще одна лодка, начиненная диким огнем, покачивалась рядом. Казалось, что Черноводная кипит в своих берегах, а по воздуху носились горящие снасти, горящие тела и обломки кораблей.

Давоса несло к заливу. Там нет такого ужаса, и он сумеет добраться до берега – ведь он хороший пловец. Притом в заливе должны быть галеи Салладора Саана – сир Имри приказал им не вступать в бой.

Течение снова повернуло Давоса, и он увидел, что ждет его ниже по реке.

Цепь. Да помилуют нас боги, они подняли цепь.

Она натянулась футах в двух или трех над водой в широком месте, где Черноводная впадала в залив. Около дюжины кораблей уже врезалось в нее, и течение несло к ним другие. Почти все они горели — сейчас займутся и те, что в пути. Давос видел вдали полосатые галеи Салладора Саана, но знал, что ему до них не доплыть. Впереди вставала стена раскаленной стали, пылающего дерева и зеленого огня. Устье Черноводной преобразилось в жерло ада.

Тирион

Неподвижный, как каменная горгулья, Тирион Ланнистер стоял, преклонив колено, на зубце крепостной стены. Казалось, что там, за Грязными воротами, за пожарищем на месте рыбного рынка и верфи, сама река полыхает огнем. Половина флота Станниса горела, а с ним чуть ли не весь флот Джоффри. Поцелуи дикого огня превращали корабли в погребальные костры, а людей – в живые факелы. Воздух был полон дыма, стрел и криков.

Ниже по течению простые солдаты и знатные лорды встречали

зеленую смерть, несущуюся по реке на их плоты и карраки. Длинные белые весла мирийских галей мелькали, словно ноги обезумевших сороконожек, но тщетно: сороконожкам некуда было уйти.

Около десятка костров полыхало под городской стеной там, где разбились бочки со смолой, но по сравнению с диким огнем они казались свечками, мигающими в горящем доме, — их красно-оранжевые языки бледнели рядом с ядовито-зеленым адом. Низкие облака, перенимающие цвет горячей реки, окрашивали небо в бегущие диковинно-красивые оттенки зелени. Страшная красота — словно драконий

огонь. Быть может, Эйегон Завоеватель чувствовал то же самое, пролетая над Огненным Полем.

Раскаленный ветер трепал его красный плащ и обжигал лицо, но Тирион не мог отвести глаз от этого зрелища. Он слышал, как ликууют на стенах золотые плащи, но не испытывал охоты присоединиться к ним. Это еще не победа, а лишь половина победы.

Еще одна лодка из тех, которые он начинил переспевшими плодами короля Эйериса, вошла в жадное пламя, и над рекой взмыл зеленый столб, такой яркий, что пришлось заслонить глаза. Огненные языки высотой в тридцать и сорок футов

заплясали, шипя и потрескивая, заглушив на несколько мгновений людские вопли. Сотни человек барахтались в реке — одни горели, другие тонули, третьи совмещали одно с другим.

«Слышишь, как они кричат, Станнис? Видишь, как они горят? Это не только моя работа, но и твоя». Тирион знал, что Станнис, где-то среди толчеи к югу от Черноводной, тоже наблюдает за рекой. Он не страдает жаждой битвы, как его брат Роберт. Он командует боем издали, как поступил бы и лорд Тайвин Ланнистер. Наверняка сидит теперь на боевом коне, в блестящих доспехах, с короной на голове.

Корона у него из червонного золота, говорит Варис, с зубцами в виде языков пламени.

— Мои корабли, — сорвавшимся голосом вскрикнул Джоффри, прятавшийся вместе со своей охраной за парпетом. Золотой королевский обруч окружал его боевой шлем. — Они все горят — «Страж Гавани», «Королева Серсея», «Неподкупный». Смотрите — вон «Морской цветок». — Он указал своим новым мечом туда, где зеленое пламя лизало золоченые борта «Морского цветка» и ползло вверх по веслам. Его капитан повернул вверх, но от дикого огня уйти не успел.

Тирион знал, что корабль

обречен. Иного пути не было. «Если бы наши корабли не вышли навстречу вражеским, Станнис почувал бы западню». Стрелу можно послать в цель, и копье, даже камень из катапульты, но дикий огонь распоряжается по-своему. Отпущенный на волю, он уже не повинуется человеку.

— Ничего не поделаешь, — сказал Тирион племяннику. — Наш флот в любом случае был обречен.

Даже сверху — Тирион был слишком мал, чтобы смотреть поверх парапета, и потому велел посадить себя на зубец, — он из-за дыма, пламени и сумятицы боя не видел, что происходит на реке ниже замка,

но очень хорошо себе это представлял. Бронн должен был привести волов в движение в тот миг, когда головной корабль Станниса пройдет под Красным Замком. Цепь невероятно тяжела, и огромные ворота вращаются медленно, со скрипом и грохотом. Весь флот узурпатора уже войдет в реку, когда под водой впервые станет виден блеск металла. Звено за звеном поползут, мокрые, измазанные илом, пока не натянется вся цепь. Король Станнис ввел свои корабли в реку, но обратно их не выведет.

Некоторым, однако, удавалось уйти. Речное течение — коварная вещь, и дикий огонь распространялся

не так ровно, как Тирион надеялся. Главная протока горела вся, но довольно много мирийцев устремилось к южному берегу, и не меньше восьми кораблей причалило под городской стеной. Если они даже разбились, то людей все равно на берег высадили. Хуже того — значительная часть южного крыла первых двух вражеских корабельных линий успела уйти вверх по реке еще до пуска огненных лодок. У Станниса останется галей тридцать или сорок — вполне достаточно, чтобы переправить все его войско, когда они опять соберутся с духом.

На это, впрочем, уйдет некоторое время — даже самые

храбрые будут напуганы, увидав, как дикий огонь пожрал около тысячи их товарищей. Таллин говорил, что субстанция иногда горит так жарко, что плоть тает словно воск. И все же...

Тирион не питал иллюзий относительно своих собственных людей. «Если битва обернется не в нашу пользу, они побегут», — предупреждал его Джаселин Байвотер. Стало быть, единственный путь к победе — это удерживать свой перевес от начала до конца.

Среди обугленных руин на берегу копошились темные фигуры. Пора предпринять новую вылазку. Люди всего уязвимее, когда они

выбираются из воды на берег. Нельзя позволить им закрепиться на северном берегу.

Тирион слез с зубца.

– Скажи лорду Джаселину, что враг высаживается на берег, – велел он одному из гонцов, которых приставил к нему Байвотер. Другому он сказал: – Передай мои поздравления сиру Арнельду и попроси его развернуть Шлюх на тридцать градусов к западу. – Под этим углом камни будут лететь дальше – не в реку, а через нее.

– Мать обещала отдать Шлюх мне. – Тирион с раздражением увидел, что король снова поднял забрало своего шлема. Мальчишка,

конечно, совсем спекся в своем железе... но последнее, что им нужно, это шальная стрела, могущая угодить племяннику в глаз.

Тирион защелкнул забрало.

– Держите его закрытым, ваше величество, – ваша особа драгоценна для всех нас. – (И ты ведь не хочешь испортить свое красивое личико, правда?) – Шлюхи ваши. – Пусть позабавится – метать камни в горящие корабли больше не имеет смысла. Внизу на площади для Джоффа приготовлены Оленьи Люди, голые и связанные, с рогами, приколочеными к головам. Когда их привели на суд к Железному Трону, Джофф пообещал отправить их к

Станнису. Человек не камень и не бочонок со смолой, его можно запустить гораздо дальше. Золотые плащи спорили, перелетят предатели через Черноводную или нет. — Но поспешите, ваше величество. Требюшеты скоро опять понадобятся нам для метания камней. Даже дикий огонь не будет гореть вечно.

Джоффри весело побежал вниз, сопровождаемый сиром Меррином, но сира Осмунда Тирион задержал.

— Охраняйте его, что бы ни произошло, и пусть он останется там — понятно?

— Как прикажете, — дружелюбно улыбнулся Осмунд.

Тирион заранее предупредил

Транта и Кеттлблэка о том, что будет с ними, если с королем случится несчастье. А у подножия лестницы Джоффа ждет дюжина золотых плащей из числа ветеранов. «Я оберегаю твоего бастарда как могу, Серсея, – с горечью подумал Тирион. – И жду от тебя того же в отношении Алаяйи».

Не успел Джофф спуститься, по ступенькам взбежал запыхавшийся гонец.

– Милорд, скорее! – Он припал на одно колено. – Они высадились на турнирном поле – их там сотни! И к Королевским воротам тащат таран.

Тирион, выругавшись, заковылял вниз. Там его ждал Подрик Пейн с

лошадьми. Он поскакал по Речной с Подом и сиром Мендоном Муром за спиной. Зеленая тень окутывала ветхие дома, и на улице не было ни души. Тирион запретил всякое постороннее движение с тем, чтобы защитники могли быстро перебираться от одних ворот к другим. Но, подъехав к Королевским воротам, он услышал грохот – таран уже пустили в ход. Скрип огромных петель напоминал стоны умирающего великана. На площади между воротами лежали раненые, но многие кони остались целы, а наемников и золотых плащей было достаточно, чтобы составить сильную колонну.

— Стройся, — скомандовал Тирион, спрыгнув наземь. Ворота содрогнулись от очередного удара. — Кто здесь командир? На вылазку.

— Нет. — От стены отделилась тень, превратившись в высокого человека в темно-серых доспехах. Сандор Клиган обеими руками сорвал с себя шлем и бросил под ноги. Обгоревшая сталь покоробилась, от оскаленной собачьей головы отвалилось левое ухо. Кровь из раны над глазом текла по старым ожогам Пса, заливая поллица.

— Да, — сказал ему Тирион.

— Да пошел ты, — тяжело дыша, огрызнулся Пес. В разговор вмешался

какой-то наемник:

— Мы уже выходили наружу. Три раза. Половина наших людей убита или ранена. Повсюду дикий огонь, кони кричат как люди, а люди — как кони...

— А ты думал, тебя наняли выступать на турнире? Не угодно ли сладкого замороженного молочка и чашку малины? Нет? Так садись на своего сраного коня. И ты тоже, Пес.

Глаза Клигана на залитом кровью лице казались белыми. Он вытащил меч.

«Ему страшно, — понял пораженный Тирион. — Пес боится».

— Они бьют в ворота тараном, — попытался объяснить карлик, — сами

слышите. Надо их разогнать...

— Открой ворота — а когда они ворвутся, окружи их и убей. — Пес воткнул меч острием в землю и оперся на рукоять. Его шатало. — Я потерял половину моих людей вместе с лошадьми. Больше я в этот огонь не полезу.

К ним подошел сир Мендон Мур в безукоризненно белом эмалевом панцире.

— Тебе приказывает десница короля.

— Пусть десница идет в задницу. — Лицо Пса за пределами кровавого пятна было белым, как молоко. — Дайте кто-нибудь попить. — Офицер золотых плащей подал ему чашу.

Клиган сделал глоток, плюнул и отшвырнул ее прочь. — Пошел ты со своей водой. Вина дайте.

Да ведь он умирает, понял Тирион. Рана, огонь... ему конец. Надо найти другого, но кого? Сира Мендона? Нет, не годится. Эти люди заражены страхом Клигана. Без вожака они не двинутся с места, а сир Мендон... да, он опасный человек, Джейме говорил верно, но не из тех, кто способен повести за собой других.

Издали тоже донесся грохот, и меркнувшее небо над стеной озарилось зеленовато-оранжевым огнем. Долго ли выдержат ворота?

«Это безумие, — подумал

Тирион, — но лучше оно, чем поражение. Поражение — это смерть и позор».

— Хорошо! Я сам поведу вылазку.

Если он думал устыдить этим Пса, то ошибся. Тот только рассмеялся.

— Ты?

Тирион читал недоверие на лицах солдат.

— Да, я. Сир Мендон, вы будете нести королевское знамя. Под, подай шлем. — Мальчик бросился выполнять приказание. Пес, опершись на зазубренный, обогранный кровью меч, смотрел на Тириона белыми глазами. Сир Мендон помог деснице снова сесть

на коня. — Стройся! — прокричал Тирион.

Его большой рыжий жеребец имел на себе доспехи, защищающие голову, круп поверх кольчуги покрывала попона красного шелка. Высокое седло сверкало позолотой. Подрик подал шлем и тяжелый дубовый щит с золотой рукой на красном поле, окруженной мелкими золотыми львами. Тирион пустил коня по кругу, оглядывая свой маленький отряд. Его команде подчинилось не более двадцати человек — они сидели в седлах с белыми, как у Пса, глазами. Тирион окинул презрительным взором остальных, рыцарей и наемников.

– Меня прозвали полумужем. Что же тогда сказать о вас?

Это их проняло. Один рыцарь, без шлема, сел на коня и присоединился к отряду. Пара наемников последовала за ним, следом потянулись другие. Королевские ворота содрогнулись снова. Еще несколько мгновений – и войско Тириона удвоилось. Он поймал их. «Придется им драться наравне со мной, чтобы не считать самих себя ниже карлика».

– Я не стану выкликать имя Джоффри, – сказал он им. – И клича «Бобровый Утес» вы от меня тоже не услышите. Это ваш город Станнис хочет взять, ваши ворота он ломает.

Так вперед же – и убьем этого сукина сына! – Тирион вынул из чехла свой топор, развернул коня и двинулся рысью к калитке. Он надеялся, что они последуют за ним, но оглянуться назад не смел.

Санса

Факелы, ярко отражаясь в кованых зеркалах, заливали Бальный Зал Королевы серебряным светом. И все же здесь царил мрак – для Сансы он воплощался в бледных глазах сира Илина Пейна, который стоял у задней двери недвижно, как каменный, не прикасаясь ни к еде, ни к вину. Он слышался ей в мучительном кашле лорда Джайлса и в шепоте Осни Кеттлблэка, сообщавшего королеве новости.

Санса доедала суп, когда он появился впервые, войдя в заднюю дверь. Переговорив со своим братом

Осфридом, он взошел на помост и опустился на колени. От него пахло лошадью, на щеке подсыхали четыре длинные царапины, волосы рассыпались по плечам и падали на глаза. Санса не могла не слышать его слов, несмотря на шепот.

— Оба флота вступили в бой. Некоторое число лучников высадилось на берег, но Пес разбил их вдребезги. Ваш брат подал сигнал поднять цепь. Какие-то пьянчуги на Блошином Конце вышибают двери домов и лезут в окна — лорд Байвотер послал золотых плащей разделаться с ними. Септа Бейелора битком набита молящимися.

— Что мой сын?

— Король заехал к Бейелору получить благословение верховного септона. Теперь он вместе с десницей находится на стене и подбадривает людей.

Серсея велела своему пажу подать ей еще чашу густого золотистого вина из Бора. Она много пила, но вино только прибавляло ей красоты — щеки ее горели, глаза светились ярким, лихорадочным блеском. «Как дикий огонь», — подумалось Сансе.

Музыканты играли, жонглеры жонглировали, Лунатик мотался по залу на ходулях, насмехаясь над всеми и каждым, сир Донтос гонялся за служанками на своей палке от

метлы. Гости смеялись, но это был вымученный смех, готовый в любой миг обернуться плачем. Телом они здесь, но душой и сердцем — на городских стенах.

За супом последовал салат из яблок, орехов и винограда. В другое время этому блюду воздали бы должное, но сегодня вся еда была приправлена страхом. Не одна Санса страдала отсутствием аппетита. Лорд Джайлс больше кашлял, чем ел, Лоллис Стокворт сидела съежившись и вся дрожа, молодая жена одного из рыцарей сира Лансея разразилась рыданиями. Королева велела мейстеру Френкену уложить ее в постель, напоив сонным вином.

– Слезы – оружие женщины, – презрительно бросила Серсея Сансе, когда даму вывели из зала. – Так говорила моя леди-мать. А оружие мужчины – меч. Этим все сказано, не так ли?

– Мужчинам требуется большая храбрость. Скакать навстречу мечам и топорам, когда каждый стремится тебя убить...

– Джейме сказал мне однажды, что чувствует себя живым только на войне и в постели. – Серсея припала к чаше – к салату она так и не притронулась. – Я лучше бы вышла навстречу мечам, чем сидеть здесь и притворяться, что наслаждаешься обществом этих перепуганных куриц.

— Вы сами пригласили их, ваше величество.

— Это входит в обязанности королевы. От тебя будут ждать того же, если ты выйдешь за Джоффри, так что учись. — Королева обвела взглядом женщин на скамьях. — Сами по себе эти куры ничего не значат, но их петушки могут быть полезны, и кое-кто из них наверняка останется в живых после битвы. Посему мне приличествует взять этих женщин под свою защиту. Если несчастный карлик, мой брат, умудрится одержать верх, они вернутся к своим мужьям и отцам с рассказами о моей храбрости, поднимавшей им дух, ибо я ни на миг не сомневалась в победе.

– А если замок падает?

– Тебе бы хотелось этого, правда? – Серсея не стала дожидаться ответа. – Если моя гвардия меня не предаст, я сумею продержаться здесь некоторое время. А затем выйду на стену и сдамся лорду Станнису лично – это избавит нас от самого худшего. Но если крепость Мейегора падет до того, как сюда явится Станнис, мои гости скорее всего подвергнутся насилию. Нельзя исключать также увечий, пыток и убийств.

– Но ведь это безоружные женщины, – ужаснулась Санса, – благородные дамы.

– Да, их происхождение может

защитить их – но не по той причине, что ты думаешь. За каждую из них можно взять хороший выкуп, но солдаты, обезумевшие в бою, часто предпочитают плотские утехи звонкой монете. Впрочем, золотой щит лучше, чем вовсе никакого. С горожанками церемониться уж точно не станут и с нашими служанками тоже. Хорошеньких, вроде горничной леди Лоллис, ждет горячая ночка, но старым, больным и безобразным тоже нечего ждать пощады. После обильной выпивки слепая прачка и вонючая свинарка всякому покажется столь же желанной, как ты, дорогая.

– Я?

– Нечего пиццать, Санса. Ты

теперь женщина, помнишь? И невеста моего первенца. — Королева выпила еще вина. — Будь там за воротами кто-нибудь другой, я питала бы надежду соблазнить его. Но там Станнис Баратеон — скорее я смогу соблазнить его коня. — Она взглянула на Сансу и засмеялась. — Мои речи коробят вас, миледи? — Серсея наклонилась в ее сторону. — Дурочка. Слезы — не единственное оружие женщины. Между ног у тебя есть другое, и неплохо бы научиться пользоваться им. Мужчины-то орудуют своими мечами вовсю — мечами обоего рода.

Двое Кеттлблэков, снова войдя в зал, избавили Сансу от

необходимости отвечать. Сир Осмунд и его братья, улыбчивые и скорые на шутку, сделались любимцами всего замка — с конюхами и егерями они ладили столь же хорошо, как с рыцарями и оруженосцами. Молва, впрочем, гласила, что лучше всего они ладят со служанками. Недавно сир Осмунд занял при Джофффри место Пса, и женщины, стиравшие у колодца, говорили, что он силен, как Клиган, только моложе и проворнее. «Если это правда, — думала Санса, — почему же тогда никто и не слыхивал об этих Кеттлблэках, пока сира Осмунда не взяли в Королевскую Гвардию?»

Осни, улыбаясь, преклонил

колени перед королевой.

— Огненные лодки сработали, ваше величество. Вся Черноводная охвачена диким огнем. Сто кораблей горит, а то и больше.

— Что мой сын?

— Он у Грязных ворот с десницей и своими гвардейцами, ваше величество. До этого он говорил с лучниками на стене и дал им указания насчет стрельбы из арбалета. Люди восхищены его храбростью.

— Храбрость хороша в меру — был бы жив. — Серсея обернулась к другому брату, Осфриду, более высокому и суровому, с вислыми черными усами. — Говорите!

Осфрид, в стальном шлеме на длинных черных волосах, был мрачен.

— Ваше величество, мы схватили конюха и двух служанок, которые пытались уйти через калитку с тремя королевскими лошадьми.

— Первая измена этой ночи, но, боюсь, не последняя. Пусть ими займется сир Илин, а головы воткните перед конюшней в назидание другим. — Кеттлблэки ушли, и королева сказала Сансе: — Вот еще урок, который ты должна усвоить, если хочешь занять место рядом с моим сыном. Если проявить мягкость в подобную ночь, измена начнет размножаться вокруг тебя, как

грибы после дождя. Твой народ останется тебе верным только в одном случае, если будет бояться тебя больше, чем врага.

— Я запомню это, ваше величество, — сказала Санса, хотя ей всегда говорили, что любовь обеспечивает верность народа надежнее, чем страх. «Если я когда-нибудь стану королевой, я сделаю так, что меня будут любить».

За салатом подали пироги с крабами, затем жареную баранину с луком и морковью в полых хлебных краяхах. Лоллис, которая ела слишком жадно, стошнило на себя и на сестру. Лорд Джайлс, который между приступами кашля усердно

пил, повалился без чувств лицом в миску, среди луж вина. Королева посмотрела на него с отвращением.

— Видно, боги не в своем уме, если делают подобные создания мужчинами, — а я была не в своем уме, когда потребовала его освободить.

Вернулся Осфрид Кеттлблэк в развевающемся красном плаще.

— На площади собрался народ, ваше величество, — они просят впустить их в замок. Почтенные горожане, не какой-нибудь сброд — купцы и прочее.

— Велите им разойтись по домам. А если они не захотят, пусть арбалетчики подстрелят нескольких.

Вылазок не устраивать — ворота нельзя открывать ни под каким видом.

— Слушаюсь. — Осфрид поклонился и вышел.

Лицо королевы отвердело от гнева.

— Я сама бы охотно посшибала им головы мечом. — Речь ее сделалась не совсем внятной. — Детьми мы с Джейме были так похожи, что даже наш лорд-отец не мог различить нас. Порой мы менялись одеждой и целый день изображали один другого. Но когда Джейме вручили его первый меч, я ничего не получила. «А мне?» — спросила, помнится, я. Мы были так похожи — я

не могла понять, почему со мной обращаются по-другому. Джейме учили владеть мечом, копьем и палицей, а меня – петь, улыбаться и очаровывать. Он стал наследником Бобрового Утеса, а меня продали чужому мужчине, как лошадь – чтобы ездил на мне, когда захочется, бил, когда заблагорассудится, а со временем бросил ради кобылки помоложе. Уделом Джейме были слава и могущество, моим – роды и ежелунная кровь.

– Но ведь вы были королевой всех Семи Королевств...

– Когда дело доходит до мечей, даже королева – всего лишь женщина. – Чаша Серсеи опустела, и

паж хотел наполнить ее снова, но королева отрицательно качнула головой. — Довольно. Я должна сохранить ясность ума.

Напоследок гостям подали козий сыр с печеными яблоками. В зале запахло корицей, и Осни Кеттлблэк снова преклонил колени перед королевой.

— Ваше величество, Станнис высадил людей на турнирном поле, и переправа продолжается. Штурмуют Грязные ворота, и к Королевским притащили таран. Бес предпринял вылазку, чтобы отогнать их.

— Это, без сомнения, устрасит их, — сухо молвила Серсея. — Надеюсь, Джоффа он с собой не

взял?

— Нет, ваше величество. Король вместе с моим братом находится у Шлюх и швыряет Оленьих Людей в реку.

— В то время, когда штурмуют Грязные ворота? Что за глупость! Скажите сире Осмунду, чтобы немедленно забрал Джофффри оттуда — там слишком опасно. Пусть возвращаются в замок.

— Но Бес сказал...

— Вас должно касаться лишь то, что говорю я, — сузила глаза Серсея. — Ваш брат сделает, что ему велят, — иначе следующую вылазку возглавит он сам, и вы отправитесь вместе с ним.

Когда со столов убрали, многие гости попросили разрешения пойти в септу. Серсея милостиво дала свое позволение. Леди Танда с дочерьми была в числе ушедших. Для оставшихся позвали певца, и он наполнил зал сладостными звуками высокой арфы. Он пел о Джонквиль и Флориане, о принце Эйемоне, Драконьем Рыцаре, и его любви к королеве, супруге его брата, о Нимерии и десяти тысячах ее кораблей. Красивые песни, но такие печальные! Женщины плакали, и у Сансы тоже увлажнились глаза.

— Не трать попусту слезы, дорогая, — наклонилась к ней королева. — Они тебе еще

понадобятся для короля Станниса.

— Ваше величество? —

беспокойно шевельнулась Санса.

— Избавь меня от своих пустых любезностей. Раз уж дошло до карлика, значит, дело совсем плохо — можешь смело снять свою маску. Я ведь знаю, зачем ты бегала в богорощу.

— В богорощу? — (Только не смотри на сира Донтоса! Не смотри! Она не может этого знать, никто не может. Мой Донтос, мой Флориан обещал, что никто не узнает.) — Я ходила туда молиться.

— За Станниса. Или за своего брата — все равно. Зачем еще тебе были нужны боги твоего отца? Ты

молилась за наше поражение. Что это, по-твоему, как не измена?

— Я молилась за Джоффри, — настаивала испуганная Санса.

— Еще бы — он ведь так ласков с тобой! — Королева взяла у проходившей мимо прислужницы штоф сладкой сливянки и налила Сансе. — Пей, — холодно приказала она, — авось наберешься мужества сказать правду в кои-то веки.

Санса пригубила приторно-сладкое и очень крепкое вино.

— Ну уж нет. Пей до дна, Санса, — твоя королева приказывает тебе.

Санса едва не поперхнулась, но исполнила приказание, и у нее закружилась голова.

– Еще? – осведомилась Серсея.

– Нет. Пожалуйста, не надо.

Вид у королевы был недовольный.

– Когда ты спросила меня про сира Илина, я тебе солгала. Хочешь услышать правду, Санса? Хочешь узнать, зачем он здесь на самом деле?

Санса не посмела ответить, да в этом и не было нужды. Королева уже сделала рукой знак. Санса не заметила, когда сир Илин вернулся в зал, но он был здесь и шел к помосту неслышно, как кот. Лед он нес наголо. Отец после казни всегда очищал свой меч в богороще, но сир Илин был не столь заботлив. На

волнистой стали сохла кровь, из красной уже ставшая бурой.

– Скажи леди Сансе, зачем я держу тебя здесь.

Сир Илин открыл рот и проскрипел что-то без всякого выражения на изрытом оспой лице.

– Он говорит, что находится здесь ради нас. Станнис может взять город и занять трон, но суда над собой я не допущу. Я не желаю, чтобы мы достались ему живыми.

– Мы?!

– Ты не ослышалась. Советую тебе помолиться заново – и не по-прежнему. Старкам не придется порадоваться падению дома Ланнистеров, даю тебе слово. –

Королева ласково коснулась волос Сансы, убрав их с шеи.

Тирион

Зрение Тириона ограничивала прорезь шлема, но, поворачивая голову, он мог видеть три галеи, приставшие к турнирному полю, и четвертую, побольше остальных, — она стояла на середине реки и стреляла бочонками горячей смолы из катапульты.

— Стройся клином, — скомандовал он, когда его отряд выехал за ворота. Они сформировали наконечник копья, где острием был он. Сир Мендон Мур занял место справа от него — пламя отражалось в белой эмали его панциря, мертвые

глаза бесстрастно поблескивали сквозь забрало. Угольно-черный конь под ним имел на себе белые доспехи, к руке был прикреплен чисто-белый щит королевского гвардейца. Слева удивленный Тирион обнаружил Подрика Пейна с мечом в руке.

— Тебе тут не место, мальчик, — отправляйся назад.

— Я ваш оруженосец, милорд.
На споры не было времени.

— Ладно — держись подле меня. —
Тирион пришпорил жеребца.

Колено к колену они ехали вдоль городской стены. С древка в руке сира Мендона струился красный с золотом штандарт Джоффри — лев и олень, выступающие бок о бок. С

шага они перешли на рысь, развернувшись вокруг подножия башни. Со стены сыпались стрелы, и камни летели куда попало — на землю, в воду и на людей. Впереди высились королевские ворота, где толпа солдат орудовала громадным тараном из черного дуба с железной головой. Лучники с кораблей, стоя вокруг, обстреливали всех, кто показывался наверху.

— Копья наперевес, — скомандовал Тирион, посылая коня вперед.

Почва была скользкой от ила и крови. Конь, споткнувшись о труп, зашатался, и Тирион подумал было, что тут его атаке и конец, — но как-то

удержался в седле, а тут и конь выровнялся. Люди у ворот торопливо поворачивались, готовясь к бою. Тирион вскинул топор с криком:

— Королевская Гавань! — Другие голоса поддержали его, и клин, бряцая сталью, свистя шелком и гремя копытами, ринулся вперед.

Сир Мендон опустил копье в самый последний миг, вогнав знамя Джоффри в грудь чьего-то клепаного колета и подняв врага на воздух — потом древко переломилось. Перед Тирионом возник рыцарь, на камзоле которого лиса выглядывала в цветочный венок. «Флорент, — мелькнуло в уме у Тириона, и тут же следом: — Он без шлема». Топор

обрушился на лицо рыцаря, и такова была сила конского разбега, что тому снесло полголовы. От удара плечо Тириона онемело. «Вот бы Шагга посмеялся», — подумал он на скаку.

Чье-то копье грохнуло о его щит. Под мчался рядом, рубя каждого встречного-поперечного. Краем уха Тирион слышал, как радостно вопят люди на стенах. Брошенный всеми таран хлопнулся в грязь. Тирион сшиб конем лучника, разрубил копейщика от плеча до подмышки, безуспешно рубанул по шлему с меч-рыбой на гребне. У тарана его рыжий взвился на дыбы, но вороной взял препятствие с ходу, и сир Мендон унесся вперед, словно смерть в

белоснежном плаще. Его меч рубил руки, раскалывал головы, дробил щиты – впрочем, мало кто из врагов переправился через реку с целыми щитами.

Тирион послал коня через таран. Враги обратились в бегство. Он вертел головой туда-сюда, но нигде не видел Пода. О шлем сбоку стукнулась стрела, на дюйм разминувшись с глазным отверстием, и Тирион от испуга чуть не свалился с коня. «Если я буду торчать тут как чурбан, почему бы заодно не нарисовать мишень на панцире?»

Он снова пришпорил коня. Тот поскакал, перепрыгивая через мертвые тела. Всю реку ниже по

течению загораживали горящие галеи. Острова дикого огня еще плыли по воде, выбрасывая зеленое пламя на двадцать футов в воздух. Все, кто бил в ворота тараном, разбежались, но по всему берегу шли бои. Люди сира Бейлона Сванна или Лансея пытались оттеснить назад врагов, спасающихся с горящих кораблей.

— За мной! К Грязным воротам!
— скомандовал Тирион.

— К Грязным воротам! —
громогласно повторил сир Мендон, и
все поскакали туда. — Королевская
Гавань! — нестройно кричали
солдаты, и еще: — Полумуж!
Полумуж! — Кто их только этому

научил? Сквозь сталь и мягкую подкладку шлема Тириону слышались крики боли, треск огня, вой боевых рогов и медные голоса труб. Огонь бушевал повсюду. Боги, неудивительно, что Пес так испугался. Огонь вселяет в него страх...

С Черноводной донесся оглушительный треск – это камень с коня величиной обрушился на одну из галей. Нашу или чужую? Тирион не мог этого разглядеть через клубящийся дым. Его клин рассыпался – каждый теперь вел свой собственный бой. «Надо бы повернуть назад», – подумал Тирион, продолжая скакать вперед.

Топор в руке отяжелел. Горстка бойцов еще следовала за ним — остальные были убиты или отстали. Ему стоило труда направлять коня на восток. Скаун любил огонь не больше, чем Сандор Клиган, но легче поддавался уговорам.

Из реки вылезали люди — обожженные, истекающие кровью, выкашливающие воду, шатающиеся, еле живые. Тирион мчался через них, приканчивая тех, кто еще стоял. Битва сузилась до пределов его смотровой щели. Рыцари вдвое больше него разбегались или гибли от его руки. Страх делал их маленькими.

— Ланнистер! — кричал Тирион,

убивая. Его рука, обагрившаяся по локоть, рдела в отблесках огня. Конь снова взвился на дыбы – Тирион вознес топор к небу, и звезды ответили ему: – Полумуж! Полумуж! – Он чувствовал себя опьяненным.

Боевая горячка. Не думал он, что способен ее испытать, хотя Джейме часто о ней рассказывал. Как время замедляет свой ход и даже останавливается, как исчезают прошлое и будущее, оставляя лишь один-единственный миг, как улетучиваются страхи и мысли, как забываешь о собственном теле. «Ты не чувствуешь ни ран, ни ноющей от доспехов спины, ни пота, льющегося тебе в глаза. Ты перестаешь

чувствовать, перестаешь думать, перестаешь быть собой, остается только бой и враг – один, другой, третий, десятый, и ты знаешь, что не подвластен усталости и страху в отличие от них. Ты жив! Вокруг тебя смерть, но они так медленно поворачиваются со своими мечами – ты танцуешь среди них, смеясь». Боевая горячка. «Я полумуж, охмелевший от резни, – пусть убьют меня, если смогут!»

Они пытались. На него набежал человек с копьем – Тирион отсек наконечник, потом кисть, потом руку по локоть, описывая круги вокруг копейщика. Лучник, потерявший лук, бросился на него со стрелой, держа

ее, как нож. Конь Тириона ударил его копытом в бедро и сбил с ног, а Тирион издал лающий смех. Проезжая мимо знамени, воткнутого в землю — одного из огненных сердец Станниса, — он разрубил его древко надвое. Невесть откуда взявшийся рыцарь рубанул по его щиту двуручным мечом — и еще раз, и еще, пока кто-то не ткнул ему кинжалом под мышку. Тирион так и не увидел кто — один из защитников города, вероятно.

— Я сдаюсь, сир, — закричал ему другой рыцарь. — Сир рыцарь, я сдаюсь вам. Вот знак. — Лежа в луже черной воды, он поднимал вверх свою перчатку. Тириону пришлось

нагнуться, чтобы взять ее, — и в этот самый миг над головой у него пролетел сосуд с диким огнем, разбрызгивая зеленое пламя. В его свете Тирион разглядел, что лужа под рыцарем не черная, а красная. В перчатке застряла отрубленная рука. Тирион швырнул ее обратно. — Сдаюсь, — безнадежно прорыдал рыцарь, когда Тирион поскакал прочь. Какой-то латник сгреб коня за узду и ткнул Тириону в лицо кинжалом, но карлик выбил у него нож и обрушил топор ему на затылок. Вытаскивая лезвие назад, он увидел краем глаза что-то белое. Тирион подумал, что это сир Мендон Мур, но это был другой белый рыцарь — сир

Бейлон Сванн. Доспехи на нем были те же, но на конской броне чередовались белые и черные лебеди его дома. Скорее пегий рыцарь, чем белый, мелькнуло у Тириона в голове: сир Бейлон был весь в крови и копоти. Рыцарь указал вниз по реке палицей, облепленной мозгами и осколками кости.

– Смотрите, милорд.

Тирион развернул коня, чтобы взглянуть. Быстрые черные воды реки покрылись кровью и пламенем, небо переливалось красным, оранжевым и ярко-зеленым.

– Куда смотреть-то? – спросил Тирион и тогда увидел.

Люди в стальных латах

карабкались с разбившейся о причал галеи. Как их много — откуда они взялись? Тирион проследил их путь сквозь дым и пламя. Там сбилось вместе штук двадцать галей, а то и больше — сосчитать было трудно. Их весла скрестились, борта соединялись абордажными крючьями, таран одной торчал в бок другой, упавшие снасти переплелись. Один большой корабль плавал кверху дном между двумя помельче. Разбитые галеи образовали мост, по которому можно было пересечь Черноводную.

Сотни наиболее храбрых бойцов Станниса Баратеона именно этим и занимались. Один рыцарь сдуру

пустился через реку верхом, заставляя охваченного ужасом коня перескакивать через планширы и весла и преодолевать накренившиеся, залитые кровью и охваченные зеленым огнем палубы. «Мы сами построили им этот мост», – подумал пораженный Тирион. Местами он ушел под воду, местами горел, местами потрескивал, угрожая развалиться, но врагов это не останавливало.

– Экие смельчаки, – восхищенно сказал Тирион сира Бейлону. – Надо перебить их.

Он повел своих бойцов и людей сира Бейлона сквозь гаснущий огонь, копоть и пепел по длинному

каменному молу. Их нагнал сир Мендон с разбитым в щепки щитом. Дым, полный искр, наполнял воздух. Враг дрогнул под их атакой и стал отступать обратно в реку, топча тех, кто пытался выбраться на берег. Началом моста служила полузатопленная вражеская галера с именем «Погибель драконов» на носу — она напоролась днищем на одну из затопленных посудин, которые Тирион насовал между молами. Латник с красным крабом дома Селтигаров пронзил копьем грудь коня сира Бейлона — рыцарь не успел соскочить и вылетел из седла. Тирион, проносясь мимо, рубанул латника по голове и хотел натянуть

поводья — но было уже поздно. Его конь махнул с конца мола, перескочил через разбитый планшир и с диким ржанием ушел в воду по самые бабки. Тирион упустил топор, вылетел из седла сам, и мокрая палуба взмыла ему навстречу.

Вслед за этим началось какое-то безумие. Его конь, сломавший ногу, исходил криком. Тирион умудрился вытащить кинжал и перерезал бедняге горло. Кровь фонтаном брызнула из раны, окатив ему руки и грудь. Тирион поднялся и заковылял к борту, скользя по вспученным, залитым водой доскам. Навстречу попадались люди. Кого-то он убил, кого-то ранил, кто-то уклонился, но

откуда-то брались все новые и новые. Он потерял свой нож и подобрал сломанное копье. Он колот им, выкрикивая проклятия. Люди бежали от него, и он гнался за ними, перелезая на другой корабль и на третий. Две его белые тени, Бейлон Сванн и Мендон Мур, прекрасные в своей снежной броне, сопровождали его неотступно. Окруженные латниками Велариона, они сражались спина к спине, превращая битву в подобие танца.

Действия самого Тириона не отличались изяществом. Одного он ткнул в почки, когда тот повернулся спиной, другого поймал за ногу и скинул в реку. Стрелы свистели мимо

его головы и стукались о броню. Одна вонзилась в щель между плечом и панцирем, но Тирион не почувствовал боли. Голый человек рухнул с неба на палубу и лопнул, как сброшенная с башни дыня. Кровь его брызнула в смотровую щель Тириона. Полетели камни, падая на корабли и превращая их в щепки. Наконец весь мост содрогнулся и сбросил с себя Тириона.

В шлем внезапно полилась вода. Тирион сорвал его с себя и пополз по перекошенной палубе до места, где ему было по шее. В воздухе стоял стон, исторгаемый словно неким издыхающим чудищем. Корабль, сообразил Тирион. Корабль хочет

оторваться. Разбитые галеи расцеплялись, и мост рушился. Не успев толком осмыслить это явление, Тирион услышал треск, подобный грому, палуба под ним колыхнулась, и он полетел обратно в воду.

Крен был так силен, что обратно он лез, держась за какой-то канат и подтягиваясь дюйм за дюймом. Краем глаза он увидел, что соседний корабль медленно, кружась, уплывает вниз по течению, а люди прыгают с него в реку. Одни носили на себе огненные сердца Станниса, другие — льва и оленя Джоффри, третьи — другие эмблемы, но никто уже не обращал на это внимания. И внизу, и вверху пылали пожары. На одном

берегу кипел бой – там реяли яркие знамена, составлялись и рушились стены из щитов, конные рыцари скакали по кровавой грязи среди дыма и пыли. С другой стороны высился на своем холме Красный Замок, изрыгая огонь. Да нет же, не может быть. На миг Тирион подумал, что сошел с ума или Станнис и замок поменялись местами. Как ухитрился Станнис переправиться на северный берег? С опозданием Тирион сообразил, что корабль крутится вместе с ним – отсюда и путаница. Но что там за битва? С кем может сражаться Станнис на том берегу? Тирион слишком устал, чтобы угадывать. Плечо ужасно болело – он

хотел потерять его, увидел стрелу и вспомнил. Хорошо бы убраться с этого корабля. Впереди не было ничего, кроме огненной стены, — если эта посудина поплывет, то врежется прямо в нее. Кто-то звал его по имени.

— Сюда! — отозвался Тирион. — Я здесь! Помогите! — Но из горла шел какой-то писк — он сам себя едва слышал. Он подтянулся повыше и ухватился за поручни борта. Галея столкнулась с другой так сильно, что его чуть не сбросило в реку. Куда подевался весь его пыл? Теперь он только и мог, что держаться.

— МИЛОРД! ДЕРЖИТЕ МОЮ РУКУ! МИЛОРД Тирион!

На палубе ближнего корабля, за
ширящимся прогалом черной воды,
стоял сир Мендон Мур, протягивая
руку. Желто-зеленый огонь
отражался в его белых доспехах,
боевая перчатка запеклась от крови.
Тирион потянулся к нему, сожалея о
недостаточной длине своих рук.
Лишь в последний миг, когда их
пальцы соприкоснулись, его
поразило то, что сир Мендон
протягивает ему левую руку...

Не потому ли он откатнулся
назад — или он все-таки увидел меч?
Тирион так никогда и не узнал.
Острие задело его чуть ниже глаз —
он ощутил холодное прикосновение
стали, а затем боль. Голова

дернулась, словно от оплеухи, и холодная вода тут же нанесла ему другую. Тирион отчаянно барахтался, зная, что если уж пойдет ко дну, то больше не выплывет. Каким-то чудом он нащупал расщепленный конец весла. Вцепившись в него, как страстный любовник, Тирион полез вверх фут за футом. Вода заливала глаза, кровь наполняла рот, голова раскалывалась. «Боги, дайте мне силы добраться до палубы...» В мире не осталось ничего, кроме весла, воды и палубы.

Наконец он перевалился через борт и без сил растянулся на спине. Шары зеленого и оранжевого пламени трещали над головой,

оставляя следы между звезд. Тирион успел еще подумать, как это красиво, но тут сир Мендон загородил ему вид — белая стальная тень с поблескивающими темными глазами. Сил у Тириона осталось не больше, чем у тряпичной куклы. Сир Мендон приставил меч к его горлу, обеими руками держась за рукоять.

Внезапно он качнулся влево и повалился на поручни. Они треснули, и сир Мендон Мур с криком и плеском ушел под воду. Миг спустя разбитые корабли снова столкнулись, и палуба подскочила вверх. Кто-то стоял рядом на коленях.

— Джейме? — прохрипел Тирион,

захлебываясь собственной кровью. Кто же еще мог спасти его, если не брат?

— Лежите спокойно, милорд, вы ранены. — Мальчишеский голос — что это значит? Почти как у Пода.

Санса

Когда сир Лансель Ланнистер сообщил королеве, что битва проиграна, она лишь проронила, вертя в руках пустую чашу:

— Скажите об этом моему брату, сир. — Голос ее звучал отстраненно, как будто эта новость очень мало интересовала ее.

— Ваш брат скорее всего убит. — Камзол сира Ланселя намок от крови, сочившейся из раны под рукой. Когда он вошел в зал, несколько женщин подняли визг. — Он был на корабельном мосту, когда тот распался. Сир Мендон, вероятно,

тоже погиб, а десницу так и не нашли. Проклятие богам, Серсея, зачем вы велели вернуть Джоффри в замок? Золотые плащи бросают копья и бегут – сотнями. Увидев, что с ними нет короля, они совсем пали духом. Вся Черноводная покрыта обломками, огнем и трупами, но мы могли бы продержаться, если...

Осни Кеттлблэк, отстранив его, вышел вперед.

– Бой идет на обоих берегах реки, ваше величество. Можно подумать, что лорды Станниса сцепились друг с другом – ничего нельзя понять. Никто не знает, куда делся Пес, а сир Бейлон отступил за стены города. Весь берег захвачен

врагом. В Королевские ворота снова бьют тараном, а ваши люди, как верно сказал сир Лансель, покидают стены и убивают своих офицеров. У Железных и Божьих ворот собрались толпы, рвущиеся наружу, в Блошином Конце бушует перепившаяся чернь...

«Боги праведные, – подумала Санса. – Вон оно. Джоффри потерял голову, а с ним и я». Она искала взглядом сира Илина, но палача не было видно. И все же она чувствовала, что он здесь, рядом, и ей от него не уйти.

Королева со странным спокойствием обратилась к Осфриду:

– Поднимите мост и закройте двери. Никто не войдет в крепость

Мейегора и не выйдет из нее без моего разрешения.

— А как быть с женщинами, которые ушли помолиться?

— Они пренебрегли моей защитой. Пусть себе молятся — авось их защитят боги. Где мой сын?

— В надвратной башне замка. Он пожелал командовать арбалетчиками. Снаружи бушует толпа, половину которой составляют золотые плащи, покинувшие Грязные ворота вслед за королем.

— Приведите его сюда — немедленно.

— Нет! — Лансель так разозлился, что прокричал это в голос. — Мы должны отбить Грязные ворота

назад. Пусть остается на своем месте — он король, в конце концов...

— Он мой сын. — Серсея Ланнистер поднялась на ноги. — Ты тоже Ланнистер, кузен, — докажи же это на деле. Что ты стоишь, Осфрид? Я сказала — немедленно.

Осфрид поспешно вышел вместе с братом. Многие женщины тоже ринулись вон, плача и бормоча молитвы. Другие остались за столами, требуя еще вина.

— Серсея, — взмолился Лансель, — если замок падет, Джоффри все равно убьют, ты же знаешь. Пусть останется на месте — я не покину его, клянусь...

— Прочь с дороги. — Серсея

хлопнула его ладонью прямо по ране. Он закричал и чуть не лишился чувств, а королева удалилась, не удостоив Сансу даже взглядом. «Она забыла обо мне. Сир Илин убьет меня, а она и не вспомнит».

– О боги, – причитала какая-то старуха. – Мы погибли, битва проиграна, а она убегает. – Дети, чувствуя общий страх, плакали. Санса осталась одна на помосте. Как быть – сидеть здесь или бежать вслед за королевой и молить ее о пощаде?

Сама не зная, зачем это делает, Санса поднялась и громко сказала:

– Не бойтесь. Королева велела поднять мост. Это самое безопасное место в городе. Здесь толстые стены

и ров с острыми пиками...

— Но что случилось? — спросила женщина, которую Санса немного знала, — жена какого-то мелкого лорда. — Что Осни сказал ей? Король ранен? Город пал?

— Скажи нам! — подхватили другие женщины. Одна спрашивала про отца, другая про сына.

Санса успокаивающим жестом подняла руки.

— Джоффри вернулся в замок. Он не ранен. Битва продолжается — вот все, что я знаю, и наши сражаются храбро. Королева скоро вернется. — Последнее было ложью, но должна же она была как-то успокоить их. Под галереей Санса заметила шутов.

– Ну-ка, Лунатик, рассмеши нас.

Лунатик перекувыркнулся, вскочил на стол, схватил четыре кубка и начал жонглировать ими. Один то и дело падал и бил его по голове. Раздались робкие смешки. Санса опустилась на колени рядом с сиром Ланселем, чья рана после удара королевы стала кровоточить сильнее.

– Безумие, – выдохнул он. – Боги, как же прав был Бес...

– Помогите ему, – приказала Санса двум слугам. Один только посмотрел на нее и бросился наутек вместе со штофом. Прочая челядь тоже разбегалась, и Санса не могла этому помешать. Вместе со вторым

службой она поставила раненого рыцаря на ноги. — Отведи его к мастеру Френкену. — Лансель был один из них, но ему Санса почему-то не желала смерти. «Я слабая, мягкая и глупая — Джоффри верно говорит. Мне бы следовало убить его, а я ему помогаю».

Факелы догорали — один или два уже погасли. Никто не трудился заменять их. Серсея не возвращалась. Сир Донтос, пользуясь тем, что все смотрели на другого дурака, взобрался на помост и прошептал:

— Ступайте к себе в комнату, милая Джонквиль. Запритесь — и вы будете в безопасности. Я приду к вам, когда битва кончится.

«Кто-нибудь уж точно придет, – подумала Санса, – не ты, так сир Илин». В один безумный миг она чуть не взмолилась, чтобы Донтос ее защитил. Он ведь тоже рыцарь, обученный владеть мечом и поклявшийся защищать слабых. Но нет. У него нет ни отваги, ни умения. Я и его заодно погублю.

Ей понадобились все ее силы, чтобы выйти из Бального Зала королевы медленно – она охотно пустилась бы бежать. Дойдя до винтовой лестницы, она побежала-таки наверх так, что перехватило дыхание и голова закружилась. С ней столкнулся несущийся вниз стражник – украшенный

драгоценностями кубок и пара серебряных подсвечников вывалились из его красного плаща и загремели по ступенькам. Он заторопился вслед, не обращая на Сансу внимания, — ведь она не собиралась отнять у него добычу.

В ее комнате было черным-черно. Санса заперлась на засов и ощупью пробралась к окну. Отодвинув шторы, она ахнула.

Южный небосклон, залитый многоцветным заревом, отражал пылающие внизу пожары. Зловещий зеленый прилив омывал облака, и ширились пятна оранжевого света. Красно-желтые отблески обычного пламени боролись с изумрудом и

яшмой дикого огня — каждый цвет то вспыхивал, то меркнул, порождая орды недолговечных, тут же умирающих теней. Зеленые рассветы сменялись оранжевыми сумерками. В воздухе пахло как от котла с супом, который слишком долго пробыл на огне и весь выкипел. Во мраке, как рои светляков, носились искры.

Санса попятилась от окна, торопясь зарыться в постель. «Надо уснуть. Когда я проснусь, будет уже новый день, и небо снова станет голубым. Битва окончится, и кто-нибудь скажет, что мне суждено — жить или умереть».

— Леди, — пролепетала Санса. Встретится ли она после смерти со

своей волчицей?

Что-то шевельнулось во тьме, и чья-то рука сомкнулась у нее на запястье.

Санса хотела закричать, но другая рука зажала ей рот, едва не удушив. Пальцы были жесткие, мозолистые, липкие от крови.

— Пташка. Я знал, что ты придешь, — прохрипел пьяный голос.

За окном к звездам стрельнуло копьё изумрудного света, озарив комнату, и Санса увидела его — черно-зеленого, с темной, как смола, кровью на лице и светящимися по-собачьи глазами. Затем свет померк, и остался только сгусток тьмы в замаранном белом плаще.

– Закричишь – убью. Можешь мне поверить. – Он убрал руку от ее рта. Санса учащенно дышала. Пес взял штоф вина, стоящий рядом с кроватью, и потянул из него. – Не хочешь ли спросить, кто побеждает, пташка?

– И кто же? – Она слишком испугалась, чтобы перечить ему.

– Я знаю только, кто потерпел поражение, – засмеялся он. – Это я.

Таким пьяным она его еще не видела – и он спал на ее постели. Что он здесь делает?

– Почему вы так говорите?

– Потому что это правда. – Засохшая кровь скрывала ожоги на его лице. – Проклятый карлик. Жаль,

что я не убил его давным-давно.

— Говорят, он убит.

— Убит? Ну нет. Не хочу я, чтобы он погиб просто так. — Пес отшвырнул от себя опустевший штоф. — Хочу, чтобы он сгорел. Если боги справедливы, они сожгут его, но я должен это видеть. Я ухожу.

— Уходите? — Санса попыталась освободиться, но он держал ее как в тисках.

— Маленькая пташка повторяет все, что слышит. Да, ухожу.

— Но куда?

— Подальше отсюда. Подальше от огня. Через Железные ворота. Куда-нибудь на север.

— Вы не выйдете отсюда.

Королева закрыла крепость Мейегора, и городские ворота тоже заперты.

— Только не для меня — ведь на мне белый плащ. И это тоже при мне. — Он похлопал по рукояти своего меча. — Всякий, кто попробует меня остановить, — мертвец. Если только у него нет под рукой огонька, — с горьким смехом сказал Пес.

— Зачем вы пришли сюда?

— Ты обещала мне песню, пташка, — забыла?

Она не понимала, о чем он. Как может она петь для него здесь, под пламенеющим небом, когда люди гибнут сотнями и тысячами?

— Я не могу. Отпустите меня —

мне страшно.

— Тебе всегда страшно. А ну посмотри на меня. Посмотри!

Кровь скрывала его шрамы, но широко раскрытые белые глаза пугали ее, и угол его изуродованного рта дергался. От него разило потом, кислым вином и блевотиной, но запах крови заглушал все.

— Я позаботился бы о тебе. Они все меня боятся. Пусть-ка кто-нибудь посмеет тебя тронуть — убью! — Он дернул ее к себе, и ей показалось, что он хочет ее поцеловать. Он был слишком силен, чтобы с ним бороться. Санса закрыла глаза, молясь, чтобы это поскорее кончилось, но ничего так и не

случилось. — Не можешь на меня смотреть, да? — Он вывернул ей руку и швырнул ее на кровать. — Давай пой — про Флориана и Джонквиль, как обещала. — Он приставил кинжал к ее горлу. — Пой, пташка, пой, если жизнь дорога.

В горле у нее пересохло со страху, и все песни, которые она знала, вылетели из головы. Пожалуйста, не убивайте меня, хотелось закричать ей. Он нажал острием чуть сильнее, и она уже закрыла было глаза опять, покоряясь судьбе, но потом вспомнила. Не песню о Флориане и Джонквиль, но все-таки песню. Тонким дрожащим голосом она запела:

Мать, Мать всеблагая,
Помилуй наших сыновей,
Огради щитом их крепким
От стрел каленых и мечей.

Мать, женщин оборона,
Помилуй наших дочерей,
Утишь безумство супостата
Рукою благостной своей.

Другие слова она забыла и умолкла, боясь, что он убьет ее, но Пес молча отвел кинжал от ее горла.

Чутье побудило ее поднять руку и коснуться пальцами его щеки. Она не видела его в темноте, но чувствовала липкость крови и что-то

другое, не кровь, хотя и мокрое.

— Пташка, — проскрежетал он, как сталь о камень, и встал. Санса услышала треск разрываемой ткани и удаляющиеся шаги.

Отважившись наконец слезть с кровати, она поняла, что осталась одна. На полу валялся белый плащ Пса, скомканный, покрытый копотью и кровью. Небо за окном потемнело, и лишь редкие бледно-зеленые призраки плясали среди звезд. Холодный ветер хлопал ставнями. Санса озябла. Она развернула разорванный плащ и съежилась под ним на полу, вся дрожа.

Она не знала, долго ли там оставалась, но через некоторое время

где-то в городе зазвонил колокол. Густой бронзовый звон становился все чаще. Что это могло означать? К первому колоколу примкнул второй, потом третий — звон плыл по холмам и низинам, по площадям и переулкам, проникая во все уголки Королевской Гавани. Санса сбросила плащ и подошла к окну.

На востоке брезжил рассвет. Колокола звонили теперь и в Красном Замке, вплетаясь в реку звуков, льющуюся от семи кристальных башен Великой Септы Бейелора. Когда король Роберт умер, тоже звонили в колокола, но тот звон был медленный, скорбный, а не веселый, как теперь. Люди на улицах

кричали что-то — тоже весело.

Новости ей принес сир Донтос. Он ввалился в ее открытую дверь, обхватил Сансу своими ручищами и закружил по комнате. Она ни слова не понимала из его восклицаний. Он был пьян не меньше, чем Пес, но счастлив. У нее голова пошла кругом, когда он наконец поставил ее на пол.

— В чем дело? — Она ухватилась за столбик кровати. — Что случилось? Говорите же!

— Кончено! Кончено! Город спасен! Лорд Станнис то ли убит, то ли бежал — никто не знает, да никому и дела нет, его войско разбито, опасность миновала. Они разбиты, они бегут! О, эти яркие знамена,

Джонквиль! Нет ли у вас вина? Мы должны выпить вместе. Вы спасены теперь, понимаете?

— Да скажите же толком! — потрясла его Санса.

Сир Донтос запрыгал с ноги на ногу, с трудом умудряясь не упасть.

— Они пришли сквозь пепел горячей реки. Станнис уже по шею зашел в воду, и они напали на него сзади. О, если бы мне снова стать рыцарем! Говорят, люди Станниса почти не сопротивлялись. Они либо пустились в бегство, либо склонили колено и перешли на другую сторону, выкликая имя Ренли! Не знаю уж, что подумал Станнис, слыша это! Мне сказал об этом Осни Кеттлблэк,

а ему – сир Осмунд, и люди сира Бейлона говорят то же самое, и золотые плащи. Мы спасены, дорогая! Они пришли по Дороге Роз, вдоль реки, через сожженные Станнисом поля, и доспехи их посерели от пепла, но на их знаменах блистают золотая роза и золотой лев, и дерево Марбрандов, и дерево Рованов, охотник Тарли и виноград Редвина, и дубовый лист леди Окхарт. Все лорды западных земель, вся мощь Хайгардена и Бобрового Утеса. Сам лорд Тайвин перешел с правым крылом на северный берег. Центром командовал Рендил Тарли, а левым крылом – Мейс Тирелл, но битву выиграл

авангард. Он врезался в Станниса, как копье в тыкву, и бойцы его выли, как одетые сталью демоны. А знаете, кто вел авангард? Знаете? Знаете?

— Робб? — Едва ли она могла на это надеяться, но все же...

— Лорд Ренли! Лорд Ренли в своих зеленых доспехах, с мерцающими при свете пламени золотыми оленьими рогами! Лорд Ренли с длинным копьем в руке! Говорят, он убил в единоборстве сира Гюярда Морригена и еще дюжину знаменитых рыцарей. Это был Ренли, Ренли, Ренли! Ах, если бы мне снова стать рыцарем!

Дейенерис

Дени завтракала холодной похлебкой из креветок и хурмы, когда Ирри принесла ей квартийское платье из плотного шелка цвета слоновой кости, украшенное мелким жемчугом.

— Убери это, — сказала Дени. — Гавань не место для такого наряда.

Если молочные люди считают ее дикаркой, она будет одеваться по-дикарски. Дени отправилась на конюшню в выгоревших штанах из песочного шелка и травяных сандалиях. Ее маленькие груди свободно колыхались под расшитой

дотракийской безрукавкой, на поясе из медальонов висел кривой кинжал. Чхику заплела ее на дотракийский лад, привесив к косе серебряный колокольчик.

— Но я не одержала никакой победы, — сказала служанке Дени.

— Ты сожгла мейег в их доме праха и послала их души в ад, — возразила Чхику.

Это победа Дрогона, а не моя, хотела сказать Дени, но смолчала. Колокольчики в волосах обеспечат ей уважение дотракийцев. Позванивая, она села на свою серебристую кобылку, и ни она, ни сир Джорах, ни ее кровные всадники ни словом об этом не обмолвились. Охранять

людей и драконов в ее отсутствие она оставила Ракхаро. Чхого и Агго сопровождали ее в порт.

Мраморные дворцы и ароматные сады остались позади – теперь они ехали через бедный квартал, где скромные кирпичные дома смотрели на улицу глухими стенами. Здесь было меньше лошадей и верблюдов, не говоря уж о паланкинах, зато улицы кишели детьми, нищими и тощими псами песочного цвета. Бледнокожие люди в пыльных полотняных балахонах провожали их взглядами с порогов. «Они знают, кто я, и не питают ко мне любви», – догадывалась Дени.

Сир Джорах предпочел бы

усадить ее в носилки, укрыв за шелковыми занавесками, но она отказалась. Слишком долго Дени возлежала на атласных подушках, предоставляя волам возить ее туда-сюда. Сидя верхом, она хотя бы чувствовала, что куда-то едет.

Не по своей воле отправилась она в гавань. Ей снова приходилось спасаться бегством. Всю свою жизнь Дени только этим и занималась. Она пустилась бежать еще во чреве матери и с тех пор никогда не останавливалась. Как часто они с Визерисом убегали во мраке ночи, лишь на шаг опережая наемников узурпатора! Бежать или умереть — иного выбора не было. А теперь

Ксаро узнал, что Пиат Прей собирает уцелевших колдунов, чтобы наслать на нее порчу.

Дени только посмеялась, когда он сказал ей об этом.

— Не ты ли говорил, что они точно престарелые солдаты, хвастающие былыми победами?

— Когда я это говорил, все так и было, — серьезно ответил Ксаро. — Но теперь я уже в этом уверен. Говорят, что в доме Урратона-полуночника горят стеклянные свечи, которые не зажигались уже сто лет. Призрактрава выросла в саду Сеана, призрачные черепахи переносят вести между не имеющими окон домами на Дороге Колдунов, и все

городские крысы отгрызли себе хвосты. Жена Матоса Малларавана, который посмеялся над ветхими лохмотьями одного колдуна, лишилась рассудка и не желает одеваться вовсе. Даже от свежесстиранного шелка отказывается, ей кажется, что по ней ползают насекомые. А слепой Сибассион, Пожиратель Глаз, прозрел снова, как уверяют его рабы. Чудеса, да и только, — вздохнул Ксаро. — Странные времена настали в Кварте, а странные времена дурно сказываются на торговле. Мне грустно это говорить, но тебе, пожалуй, лучше уехать. Совсем уехать — и чем скорее, тем лучше. —

Ксаро успокаивающим жестом погладил ее пальцы. — Но тебе не обязательно ехать одной. Во Дворце Праха ты насмотрелась немало страшного, мне же снятся более светлые сны. Я вижу тебя на пышной постели, с ребенком у груди. Поплывем с тобой по Яшмовому морю и осуществим это на деле! Еще не поздно. Подари мне сына, о сладкая песня моего счастья!

«А заодно и дракона».

— Я не пойду за тебя, Ксаро.

Его лицо сразу стало холодным.

— Тогда уезжай.

— Но куда?

— Как можно дальше.

Ну что ж, пожалуй, время и

правда пришло. Ее кхаласар был рад случаю отдохнуть от лишений красной пустыни, но теперь, отдохнув и отъевшись, они начали отбиваться от рук. Дотракийцы не привыкли долго оставаться на одном месте. Они воинственный народ, не созданный для городов. Она и так уж слишком долго задержалась в Кварте, соблазнившись его удобствами и красотами. Но этот город обещал ей больше, чем мог дать, а после того дня, когда Дом Бессмертных исчез в клубах огня и дыма, перестал быть приветливым к ней. За одну ночь квартирцы вспомнили, что драконы могут быть опасны. Они не являлись больше к Дени, спеша принести ей

свои дары. Турмалиновое Братство открыто ратовало за ее изгнание, а Гильдия Пряностей – за ее смерть. Тринадцать не примыкали к ним только благодаря Ксаро.

Но куда же им деваться? Сир Джорах предлагал отправиться еще дальше на восток, где их не достанут ее враги из Семи Королевств. Ее кровные всадники с большей охотой вернулись бы в свое великое Травяное море, даже если для этого требовалось снова пересечь красную пустыню. Сама Дени носилась с мыслью осесть в Вейес Толорро, пока ее драконы не подрастут и не окрепнут, но ее одолевали сомнения. Каждый из этих путей казался

неверным – и даже когда она решила, куда ехать, оставалось неясным, как они туда доберутся.

Она знала, что Ксаро Ксоан Даксос ей больше не помощник. Несмотря на все свои уверения в преданности, он вел свою игру, мало чем отличаясь от Пиата Прея. В ту ночь, когда он велел ей уезжать, она попросила его о последней услуге.

– Что тебе нужно – войско? – спросил он. – Горшок золота? Корабль?

Дени вспыхнула – она терпеть не могла просить.

– Да. Корабль.

Глаза Ксаро сверкнули, как дорогие камни у него в носу.

– Я торговый человек, кхалиси. Быть может, мы перейдем от подарков к сделкам? В обмен на одного из своих драконов ты получишь десять лучших кораблей моей флотилии. Одно твое слово – и бери их.

– Нет, – ответила она.

– Не такое слово желал я от тебя услышать, – огорчился Ксаро.

– Это все равно что предложить матери продать одного из ее детей.

– Что ж тут такого? Еще родит. Матери продают своих детей ежедневно.

– Только не Мать Драконов.

– Даже за двадцать кораблей?

– Даже за сто.

Углы его рта опустились.

— Столько у меня нет. Но ведь у тебя трое драконов. Уступи мне одного, и у тебя останутся целых два — и тридцать кораблей в придачу.

С тридцатью кораблями она могла бы высадить небольшое войско на берегу Вестероса, но у нее нет войска, даже маленького.

— Сколько у тебя всего кораблей, Ксаро?

— Восемьдесят три, не считая увеселительной барки.

— А у твоих собратьев из числа Тринадцати?

— На всех наберется около тысячи.

— А у Гильдии и Турмалинового

Братства?

– Сущие пустяки. Они не в счет.

– Все равно скажи.

– У Гильдии тысяча двести или тысяча триста, у Братства не более восьмисот.

– А если взять асшайцев, браавосцев, жителей Летних островов, иббенессцев – всех, кто плавает по великому соленому морю, – каково общее количество их кораблей?

– Оно очень велико, – раздраженно бросил он. – Почему ты спрашиваешь?

– Пытаюсь установить цену для одного из трех живых драконов, единственных в мире, – ласково

улыбнулась Дени. – Мне кажется, что треть всех существующих на свете кораблей будет в самый раз.

Слезы потекли у Ксаро по щекам, по обе стороны от украшенного драгоценностями носа.

– Говорил я тебе – не ходи во Дворец Праха! Как раз этого я и боялся. Нашептывания колдунов сделали тебя безумной, как жену Малларавана. Треть всех кораблей мира! У меня нет слов.

С тех пор они не виделись. Сенешаль Ксаро передавал ей послания – еще холоднее его последних слов. Она должна покинуть его дом. Больше он не намерен кормить ее и ее людей. Он

требует возвращения своих подарков, которые она принимала, подавая ему ложные надежды. Дени утешалась тем, что у нее хватило ума не выйти за него замуж.

Колдуны говорили о трех изменах — одна из-за крови, одна из-за золота, одна из-за любви. Первая — это, конечно, Мирри Маз Дуур, убившая кхала Дрого и ее неродившегося сына, чтобы отомстить за свой народ. Быть может, вторая и третья — это Пиат Прей и Ксаро Ксоан Даксос? Но Пиат Прей действовал не ради золота, а Ксаро никогда ее не любил.

Улицы становились все малолюднее — теперь по бокам

тянулись угрюмые каменные склады. Агго ехал впереди нее, Чхого позади, сир Джорах сбоку. Под звяканье колокольчика мысли Дени вновь вернулись во Дворец Праха — так язык возвращается на место отсутствующего зуба. Дитя троих, называли они ее... дочь смерти... истребительница лжи... невеста огня. И все время — число «три». Три огня, три скакуна, три измены.

— Ибо три головы у дракона, — вздохнула она. — Ты понимаешь, что это значит, Джорах?

— Эмблема дома Таргариенов — это трехглавый дракон, красный на черном поле.

— Я знаю — но ведь трехглавых

драконов не бывает.

— Три головы — это Эйегон и его сестры.

— Висенья и Рейенис, — вспомнила она. — Я происхожу от Эйегона и Рейенис через их сына Эйениса и их внука Джейехериса.

— Из синих губ можно услышать только ложь — разве не так говорил Ксаро? Зачем вдумываться в то, что нашептали вам колдуны? Теперь вы знаете, что они хотели одного: высосать из вас жизнь.

— Может быть. Но я видела такие вещи...

— Мертвеца на носу корабля, голубую розу, кровавый пир... но какой в этом смысл, кхалиси? Еще вы

упоминали о скоморошьем драконе — что это за дракон такой?

— Тряпичный, на палках. С такими сражаются герои в скоморошских представлениях.

Сир Джорах нахмурился, но Дени продолжала гнуть свое:

— «Его гимн — песнь льда и огня» — сказал мой брат. Я уверена, это был он. Не Визерис — Рейегар. Он играл на арфе с серебряными струнами.

Сир Джорах нахмурился еще пуще, сведя брови вместе.

— У принца Рейегара была такая арфа, — признал он. — Вы его видели?

— Да. И женщину в постели, с ребенком у груди. Брат сказал, что

это дитя – принц, что был обещан, и что имя ему – Эйегон.

– Принц Эйегон – это сын Рейегара от Элии Дорнийской. Но если он был кому-то обещан, то это обещание нарушилось в тот миг, когда Ланнистеры разбили ему голову о стену.

– Да, я помню. Они убили и дочь Рейегара, маленькую принцессу. Ее звали Рейенис. В честь сестры Эйегона. Висеньи у них не было, но он сказал, что у дракона три головы. Что это за песнь льда и огня?

– Я такой никогда не слышал.

– Я пошла к колдунам, чтобы найти ответы, а они наградили меня кучей новых вопросов.

На улицах снова стал появляться народ.

– Дорогу! – кричал Агго, а Чхого, подозрительно понюхав воздух, заявил:

– Я чую ее, кхалиси. Чую дурную воду. – Дотракийцы не доверяли морю и всему, что плавает в нем. Они не признавали воду, которую не могут пить лошади. «Ничего, научатся, – решила Дени. – Я переплыла их море вместе с кхалом Дрого – они переплывут мое».

Кварт был одним из величайших портов мира, и его большая крытая гавань ошеломляла изобилием красок, звуков и ароматов. Склады,

игорные притоны и кабаки чередовались с дешевыми борделями и храмами неведомых богов. В толпе сновали карманники, головорезы, гадалышки и менялы. Набережная представляла собой сплошной рынок, где купля-продажа велась день и ночь и любой товар можно было купить за малую долю его базарной цены, если не спрашивать, откуда он взялся. Сгорбленные старухи торговали сладкой водой и козьим молоком из глазированных кувшинов, которые носили на спине. Моряки пятидесяти разных народностей бродили между лотками, пили пряные напитки и перешучивались на непонятных

языках. Здесь пахло солью, жареной рыбой, горячей смолой, медом, благовониями, маслом и мужским семенем.

Агто купил у мальчишки за медяк вертел поджаренных с медом мышей и ел их, сидя в седле. Чхого разжился горстью крупных белых черешен. Повсюду продавались красивые бронзовые кинжалы, сушеные кальмары, резной оникс, волшебный эликсир из молока девственниц и «вечерней тени» — даже драконьи яйца, подозрительно похожие на расписные булыжники.

У длинных каменных молов, отведенных для кораблей Тринадцати, Дени видела сундуки с

шафраном, ладаном и перцем – их как раз сгружали с «Алого поцелуя» Ксаро. На соседнюю «Лазурную невесту» тащили по сходням бочки с вином, вязанки кислелиста и кипы шкур – она собиралась отплыть с вечерним приливом. Чуть дальше толпа собралась у гильдийской галеи «Солнечный блеск», торгующей невольниками. Всем известно, что раба дешевле всего покупать прямо с корабля, а флаг на мачте оповещал, что «Солнечный блеск» только что пришел из Астапора в Заливе Работорговцев.

Дени не ждала больше помощи ни от Тринадцати, ни от Турмалинового Братства, ни от

Гильдии Пряностей. Она ехала милою за милей на своей Серебрянке, мимо причалов и складов, в дальний конец подковообразной гавани, где позволялось причаливать судам с Летних островов, из Вестероса и Девяти Вольных Городов.

Она спешила у бойцовой ямы, где василиск под крики зрителей-мореходов терзал большого рыжего пса.

— Агго и Чхого, стерегите лошадей — мы с сиром Джорахом поговорим с капитаном.

— Как скажешь, кхалиси. Мы будем присматривать за тобой.

Приятно было услышать снова валирийскую речь и даже общий

язык. Моряки, грузчики и купцы расступались перед Дени, озадаченные видом стройной молодой девушки с серебристо-золотыми волосами, одетой на дотракийский манер, но сопровождаемой рыцарем. Сир Джорах, несмотря на жару, надел поверх кольчуги свой зеленый шерстяной камзол с черным медведем Мормонтов.

Но ни ее красота, ни его рост и сила не помогли им в переговорах.

— Значит, я должен взять на борт сотню дотракийцев вместе с конями, вас двоих да еще трех драконов? — сказал капитан большой барки «Задушевный друг» и отошел со

смехом. Когда Дени сказала лиссенийцу с «Трубача», что она Дейенерис Бурерожденная, королева Семи Королевств, он ответил:

— А я лорд Тайвин Ланнистер и каждую ночь сру золотом в мой горшок.

Грузовой мастер с мирийской галеи «Шелковый дух» заявил, что драконы слишком опасны в море, где даже слабая струйка огня может поджечь снасти. Владелец «Брюха лорда Фаро» соглашался на драконов, но дотракийцев брать не желал.

— Этих безбожных дикарей я на своем «Брюхе» не повезу.

Два брата, капитаны кораблей «Ртуть» и «Гончая», посочувствовали

им и пригласили в каюту на бокал красного вина из Бора. Видя их учтивость, Дени возымела надежду, но они запросили цену, намного превышавшую ее возможности — а быть может, и возможности Ксаро. «Ущипни меня» и «Косоглазка» были слишком малы для нее, «Головорез» шел в Яшмовое море, «Магистр Манола» непонятно как держался на плаву.

На пути к следующему причалу сир Джорах коснулся ладонью ее спины.

— Ваше величество, за вами следят. Нет, не оборачивайтесь. — Он осторожно направил ее к лотку медника. — Вот отменная работа, моя

королева, — сказал он громко, подавая ей большое блюдо. — Видите, как оно блестит на солнце?

В ярко начищенной меди Дени увидела себя, а когда сир Джорах слегка отвел блюдо вправо — и то, что происходит позади.

— Я вижу темнокожего толстяка и другого — старого, с посохом. Который?

— Оба. Они преследуют нас с самой «Ртути». Медь искажала отражение — один незнакомец казался длинным и тощим, как скелет, другой — необычайно широким.

— Превосходное блюдо, госпожа, — уверял торговец. — Яркое, как само

солнце! Для Матери Драконов — всего тридцать монет.

Блюдо стоило не больше трех.

— Где моя стража? — воскликнула Дени. — Этот человек хочет ограбить меня! — Джораху она, понизив голос, сказала на общем языке: — Быть может, они не желают мне зла. Мужчины глазели на женщин испокон веков — возможно, все дело в этом.

Медник не обращал внимания на ее шепот.

— Тридцать? Разве я сказал тридцать? Экий я дуралей. Двадцать, конечно.

— Вся медь у тебя на лотке не стоит двадцати монет, — бросила

Дени, изучая отражение. Старик с виду походил на вестероссца, а темнокожий, должно быть, весил не меньше двадцати стоунов. «Узурпатор обещал сделать лордом того, кто меня убьет, а эти двое заплыли далеко от дома. А может, их наняли колдуны, чтобы захватить меня врасплох?»

— Десять, кхалиси, — за твою красоту. Будешь в него смотреться. Только моя медь достойна отражать твое лицо.

— Да, оно может пригодиться — нечистоты выносить. Если ты его выбросишь, я, может, его и подберу, но платить за него? — Дени сунула блюдо обратно. — Видно, черви

заползли тебе в нос и съели твои мозги.

— Восемь монет, — вскричал торговец. — Мои жены побьют меня и обзовут дураком, но в твоих руках я — беспомощное дитя. Ну же, восемь! Себе в убыток!

— На что мне тусклая медь, если у Ксаро Ксоана Даксоса я ем на золоте? — И Дени отвернулась, посмотрев при этом на незнакомцев. Темнокожий был почти столь же широк, как отражение в блюде, с блестящей лысиной и гладким лицом евнуха. За его потемневшим от пота желтым шелковым кушаком торчал длинный кривой арах. Выше пояса он был гол, если не считать до

нелепости маленькой безрукавки с железными заклепками. На мощных ручищах, широкой груди и объемистом животе виднелись старые шрамы, белые по сравнению с коричневой кожей.

На его спутнике был дорожный плащ из некрашеной шерсти с откинутым назад капюшоном. Длинные белые волосы падали на плечи, шелковистая белая борода скрывала нижнюю часть лица. Старик опирался на крепкий посох с себя ростом. Только глупцы стали бы так пялить на нее глаза, если бы замыслили дурное. Однако благоразумнее все же было вернуться к Агго и Чхого.

– У старика меча нет, – заметила она Джораху на общем языке, увлекая его за собой.

Медник кинулся за ними.

– Пять монет – и оно твое! Оно же создано для тебя!

– Посохом из твердого дерева можно расколоть череп не хуже, чем палицей, – ответил сир Джорах.

– Четыре! Я ведь вижу – оно тебе понравилось! – Медник плясал перед ними, тыча блюдом в лицо.

– Идут они за нами?

– Подними чуть повыше, – сказал рыцарь торговцу. – Да. Старик притворяется, что разглядывает гончарный товар, но смуглый не сводит с вас глаз.

– Две монеты! Две! – Медник запыхался оттого, что бежал задом наперед.

– Заплати ему. Пока он себя не уморил, – сказала Дени сиру Джораху, не зная, на что ей огромное медное блюдо. Пока рыцарь доставал деньги, она обернулась, вознамерившись положить конец этой комедии. Кровь дракона не станет бегать по базару от дряхлого старца и жирного евнуха.

Перед ней возник какой-то квартиец.

– Это тебе, Матерь Драконов, – сказал он, преклонив колени и сунув ей украшенную драгоценностями коробочку.

Дени безотчетно приняла ее. Коробочка была из резного дерева, с перламутровой крышкой, выложенной яшмой и халцедонами.

— Ты слишком щедр. — Внутри лежал блестящий скарабей, сделанный из оникса и изумруда. «Как красиво, — подумала Дени. — Это поможет мне заплатить за проезд». Когда она протянула руку к жуку, человек сказал что-то вроде «Сожалею», но она пропустила это мимо ушей.

Скарабей с шипением развернулся.

Дени успела разглядеть зловещее черное лицо, почти человеческое, и выгнутый хвост, с

которого капал яд... В следующий миг коробочку выбили у нее из рук. Дени закричала от боли, держась за пальцы, заорал медник, завизжала какая-то женщина — все кругом подняли крик и начали толкаться. Сир Джорах ринулся куда-то, уронив Дени на одно колено. Старик вогнал в землю конец своего посоха. Агго, проскакав через палатку торговца яйцами, спрыгнул с седла. Щелкнул кнут Чхого. Сир Джорах огрел евнуха блюдом по голове. Вокруг с криками теснились моряки, торговцы и шлюхи.

— Тысяча извинений, ваше величество, — опустился на колени старик. — Он мертв. Я не сломал вам

руку?

Дени, поморщившись, сжала пальцы в кулак.

— Не думаю.

— Я должен был выбить ее у вас, — начал он, но ее кровные всадники уже накинулись на него. Агто пинком вышиб у него посох, Чхого обхватил его за плечи и приставил к горлу кинжал.

— Кхалиси, мы видели, как он тебя ударил. Показать тебе, какого цвета у него кровь?

— Отпустите его. — Дени поднялась на ноги. — Посмотри на нижний конец его посоха, кровь моей крови. — Евнух тем временем повалил сира Джораха. Дени

бросилась между ними в тот самый миг, когда аракх и длинный меч вылетели из ножен. — Опустите оружие! Перестаньте!

— Ваше величество? — Мормонт опустил свой меч всего на дюйм. — Эти люди напали на вас.

— Они меня спасали. — Дени потрясла ушибленной рукой. — Это тот, другой, квартиец, замышлял недоброе. — Она оглянулась вокруг, но он уже исчез. — Он из Жалостливых. В коробочке, которую он дал мне, был мантикор, а старик у меня ее выбил. — Медник все еще валялся на земле, и Дени помогла ему встать. — Мантикор тебя ужалил?

— Нет, добрая госпожа, — трясась,

ответил он, — иначе я был бы уже мертв. Но он коснулся меня. А-ай! Упал прямо мне на руку. — Он обмарался — и не диво.

Дени дала ему серебряную монету за урон и отослала прочь, а потом снова обернулась к старику:

— Кому я обязана своей жизнью?

— Вы ничем не обязаны мне, ваше величество, а зовут меня Арстан, хотя Бельвас в пути нарек меня Белобородым. — Чхого отпустил его, но старик так и остался стоять на одном колене. Агго перевернул его посох, тихо выбранился подтракийски, соскреб о камень останки мантикора и отдал посох старику.

— А кто такой Бельвас? — спросила Дени.

Громадный коричневый евнух вышел вперед, спрятав в ножны свой аракх.

— Это я. Бельвас-Силач, как прозвали меня в бойцовых ямах Миэрина. Я ни разу не терпел поражения. — Он похлопал себя по животу, покрытому шрамами. — Я даю противнику один раз пустить мне кровь, а потом убиваю его. Сосчитайте порезы — и вы будете знать, скольких человек убил Бельвас-Силач.

Дени не было нужды считать — она и так видела, что шрамов много.

— А что ты делаешь здесь,

Бельвас-Силач?

— Из Миэрина меня продали в Квохор, а оттуда в Пентос, толстяку с душистыми волосами. Он-то и послал Бельваса назад через море, дав ему Белобородого для услуг.

Толстяк с душистыми волосами...

— Иллирио? Вас послал магистр Иллирио?

— Да, ваше величество, — ответил Белобородый. — Магистр просит извинить его за то, что вместо себя послал нас, но он уже не может сидеть на коне, как в молодости, а море дурно влияет на его желудок. — Старик, начавший говорить на валирийском Вольных Городов,

перешел на общий язык. — Сожалею, если мы встревожили вас. По правде сказать, мы не были уверены, ибо ожидали увидеть особу более... более...

— Царственную? — засмеялась Дени. Сегодня она не взяла с собой дракона, а ее наряд и правда затруднительно было счесть королевским. — Ты хорошо владеешь общим языком, Арстан. Ты из Вестероса?

— Да. Я родился на Дорнийских Марках, ваше величество. Мальчиком я служил оруженосцем у рыцаря из числа домочадцев лорда Сванна. — Он поднял перед собой посох, как древко знамени. — Теперь я —

оруженосец Бельваса.

— Староват ты для оруженосца. — Сир Джорах стал рядом с Дени, держа под мышкой медное блюдо. От соприкосновения с крепкой головой Бельваса оно сильно погнулось.

— Не так уж стар для того, чтобы служить моему сюзерену, лорд Мормонт.

— Ты и меня знаешь?

— Я пару раз видел вас на турнирах. В Ланниспорте вы чуть не вышибли из седла Цареубийцу. И на Пайке мы встречались. Вы не помните меня, лорд Мормонт?

— Твое лицо мне знакомо, — нахмурился сир Джорах, — но в Ланниспорте были сотни народу, а на

Пайке – тысячи. И не называй меня лордом. Медвежий остров у меня отобрали – теперь я просто рыцарь.

– Рыцарь моей Королевской Гвардии. – Дени взяла его за руку. – Мой верный друг и добрый советчик. – Достоинство и спокойная сила, которые чувствовались в Арстане, пришлись ей по душе. – Встань, Арстан Белобородый. Добро пожаловать, Бельвас-Силач. Сира Джораха вы уже знаете, а это ко Агго и ко Чхого, кровь от моей крови. Они пересекли со мной красную пустыню и видели рождение моих драконов.

– Лошадники, – осклабился Бельвас. – Бельвас много лошадников убил в бойцовых ямах. Они

дребезжат, когда умирают.

Агго выхватил свой арахх.

– А вот я черномазых толстяков еще ни разу не убивал. Бельвас будет первым.

– Убери свою сталь, кровь моей крови, – сказала Дени. – Этот человек приехал, чтобы служить мне. А ты, Бельвас, отнесись к моему народу со всем уважением, иначе ты покинешь свою службу скорее, чем тебе желательно, и с большим количеством шрамов, чем носишь на себе теперь.

Щербатая улыбка на широком коричневом лице гиганта сменилась сконфуженной гримасой. Как видно, он не часто выслушивал угрозы – тем

более от девчушки в три раза тоньше его.

Дени улыбнулась ему, чтобы смягчить свой укор.

— А теперь скажи, что понадобилось от меня магистру Иллирио, если он послал вас в такую даль?

— Ему нужны драконы, — проворчал Бельвас — и девушка, которая умеет их выводить, то есть ты.

— Бельвас правду говорит, ваше величество, — подтвердил Арстан. — Нам велено отыскать вас и привезти обратно в Пентос. Семь Королевств нуждаются в вас. Роберт Узурпатор умер, и страна истекает кровью.

Когда мы отплывали из Пентоса, в ней было четыре короля и правило беззаконие.

В сердце Дени вспыхнула радость, но она не подала виду.

— У меня три дракона и кхаласар, где больше ста человек с пожитками и лошадьми.

— Ничего, — пробасил Бельвас. — Мы всех возьмем. Толстяк нанял три корабля для своей маленькой королевы с серебряными волосами.

— Это так, ваше величество, — молвил Арстан. — Большая барка «Садудеон» стоит в конце пристани, а галеи «Летний сон» и «Шалунья Джозо» — за волнорезом.

У дракона три головы,

вспомнила Дени.

— Я велю своему народу тотчас же приготовиться к отъезду. Но корабли, которые доставят меня домой, должны называться по-другому.

— Как вам будет угодно, — сказал Арстан. — Какие имена вы желаете дать им?

— «Вхагар», «Мираксес» и «Балерион». Напиши на них эти имена золотыми буквами в три фута вышиной, Арстан. Пусть каждый, кто увидит их, поймет, что драконы вернулись.

Арья

Головы обмакнули в смолу, чтобы приостановить разложение. Каждое утро, когда Арья шла к колодцу за водой для Русе Болтона, ей приходилось проходить под ними. Головы смотрели вдаль, и лиц она не видела, но ей нравилось представлять, что одно из них принадлежит Джоффри. Будь она вороной, то первым делом склевала бы его надутые губенки.

Головы не могли пожаловаться на недостаток внимания. Воронье кружило над воротами, ссорясь из-за каждого глаза и взмывая вверх, когда

по стене проходил часовой. Порой к пиру присоединялись вороны мастера, слетая с вышки на своих широких черных крыльях. При их появлении мелочь обращалась в бегство и возвращалась, лишь когда вороны улета­ли.

«Помнят ли вороны мастера Тотмура? – думала Арья. – Грустят ли о нем? Зовут ли его и удивляются ли, что он не отвечает? Быть может, мертвые способны говорить с ними на каком-то тайном языке, которого живые не слышат?»

Тотмура послали на плаху за то, что он отправил воронов в Бобровый Утес и Королевскую Гавань в ночь, когда пал замок. Люкана-

оружейника — за то, что ковал оружие Ланнистерам, тетку Харру — за то, что заставила прислугу леди Уэнт работать на них, стюарда — за то, что отдал лорду Тайвину ключи от сокровищницы замка. Повара пощадили (потому что он сварил Ласкин суп, как гласила молва), но красотку Пиа и других женщин, даривших утеху солдатам Ланнистера, забили в колодки. Раздетые донага, обритые, они сидели в среднем дворе, у медвежьей ямы, и всякий мужчина мог попользоваться ими.

Трое фреевских латников как раз этим и занимались, когда Арья шла к колодцу. Она пыталась не смотреть,

но слышала, как смеются мужчины. Когда она с тяжелым ведром повернула обратно к Королевскому Костру, тетка Амабель схватила ее за руку, плеснув себе на ноги водой.

— Ты это нарочно сделала, — проскрежетала старуха.

— Чего тебе надо? — Амабель наполовину спятила после того, как Харре отрубили голову.

— Видишь ее? — Амабель показала на Пиа. — Когда твой северянин падет, ты окажешься на ее месте.

— Пусти, — Арья попыталась вырваться, но Амабель только сильнее сжала пальцы.

— Он непременно падет.

Харренхолл никого не терпит долго. Лорд Тайвин одержал победу, он движется назад со всем своим войском, и скоро настанет его черед наказывать предателей. И не думай, что он не узнает о твоих делишках. Я еще сама над тобой потешусь, — засмеялась старуха. — Я приберегла для тебя старую метлу Харры — ручка у нее вся расщепленная, в самый раз...

Арья замахнулась ведром. Его тяжесть не позволила ей попасть Амабель по голове, но вся вода вылилась на старуху, и та отпустила ее.

— Еще тронешь — убью! — крикнула Арья. — Убирайся прочь!

Амабель ткнула костлявым пальцем в человека с содранной кожей у Арьи на камзоле.

— Думаешь, с этой падалью на титьках тебе уже ничего не грозит? Ошибаешься! Ланнистеры уже в пути! Увидишь, что будет, когда они сюда доберутся.

Пришлось Арье снова вернуться к колодцу. Если передать лорду Болтону ее слова, ее голова еще засветло окажется рядом с головой Харры. Но Арья ничего не собиралась говорить.

Однажды, когда голов было наполовину меньше, чем теперь, Джендри застал ее около них и спросил: «Любуешься делом своих

рук?»

Арья знала, что он злится из-за Люкана, к которому был привязан, но все равно это было нечестно.

«Это сделал Уолтон Железные Икры, – возразила она. – И Скоморохи, и лорд Болтон». «А кто выдал им нас всех? Ты со своим Ласкиным супом».

Арья ущипнула его за руку. «Никакой он был не Ласкин – просто суп. Ты же сам ненавидел сира Амори».

«Этих я ненавижу еще больше. Сир Амори сражался за своего лорда, а Скоморохи – наемники, продажные шкуры. Половина из них даже на общем языке не говорит. Септон Утт

любит маленьких мальчиков, Квиберн занимается черной магией, а твой друг Кусака и вовсе людоед».

Самое худшее состояло в том, что ей нечего было на это возразить. Бравые Ребята занимались в основном фуражировкой, и Русе Болтон поставил перед ними задачу искоренить Ланнистеров. Варго Хоут поделил их на четыре отряда, чтобы охватить как можно больше деревень. Самым большим отрядом он командовал сам, во главе других поставил своих доверенных людей. Рорж со смехом рассказывал о том, как лорд Варго выявляет предателей. Просто возвращается в те места, где бывал, когда служил лорду Тайвину, и

хватает всех, кто ему тогда помогал. Многие из таких людей были куплены на ланнистерское серебро, поэтому Скоморохи привозили с собой не только корзины голов, но и мешки денег. «Отгадай загадку! – пристал как-то к Арье Шагвелл. – Козел лорда Болтона ест людей, которые кормили козла лорда Ланнистера. Сколько всего будет козлов?» «Один», – ответила Арья. «Ишь ты, ласка-то не глупей козла!» – заржал дурак.

Рорж и Кусака были ничем не лучше остальных. Арья видела их каждый раз, как лорд Болтон трапезничал со своим гарнизоном. От Кусяки воняло, как от тухлого

сыра, поэтому Бравые Ребята отправляли его на самый конец стола, где он шипел, урчал и рвал зубами мясо. Он принюхивался к Арье, когда она приходила мимо, но Рорж пугал ее еще больше. Он сидел рядом с Верным Утсивоком, но глаз с нее не спускал.

Порой она жалела, что не отправилась за Узкое море с Якеном Хгаром. Она сохранила дурацкую монетку, которую он дал ей, — железную, заржавевшую по ободку. На одной ее стороне были какие-то письмена, которые она не могла прочесть. На другой помещалась мужская голова с давно стершимися чертами лица. Он сказал, что это

великая ценность, но это, наверное, такая же ложь, как его имя и даже его лицо. Однажды Арья так разозлилась, что выбросила монету, но потом раскаялась и снова отыскала ее, чтобы сохранить, если даже она ничего и не стоила.

Думая обо всем этом, она тащила свое ведро через Двор Расплавленного Камня.

— Нэн, — окликнул ее чей-то голос, — поставь ведро и помоги мне.

Элмар Фрей был не старше ее и мал для своих лет. Он катал по неровным камням бочонок с песком и весь покраснелся. Вдвоем они пару раз прокатали бочонок через двор и поставили торчком. Песок

зашуршал внутри. Элмар отковырнул крышку и достал кольчугу.

– Ну как, чистая? – Начищать кольчугу до блеска входило в его обязанности. Как оруженосца Русе Болтона.

– Стряхни песок. Да нет, ржавчина осталась еще кое-где, видишь? Давай-ка еще раз.

– Займись этим сама. – Элмар мог быть дружелюбным, когда нуждался в помощи, но никогда не упускал случая напомнить ей, что он оруженосец, а она всего лишь служанка. Он любил хвастаться тем, что он сын Лорда Переправы – не какой-нибудь там племянник, бастард или внук, а законный сын, и

потому непременно женится на принцессе.

Арье не было дела до его принцессы, и она не любила, когда он ею командовал.

— Милорду нужна вода для омовения. Ему поставлены пиявки. Не черные, как обычно, а большие бледные.

Глаза у Элмара сделались как блюдца. Пиявки наводили на него ужас — особенно эти бледные, похожие на студень, пока не наполнялись кровью.

— И то сказать — ты слишком тоща, чтобы толкать такой тяжелый бочонок.

— А ты слишком глуп. — Арья

взялась за ведро. – Тебе бы тоже не мешало пиявок поставить. На Перешейке они большие, как поросята. – И она оставила Элмара с его бочкой.

В опочивальне лорда было полно народу. Квиберн, мрачный Уолтон в кольчуге и поножах да дюжина Фреев – братья, сводные братья и кузены. Русе Болтон лежал на кровати голый. Пиявки сидели у него под мышками, в паху и на бледной груди – длинные, прозрачные, делающиеся розовыми по мере насыщения. Болтон обращал на них внимания не больше, чем на Арию.

– Мы не должны позволить

лорду Тайвину запереть нас в Харренхолле, – говорил сир Эйенис Фрей, пока Арья вылиwała воду в таз для умывания. Седой сгорбленный великан с красными слезящимися глазами и огромными корявыми ручищами, сир Эйенис привел в Харренхолл полторы тысячи мечей от Фреев, но похоже было, что он даже своими братьями командовать не способен. – Замок так велик, что для его обороны потребуется целая армия, которую в случае осады нечем будет прокормить. Сделать большие запасы мы тоже не можем. Вся округа превратилась в пепел, по деревням рыщут волки, урожай сожжен или вывезен. На носу осень,

а у нас ничего не запасено и ничего не посеяно. Мы живем фуражировкой, и если Ланнистеры положат ей конец, мы в течение одной луны перейдем на крыс и сапоги.

— Я не намерен подвергаться осаде. — Русе Болтон говорил так тихо, что другим приходилось напрягаться, чтобы расслышать его, и у него в покоях всегда стояла необычайная тишина.

— Что же тогда? — спросил сир Джаред Фрей, тощий, рябой и лысеющий. — Неужели Эдмар Талли так опьянен победой, что хочет дать лорду Тайвину бой в открытом поле?

Ну и что же? Он и лорда

Тайвина побьет, подумала Арья. Побьет, как побил их на Красном Зубце — вот увидите. Никем не замечаемая, она стала рядом с Квиберном.

— Лорд Тайвин за много лиг от нас, — спокойно ответил Болтон. — У него еще много дел в Королевской Гавани, и в Харренхолл он выступит не скоро.

— Вы не знаете Ланнистеров так, как мы, милорд, — гнул свое сир Эйенис. — Король Станнис тоже думал, что лорд Тайвин за тысячу лиг от него, — и поплатился за это.

Бледный человек, чью кровь сосали пиявки, улыбнулся краями губ.

– Я не из тех, кто платит за свои ошибки, сир.

– Даже если Риверран соберет все свои силы и Молодой Волк вернется с запада, разве сможем мы выстоять против полчищ лорда Тайвина? Когда он придет, у него будет гораздо больше войска, чем было на Зеленом Зубце. Не забудьте, что Хайгарден тоже примкнул к Джоффри!

– Я помню.

– Я уже побывал в плену у лорда Тайвина, – сказал сир Хостин – смуглый, с квадратным лицом, – говорили, что он у Фреев самый сильный. – У меня нет желания наслаждаться гостеприимством

Ланнистеров снова.

Сир Харис Хэй, родня Фреям с материнской стороны, усердно закивал.

— Если уж лорд Тайвин победил такого опытного воина, как Станнис Баратеон, что тогда говорить о нашем юном короле? — Он обвел взглядом своих кузенов, и некоторые из них выразили свое согласие.

— Кто-то должен иметь мужество сказать это, — сказал сир Хостин. — Война проиграна, и нужно это внушить королю Роббу.

Русе Болтон внимательно посмотрел на него своими бледными глазами.

— Его величество побеждал

Ланнистеров всякий раз, как сходил с ними в бою.

— Но Север он потерял, — настаивал Хостин Фрей. — И Винтерфелл тоже! Его братья мертвы...

Арья на миг перестала дышать. Мертвы? Бран и Рикон? Что это значит? И что он такое сказал о Винтерфелле? Джоффри не мог взять Винтерфелл — Робб никогда бы ему не позволил. Но тут она вспомнила, что Робба нет в Винтерфелле. Он на западе, а Бран — калека, а Рикону всего четыре года. Ей стоило всех ее сил остаться спокойной и промолчать, как учил ее Сирио Форель. Как будто она

неодушевленный предмет. К глазам подступили слезы, но Арья усилием воли отогнала их. Это неправда, это не может быть правдой, это ложь, придуманная Ланнистерами.

— Если бы Станнис победил, все было бы по-другому, — грустно молвил Ронел Риверс, один из бастардов лорда Уолдера.

— Но Станнис проиграл, — отрубил сир Хостин, — и наши пожелания ничего тут не изменят. Король Робб должен заключить мир с Ланнистерами. Он должен сложить с себя корону и преклонить колено, нравится ему это или нет.

— А кто ему об этом скажет? — улыбнулся Русе Болтон. — Хорошо

иметь так много доблестных братьев в столь тяжелые времена. Я обдумую все, что вы сказали.

Этой фразой он дал понять, что отпускает их, и Фрей, откланявшись, вышли. Остались только Квиберн, Уолтон и Арья. Лорд Болтон поманил ее к себе.

– Можешь снять пиявок, Нэн, – они достаточно насосались.

– Сейчас, милорд. – Приказы Русе Болтона благоразумнее всего было исполнять незамедлительно. Арье хотелось спросить его насчет Винтерфелла, но она не осмелилась. «Спрошу Элмара, – подумала она. – Элмар мне скажет». Пиявки извивались, когда она снимала их с

тела Болтона, – влажные на ощупь, раздувшиеся от крови. Это только пиявки, напомнила себе Арья. Если сжать руку, они лопнут.

– Письмо от вашей леди-жены. – Квиберн достал из рукава пергаментный свиток. Он был в одеждах мастера, но цепи на шее не носил – поговаривали, что он лишился ее за свои занятия некромантией.

– Прочти.

Леди Уолда писала из Близнецов чуть ли не каждый день, и все ее письма были одинаковые. «Молюсь о вас утром, днем и вечером, дражайший милорд, считаю дни и не могу дождаться, когда вы вернетесь

на наше ложе. Возвращайтесь ко мне поскорей, и я подарю вам много сыновей, которые заменят вам вашего дорогого Домерика и будут править Дредфортом после вас». Арья вообразила себе пухлого розового младенца, покрытого пухлыми розовыми пиявками.

Она подошла к лорду Болтону с мокрым полотенцем, чтобы обтереть его мягкое безволосое тело.

– Я тоже хочу отправить письмо,
– сказал он бывшему мейстеру.

– Леди Уолде?

– Сиру Хелману Толхарту.

Гонец от сира Хелмана прибыл в замок два дня назад. Люди Толхарта взяли замок Дарри, чей

ланнистерский гарнизон сдался им после недолгой осады.

— Напиши, чтобы он предал пленных мечу, а замок огню — так приказывает король. После этого пусть объединится с Робертом Гловером, чтобы ударить на восток, на Синий Дол. Это богатые земли, не тронутые войной. Пора им чем-нибудь поживиться. Гловер потерял замок, Толхарт — сына. Пусть отыграются на Синем Доле.

— Я подготовлю письмо, чтобы вы приложили печать, милорд.

Арья рада была услышать, что замок Дарри сожгут. Это туда ее привели после драки с Джоффри, и там королева приказала отцу убить

волчицу Сансы. Он заслужил, чтобы его сожгли. Но ей хотелось, чтобы Роберт Гловер и сир Хелман Толхарт вернулись в Харренхолл — они уехали слишком быстро, и она не успела решить, может ли доверить им свою тайну.

— Сегодня я намерен поохотиться, — объявил лорд Болтон, когда Квиберн подал ему стеганный камзол.

— Не опасно ли это, милорд? — спросил Квиберн. — Не далее трех дней назад на людей септона Утта напали волки. Явились прямо в лагерь и зарезали двух лошадей в каких-нибудь пяти ярдах от костра.

— Как раз на волков я и хочу

поохотиться. Я не могу спать по ночам из-за их воя. — Болтон застегнул пояс, поправив на нем меч и кинжал. — Говорят, что на севере лютоволки блуждали стаями в сотню голов и больше, не боясь ни людей, ни мамонтов, но это было давно и в другом краю. Странно, что обыкновенные волки так обнаглели.

— В страшные времена случаются страшные вещи, милорд.

Болтон оскалил зубы в подобии улыбки.

— Разве наши времена так уж страшны, мейстер?

— Лето позади, и в стране четыре короля.

— Один король может быть

страшен, но четверо? – Болтон пожал плечами. – Нэн, мой меховой плащ. Комнаты к моему возвращению должны быть чисто убраны, – сказал он, когда она застегнула пряжку. – И позаботься о письме леди Уолды.

– Слушаюсь, милорд.

Лорд с мейстером вышли из комнаты, даже не взглянув на Арию. Она положила письмо в очаг и поворошила поленья кочергой. Пергамент съежился, почернел и воспламенился. Если Ланнистеры что-то сделали Брану и Рикону, Робб их всех убьет. Никогда он не преклонит колена, никогда и ни за что. Он никого из них не боится. Хлопья пепла полетели в трубу. Ария,

присев на корточки перед огнем, смотрела на них сквозь пелену горячих слез. «Если Винтерфелла и правда больше нет – значит мой дом теперь здесь? И я уже не Арья, а просто служанка Нэн – на веки вечные?»»

Следующие несколько часов она провела за уборкой. Она вымела старый тростник и разбросала по полу свежий, душистый, заново развела огонь в очаге, поменяла простыни и взбила перину, вылила ночную посуду в отхожее место и вымыла ее, отнесла охапку грязной одежды прачкам и принесла из кухни корзину сочных осенних груш. Управившись со спальней, она

спустилась на полпролета вниз и стала убираться в большой горнице — просторной, полной сквозняков, величиной с зал иного мелкого замка. Свечи совсем догорели, и Арья сменила их. Под окнами стоял огромный дубовый стол, за которым лорд писал свои письма. Она сменила свечи и там, сложила книги, привела в порядок перья, чернильницу и воск.

Поверх бумаг лежал большой потрепанный пергамент. Арья стала сворачивать его, и ей в глаза бросились краски: голубизна озер и рек, красные пятнышки, обозначающие замки и города, зеленые леса. Она развернула карту

снова и увидела под ней надпись: «Области Трезубца». Карта показывала местность от Перешейка до Черноводной. Вот Харренхолл, у вершушки большого озера, — а Риверран где? Арья нашла и его. Не так уж далеко...

Закончив свою работу еще до середины дня, Арья отправилась в богорощу. Ее обязанности в качестве прислужницы лорда Болтона были легче, чем при Визе или даже при Кролике, хотя теперь от нее требовалось одеваться, как паж, и мыться чаще, чем ей бы хотелось. Охотники еще не скоро вернутся, и у нее будет время поработать Иглой.

Она рубила березовые ветки,

пока расщепленный конец ее
деревяшки не позеленел.

– Сир Грегор, – приговаривала
она при этом. – Дансен, Полливер,
Рафф-Красавчик. – Она отпрыгнула,
покачалась на пятках и принялась за
сосновые шишки. – Щекотун, Пес,
сир Илин, сир Меррин, королева
Серсея. – Перед нею вырос дубовый
ствол, и она ткнула в него острием,
бормоча: – Джоффри, Джоффри,
Джоффри. – Кружевная тень листвы
падала на нее. Вся в поту, она
остановилась. Она ободрала до крови
правую пятку, поэтому стала под
сердце-деревом на одной ноге,
отсалютовала мечом и сказала
старым богам Севера: – Валар

моргулис. – Ей нравилось, как звучат эти слова.

Идя через двор к бане, она увидела, что над вышкой снижается ворон. Вот бы узнать, откуда он прилетел и какую весть принес. Может быть, это Робб пишет, что слухи о Бране и Риконе оказались ложными?

Арья прикусила губу в порыве надежды. Будь у нее крылья, она бы полетела в Винтерфелл и посмотрела сама. И если бы это оказалось правдой, она просто полетела бы дальше, мимо звезд и луны, и увидела бы все чудеса из сказок старой Нэн: драконов, морских чудищ и Браавосского Исполина – и

не возвращалась бы назад, пока сама не захотела.

Охотники вернулись ближе к вечеру с девятью убитыми волками. Семеро взрослых серо-бурых зверей, сильных и свирепых, с обнаженными в смертном оскале желтыми зубами, — и двое волчат. Лорд Болтон приказал сшить себе из шкур одеяло.

— У волчат-то мех будет помягче, милорд, — заметил один из его людей. — Из них выйдет пара славных рукавиц.

Болтон взглянул на знамена над воротами.

— Как нам любят напоминать Старки, зима близко. Пусть будут рукавицы. — Увидев Арью, он сказал:

– Нэн, подашь мне штоф подогретого вина с пряностями. Я прозяб в лесу – смотри, чтобы оно не остыло. Ужинать я буду один. Ячменный хлеб, масло и свинина.

– Слушаюсь, милорд. – Так отвечать было умнее всего.

Когда она пришла на кухню, Пирожок пек овсяные лепешки. Еще трое поваров готовили рыбу, а поваренок поворачивал над огнем кабанью тушу.

– Милорд требует ужин и горячее вино, чтобы запить его, – горячее, а не теплое, – объявила Арья.

Один из поваров вымыл руки, взял котелок и налил в него густого

сладкого красного вина. Пирожку велели отмерить пряности, и Арья стала ему помогать.

– Я сам, – пробурчал он. – Я и без твоей указки знаю, как вино сдабривать.

«Он тоже меня ненавидит – или боится». Арья отошла, скорее опечаленная, чем рассерженная. Приготовив еду, повара накрыли ее серебряной крышкой, а штоф закутали в толстое полотенце. На дворе уже смеркалось. Вороны кружили над головами на стене, как придворные вокруг короля. Один из часовых открыл перед ней дверь в Королевский Костер.

– Надеюсь, это не Ласкин суп, –

пошутил он.

Росе Болтон, сидя у огня, читал толстый, переплетенный в кожу том.

— Зажги несколько свечей, — приказал он, перевернув страницу. — Здесь становится темно.

Арья поставила поднос у его локтя и пошла исполнять приказание. Комната наполнилась мерцающим светом и запахом гвоздики. Болтон перелистнул еще несколько страниц, закрыл книгу, сунул ее в огонь и стал смотреть, как она горит. Пламя отражалось в его бледных глазах. Старая сухая кожа вспыхнула мигом, и желтые страницы зашевелились, словно их листал призрак.

— Больше ты мне сегодня не понадобишься, — сказал лорд, не глядя на Арию.

Ей следовало бы уйти тихо, как мышка, но что-то ее удержало.

— Милорд, — спросила она, — вы возьмете меня с собой, когда покинете Харренхолл?

Он уставился на нее так, словно это его ужин вдруг заговорил с ним.

— Разве я разрешал тебе обращаться ко мне с вопросом, Нэн?

— Нет, милорд, — потупилась она.

— В таком случае тебе не следовало этого делать — так или нет?

— Так, милорд.

Он усмехнулся:

– Хорошо, на этот раз я тебе отвечу. Когда я вернусь на север, то передам Харренхолл лорду Варго. Ты останешься здесь, вместе с ним.

– Но я не... – начала она.

– Я не привык, чтобы меня допрашивали слуги, Нэн. Может, тебе язык отрезать?

Она знала, что он способен сделать это с той же легкостью, как другой – стукнуть собаку.

– Нет, милорд.

– Значит, больше ты голоса не подашь?

– Нет, милорд.

– Хорошо, ступай. Я закрою глаза на твою дерзость.

Арья оставила его, но спать не

пошла. Когда она вышла на темный двор, часовой у двери кивнул ей и сказал:

— Гроза идет. Чуешь, как пахнет?

Резкий ветер рвал пламя факелов, поставленных на стене рядом с головами. На пути в богорощу Арья прошла мимо башни Плача, где еще недавно жила в страхе перед Визом. После взятия Харренхолла Фреи забрали ее себе. В окно слышались сердитые голоса спорящих мужчин. Элмар сидел на крыльце один.

— Что случилось? — спросила Арья, увидев слезы у него на щеках.

— Моя принцесса, — прорыдал он. — Эйенис сказал, что мы

обесчещены. Из Близнецов прилетела птица. Мой лорд-отец говорит, что мне придется жениться на ком-нибудь другом или пойти в септоны.

«Нашел о чем плакать, — подумала она, — о какой-то дурацкой принцессе».

— А я слышала, что мои братья умерли, — призналась она.

— Да кому до них дело, до твоих братьев? — презрительно спросил Элмар.

Она с трудом удержалась, чтобы не стукнуть его.

— Хотя бы твоя принцесса тоже умерла, — сказала она и пустилась бежать, чтобы он ее не поймал.

В богороще она нашла свой деревянный меч и опустилась на колени перед сердце-деревом. Его красные листья шелестели, и красные глаза смотрели прямо в нее — глаза богов.

— Скажите, что мне делать, о боги, — помолилась она.

Ответа долго не было — только ветер, журчание воды и шорох листьев. Потом из-за богорощи, из-за необитаемых башен и высоченных стен Харренхолла, с вольных просторов мира, донесся одинокий волчий вой. У Арьи на миг помутилось в глазах, и по коже побежали мурашки. Ей почудился голос отца, едва слышный: «Когда

выпадает снег и дуют белые ветры, одинокий волк умирает, но стая живет».

— Но у меня нет стаи, — прошептала она чар-дереву. Бран и Рикон мертвы, Санса у Ланнистеров, Джон ушел на Стену. — И меня тоже больше нет. Я теперь Нэн.

— Ты Арья из Винтерфелла, дочь Севера. Ты говорила мне, что можешь быть сильной. В тебе течет волчья кровь.

— Волчья кровь. — Теперь она вспомнила. — Да, я буду сильной. Сильной, как Робб. — Втянув в себя воздух, она обеими руками взяла деревянный меч и с громким треском переломила его о колено. — Я

лютоволк, и мне не нужны деревянные зубы.

В ту ночь, лежа на своей колючей соломе, она слушала шепчущие голоса живых и мертвых и дожидалась восхода луны. Только этим голосам она теперь и доверяла. Она слышала собственное дыхание и волков — теперь их была целая стая. «Они ближе, чем тот, кого я слышала в богороще. Они зовут меня». Она вылезла из-под одеяла, натянула камзол и босиком спустилась по лестнице. Русе Болтон был человек осторожный, и вход в Королевский Костер охранялся днем и ночью — пришлось выбраться через узкое подвальное оконце. На дворе было

тихо — огромный замок спал, погруженный в свои призрачные сны. Ветер выл в трещинах башни Плача. В кузнице огни были потушены и двери заперты на засов. Арья снова пролезла в окно. Джендри делил постель с двумя другими подмастерьями. Арья долго сидела на корточках в темноте, пока не уверилась, что он — тот, что с краю. Тогда она зажала ему рот и ущипнула его. Должно быть, он спал не очень крепко, потому что сразу открыл глаза.

— Пошли со мной, — прошептала она и убрала руку от его рта.

Сначала он как будто не понял ее, но потом выбрался из-под одеяла,

прошлепал голый по комнате, влез в грубую холщовую рубаху и спустился за ней с чердака. Спящие подмастерья даже не шевельнулись.

— Ну, чего тебе еще? — проворчал Джендри.

— Меч.

— Мечи под замком у кузнеца — я тебе сто раз говорил. Это для твоего лорда Пиявки, что ли?

— Для меня. Возьми молот и сломай замок.

— Чтобы мне потом руку сломали? Если не хуже.

— Не сломают, если убежишь со мной.

— Ага, убежишь. Поймают и убьют.

– Смотри, как бы хуже не было. Лорд Болтон мне сказал, что оставляет замок Кровавым Скоморохам.

Джендри откинул черные волосы с глаз.

– Ну и что?

– А то, что, когда Варго Хоут станет лордом, он отрубит ноги всем слугам, чтобы не убежали. И кузнецам тоже.

– Сочиняешь, – фыркнул он.

– А вот и нет. Лорд Варго сам так сказал – я слышала. Что отрубит каждому одну ногу – левую. Ступай на кухню и разбуди Пирожка – тебя он послушает. Нам понадобится хлеб или лепешки – что-нибудь. Ты

возьмешь мечи, а я добуду лошадей. Встретимся у калитки в восточной стене, за башней Призраков. Там никто не ходит.

— Я знаю эту калитку. Она охраняется, как и все прочие.

— Ну и что? А про мечи ты забыл?

— Я не говорил, что пойду с тобой.

— Но если пойдешь, то возьмешь мечи?

— Ладно, — нахмурился он. — Возьму.

Вернувшись в Королевский Костер тем же путем, Арья прокралась по винтовой лестнице наверх. В своей каморке она

разделась догола и оделась заново – в две смены белья, одну поверх другой, теплые чулки и самый чистый свой камзол. Это была ливрея лорда Болтона с нашитой на груди эмблемой – ободраным человеком из Дредфорта. Она завязала башмаки, затянула тесемки шерстяного плаща и, тихая как тень, снова двинулась вниз. У двери в горницу лорда она прислушалась и медленно приоткрыла ее. Внутри было тихо.

Карта так и лежала на столе, среди остатков Болтонова ужина. Арья туго скатала ее и сунула за пояс. Лорд оставил на столе свой кинжал – она и его прихватила на случай, если

Джендри не хватит смелости взять меч.

Какая-то лошадь тихо заржала, когда она вошла в конюшню. Все конюхи спали. Арья растолкала одного ногой. Наконец он сел и осведомился сонно:

— Чего еще?

— Лорд Болтон велит оседлать трех лошадей.

Парень поднялся, вытряхивая солому из волос.

— В такой-то час? — Он поморгал, пялясь на ее камзол с эмблемой. — На кой ему лошади ночью?

— Лорд Болтон не привык, чтобы его допрашивали слуги. — Она

скрестила руки на груди.

Конюх все не сводил глаз с ободранного человека — он знал, что это значит.

— Трех, говоришь?

— Угу. Одну да еще двух.

Охотничьих — быстрых и надежных. — Арья помогла ему с седлами и уздечками, чтобы не будить кого-то еще. Она надеялась, что ему ничего за это не будет, — хотя вряд ли. Самым трудным было провести лошадей через замок. Она держалась в тени крепостной стены, где только возможно, чтобы часовые наверху ее не заметили. «А если и заметят, что с того? Я чашница самого лорда». Ночь была осенняя, холодная и сырая. С

запада шли тучи, застилая звезды, и башня Плача скорбно завывала при каждом порыве ветра. Дождем пахнет. Арья не знала, хорошо это для побега или плохо. Никто ее не увидел, и она никого не встретила — только серая кошка кралась по стене богороши. Она зашипела на Арию, вызвав воспоминания о Красном Замке, об отце и Сирио Фореле.

— Я бы могла поймать тебя, если б захотела, да только мне некогда. — Кошка снова зашипела и скрылась.

Башня Призраков из пяти громадных башен Харренхолла пострадала больше всех. Она стояла, темная и заброшенная, за развалинами септы, где последние

триста лет молились только крысы. Там Арья стала дожидаться Джендри и Пирожка. Ей казалось, что она ждет уже долго. Лошади щипали траву, проросшую среди разрушенных камней, а тучи между тем окончательно закрыли звезды. Арья достала кинжал и стала точить его, чтобы занять руки. Длинными плавными взмахами, как учил ее Сирио Форель. Этот звук ее успокаивал.

Она слышала их задолго до того, как увидела. Пирожок тяжело дышал, а потом еще споткнулся впотьмах, ободрал ногу и стал ругаться так, что половине Харренхолла впору проснуться.

Джендри шел тише, но мечи, которые он нес, звякали.

— Я тут, — поднялась Арья. — Тихо, не то услышат.

Мальчишки пробирались к ней через каменную осыпь. У Джендри под плащом была промасленная кольчуга, а за спину он повесил свой кузнечный молот. Круглая красная рожица Пирожка выглядывала из-под капюшона. В руке он нес мешок с хлебом, а под мышкой — большой круг сыра.

— У этой калитки стоит часовой, — тихо прошипел Джендри. — Говорил я тебе.

— Стойте тут с лошадьми. Я его уберу. Как услышите, что я зову,

идите быстрее.

– Ты ухни по-совиному, – сказал Пирожок.

– Я не сова, а волк. Я завою.

Арья прокралась в тени башни Призраков. Она шла быстро, чтобы опередить свой страх, и ей казалось, что рядом идут Сирио Форель, и Йорен, и Якен Хгар, и Джон Сноу. Она не взяла с собой меча, который принес ей Джендри. Сейчас лучше подойдет кинжал. Это хороший клинок, острый. Восточная калитка в Харренхолле самая маленькая – узкая дубовая дверца с железными гвоздями в углу стены под оборонительной башней. Ее охраняет только один человек, но она знала,

что в башне тоже есть часовые, а другие расхаживают по стене поблизости. Она должна быть тиха, как тень. Нельзя, чтобы он закричал. Начали падать редкие дождевые капли. Одна плюхнулась Арье на лоб и медленно потекла по носу.

Она не стала прятаться, а подошла к калитке открыто, как будто ее послал сам лорд Болтон. Часовой смотрел на нее, любопытствуя, что могло привести сюда пажа среди ночи. Подойдя поближе, она разглядела, что это северянин, длинный и тощий, закутанный в драный меховой плащ. Это ее не обрадовало. Кого-нибудь из фреевских людей или из Бравых

Ребят она могла бы перехитрить, но люди из Дредфорта служат Русе Болтону всю жизнь и знают его лучше, чем она. А если сказать ему, что я Арья Старк, и приказать отойти в сторону? Но нет, она не осмелится. Он хотя и северянин, но не винтерфеллец. Он служит Русе Болтону.

Арья распахнула плащ, чтобы он видел ее эмблему.

— Меня послал лорд Болтон.

— В такой час? Зачем?

Она видела блеск стали у него под плащом и не знала, хватит ли у нее сил проткнуть кинжалом кольчугу. Надо метить в горло, но он слишком высок — она не достанет.

Что бы такое ему ответить? На миг она снова стала маленькой испуганной девочкой, и дождевые капли на лице превратились в слезы.

— Он велел раздать всем часовым по серебряной монете за исправную службу, — неожиданно для себя выпалила она.

— Серебро? — Он не поверил ей, но хотел бы поверить. — Хорошее дело. Давай сюда.

Она сунула руку за пазуху и достала монетку, подаренную Якеном. В темноте железо сойдет за тусклое серебро. Арья протянула руку... и выронила монету.

Солдат, тихо выругавшись, опустился на колени и стал искать ее

в грязи, а его горло оказалось прямо перед Арьей. Она провела по нему кинжалом – легко, как рукой по шелку. Его кровь хлынула ей на руки горячей струей. Он попытался крикнуть, но кровь уже залила ему рот.

– Валар моргулис, – шепнула она в миг его смерти.

Когда он затих, она подобрала монету. За стенами Харренхолла долго и громко провыл волк. Арья сняла засов и отворила тяжелую дубовую дверь. Когда Джендри и Пирожок подошли с лошадьми, дождь уже лил вовсю.

– Ты убила его? – ахнул Пирожок.

– А как ты думал? – Пальцы слиплись от крови, и этот запах тревожил ее. «Ничего, – сказала она себе, садясь в седла. – Дождь все отмоеет».

Санса

Тронный зал представлял собой море драгоценностей, мехов и ярких тканей. Лорды и леди, сгрудившиеся под высокими окнами, толкались, как торговки на рынке.

Придворные Джоффри нынче постарались перещеголять друг друга. Джалабхар Ксо явился весь в перьях — того и гляди взлетит. Кристальная корона верховного септона переливалась радугами всякий раз, когда он поворачивал голову. Королева Серсея за столом совета блистала золотой парчой поверх винно-красного бархата,

рядом восседал подобострастный Варис в лиловом шелку.

Лунатику и сиру Донтосу сшили новые пестрые наряды, чистые, как весеннее утро. Даже леди Танда и ее дочери вырядились в бирюзовые шелка с беличьим мехом. А лорд Джайлс кашлял в алый шелковый платок, обшитый золотым кружевом. Король Джоффри сидел выше всех, среди шипов и лезвий Железного Трона, в багряном атласе и черной мантии, усеянной рубинами, с тяжелой золотой короной на голове.

Пробившись сквозь толпу рыцарей, оруженосцев и богатых горожан, Санса прошла в первый ряд галереи как раз в тот миг, когда

трубы возвестили о прибытии лорда Тайвина Ланнистера.

Он проехал на своем боевом коне через весь зал и спешил перед Железным Троном. Санса никогда еще не видела таких доспехов — из полированной красной стали с золотой отделкой. Накладные солнца сияли на них, шлем венчал вздыбленный лев с рубиновыми глазами, две львицы на плечах придерживали парчовый плащ, столь длинный и широкий, что он покрывал весь круп коня. Даже конские доспехи блистали позолотой. А попону из красного шелка украшали львы Ланнистеров.

Лорд Бобрового Утеса являл

собой столь великолепное зрелище, что все опешили, когда его конь уронил несколько яблок у самого трона. Джоффри пришлось обойти их, когда он сошел вниз, чтобы обнять деда и провозгласить его Спасителем Города. Санса прикрыла рот, пряча нервную улыбку.

Джофф торжественно обратился к деду с просьбой принять бразды правления государством, и тот торжественно выразил согласие, «пока ваше величество не достигнет совершенных лет». Затем оруженосцы сняли с него доспехи, а Джофф надел ему на шею цепь десницы. Лорд Тайвин занял место за столом совета рядом с королевой.

Скакуна вывели, его следы убрали, и Серсея сделала знак продолжать церемонию.

Фанфары приветствовали каждого из героев, входящих через высокие дубовые двери. Герольды во всеуслышание объявляли их имена и совершенные ими подвиги, а благородные лорды и леди орали во все горло, словно простолюдины у петушиной ямы. Почетное место отдали Мейсу Тиреллу, лорду Хайгардена, известному некогда силачу. Теперь он растолстел, но остался красавцем. За ним шли его сыновья, сир Лорас и старший – сир Гарлан Отважный. Все трое были одеты одинаково – в зеленый бархат,

отороченный сободем.

Король еще раз сошел с трона им навстречу, оказав им великую честь. Он застегнул на каждом цепь из золотых роз с золотым диском посередине, где был выложен рубинами лев Ланнистеров.

— Розы поддерживают льва, как мощь Хайгардена — королевство, — произнес Джоффри. — Просите меня о чем хотите, и это будет вашим.

«Начинается», — подумала Санса.

— Ваше величество, — сказал сир Лорас, — я прошу о чести служить в вашей Королевской Гвардии и защищать вас от врагов.

Джоффри поднял Рыцаря

Цветов, преклонившего колено, и поцеловал его в щеку.

— Будь по-твоему, брат.

Лорд Тирелл склонил голову.

— Для меня нет большей радости, чем служить его величеству. Если бы меня сочли достойным вступить в королевский совет, более верного слуги у вас бы не было.

Джоффри положил руку на плечо лорда Тирелла и поцеловал его.

— Ваше желание исполнено.

Сир Гарлан Тирелл, на пять лет старше сира Лораса, был высоким бородатым подобием более известного младшего брата. Шире Лораса в груди и в плечах, он был

недурен собой, но не обладал его ослепительной красотой.

– Ваше высочество, – сказал он, когда король приблизился, – у меня есть сестра, девица Маргери, украшение нашего дома. Как вам известно, она была выдана за Ренли Баратеона, но лорд Ренли ушел на войну, не успев осуществить свой брак, и посему она осталась невинной. Маргери, наслушавшись рассказов о вашей мудрости, отваге и рыцарской доблести, воспылала любовью к вашему величеству. Молю вас послать за ней и вступить с нею в брак, навеки обручив ваш дом с моим.

Король Джоффри разыграл

удивление.

— Сир Гарлан, красота вашей сестры славится по всем Семи Королевствам, но я обещан другой. Король должен держать свое слово.

Королева Серсея, прошуршав юбками, поднялась с места.

— Ваше величество, ваш малый совет рассудил, что не пристало вам жениться на дочери человека, обезглавленного за измену, на девице, чей брат поднял открытый мятеж против трона. Государь, ваши советники просят вас ради блага государства отказаться от Сансы Старк. Леди Маргери будет для вас гораздо более достойной королевой.

Придворные лорды и леди,

словно свора дрессированных собак, разразились криками:

— Хотим Маргери! Не хотим королеву-изменницу! Тирелл! Тирелл!

Джоффри поднял руку.

— Я был бы рад удовлетворить желание моего народа, матушка, но я дал священный обет.

Верховный септон вышел вперед.

— Ваше величество, боги считают обручение нерушимым, но ваш отец, светлой памяти король Роберт, заключил этот союз еще до того, как Старки из Винтерфелла показали свое истинное лицо. Их преступления против государства

освобождают вас от всех данных вами обещаний. Что же касается веры, то между вами и Сансой Старк еще нет брачного договора.

Собравшиеся снова загомонили, крича: «Маргери! Маргери!» Санса подалась вперед, вцепившись руками в перила. Она знала, что будет дальше, но все-таки боялась того, что скажет Джоффри, боялась, что он не даст ей свободы даже теперь, когда от этого зависит судьба его царствования. Ей казалось, что она опять стоит на мраморных ступенях септы Бейелора и ждет, когда ее принц объявит помилование ее отцу – а он вместо этого велел сиру Илину Пейну отрубить узнику голову.

Пожалуйста, горячо молилась она про себя, пусть он скажет это, пусть он скажет.

Лорд Тайвин пристально смотрел на своего внука. Джоффри ответил ему угрюмым взглядом, потоптался на месте и помог сиру Гарлану встать.

— По милости богов я волен исполнить желание моего сердца и с радостью принимаю руку вашей прекрасной сестры, сир. — Он поцеловал бородатую щеку сира Гарлана, и вокруг раздалось громкое «ура».

Санса почувствовала странную легкость. «Я свободна, но не должна улыбаться — на меня смотрят».

Королева предупредила ее: что бы она ни чувствовала, миру она должна показывать только печаль. «Я не позволю, чтобы моего сына унизили, – сказала Серсея. – Слышишь?» «Да. Но если я не стану королевой, что со мной будет дальше?» «Это мы решим после. Пока что ты останешься при дворе, как наша воспитанница». «Я хочу домой». «Мы никогда не получаем то, чего хотим, – пришла в раздражение королева, – пора бы уже это усвоить».

«А вот я получила, – думала Санса. – Я освободилась от Джоффри. Мне не придется целовать его, и дарить ему свою невинность, и рожать ему детей. Все это будет

делать бедная Маргери Тирелл».

Когда шум утих, лорда Хайгарденского усадили за стол совета, а его сыновья присоединились к рыцарям и лордам в зале. Пока награждали других героев битвы при Черноводной, Санса старалась казаться одинокой и покинутой.

По залу шел Пакстер Редвин, лорд Бора, в сопровождении своих сыновей — близнецов Боббера и Орясины. Один из них прихрамывал от полученной в бою раны. Далее следовали: лорд Матис Рован в белоснежном дублете с золотым деревом на груди; лорд Рендил Тарли, тощий и лысый, с длинным

Эдвида из красного, за что получил прозвище Лотор-Яблочник; Виллит, седой латник на службе у сира Хариса Свифта, — он вытащил своего господина из-под убитого коня и отвоевал у дюжины врагов и, наконец, розовощекий оруженосец Джосмин Пекльдон, в свои четырнадцать лет убивший двух рыцарей, ранивший третьего и взявший в плен еще двоих. Виллита ввиду тяжелых ран несли на носилках.

Сир Киван сел рядом со своим братом лордом Тайвином. Когда герольды перечислили подвиги каждого из героев, он встал.

— Его величество пожелал

вознаградить этих славных людей за доблесть. По его указу сир Филипотныне будет именоваться лордом Филипом из дома Фоотов, вкупе с чем к нему перейдут все земли, права и доходы дома Каронов. Лотор Брюн получит рыцарское звание, а также земли и замок в речных областях после окончания войны. Джосмину Пекльдону жалуются меч, доспехи и любой конь из королевских конюшен по его выбору, а также рыцарство по достижении им совершеннолетия. Доброму солдату Виллиту жалуются копье с оправленным в серебро древком, новая кольчуга и полный шлем с забралом. Сыновья его поступят на службу дому

Ланнистеров в Бобровом Утесе, старший – оруженосцем, а младший – пажом, дабы стать впоследствии рыцарями при условии усердной и преданной службы. Все сие заверено десницей короля и малым советом.

Вслед за этим были награждены капитаны боевых кораблей «Вихрь», «Принц Эйемон» и «Стрела», а также офицеры с «Милости богов», «Копья», «Шелковой леди» и «Бараньей головы». Их главной заслугой, насколько поняла Санса, было то, что они пережили бой на реке, – таким мог похвастать далеко не каждый. Галлин-пиромант и мастера Гильдии Алхимиков тоже получили королевскую

благодарность, а Таллин еще и титул лорда, но Санса заметила, что к этому не прибавили ни земель, ни замка — стало быть, алхимик мог считаться лордом не больше, чем Варис. Лордство сира Ланселя Ланнистера было куда более весомым — Джоффри пожаловал ему земли, замок и права дома Дарри, чей последний лорд, еще ребенок, погиб во время боевых действий в речных областях, «не оставив после себя законных наследников крови Дарри, кроме кузена-бастарда».

Сир Лансель не явился получать свою награду — говорили, что его рана может стоить ему руки или даже жизни. Бес, согласно слухам,

тоже лежал при смерти от страшной раны в голове.

— Сир Петир Бейлиш, — возгласил герольд, и показался Мизинец, весь в розово-сливовых тонах, в плаще, расшитом пересмешниками. Он улыбался, преклоняя колени перед Железным Троном. «Какой довольный у него вид», — подумала Санса. Она не слышала, чтобы он совершил какой-нибудь подвиг в бою, но его, видимо, тоже собирались наградить.

Сир Киван снова встал.

— По воле его королевского величества верный его советник Петир Бейлиш награждается за преданную службу короне и

государству. Объявляем всем, что лорду Бейлишу жалуются замок Харренхолл со всеми его землями и доходами, из каковой своей усадьбы он и будет отныне править как верховный лорд Трезубца. Сии права закрепляются за Петиром Бейлишем, сыновьями его и внуками до конца времен, и все лорды Трезубца должны повиноваться ему как законному их сюзерену. Сие заверено десницей короля и малым советом.

Мизинец с колен поднял глаза на короля Джоффри.

— Покорнейше благодарю, ваше величество. Самая пора позаботиться о сыновьях и внуках.

Джоффри засмеялся, а за ним и

весь двор. Верховный лорд Трезубца и к тому же лорд Харренхолла. Санса не понимала, чему он так радуется — эти его титулы столь же пусты, как и титул Галлина-пироманта. Все знают, что на Харренхолле лежит проклятие — даже Ланнистеры не смогли его удержать. Кроме того, лорды Трезубца присягнули на верность Риверрану, дому Талли и королю Севера — никогда не примут они Мизинца как своего сюзерена. Если их, конечно, не принудят к этому, а брата, дядю и деда Сансы не убьют. Эта мысль встревожила ее, но она укорила себя за глупость. Робб бьет их каждый раз — побьет и лорда Бейлиша, если придется.

Более шестисот человек произвели в этот день в рыцари. Всю ночь они совершали бдение в Великой Септе Бейелора, а утром прошли по городу босые, чтобы доказать свое смирение. Теперь они в рубахах из некрашеной шерсти предстали перед королевскими гвардейцами, которые и совершили обряд посвящения. Это заняло много времени, поскольку только трое Братьев Белого Меча были налицо. Мендон Мур погиб в бою, Пес исчез, Эйерис Окхарт уехал в Дорн с принцессой Мирцеллой, Джейме Ланнистер сидел в плену у Робба — остались только Бейлон Сванн, Меррин Трант и Осмунд Кеттлблэк.

Вновь посвященные вставляли, застегивали на себе пояса с мечами и примыкали к стоящим под окнами. У многих ноги были ободраны в кровь после пешего перехода, но все они, на взгляд Сансы, держались прямо и гордо.

К тому времени, как все новые рыцари получили своих «сиров», зал начал проявлять нетерпение — Джоффри первый. С галереи кое-кто начал потихоньку ускользать прочь, но вельможам внизу деваться было некуда — они не могли уйти без позволения короля. Судя по тому, как ерзал Джофф на своем Железном Троне, он охотно отпустил бы всех, но его дневные труды были еще

далеки от завершения. Теперь монета обернулась обратной стороной, и в зал ввели пленников.

Среди них тоже были знатные лорды и благородные рыцари: старый угрюмый лорд Селтигар, Красный Краб; сир Бонифер Добрый; лорд Эстермонт, еще древнее Селтигара; лорд Варнер, ковылявший с разбитым коленом, но не желавший принять ничьей помощи; сир Марк Маллендор, серолицый, с отрубленной по локоть левой рукой; свирепый Рыжий Роннет из Гриффин-Руста; сир Дермот из Дождевого Леса; лорд Виллум и его сыновья Жозуа и Элиас; сир Джон Фоссовей; сир Тимон Разящий Меч;

Ауран, бастард Дрифтмарский; лорд Смедмон по прозванию Душигрош и сотни других.

Тем, кто перешел на сторону противника во время боя, требовалось только присягнуть Джоффри на верность, но те, кто стоял за Станниса до конца, должны были высказаться — и судьба их зависела от того, что они скажут. Винившихся в своей измене и обещавших впредь верно служить королю Джоффри милостиво прощал и оставлял за ними все их земли и права. Но горстка пленников повиниться отказалась.

— Не думай, мальчик, что на этом все и кончилось, — заявил один,

бастард кого-то из Флорентов. — Короля Станниса хранит Владыка Света, и никакие мечи и козни не спасут тебя, когда его час придет.

— Твой час уже пришел. — Джоффри сделал сиру Илину Пейну знак вывести этого человека и отрубить ему голову. Но как только его выволокли прочь, какой-то суровый рыцарь с огненным сердцем на камзоле воскликнул:

— Станнис — вот наш истинный король! На Железном Троне сидит чудовище, гнусный плод греха и кровосмешения!

— Молчать! — взревел сир Киван Ланнистер.

Но рыцарь еще больше повысил

ГОЛОС:

— Джоффри — это черный червь, вьевшийся в сердце королевства! Мрак был его отцом и смерть его матерью! Убейте его, пока он не осквернил вас всех! Истребите их — королеву-шлюху и короля-гадину, злобного карлика и паука-шептуна, вырвите с корнем ядовитые цветы. Только так вы спасете себя! — Один из золотых плащей сбил рыцаря с ног, но тот продолжал кричать: — Придет всеочищающий огонь! Король Станнис вернется!

Джоффри вскочил на ноги.

— Король здесь я! Убейте его! Убейте сейчас же! Я приказываю! — Он резко взмахнул рукой сверху

вниз... и вскрикнул от боли, задев один из острых железных клинков, окружавших его. Красный атлас его рукава потемнел от крови, и Джоффри завопил:

– Мама!

Пользуясь тем, что все взоры устремились на короля, человек на полу выхватил копье у золотого плаща и с его помощью поднялся на ноги:

– Трон отвергает его! Он не король!

Серсея бросилась к трону, но лорд Тайвин, каменно-недвижимый, только поднял палец – и сир Меррин Трант тут же обнажил меч. Конец был жесток и краток. Золотые плащи

схватили рыцаря за руки.

— Он не король! — еще раз крикнул тот, и длинный меч сира Меррина вонзился ему в грудь.

Джофф упал на руки матери. Трое подоспевших мейстеров вынесли его через королевскую дверь. Все заговорили разом. Золотые плащи потащили прочь убитого рыцаря, оставляя яркий кровавый след на каменном полу. Лорд Бейлиш поглаживал бороду, Варис что-то шептал ему на ухо. «Может быть, теперь они отпустят нас?» — подумала Санса. Десятка два пленных еще ждали своей очереди — присягнуть на верность или проклясть победителя.

Лорд Тайвин встал с места.

— Будем продолжать, — сказал он сильным звучным голосом, разом утомившим всякий шум. — Те, кто хочет попросить прощения за свою измену, могут это сделать, но больше глупостей мы не потерпим. — Он прошел к Железному Трону и сел на его ступени, всего в трех футах от пола.

За окнами стало смеркаться, когда церемония подошла к концу. Санса спустилась с галереи на затекших от долгого стояния ногах, думая, сильно ли порезался Джоффри. Говорят, Железный Трон бывает очень жесток к тем, кто не предназначен сидеть на нем.

Вернувшись наконец к себе, она прижала подушку к лицу, чтобы заглушить радостный писк. «О боги праведные, он сделал это — он отказался от меня перед всеми!» Когда служанка принесла ужин, Санса чуть не расцеловала ее. На подносе был горячий хлеб и свежее масло, густой говяжий суп, каплун с морковью и персики в меду. Даже еда теперь казалась Сансе вкуснее.

Когда стемнело, она накинула плащ и отправилась в богорощу. Подъемный мост охранял сир Осмунд Кеттлблэк в белых доспехах. Санса пожелала ему доброго вечера, очень старалась казаться удрученной, но его ухмылка не внушала ей

уверенности в успехе.

Донтос ждал ее в лунной тени листвы.

— Отчего вы так печальны? — весело спросила Санса. — Вы ведь были там и все слышали. Джофф отказался от меня, он...

Он взял ее за руку.

— О, Джонквиль, бедная моя Джонквиль, вы ничего не понимаете. Все ваши беды только начинаются.

У нее упало сердце.

— Как так? Почему?

— Королева никогда вас не отпустит, никогда. Вы слишком ценная заложница. А Джофффри... милая, он все еще король. Если он захочет лечь с вами в постель, то

ляжет — только теперь будет делать вам бастардов вместо законных сыновей.

— Нет, — пролепетала пораженная Санса. — Он отпустил меня, он...

Сир Донтос звучно чмокнул ее в ухо.

— Мужайтесь. Я обещал доставить вас домой, и теперь это стало возможно. День уже назначен.

— Когда же? Когда мы уедем?

— В ночь свадьбы Джоффри. После пира. Все необходимые приготовления уже сделаны. Замок будет полон гостей, половина двора перепьется, а другая половина будет устраивать Джоффри брачную ночь.

На время о вас все забудут – этим мы и воспользуемся.

– Но до свадьбы еще целый лунный месяц. Маргери Тирелл в Хайгардене, и за ней только-только послали.

– Вы так долго ждали – подождите еще немного. Вот, это вам.

Донтос порылся в кошельке и достал какую-то серебряную паутинку. Это была сетка для волос, такая тонкая, что Сансе показалось, будто она весит не больше вздоха. Каждую ячейку украшали темные камешки, впивавшие в себя лунный свет.

– Что это за камни?

– Черные аметисты из Асшая, очень редкого вида – при свете дня они темно-пурпурные.

– Очень красиво, – сказала Санса, подумав про себя: «Мне нужен корабль, а не сетка для волос».

– Красивее, чем вы думаете, дитя мое. Она волшебная. Вы держите в руках правосудие и отмщение за отца. – Донтос поцеловал ее снова. – И родной дом.

Теон

Мейстер Лювин пришел к нему, как только за стенами показались первые разведчики.

— Милорд принц, вы должны сдатьсь.

Теон тупо уставился на принесенный ему завтрак — овсяные лепешки, мед и кровяную колбасу. Еще одна бессонная ночь выбила его из колеи, и от одного вида еды его мутило.

— От дяди ответа нет?

— Нет. И от вашего отца в Пайке тоже.

— Пошли еще птиц.

– Это не поможет. Когда птицы доберутся до места...

– Отправь их! – Сбив на пол поднос с едой, Теон откинул одеяло и встал с кровати Неда Старка голый и злой. – Ты хочешь моей смерти? Ведь так, Лювин? Скажи правду.

Маленький серый мейстер не испугался.

– Дело моего ордена – служить.

– Да, только кому?

– Государству. И Винтерфеллу.

Теон, когда-то я обучал тебя буквам и цифрам, истории и военному делу. И еще бы многому научил, будь у тебя такое желание. Я не стану уверять, что люблю тебя, но ненависти к тебе я тоже не питаю. И даже если бы я

ненавидел тебя – пока Винтерфеллом владеешь ты, присяга обязывает меня помогать тебе советом. Сдавайся – вот мой совет.

Теон поднял с пола плащ, встряхнул и накинул на плечи. «Огонь! Мне нужен огонь и чистая одежда. Где этот Векс? Не умирать же мне в грязном?»

– Вы не можете надеяться удержать замок, – продолжал мейстер. – Если бы ваш лорд-отец хотел послать вам помощь, он бы уже это сделал. Для него главное – Перешеек. Битва за Север будет дана среди руин Рва Кейлин.

– Может быть. Но пока Винтерфелл в моих руках, сир

Родрик и лорды-знаменосцы Старка не выступят на юг и не ударят моему дяде в тыл. – (Не такой уж я профан в военном деле, как ты полагаешь, старик.) – А провизии у меня столько, что я могу год выдерживать осаду.

– Осады не будет. Разве что парадней, чтобы смастерить лестницы и привязать крючья к веревкам. Вслед за этим они взберутся к вам на стены сразу в сотне мест. Вы продержитесь час-другой – и замок падет. Лучше уж открыть ворота и попросить о...

– О пощаде? Знаю я их пощаду.

– Есть один выход.

– Я человек Железных островов,

– напомнил Теон, – и у меня свой

закон. Разве они оставили мне выбор? Нет, не отвечай — довольно с меня твоих советов. Ступай и отошли птиц, как я приказывал, да скажи Лоррену, что он мне нужен. И Вексу. Пусть мою кольчугу вычистят, а гарнизон построят во дворе.

Ему показалось, что мейстер не подчинится ему, но тот лишь чопорно поклонился и сказал:

— Слушаюсь.

Построенный гарнизон являл собой жалкое зрелище — островитян было мало, а двор велик.

— Северяне будут здесь еще до ночи, — сказал им Теон. — Сир Родрик Кассель и все лорды, которые явились на его зов. Бежать я не

намерен. Я взял этот замок и буду держать его, оставаясь принцем Винтерфелла до смертного часа. Но я никому не приказываю умереть вместе со мной. Если вы уйдете сейчас, пока силы сира Родрика еще не подошли, то получите шанс спастись. – Он обнажил свой меч и провел по земле черту. – Тот, кто останется и будет сражаться – шаг вперед.

Никто ему не ответил. Люди стояли в своих кольчугах, мечах и вареной коже как каменные. Кое-кто обменялся взглядами. Дикк Харло сплюнул. Длинные светлые волосы Эндегара взметнулись на ветру.

Теону казалось, будто он тонет.

Дивиться нечему, уныло подумал он. Все его покинули: отец, дяди, сестра, даже этот несчастный Вонючка. С чего же люди будут хранить ему верность? Говорить и делать больше нечего. Только стоять под этими серыми стенами, под неуютным белым небом, с мечом в руке и ждать...

Векс первым переступил черту. Три быстрых шага — и он, сгорбив плечи, встал рядом с Теоном. Черный Лоррен, устыдившись, последовал за ним мрачнее тучи.

— Кто еще? — спросил Теон. Вперед вышли Рыжий Рольф, Кромм, Верлаг, Тимор с братьями, Злобный Ульф, Харрат-Овцекрад, четверо

Харло, двое Ботли и Кеннед-Кит – всего семнадцать человек.

Урцен остался на месте, и Стигг, и те десять, что приехали с Ашей из Темнолесья.

– Что ж, ступайте, – сказали им Теон. – Бегите к моей сестре. Не сомневаюсь, что она окажет вам радушный прием.

У Стигга хватило совести устыдиться – остальные удалились, не сказав ни слова.

– На стену, – сказал Теон семнадцати оставшимся. – И если боги смиляются над нами, я вас не забуду.

Все ушли, но Черный Лоррен остался.

– Вся замковая челядь обернется против нас, как только бой начнется.

– Знаю. И что ты предлагаешь?

– Перебить их, всех до единого.

Теон покачал головой.

– Петля готова?

– Да. Хочешь ею

воспользоваться?

– Тебе известен лучший способ?

– Да. Я стану с топором на подъемном мосту, и пусть попробуют пройти. Один, двое, трое – мне все равно. Никто не пройдет через ров, пока я жив.

«Он хочет умереть, – подумал Теон. – Ему нужна не победа, а смерть, достойная песни».

– Мы используем петлю.

– Как знаешь, – с презрением ответил Лоррен.

Векс помог Теону одеться для битвы. Сперва твердая вареная кожа, затем хорошо смазанная кольчуга, поверх – черный камзол и золотая мантия. Одевшись и вооружившись, Теон взошел на сторожевую башню в углу южной и восточной стен, чтобы взглянуть в лицо своей судьбе. Северяне окружали замок. Об их численности трудно было судить. Не меньше тысячи, а то и двух. Это против семнадцати-то человек. Они привезли с собой катапульты и скорпионы. Осадных башен Теон на Королевском Тракте не видел, но в лесу дерева хватит, чтобы построить

их сколько угодно.

В мирийскую подзорную трубу мастера Теон посмотрел на их знамена. Повсюду реяли боевые топоры Сервинов, деревья Толхартов и водяные Белой Гавани. Чуть реже встречались эмблемы Флинтов и Карстарков. Кое-где мелькал даже лось Хорнвудов. Гловеров нет – Аша об этом позаботилась, Болтонов тоже, и Амберы так и не выползли из-под своей Стены. Впрочем, в них и не было нужды. Вскоре у ворот появился юный Клей Сервин с мирным знаменем и объявил, что сир Родрик Кассель желает говорить с Теоном-Перевертышем.

Перевертыш. Эта кличка была

ему горче желчи. Он отплыл в Пайк, чтобы повести отцовские ладьи на Ланниспорт, а теперь...

– Сейчас спущусь, – крикнул он вниз. – Один.

Черный Лоррен не одобрил этого.

– Кровь можно смыть только кровью. Может, рыцари и соблюдают уговор с другими рыцарями, но с теми, кого считают разбойниками, они не столь щепетильны.

– Я принц Винтерфелла и наследник Железных островов, – ошетинился Теон. – Ступай найди девчонку и сделай так, как я велел.

Лоррен ответил ему убийственным взглядом.

– Да, мой принц.

«Он тоже против меня. –

Последнее время Теону казалось, что сами камни Винтерфелла обернулись против него. – Я умру, покинутый всеми. Значит, остается одно – жить!»

Он подъехал к воротам с короной на голове. Женщина черпала воду из колодца, Гейдж-повар стоял в дверях кухни. Они скрывали свою ненависть за угрюмыми взглядами и ничего не выражающими лицами, но он все равно ее чувствовал.

Когда опустили мост, через ровдохнул холодный ветер, и Теон содрогнулся. «Это я от холода», – сказал он себе. Даже самые храбрые

могут дрожать от холода. Он проехал по мосту и под решеткой – прямо в зубы этому ветру. Внешние ворота растворились перед ним. Он выехал за стены замка, чувствуя, как мальчики смотрят ему в спину своими пустыми глазницами.

Сир Родрик ждал на рыночной площади верхом на сером в яблоках мерине. Клей Сервин держал над ним знамя с лютоволком Старков. Они были одни на площади, но Теон видел лучников на крышах ближних домов, копейщиков справа, а слева стояла шеренга конных рыцарей под водяным с трезубцем дома Мандерли. «Каждый из них хочет моей смерти». Среди них были

юнцы, с которыми Теон пил, играл в кости, даже ходил по бабам, но это не спасет его, если он попадет к ним в руки.

— Сир Родрик. — Теон натянул поводья. — Мне грустно, что мы встречаемся врагами.

— Мне тоже грустно — оттого, что не могу повесить тебя прямо сейчас. — Старый рыцарь плюнул в грязь. — Перевертыш.

— Меня зовут Грейджой из Пайка, — напомнил ему Теон. — На плаще, в который завернул меня отец при рождении, был кракен, а не лютоволк.

— Ты десять лет был воспитанником Старков.

– Заложником их и узником.

– Скажешь, лорд Эддард держал тебя закованным в темнице? Нет, он воспитывал тебя вместе со своими сыновьями, славными мальчиками, которых ты убил, а я, к непреходящему моему стыду, учил тебя боевому мастерству. Мне бы проткнуть твое брюхо мечом, а не вкладывать его тебе в руку.

– Я пришел говорить, а не выслушивать оскорбления. Говори, старик, – что тебе от меня надо?

– Две вещи. Винтерфелл и твою жизнь. Прикажи своим людям открыть ворота и сложить оружие. Тот, кто не убивал детей, сможет уйти, но ты предстанешь перед судом

короля Робба — и да смилуются над тобой боги, когда он вернется.

— Робб никогда больше не увидит Винтерфелла. Он сложит голову у Рва Кейлин, как это происходило со всеми южанами на протяжении десяти тысяч лет. Север теперь наш, сир.

— Вы заняли три замка, и один я сейчас у тебя отберу, Перевертыш.

Теон пропустил это мимо ушей.

— Мои условия таковы. До наступления вечера вы должны разойтись. Те, кто присягнет на верность Бейлону Грейджою как своему королю и мне как принцу Винтерфелла, сохранят за собой свои права и имущество, не потерпев

никакого ущерба. Те, кто не сделает этого, будут истреблены.

— Ты что, рехнулся, Грейджой? — удивленно спросил юный Сервин.

— Он только пыжится, мальчик, — сказал сир Родрик. — Боюсь, Теон всегда был слишком высокого мнения о себе самом. Не думай, Перевертыш, что я буду ждать Робба, чтобы двинуться на Перешеек и разделаться с твоими сородичами. Со мной около двух тысяч человек, а у тебя, если верить слухам, не больше пятидесяти.

Семнадцать, если быть точным. Теон заставил себя улыбнуться.

— У меня есть кое-что получше людей. — И он поднял над головой

кулак, подавая сигнал Черному Лоррену.

Винтерфелл был у него за спиной, но сир Родрик смотрел прямо на стену и не мог видеть. Когда подбородок рыцаря задрожал под пышными белыми бакенбардами, Теон понял, что он увидел. Нет, старик не удивился, с грустью отметил Теон, но страх налицо.

— На это способен только трус, — сказал сир Родрик. — Использовать ребенка... какая подлость.

— Знаю. Я сам отведал этого кушанья — забыл? Меня десятилетним забрали из отцовского дома, чтобы отец больше не бунтовал.

– Это не одно и то же!

– Верно. Веревка, которую носил на шее я, была не из пеньки, однако я ее чувствовал. И она натирала мне шею, сир Родрик, – до крови натирала. – Теон до сих пор не признавал этого, но, произнеся, понял, что это правда.

– Тебе никогда не причиняли зла.

– Твоей Бет тоже не причинят, если ты...

Сир Родрик не дал ему закончить.

– Ядовитая гадина. – Лицо рыцаря побагровело под белыми бакенбардами. – Я дал тебе случай спасти твоих людей и умереть хотя

бы с видимостью чести. Мне следовало бы знать, что от детоубийцы хорошего ждать не приходится. — Сир Родрик опустил руку на меч. — Я мог бы зарубить тебя прямо здесь и положить конец твоим мерзостям. Клянусь богами, так мне и следует поступить.

Теон не боялся старика, но лучники и рыцари в строю — другое дело. Если дойдет до мечей, живым в замок ему уже не вернуться.

— Что ж, преступи свою клятву, убей меня — и увидишь, как твоя малютка Бет закачается в петле.

У сира Родрика побелели костяшки пальцев, но руку с меча он убрал.

– Поистине я зажился на свете.

– Не стану спорить, сир. Так как, принимаете вы мои условия?

– На мне лежит долг перед леди Кейтилин и домом Старков.

– А как же твой собственный дом? Бет – последняя у вас в роду.

Старый рыцарь выпрямился.

– Я предлагаю себя вместо дочери. Отпусти ее и возьми в заложники меня. Кастелян Винтерфелла, уж конечно, стоит больше, чем маленькая девочка.

– Только не для меня. – (Благородный жест, старик, но я не такой дурак.) – И не для лорда Мандерли с Леобальдом Толхартом, спорить могу. – (Не больно-то им

дорога твоя старая шкура.) – Нет, я оставлю девочку у себя... и ничего ей не сделаю, пока ты будешь меня слушаться. Ее жизнь в твоих руках.

– Праведные боги, Теон, как ты можешь? Ты же знаешь, что я обязан штурмовать замок, я дал присягу...

– Если твое войско на заходе солнца не отойдет от моих стен, Бет будет повешена. За ней на рассвете последует другой заложник, а на закате еще один. На каждой заре, утренней и вечерней, кто-то будет умирать, пока вы не уйдете. В заложниках у меня недостатка нет. – Не дожидаясь ответа, Теон повернул Улыбчивого и поехал обратно к замку. Сначала он двигался шагом, но

при мысли о лучниках за спиной перешел на рысь. Маленькие головы смотрели на него со своих пик, ободранные и просмоленные, увеличиваясь с каждым ярдом, а между ними стояла маленькая Бет Кассель, плачущая, с петлей на шее. Теон, пришпорив Улыбчивого, перешел в галоп. Копыта коня простучали по подъемному мосту, как барабанные палочки.

Во дворе Теон спешился и передал поводья Вексу.

— Авось это их остановит, — сказал он Черному Лоррену. — На закате увидим. Убери пока девчонку и укрой где-нибудь. — Он был весь мокрый под слоями кожи, стали и

шерсти. — Мне надо выпить чашу вина, а еще лучше чан.

В спальне Неда Старка развели огонь. Сев перед ним, Теон налил себе красного вина из погребов замка, кислого под стать настроению. Все равно они атакуют, думал он мрачно, глядя в очаг. Сир Родрик любит свою дочь, но при этом остается кастеляном, а прежде всего — рыцарем. Если бы это Теон стоял с петлей на шее, а лорд Бейлон командовал осадной армией, рога уже трубили бы штурм. Слава богам, что сир Родрик родился не на Железных островах. Люди зеленых земель сделаны из более мягкого теста — но кто знает, достаточно ли

оно мягкое? Если старик все-таки отдаст приказ идти на приступ, Винтерфелл падет. Теон не питал на этот счет иллюзий. Его семнадцать могут убить вдвое, втрое, впятеро больше врагов, но в конце концов их одолеют.

Он смотрел на пламя поверх обода чаши, размышляя о том, как несправедливо устроена жизнь.

— В Шепчущем Лесу я ехал рядом с Роббом Старком, — пробормотал он. — Тогда ему тоже было страшно, но не так, как мне теперь. Одно дело — идти в бой плечо к плечу с друзьями, и совсем другое — умирать одному, презираемому всеми. — «Сжальтесь», — произнес он

про себя.

Видя, что вино не приносит облегчения, Теон послал Векса за луком и спустился в старый внутренний дворик. Он пускал в мишень стрелу за стрелой, останавливаясь только, чтобы выдернуть их обратно, пока плечи не заболели и пальцы не начали кровоточить. «Этим самым луком я спас Брану жизнь, — вспомнил он. — Хорошо бы спасти заодно и свою». Женщины приходили к колодцу за водой, но не задерживались надолго — то, что они видели на лице Теона, гнало их прочь.

Позади торчала разрушенная башня с зубчатой, как корона,

вершиной – там в древние времена прошелся пожар. Солнце двигалось по небу, а с ним и тень от башни – она удлинялась, протягивая черную руку к Теону Грейджою. Когда солнце коснулось стены, рука настигла его. «Если я повешу девочку, северяне тут же пойдут на приступ, – подумал он, пуская очередную стрелу. – А если не повешу, они поймут, что я грозился попусту. – Он наложил на лук новую стрелу. – Выхода нет».

– Будь у тебя сотня таких, как ты, лучников, ты бы еще мог на что-то надеяться, – произнес тихий голос. Теон обернулся – позади стоял мастер Лювин.

– Уходи. Хватит с меня твоих советов. Надоело.

– А жизнь? Она тебе тоже надоела, милорд принц?

Теон поднял лук.

– Еще одно слово – и я пошлю эту стрелу тебе в сердце.

– Не пошлешь.

Теон согнул лук, приложив к щеке серое гусиное оперение.

– Может, поспорим?

– Я – твоя последняя надежда, Теон.

«Нет у меня никакой надежды», – подумал он, но все-таки опустил лук и сказал:

– Бежать я не стану.

– Разве я говорил о бегстве?

Надень черное.

— Ночной Дозор? — Лук медленно разогнулся, и стрела склонилась к земле.

— Сир Родрик служит дому Старков всю свою жизнь, а дом Старков всегда был другом Дозора. Рыцарь тебе не откажет. Открой ворота, сложи оружие, прими его условия, и он непременно позволит тебе надеть черное.

«Брат Ночного Дозора... Ни короны, ни сыновей, ни жены... но это жизнь, и жизнь почетная. Родной брат Неда Старка ушел в Дозор, и Джон Сноу тоже.

Черного у меня хоть отбавляй — только спороть кракенов. Даже конь

у меня черный. В Дозоре я смогу подняться высоко — стану главой разведчиков, а то и лордом-командующим. Пусть Аша забирает поганые острова себе — они такие же страхолюдные, как и она. Если я буду служить в Восточном Дозоре, мне могут дать собственный корабль, а за Стеной можно хорошо поохотиться. Что до женщин — какая из одичалых откажется принять принца в свою постель? — Медленная улыбка тронула губы Теона. — Черный плащ ни на какой другой уж не сменишь, и я буду не хуже других».

— Принц Теон! — оглушительно ворвалось в его думы. Через двор неся Кромм. — Северяне...

Теон ощутил внезапный тошнотворный страх.

– Что они? Атакуют?

Мейстер сжал его руку.

– Время еще есть. Подними мирное знамя...

– Они дерутся, – выпалил Кромм. – К ним приехали еще какие-то люди, несколько сотен, и сначала присоединились к остальным, а потом на них напали!

– Что за люди? Аша? – Может, она все-таки решила спасти его?

– Да нет же, говорю тебе – северяне. У них на знамени ободранный человек.

Человек с содранной кожей из Дредфорта. Вонючка до плена

служил Бастарду Болтонскому. Трудно поверить, что такой гнусный малый сумел склонить Болтонов на измену, но иного объяснения нет.

– Пойду посмотрю сам, – сказал Теон.

Мейстер Лювин поплелся за ним. Со стены перед ним открылась рыночная площадь, усеянная трупами людей и коней. В сражении не было порядка – сплошная свалка знамен и клинков. В холодном осеннем воздухе звенели крики. У сира Родрика людей было больше, но дредфортцы напали внезапно, и вождь у них был сильнее. Теон смотрел, как они атакуют, отскакивают и атакуют опять, рубя

противников в капусту всякий раз, когда те пытаются построиться между домами. Топоры обрушивались на дубовые щиты под дикое ржание раненых лошадей. В городке загорелась гостиница.

Черный Лоррен, стоя рядом с ним, молча смотрел на все это. Солнце склонилось к западу, окрасив дома и поля багровым заревом. Тонкий, полный боли крик плыл над стенами, за горящими домами трубил рог. Раненый, теряя кровь, полз по грязи к колодцу на середине площади. Он умер, так и не добравшись туда. Он был в кожаном кафтане и остроконечном шлеме, но без эмблемы, которая помогла бы

понять, на чьей стороне он бился.

Вороны закружились в синих сумерках, и зажглись первые звезды.

– Дотракийцы верят, что звезды – это души погибших в бою, – сказал Теон. Об этом ему когда-то рассказывал мейстер Лювин.

– Дотракийцы?

– Табунщики из-за Узкого моря.

– А, эти. Во что они только не верят, дикари.

Ночь и дым почти не позволяли рассмотреть, что происходит внизу, но лязг стали постепенно затихал, а крики и звуки рогов уступили место стонам и причитаниям. Из дыма показался конный отряд. Во главе его ехал рыцарь в темных доспехах. Его

круглый шлем отсвечивал красным, бледно-розовый плащ струился с плеч. У главных ворот он остановился, и кто-то из его людей потребовал, чтобы им открыли.

— Кто вы — друзья или враги? — прокричал в ответ Черный Лоррен.

— Разве враг станет приносить такие дары? — Красный Шлем махнул рукой, и у ворот сбросили три мертвых тела, осветив их факелом, чтобы защитники на стенах могли видеть лица.

— Старый кастелян, — сказал Черный Лоррен.

— И Леобальд Толхарт, и Клей Сервин. — Мальчику-лорду попала в глаз стрела, сиру Родрику по локоть

отсекли левую руку.

Мейстер Лювин с горестным криком упал на колени, и его стошнило.

— У жирного кабана Мандерли не хватило духу покинуть Белую Гавань, не то бы мы и его притащили, — крикнул Красный Шлем.

«Я спасен, — подумал Теон. — Отчего же я тогда чувствую такую пустоту? — Это же победа, сладкая победа, избавление, о котором он молился. Он взглянул на мейстера Лювина. — И подумать только, что я уже собрался сдаться, надеть черное...»

— Откройте нашим друзьям

ворота. — Может, хоть сегодня он уснет, не боясь того, что ему приснится.

Дредфортцы въехали через ров во внутренние ворота. Теон спустился вниз с Лорреном и мастером, чтобы встретить их во дворе. Тускло-красные штандарты свешивались с концов немногочисленных пик — гораздо больше воинов было вооружено топорами, мечами и щитами, порядком изрубленными.

— Сколько человек вы потеряли?
— спросил Теон спешившегося Красного Шлема.

— Двадцать или тридцать. — Свет факелов мерцал на выщербленной

эмали его забрала. Шлем и латный ворот имели вид человеческого лица и плеч с содранной кожей, с разинутым в беззвучном вопле ртом.

— У сира Родрика было впятеро больше войска.

— Да, но он думал, что мы друзья. Распространенная ошибка. Когда старый дурень протянул мне руку, я оттяпал ее, а потом показался ему. — Предводитель обеими руками снял шлем и взял его на сгиб локтя.

— Вонючка, — произнес обеспокоенный Теон. Откуда простой слуга мог взять такие доспехи?

— Вонючка давно окочурился, — засмеялся воин. — А все из-за девки.

Если б она не бежала так быстро, его лошадь не захромала бы, и нам обоим удалось бы уйти. Я отдал ему свою, когда увидел всадников с холма. С девкой я уже позабавился, а он любил получать свое, покуда они еще теплые. Пришлось оттащить его от нее и сунуть ему мою одежду — сапоги телячьей кожи, бархатный дублет, пояс с серебром, даже подбитый соболем плащ. Скачи в Дредфорт, сказал я ему, и приведи помощь. Бери мою лошадь, она быстрее, и кольцо, подарок отца, возьми, чтобы поверили, что я тебя послал. Он знал, что лишних вопросов мне лучше не задавать. К тому времени, как ему попали

стрелой в спину, я вымазался в девкином дерьме и оделся в его лохмотья. Меня, конечно, могли повесить, но иного выхода не было. — Воин вытер рукой рот. — Итак, милорд принц, ты обещал мне женщину, если я приведу двести человек. Я привел втрое больше — и не юнцов каких-нибудь или там батраков, а гарнизон своего отца.

Теон дал слово и не мог идти на попятный. Надо отдать ему обещанное и поквитаться с ним после.

— Харрат, ступай на псарню и приведи Паллу для...

— Рамси. — На пухлых губах появилась улыбка, не отразившаяся в

бледных глазах. — Сноу — так звала меня жена до того, как съела свои пальцы, но я себя называю Болтон. — Улыбка застыла, кривя губы. — Значит, за мою службу ты предлагаешь мне девчонку с псарни — так, что ли?

Теону не нравился ни его тон, ни дерзость, с которой смотрели на него дредфортцы.

— Я даю тебе то, что обещал.

— От нее пахнет псиной, а мне уже надоела вонь. Я, пожалуй, лучше возьму твою подружку. Как бишь ее звать — Кира?

— Спятил ты, что ли? — вспыхнул Теон. — Да я тебя...

Рука Бастарда в стальной

перчатке смазала его по лицу, и мир исчез в красном реве боли.

Чуть позже Теон очнулся, лежа на земле. Он перекатился на живот и проглотил кровь. «Закройте ворота!» — хотел крикнуть он, — но было уже поздно.

Дредфортцы убили Рыжего Рольфа и Кеннеда, а в ворота шли все новые и новые — целая река из кольчуг и острых мечей. В ушах гудело, и вокруг царил ужас. Черный Лоррен выхватил меч, но на него накинулись сразу четверо. Ульф, бежавший к Великому Чертогу, упал с арбалетной стрелой в животе. Мейстер Лювин устремился к нему, но конный рыцарь пронзил копьем

его спину и проскакал по нему. Кто-то из пришельцев, покрутив факел над головой, метнул его на соломенную кровлю конюшни.

– Найдите мне Фреев, – крикнул Бастард, когда пламя взвилось вверх, – а всех остальных сожгите, чтоб духу их не было.

Последнее, что увидел Теон Грейджой, был Улыбчивый, выскочивший из конюшни с горящей гривой – он кричал и взвивался на дыбы...

Тирион

Ему снился каменный, весь в трещинах, потолок, снились запахи крови, дерьма и горелого мяса. В воздухе стоял едкий дым. Вокруг стонали, скулили, а порой и кричали от боли. Попытавшись пошевелиться, он обнаружил, что сделал под себя. От дыма слезились глаза. Плачу я, что ли? Только бы отец не увидел. Я Ланнистер из Бобрового Утеса. Лев, я должен быть львом, жить, как лев, и умереть, как лев. Если бы не эта боль. Он лежал в собственных нечистотах, закрыв глаза, слишком слабый, чтобы стонать. Рядом кто-то

клял богов унылым монотонным голосом. Он вслушивался в проклятия и думал, что умирает. Затем он провалился в небытие.

Теперь он шел где-то за городом, в лишенном красок мире. Вороны парили в сером небе на широких черных крыльях, серые вороны взмывали тучами над своей добычей, когда он приближался. Белые черви кишели на черной мертвечине. Серые волки и серые Молчаливые Сестры совместно обдирали павших. По всему турнирному полю валялись трупы. Солнце, как горящий белый грош, заливало блеском серую реку, текущую среди черных остовов сгоревших кораблей. С погребальных

костров поднимался черный дым и белый пепел. «Это моих рук дело, — подумал Тирион Ланнистер. — Они умерли по моему приказу».

Сначала в этом мире не было звуков, но потом он стал слышать голоса мертвых, тихие и страшные. Они рыдали и стонали, просили прекратить их мучения, молили о помощи, звали своих матерей. Тирион своей матери не знал. Он позвал бы Шаю, но ее не было здесь. Он шел один среди серых теней, пытаясь вспомнить...

Молчаливые Сестры снимали с мертвых доспехи и одежду. С камзолов исчезли все яркие краски, оставив серые и белые тона с черной

запекшейся кровью. Нагие тела брали за руки и за ноги и, раскачав, забрасывали на костры. Сталь и тряпье бросали в белую телегу, влекомую двумя черными лошадьми.

Как же их много, этих мертвых. Обмякших, окоченевших, раздувшихся от газов, неузнаваемых, потерявших человеческий облик. На снятых с них одеждах виднелись черные сердца, серые львы, неживые цветы, бледные призрачные олени. Доспехи были все во вмятинах, кольчуги в прорехах. «Зачем я убил их всех?» Он знал раньше, но забыл.

Он хотел спросить одну из сестер, но тут понял, что у него нет рта. Зубы покрывала гладкая кожа.

Это открытие ужаснуло его. Как же он мог жить без рта? Он бросился бежать. Город был недалеко. Там он будет в безопасности, без всех этих мертвых. Он к ним не принадлежит. Пусть у него нет рта — он еще живой человек. Нет, лев! Живой лев. Но когда он добежал до городской стены, ворота закрылись перед ним.

Когда он очнулся снова, было темно. Сначала он ничего не видел, но потом вокруг возникли смутные очертания кровати. Занавески были задернуты, но он различал резные столбики и бархатный балдахин над головой. Под собой он ощущал мягкую перину, под головой — подушку из гусиного пуха. «Моя

кровать. Я лежу на своей кровати, в собственной спальне».

Ему было тепло здесь, под грудой мехов и одеял. Он потел. Это жар, с трудом сообразил он. Его одолевала слабость, а когда он попытался поднять руку, тело пронзила боль. Он отказался от дальнейших попыток. Голова казалась огромной, величиной с кровать, и такой тяжелой, что нипочем не поднимешь. Тела он почти совсем не чувствовал. «Как я сюда попал?» Битва вспоминалась ему обрывками и проблесками.

Бой у реки, рыцарь, протянувший ему перчатку, корабельный мост...

Сир Мендон! Он вспомнил мертвые пустые глаза, протянутую руку, зеленый огонь, отраженный в белом эмалевом панцире. Холодный страх накатил на Тириона, и он обмочился. Он закричал бы, будь у него рот. «Да нет же, это сон, — подумал он с рвущейся на части головой. — Помогите мне кто-нибудь. Джейме, Шая, мама... Тиша...»

Никто не услышал его. Никто не пришел. Один в темноте, он снова провалился в пахнувший мочой сон. Ему снилось, что над ним стоит его сестра, а рядом их хмурый лорд-отец. Конечно же, это сон — ведь лорд Тайвин за тысячу лиг отсюда, он сражается с Роббом Старком на

западе. Приходили к нему и другие. Варис вздохнул, глядя на него. Мизинец отпустил какую-то шуточку. «Зловредный ублюдок, предатель, — подумал Тирион. — Мы послали тебя в Горький Мост, а ты так и не вернулся». Иногда он слышал, как они разговаривают, но не понимал слов. Их голоса звучали в ушах, как осы сквозь толстый войлок.

Ему хотелось спросить их, выиграна ли битва. «Должно быть, да, иначе моя голова торчала бы где-нибудь на пике. Я жив — значит мы победили». Он не знал, что его радует больше: победа или то, что он сумел прийти к такому выводу. Разум возвращался к нему, хотя и медленно.

Это хорошо. Разум – все, что у него есть.

Когда он очнулся в следующий раз, занавески были отдернуты и рядом стоял Подрик Пейн со свечой. Увидев, что Тирион открыл глаза, он убежал. Нет, не уходи, помоги мне, хотел крикнуть Тирион, но лишь глухо застонал. Конечно, если рта нет. Он поднял руку к лицу, перебарывая боль и скованность, и пальцы нащупали ткань на месте губ. Полотно. Нижняя часть его лица была туго забинтована – плотная маска с дырами для дыхания и кормления.

Под вскоре вернулся с незнакомым мастером в мантии и с

цепью на шее.

— Милорд, лежите смирно, — сказал тот. — Вы тяжело ранены и можете себе навредить. Вам хочется пить?

Тирион с трудом кивнул. Мейстер вставил в отверстие повязки медную воронку и стал что-то лить туда тонкой струйкой. Тирион слишком поздно смекнул, что эта жидкость — маковое молоко, и снова полетел в пучины сна.

Теперь ему приснилось, что он присутствует на пиру в честь победы в каком-то большом зале.

Он сидел на почетном высоком месте, и гости пили за его здоровье, восхваляя его доблесть. Мариллон,

певец, путешествовавший с ним через Лунные горы, пел о славных подвигах Беса, и даже отец одобрительно улыбался. Когда песня закончилась, Джейме встал со своего места, велел Тириону встать на колени и коснулся своим золотым мечом сперва одного его плеча, потом другого, посвятив его в рыцари. Шая, бывшая тут же, взяла его за руку, смеясь, и назвала его своим гигантом Ланнистером.

Он проснулся в темноте, в холодной пустой комнате. Занавески снова задернули, и что-то было не на месте, только он не знал что. Откинув одеяло, он попытался сесть, но боль не позволила, и он сдался,

дыша хрипло и неровно. Лицо было далеко не главным. Весь правый бок болел невыносимо, а грудь пронзало каждый раз, когда он поднимал руку. «Что со мной такое стряслось?» Битва теперь тоже представлялась ему полусном. Он не думал, что так тяжело ранен. Сир Мендон...

Воспоминание о нем пугало его, но Тирион заставил себя не отводить глаз. «Он хотел убить меня – ошибки нет. Это уж точно не сон. Он разрубил бы меня пополам, если бы не Под... А где Под, кстати?»

Скрипнув зубами, Тирион ухватил занавески и дернул. Они оторвались и упали – частично на пол, частично на него. Даже от этого

небольшого усилия у него помутилось в глазах, и комната завертелась колесом — голые стены, темные тени, единственное узкое окно. Он увидел свой сундук, сваленную в кучу одежду, помятые доспехи — но это была не его спальня и даже не башня Десницы. Его куда-то перенесли. Повязка преобразила его гневный крик в глухой стон. «Меня положили здесь умирать», — подумал он, отказавшись от борьбы и снова закрыв глаза. В комнате было сыро и холодно, но он весь горел.

Ему приснился уютный маленький домик у предзакатного моря. Несмотря на кособокие, с трещинами, стены и земляной пол,

там ему всегда было тепло, даже когда огонь в очаге гас. «Она дразнила меня тем, что я всегда забывал подкладывать дрова — привык, что этим занимаются слуги. «Теперь у тебя одна служанка — я, да и та ленивая. Что делают с ленивыми слугами в Бобровом Утесе, милорд?» А я отвечал: «Их целуют», и это всегда вызывало у нее смех. «Ну уж нет. Их бьют». А я настаивал: «Нет, их целуют — вот так. Сначала пальчики, один за другим, потом ручки, потом локотки. Потом ушки — ведь у слуг такие чудесные ушки. Перестань смеяться! Целуют щечки, и вздернутые носы, вот так, и бровки, и волосы, и губы, м-м...»

Они целовались часами и сутками валялись в постели, слушая прибой и лаская друг друга. Ее тело было для него чудом, и ей он как будто тоже нравился. Она пела ему: «Была моя любовь прекрасна, словно лето, и локоны ее – как солнца свет». «Я люблю тебя, Тирион, – шептала она перед сном. – Люблю твои губы. Люблю твой голос и слова, которые ты мне говоришь, и твою нежность. Люблю твое лицо». «Лицо?!» «Да. Люблю твои руки и люблю, как ты меня трогаешь. Люблю твоего петушка и люблю, когда он во мне». «Он тебя тоже любит, госпожа моя». «Люблю говорить твое имя. Тирион Ланнистер. Оно подходит к моему.

Не Ланнистер, а Тирион. Тирион и Тиша. Тиша и Тирион. Тирион. Милорд Тирион...»

Ложь. Ложь и притворство – все ради золота. «Шлюха Джейме, его подарок мне, моя лживая леди». Ее лицо расплылось за пеленой слез, но он еще слышал ее голос, зовущий его по имени:

– ...милорд, вы меня слышите?
Милорд Тирион! Милорд!

Сквозь дымку макового сна он увидел над собой чье-то розовое лицо. Он снова был в сырой комнате, на кровати с сорванными занавесками, и лицо было не ее – слишком круглое, с коричневой бородкой.

– Хотите пить, милорд? У меня есть для вас вкусное молочко. Нет, не боритесь, не надо, вам нужен покой... – В одной пухлой розовой руке он держал воронку, в другой флягу.

Когда он наклонился пониже, Тирион сгреб его за цепь и рванул. Мейстер выронил флягу, и маковое молоко разлилось по одеялу. Тирион закрутил цепь так, что она врезалась в толстую шею, и прохрипел:

– Нет. – Как ни слабо это прозвучало, мейстер, вероятно, все же услышал, потому что просипел в ответ:

– Отпустите, милорд... Я даю вам молоко, чтобы унять боль...

Отпустите же...

Розовое лицо начало багроветь. Тирион отпустил цепь, и мейстер отшатнулся, глотая воздух. На горле у него остались глубокие впадины, и глаза побелели. Тирион поднял руку к лицу и сделал над маской несколько срывающих движений.

— Вы хотите снять повязку, не так ли? Но это крайне... крайне неразумно, милорд. Вы еще не оправились, и королева...

От упоминания о сестре Тирион зарычал. Так мейстер — ее ставленник? Тирион указал на него пальцем и сжал руку в кулак: снимай, мол, не то хуже будет.

Тот, к счастью, его понял.

– Хорошо, я это сделаю. Но лучше бы не надо, милорд. Ваши раны...

– Снимай! – На этот раз получилось громче.

Мейстер с поклоном вышел, но тут же вернулся, неся длинный нож с тонким пилообразным лезвием, таз с водой, кучу мягкой ветоши и несколько фляг. Тирион тем временем принял полусидячее положение, привалившись к подушке. Мейстер, наказав ему не шевелиться, поддел ножом нижний край повязки. «Стоит ему промахнуться немного, и Серсея освободится от меня». Тирион чувствовал, как лезвие пилит плотную ткань в нескольких дюймах

над его горлом.

К счастью, этот розовый сестрин наемник храбростью не отличался. Миг спустя Тирион почувствовал на щеках прикосновение холодного воздуха — и боль тоже, но ее он старался не замечать. Мейстер снял жесткие от какого-то снадобья бинты.

— А теперь потерпите — мне нужно промыть вашу рану. — Он делал это бережно, и теплая вода успокаивала. Рана? Тирион вспомнил яркую серебристую вспышку чуть ниже глаз. — Будет немножко больно, — предупредил мейстер, обмакнув тряпицу в вино, пахнущее травами. «Немножко» было мягко сказано — по

лицу Тириона словно огненную черту прожгли, а потом ткнули раскаленной кочергой в нос. Тирион вцепился в простыни и затаил дыхание, но подавил крик. Мейстер кудахтал, как наседка: — Лучше было бы оставить повязку на месте, пока все не зарубцуется, милорд. Но ничего, рана хорошая, чистая. Когда мы нашли вас в том подвале среди мертвых и умирающих, ваши раны гноились. Одно из ребер было сломано — вы и теперь, конечно, это чувствуете, — то ли от удара палицей, то ли при падении. А в плечевом суставе застряла стрела. Там уже началось омертвление, и я опасался, что вы можете лишиться руки, но мы

применили червей и кипящее вино — теперь все благополучно заживает...

— Имя, — выдохнул Тирион. — Имя...

— Имя? — заморгал мейстер. — Вы Тирион Ланнистер, милорд. Брат королевы. Вы помните битву? Иногда от ран в голову...

— Твое. — В горле пересохло, и язык разучился выговаривать слова.

— Я мейстер Баллабар.

— Баллабар, — повторил Тирион. — Принеси зеркало.

— Милорд, я не советовал бы... это неразумно... ваша рана...

— Принеси. — Ему казалось, что у него рассечены губы. — И пить. Вино. Без мака.

Мейстер, залившись краской, убежал и вернулся со штофом янтарного вина и маленьким серебряным зеркальцем в золотой оправе. Сев на край кровати, он наполнил чашу до половины и поднес ее к распухшим губам Тириона. Холодная струйка потекла внутрь, но вкуса Тирион не распробовал.

— Еще, — сказал он, когда чаша опустела, и мейстер налит еще. К концу второй чаши Тирион Ланнистер обрел силы, чтобы взглянуть себе в лицо.

Он уставился в зеркало, не зная, плакать или смеяться. Рубленая рана, начинаясь на волосок ниже левого

глаза, обрывалась на правой стороне челюсти. Недоставало трех четвертей носа и куска губы. Кто-то зашил разрез, и корявые стежки еще виднелись между красных, вспухших, полузаживших краев раны.

— Красота, — прохрипел он, отшвырнув от себя зеркало.

Теперь он вспомнил все. Корабельный мост, сир Мендон Мур, рука, меч, целящий в лицо. «Если бы я не отшатнулся, он снес бы мне макушку». Джейме всегда говорил, что сир Мендон — самый опасный из Королевской Гвардии, потому что по его мертвым глазам не видно, что он намерен сделать в следующий миг. Да и никому из них нельзя было

доверяться. Он знал, что сир Меррин и сир Борос, а потом и сир Осмунд — люди Серсеи, но верил, что остальные еще сохранили остатки чести, а напрасно. Должно быть, Серсея заплатила Мендону за то, чтобы Тирион уж наверняка не вернулся из боя. Как это иначе объяснить? Он никогда не делал Мендону зла. Тирион потрогал воспаленный рубец своими короткими пальцами. «Еще один подарочек от моей дражайшей сестрицы». Мейстер топтался рядом, как гусь, которому не терпится улететь.

— У вас, милорд, скорее всего останется шрам...

– Скорее всего? – Смех перешел в гримасу боли. Еще как останется, да и нос вряд ли отрастет. Теперь на него и вовсе смотреть будет страшно.

– Впредь наука... не играй с топором. Мы где? Что это за место?

– Говорить было больно, но он уже намогчался.

– Вы в крепости Мейегора, милорд. В комнате над Бальным Залом Королевы. Ее величество пожелала поместить вас поблизости, чтобы самой присматривать за вами.

(Охотно верю.)

– Верни меня обратно, – распорядился Тирион. – В мою постель. В мою комнату. – (Где около меня будут мои люди и мой

собственный мейстер, если я сумею такого найти.)

– Но, милорд... это невозможно. В ваших прежних покоях поместился десница короля.

– Десница короля – это я. – Тирион устал говорить, и его ошеломило то, что он услышал.

– О, милорд, – сокрушенно молвил мейстер, – ведь вы были при смерти. Теперь эти обязанности принял на себя ваш лорд-отец.

– Отец?! Он здесь?

– С самой ночи сражения. Лорд Тайвин спас нас всех. Простой народ говорит, что это был призрак короля Ренли, но мудрые люди знают, кого благодарить: вашего отца, лорда

Тирелла, рыцаря Цветов и лорда Мизинца. Они прошли сквозь пепел и ударили узурпатору Станнису в тыл. Это была великая победа, а лорд Тайвин теперь поселился в башне Десницы, дабы помочь его величеству навести порядок в стране. Хвала богам!

— Хвала богам, — рассеянно повторил Тирион. Возлюбленный батюшка, ненаглядный Мизинец, да еще и призрак Ренли в придачу? — Позови сюда... — (Но кого? Нельзя же просить его, этого розового Баллабара, чтобы он привел ко мне Шаю. Кому же довериться? Варису? Бронну? Сиру Джаселину?) — ... позови моего оруженосца, Пода

Пейна. – (Это Под спас мне жизнь – там, на корабельном мосту.)

– Мальчика? Странного такого?

– Мальчика. Странного. Позови.

– Как прикажете, милорд. –

Мейстер вышел. Тирион стал ждать, чувствуя, как уходят из него силы. Сколько же он пролежал здесь? «Серсея хотела, чтобы я спал вечно, но я ей такого удовольствия не доставлю».

Подрик Пейн вошел в спальню робко, как мышка.

– Милорд... – Такой был храбрый в бою, а теперь снова притих. – Я хотел остаться при вас, но мейстер меня прогнал.

– Теперь ты... его прогонишь.

Слушай. Говорить трудно. Принеси сонного вина. Не макового молока. Сонного вина. Пойди к Френкену. Не к Баллабару. Пусть приготовит... при тебе. — Под метнул взгляд на лицо Тириона и тут же отвел глаза. Ну что ж, вряд ли его можно винить за это. — Моя охрана, — продолжал Тирион. — Бронн. Где Бронн?

— Его посветили в рыцари.

Даже хмуриться и то было больно.

— Найди его. Приведи сюда.

— Хорошо, милорд.

Тирион стиснул руку Пода.

— Сир Мендон?

Мальчик наморщился.

— Я н-не хотел его у-у...

– Ты уверен? Он мертв?

Под переминался с ноги на ногу.

– Утонул.

– Хорошо. Не говори никому.

Про нас с ним.

С уходом оруженосца Тириона оставили последние силы. Он лег и закрыл глаза. «Может быть, мне снова приснится Тиша. Как-то ей понравилось бы мое лицо теперь?»

Джон

Когда Куорен Полурукий велел собрать ему топлива для костра, Джон понял, что конец близок. «Хорошо будет согреться, хоть ненадолго», – подумал он, рубя сучья сухого дерева. Призрак сидел и смотрел на него – молча, как всегда. «Будет ли он выть по мне, когда я умру, как выл волк Брана, когда тот упал? Будет ли выть Лохматый Песик там, в Винтерфелле, и Серый Ветер, и Нимерия, где бы они ни были?»

За одну гору закатывалось солнце, над другой вставала луна. Джон кинжалом высек искру из

кремня, и над костром заструился дымок. Куорен подошел, когда первый язычок пламени лизнул кору и сухую хвою.

— Робкий, как девушка в первую брачную ночь, — сказал он тихо, — и такой же красивый. Иногда забываешь, как прекрасен может быть огонь.

Джон не думал, что Куорен способен говорить о девушках и свадебных ночах. Полурукий, насколько было известно, всю жизнь провел в Дозоре. Любил он кого-нибудь? Праздновал ли свою свадьбу? Джон не мог спросить его об этом, поэтому принялся раздувать огонь. Когда пламя затрещало, он

снял промерзшие перчатки и стал греть руки. Неужели поцелуй бывает столь же сладок? Тепло струилось по пальцам, как растопленное масло.

Полурукий, поджав ноги, сел на землю. Свет играл на его твердом лице. Только их двое осталось из пяти разведчиков, бежавших с Воющего перевала в серо-голубую каменную пустыню Клыков Мороза.

Поначалу Джон лелеял надежду, что оруженосец Далбридж запрет одичалых на перевале. Но, услышав далекий звук рога, все они поняли, что Далбридж погиб. В сумерках они увидели орла, парящего над ними на серо-голубых крыльях, и Каменный Змей снял с плеча лук, но птица

улетела, не успел он его натянуть. Эббен плюнул, кляня оборотней и прочую нечисть.

На другой день они еще дважды видели орла и слышали охотничий рог. Каждый раз казалось, что он звучит все громче и ближе. Когда настала ночь, Куорен велел Эббену взять коня Далбриджа помимо своего и со всей поспешностью ехать на восток, обратно к Мормонту. Оставшиеся будут отвлекать погоню. «Пошли лучше Джона, — возразил Эббен. — Он ездит верхом не хуже меня». «У Джона своя роль». «Да ведь он еще мальчик». «Он брат Ночного Дозора».

Когда взошла луна, Эббен

простился с ними. Змей проводил его немного, замел следы, и трое оставшихся двинулись на юго-запад.

После этого все дни и ночи слились для Джона воедино. Они спали в седлах и останавливались только покормить и напоить коней. Они ехали по голым скалам, через темные сосновые леса и заносы старого снега, через ледяные торосы и мелкие безымянные речки. Порой Куорен или Змей возвращались назад, чтобы запутать следы, но тщетны были их усилия. За ними следили. Каждый раз на рассвете и в сумерках они видели орла, парящего между вершинами, — пятнышко на безбрежной равнине неба.

Они поднимались на невысокую гряду между двумя снежными пиками, когда из своего логова ярдах в десяти от них с рычанием вылез сумеречный кот. Зверь отощал от голода, но кобыла Змея ударилась в панику от одного его вида — она понеслась, не слушаясь всадника, оступилась на крутом склоне и сломала ногу.

Призрак в тот день наелся досыта, а Куорен настоял, чтобы разведчики подмешали лошадиную кровь в овсянку для восстановления сил. Джон давился от этой мерзости, но ел. Они срезали с туши по десятку полосок твердого жилистого мяса, чтобы жевать во время езды, а

остальное оставили сумеречным котам.

О том, чтобы ехать вдвоем на одном коне, не было и речи. Змей предложил остаться в засаде и напасть на одичалых, когда они подойдут, — авось прихватим нескольких с собой в ад, но Куорен ему отказал. «Если есть в Ночном Дозоре человек, способный пройти через Клыки Мороза один и пеший, то это ты, брат. Ты сможешь выбрать прямую дорогу там, где конь пошел бы в обход. Ступай к Кулаку. Расскажи Мормонту, что и каким образом видел Джон. Скажи, что древние силы пробуждаются, и ему придется встретиться с великанами,

оборотнями и еще более страшными вещами. Скажи, что деревья снова обрели глаза».

«Ему не дойти», – подумал Джон, глядя, как Змей перевалил через заснеженный хребет – маленький черный жучок среди неоглядной белизны.

После этого каждая ночь казалась холоднее предыдущей, и одиночество угнетало все сильнее. Призрак не всегда был с ними, но никогда не уходил далеко, а Джон чувствовал его даже на расстоянии. Это его радовало – Полурукий был не из общительных. Длинная седая коса Куорена медленно моталась в такт шагам лошади. Часто они ехали

часами, не произнося ни единого слова, слыша только звук скребущих по камню копыт и вой дующего без передышки ветра. Когда Джон засыпал, ему больше не снились ни волки, ни его братья – вообще ничего. Здесь даже сны не приживались.

– Остер ли твой меч, Джон Сноу? – спросил Куорен через мигающий костер.

– Он у меня из валирийской стали. Мне его подарил Старый Медведь.

– Помнишь ли ты слова своего обета?

– Да. – Разве такие слова забудешь? Произнеся их, назад уже не возьмешь. Они меняют твою

жизнь навсегда.

— Давай повторим их еще раз,
Джон Сноу.

— Как хочешь. — Два голоса
слились под восходящей луной. Их
слушал Призрак, и горы стояли
вокруг, как свидетели. — Ночь
собирается, и начинается мой дозор.
Он не окончится до самой моей
смерти. Я не возьму себе ни жены,
ни земель, не буду отцом детям. Я не
надену короны и не буду добиваться
славы. Я буду жить и умру на своем
посту. Я — меч во тьме, я — Дозорный
на Стене, я — огонь, который
разгоняет холод, я — свет, который
приносит зарю, я — рог, который
будит спящих, я — щит, который

охраняет царство людей. Я отдаю свою жизнь и честь Ночному Дозору среди этой ночи и всех, которые грядут после нее.

Они умолкли, и настала тишина — только костер потрескивал да тихо вздыхал ветер. Джон сжимал и разжимал обнаженные пальцы, перебирая в уме эти слова и моля отцовских богов дать ему силы умереть достойно, когда его час придет. Ждать уже недолго. Лошади совсем выбились из сил, а конь Куорена, пожалуй, и дня не протянет.

Костер уже догорал, и тепло уходило.

— Он скоро угаснет, — сказал Куорен, — но если падет Стена, огни

угаснут во всем мире.

Джон, не зная, что на это ответить, молча кивнул.

— Может, нам еще удастся уйти, — а может, и нет.

— Я не боюсь смерти. — Джон лгал только наполовину.

— Так просто ты не отделаешься, Джон.

— Как так? — не понял юноша.

— Если они догонят нас, ты должен будешь сдаться.

— Сдаться? — недоверчиво повторил Джон. Одичалые не брали в плен тех, кого называли воронами. Они убивали их на месте, если только... — Но они щадят только клятвопреступников. Которые

переходят к ним, как Манс-Разбойник.

– И ты.

– Нет. Ни за что. Я не сделаю этого.

– Сделаешь. Я приказываю тебе.

– Приказываешь? Но...

– Наша честь стоит не больше нашей жизни, когда речь идет о безопасности всех людей. Ты брат Ночного Дозора – так или нет?

– Да, но...

– Никаких «но», Джон Сноу. Либо да, либо нет.

– Да. Я брат Ночного Дозора, – выпрямился Джон.

– Тогда слушай меня. Если нас догонят, ты перейдешь к ним, как

советовала тебе та девушка, твоя пленница. Они могут потребовать, чтобы ты изрезал свой черный плащ, чтобы ты поклялся им могилой своего отца, чтобы ты проклял своих братьев и своего лорда-командующего. Ты не должен колебаться, что бы они ни попросили. Делай то, что они велят... но в сердце своем помни, кто ты есть. Дели с ними дорогу, еду, сражайся с ними рядом — и примечай.

— Что примечать?

— Если бы я знал... Твой волк видел ямы в долине Молочной. Что они ищут в такой глуши? Нашли они это или еще нет? Ты должен это

узнать, прежде чем вернешься к лорду Мормонту и своим братьям. Таков долг, который я возлагаю на тебя, Джон Сноу.

— Хорошо, я все сделаю, но... ты ведь скажешь им? Старому Медведю хотя бы? Скажешь, что на самом деле я не нарушал клятвы?

Глаза Куорена по ту сторону костра казались двумя колодцами тени.

— Когда увижу его, скажу непременно. Подкинь-ка еще дров. Надо, чтобы костер горел ярко.

Джон пошел нарубить еще веток и, ломая каждую пополам, стал бросать их в костер. Дерево, давно высохшее, в костре снова ожило, и

резвые плясуньи закружились на каждой хворостине в своих красных, желтых и оранжевых платьях.

— Хватит, — резко бросил Куорен.
— Едем.

— Едем? — За костром караулила темная холодная ночь. — Но куда?

— Назад. — Куорен сел на своего усталого коня. — Надеюсь, костер отведет им глаза. Поехали, брат.

Джон натянул перчатки и поднял капюшон. Даже лошадям не хотелось уходить от огня. Солнце давно село, и только серебристый месяц освещал неверную дорогу. Джон не знал, что у Куорена на уме, но надеялся на лучшее. Ему не хотелось изображать из себя клятвопреступника, даже

ради самой благой цели.

Они ехали осторожно, так тихо, как только возможно для верховых, пока не оказались у входа в узкое ущелье, откуда между двух гор вытекал ледяной ручеек. Джон помнил это место — здесь они перед закатом поили лошадей.

— Вода замерзает, — заметил Куорен, сворачивая в сторону. — Если бы не это, мы поехали бы прямо по ней, но если мы проломим лед, они могут это заметить. Держись поближе к утесам. В полумиле отсюда будет поворот — он нас спрячет. — Куорен въехал в ущелье, и Джон, бросив последний грустный взгляд на горящий вдалеке костер,

последовал за ним.

Чем дальше они ехали, тем теснее смыкались утесы с обеих сторон. Лунная лента ручья вела их к своему истоку. Каменные берега обросли льдинками, но под тонкой коркой еще журчала вода.

Скоро дорогу им загородил большой обвал, но крепконогие лошади преодолели осыпь. Скалы сошлись почти вплотную – впереди шумел водопад. В воздухе стоял туман, похожий на холодное дыхание громадного зверя. Вода при луне сверкала серебром. Джон испуганно огляделся. Да ведь это же тупик! Они с Куореном еще могли бы вскарабкаться на утес, а лошади?

Пешими они далеко не уйдут.

– Давай быстрее, – скомандовал Куорен и проехал, большой на маленькой лошади, по обмерзшим камням прямо сквозь водяной занавес. Когда он исчез, Джон тронул своего коня каблуками и двинулся следом. Конь упирался что есть мочи. Ледяные кулаки воды обрушились на них, и от холода у Джона остановилось дыхание – но тут он, промокший насквозь и дрожащий, оказался на той стороне.

Трещина в скале едва позволяла проехать конному, но дальше скалы расступались, и почву покрывал мягкий песок. Брызги стыли у Джона в бороде. Призрак проскочил сквозь

водопад, отряхнулся, подозрительно приняхался к темноте и задрал ногу у скалы. Куорен уже спешился, и Джон сделал то же самое.

— Ты знал про это место?

— Когда я был не старше тебя, один брат рассказывал, как гнался за сумеречным котом сквозь этот водопад. — Он расседлал коня, снял с него уздечку и расчесал пальцами косматую гриву. — Этот путь ведет нас сквозь сердце горы. На рассвете, если нас не найдут, двинемся дальше. Первая стража моя, брат. — Куорен сел на песок спиной к скале — смутная тень во мраке пещеры. Сквозь шум падающей воды Джон расслышал тихий шорох стали о кожу.

Полурукий обнажил меч.

Джон снял мокрый плащ, но холод и сырость не позволяли раздеться дальше. Призрак растянулся рядом и лизнул его перчатку, а потом свернулся клубком. Джон был благодарен ему за тепло. Горит ли еще их костер, или уже погас? Если Стена падет, огни погаснут во всем мире... Луна, светя сквозь водяной занавес, ложилась бледной полосой на песок. Потом и она погасла, и стало темно.

Сон пришел наконец, а с ним и кошмары. Ему снились горящие замки и мертвецы, встающие из могил. Было еще темно, когда Куорен разбудил его. Полурукий лег спать, а

Джон сел спиной к стене пещеры, слушая шум воды и дожидаясь рассвета.

Когда рассвет пришел, они сжевали по мороженной полоске конины, снова оседлали коней и накинули на себя черные плащи. Куорен, пока караулил, сделал с полдюжины факелов, пропитав пучки сырого мха маслом, которое возил в седельной сумке. Теперь он зажег один из них и первым двинулся во тьму, держа бледное пламя перед собой. Джон с лошадьми тронулся за ним. Каменная тропа вилась то вниз, то вверх, а потом круто пошла под уклон. Временами она становилась такой узкой, что трудно было убедить

лошадей в возможности прохода по ней. «Теперь-то мы от них оторвемся, — думал Джон. — Сквозь камень даже орлы не видят. Мы оторвемся, и поедем обратно к Кулаку, и расскажем Старому Медведю все, что знаем».

Но когда они, несколько долгих часов спустя, вышли на дневной свет, орел уже ждал их, сидя на сухом дереве в сотне футов над ними. Призрак помчался к нему по камням, но орел захлопал крыльями и взлетел.

Куорен сжал губы, следя за его полетом.

— Для привала это место не хуже всякого другого. Устье пещеры

защищает нас сверху, да и сзади к нам нельзя подобраться, не пройдя через гору. Остер ли твой меч, Джон Сноу?

— Да.

— Давай-ка покормим лошадей.

Они хорошо послужили нам, бедолаги.

Джон скормил своему коньку последний овес и погладил его густую гриву. Призрак беспокойно рыскал среди камней. Сняв перчатку, Джон размял обожженные пальцы. «Я — щит, который защищает царство человека».

В горах отозвался охотничий рог, и слышался лай гончих.

— Скоро они будут здесь, —

сказал Куорен. – Держи своего волка при себе.

– Призрак, ко мне, – позвал Джон. Волк неохотно повиновался, держа на отлете напряженный хвост.

Одичалые показались из-за хребта в какой-нибудь полумиле от них. Собаки бежали впереди – свирепые серо-бурые звери с немалой долей волчьей крови. Призрак оскалил зубы и ошетинился.

– Тихо, – шепнул ему Джон. – Сидеть. – Вверху зашумели крылья.

Орел сел на выступ скалы и торжествующе закричал.

Охотники приближались с опаской – возможно, боялись стрел. Джон насчитал четырнадцать

человек и восемь собак. На больших круглых плетеных щитах, обтянутых кожей, были намалеваны черепа. Половина лиц пряталась за корявыми шлемами из дерева и вареной кожи. Лучники на флангах держали стрелы на маленьких роговых луках, но не стреляли. Другие несли копья и дубины. У одного был зазубренный каменный топор. Части доспехов, надетые на них, были сняты с убитых разведчиков или взяты в набегах. Одичалые не добывали и не плавили руду, и кузнецов к северу от Стены было мало, а кузниц и того меньше.

Куорен вытащил свой длинный меч. О том, как он научился драться левой рукой, потеряв половину

пальцев на правой, ходили легенды — говорили, будто теперь он владеет мечом лучше, чем прежде. Джон, стоя с ним плечом к плечу, достал Длинный Коготь. Пот, несмотря на холод, стекал на лоб и ел глаза.

В десяти ярдах ниже пещеры охотники остановились. Их вожак стал подниматься вверх один, верхом на животном, больше похожем на козу, чем на лошадь, — так ловко оно взбиралось по неровному склону. Когда скакун и всадник приблизились, Джон услышал лязг: на них обоих были доспехи из костей. Коровьих, овечьих, козьих, лосиных. Присутствовали громадные кости мамонтов... и человеческие

тоже.

— Здравствуй, Гремучая Рубашка,
— с ледяной учтивостью
приветствовал одичалого Куорен.

— Для ворон я Костяной Лорд. —
Шлем всадника был сделан из
проломленного черепа великана, на
кафтани из вареной кожи висели
медвежьи когти.

— Никакого лорда я не вижу, —
фыркнул Куорен. — Только пса,
увешанного куриными костями,
которые дребезжат во время езды.

Одичалый злобно зашипел, а его
конь стал на дыбы. Он и правда
дребезжал — кости были связаны друг
с другом неплотно.

— Скоро я буду греметь твоими

костями, Полурукий. Я выварю твоё мясо и сделаю себе панцирь из твоих ребер. Я буду гадать на твоих зубах и хлебать овсянку из твоего черепа.

— Если тебе нужны мои кости, иди и возьми их.

Но этого Гремучей Рубашке делать явно не хотелось. Его численный перевес мало что значил среди скал, где заняли позицию черные братья: к пещере одичалые могли подниматься только по двое. К вожаку подъехала одна из воительниц, называемых копыеносцами.

— Нас четырнадцать против вас двоих, вороны, и восемь собак против вашего волка, — крикнула она.

– Драться вы будете или побежите – все равно вам конец.

– Покажи им, – велел Гремучая Рубашка.

Женщина полезла в окровавленный мешок и достала свой трофей. Эббен был лыс, как яйцо, поэтому она подняла его голову за ухо, сказав:

– Он умер достойно.

– Однако умер – как и с вами будет, – добавил Гремучая Рубашка. Он поднял над головой свой топор. Обоюдоострое лезвие из хорошей стали отливало зловещим блеском: Эббен всегда заботился о своем оружии. Одичалые взбирались в гору, подзадоривая противников.

Некоторые из них избрали своей мишенью Джона.

— Это твой волк, мальчуган? — спрашивал тощий парень, вооруженный каменным цепом. — Он пойдет мне на плащ еще до захода солнца.

Одна из копыеносиц, распахнув потрепанные меха, показала Джону тяжелую белую грудь.

— Не хочешь ли пососать, малыш?

Все это сопровождалось собачьим лаем.

— Они нарочно дразнят нас, чтобы вывести из себя. — Куорен пристально посмотрел на Джона. — Помни, что я тебе приказывал.

– Придется, видно, вспугнуть ворон, – проревел Гремучая Рубашка, перекрывая других. – Посшибать с них перья!

– Нет! – крикнул Джон, опередив изготовившихся к выстрелу лучников. – Мы сдаемся!

– Мне говорили, что в бастардах течет трусливая кровь, – холодно проронил Куорен. – Теперь я вижу, что это и в самом деле так. Беги, трус, беги к своим новым хозяевам.

Джон, залившись краской, спустился к Гремучей Рубашке. Тот, глядя на него сквозь отверстия своего шлема, сказал:

– Вольному народу трусы ни к чему.

— Он не трус. — Один из лучников снял овчинный шлем и потрянул косматой рыжей головой. — Это Бастард Винтерфеллский, который меня пощадил. Оставь ему жизнь.

Джон узнал Игритт и не нашел слов.

— Он умрет, — настаивал Костяной Лорд. — Черная ворона — хитрая птица. Я не верю ему.

Орел наверху захлопал крыльями и взвился в воздух с яростным криком.

— Он ненавидит тебя, Джон Сноу, — сказала Игритт, — и не зря. Он был человеком до того, как ты его убил.

– Я не знал, – искренне ответил Джон, пытаясь вспомнить лицо одичалого, которого убил на перевале. – Ты говорила, что Манс примет меня.

– Верно, примет.

– Манса здесь нет, – сказал Гремучая Рубашка. – Выпусти ему кишки, Рагвил.

Большая копыеносица прищурилась.

– Если ворона хочет примкнуть к свободному народу, пусть докажет, что не лжет.

– Я сделаю все, что вы скажете. – Эти слова дались Джону нелегко, но он сказал их.

Гремучая Рубашка расхохотался,

клацая своими доспехами.

– Ладно, бастард, тогда убей Полурукого.

– Где уж ему, – сказал Куорен. – Повернись ко мне, Сноу, и умри.

Меч Куорена устремился вперед, и Длинный Коготь, почти помимо воли Джона, взлетел, чтобы отразить удар. Сила столкновения чуть не вышибла меч из руки юноши и отшвырнула его назад. «Ты не должен колебаться, что бы они ни потребовали». Джон перехватил меч двумя руками, но разведчик отвел его удар с пренебрежительной легкостью. Они стали биться, мелькая черными плащами, – проворство юноши против

убийственной силы левой руки Куорена. Меч Полурукого казался вездесущим – он сверкал то с одной стороны, то с другой, ошарашивая Джона и нарушая его равновесие. Руки юноши уже начинали неметь.

Зубы Призрака вцепились в икру разведчика. Куорен устоял на ногах, но открылся, и Джон тут же вторгся в брешь. Куорен отклонился, и Джону показалось, что удар его не достиг цели – но тут из горла разведчика закапали красные слезы, яркие, как рубиновое ожерелье. Затем кровь хлынула струей, и Куорен Полурукий упал.

С морды Призрака тоже капала кровь, но у Длинного Когтя

обагрилось только острие — последние полдюйма. Джон оттащил волка и стал на колени, поддерживая Куорена. Свет уже угасал в глазах разведчика.

— Острый, — сказал он, подняв изувеченную руку, уронил ее и скончался.

«Он знал, — немо подумал Джон. — Знал, чего они от меня потребуют». Он вспомнил Сэмвела Тарли, Гренна, Скорбного Эдда, Пипа и Жабу в Черном Замке. Неужели он потерял их всех, как потерял Брана, Рикона и Робба? Кто он теперь и что он?

— Поднимите его. — Грубые руки поставили Джона на ноги — он не сопротивлялся. — Как тебя звать?

– Джон Сноу, – ответила за него Игритт. – Он сын Эддарда Старка из Винтерфелла.

– Кто бы мог подумать? – засмеялась Рагвил. – Куорен Полурукий убит ублюдком какого-то лорда.

– Выпусти ему кишки, – бросил Гремучая Рубашка, не сходя с коня. Орел с криком опустился на его костяной шлем.

– Он сдался, – напомнила Игритт.

– И брата своего убил, – добавил коротышка в проржавевшем железном полушлеме.

Гремучая Рубашка подъехал ближе, лязгая костями.

– Волк это сделал за него. Грязная работа. Полурукого полагалось убить мне.

– Мы все видели, как ты рвался с ним сразиться, – съязвила Рагвил.

– Оборотень вороньей породы. Не нравится он мне.

– Может, он и оборотень, – сказала Игритт, – но нас это никогда не пугало. – Остальные шумно согласились с ней. Гремучая Рубашка, злобно глядя сквозь глазницы желтого черепа, неохотно уступил. «Вот уж поистине вольный народ», – подумал Джон.

Куорена Полурукого сожгли там же на месте, сложив костер из хвои и веток. Сырое дерево горело медленно

и дымно, посылая черный столб в яркую голубизну неба. Гремучая Рубашка подобрал несколько обугленных костей, а остальные разыграли в кости имущество разведчика. Игритт достался плащ.

— Мы вернемся через Воющий перевал? — спросил ее Джон, не зная, как он еще раз вынесет вид этих гор и как его конь выдержит такой переход.

— Нет. Там нам больше нечего делать. — Взгляд у нее был грустный. — Манс уже спускается вниз по Молочной — он идет на вашу Стену.

Бран

Пепел падал, как тихий серый снег. Он вышел по хвое и бурым листьям на опушку леса, где сосны росли редко. Человечьи скалы за полем были объаты пламенем. Горячий ветер нес запах крови и горелого мяса, такой сильный, что у него потекла слюна.

Но на этот манящий запах приходилось много других, остерегающих. Он принюхался к плывущему на него дыму. Люди, много людей и коней — и огонь, огонь, огонь. Нет запаха страшнее — даже холодное железо, которым

пахнут человечесьи когти и шкуры, не так опасно. Дым и пепел застилали глаза, а в небе парил огромный крылатый змей, изрыгающий пламя. Он оскалил зубы, но змей уже исчез. Высокий огонь над скалами поедал звезды.

Всю ночь трещал огонь, а потом раздался грохот, от которого земля колыхнулась под ногами. Завыли собаки, закричали в ужасе лошади, и заголосила человечесья стая, исходя воплями, плачем и смехом. Нет зверя более шумного, чем человек. Он наставил уши, а брат его рычал, слушая этот шум. Они крались под деревьями, а ветер швырял в небо пепел и угли. Со временем пламя

стало гаснуть, и они ушли. Солнце утром встало серое, застланное дымом.

Только тогда он вышел из-под деревьев и медленно двинулся через поле. Брат трусил рядом, привлекаемый запахом крови и смерти. Они пробрались через берлоги, построенные человеком из дерева, травы и глины. Многие из берлог сгорели, другие рухнули, третьи остались стоять, но живым человеком не пахло нигде. Вороны, обсевшие мертвых, с криком взвились в воздух, когда они с братом приблизились, и дикие собаки шарахнулись прочь.

Под серыми человеческими

утесами шумно умирала лошадь со сломанной ногой. Брат, покружив около нее, перегрыз ей горло — лошадь слабо дернула ногами и закатила глаза. Когда он подошел к туше, брат огрызнулся на него, прижав уши к голове, а он шлепнул его и укусил за лапу. Они сцепились среди грязи, травы и пепла около мертвой лошади, но брат скоро опрокинулся на спину, поджав хвост. Он еще раз куснул незащищенное братнино горло, поел и дал поест брату и слизнул кровь с его черного меха.

Темное место тянуло его к себе — жилище шепотов, где все люди слепы. Он чувствовал на себе его

холодные пальцы. Каменный запах был как шепот в носу. Он боролся с этим зовом. Он не любил темноты. Он волк, охотник, пластун и убийца, он должен бегать с братьями и сестрами по лесу, под звездным небом. Он сел, задрал голову и завыл. Не пойду туда, говорил его вой. Я волк. Я туда не пойду. Но тьма сгущалась — она покрыла его глаза, забралась в нос, закупорила уши — он ничего больше не видел, не слышал, не чуял и не мог убежать, пропали серые утесы, и лошадь, и брат — все стало черным и тихим, черным и холодным, черным и мертвым, черным...

— Бран, — прошептал чей-то

голос. – Вернись. Ну же, Бран. Вернись.

Он закрыл третий глаз и открыл два других, слепых глаза. В темноте все люди слепы. Кто-то теплый обнимал его, прижимая к себе, и Ходор тихонько пел:

– Ходор, Ходор, Ходор.

– Бран, – сказал голос Миры, – ты бился и ужасно кричал. Что ты видел?

– Винтерфелл. – Язык ворочался во рту, как чужой. «Когда-нибудь, вернувшись, я забуду, как надо говорить». – Он горел. Пахло лошадьми, сталью и кровью. Они убили всех, Мира.

Ее рука погладила его волосы.

– Ты весь потный. Хочешь пить?

– Да. – Она поднесла мех к его губам, и он стал пить так жадно, что вода потекла по подбородку. По возвращении он всегда был слаб и испытывал жажду. И голод. Он вспомнил мертвую лошадь, вкус крови во рту, запах жареного в утреннем воздухе. – Долго меня не было?

– Три дня, – ответил Жойен. То ли он подошел очень тихо, то ли все время был здесь – в этом черном мире Бран ни в чем не был уверен. – Мы уже стали бояться за тебя.

– Я был с Летом.

– Слишком долго. Ты так с голоду умрешь. Мира понемножку

поила тебя, и мы мазали тебе губы медом, но этого мало.

— Я ел. Мы загнали лося и отпугнули дикую кошку, которая хотела его утащить. Кошка, желтая с коричневым, была наполовину меньше волков, но свирепая. — Он помнил ее мускусный запах и то, как она рычала на них с дубовой ветки.

— Это волк ел, а не ты. Будь осторожен, Бран. Не забывай, кто ты.

Он помнил это слишком хорошо. Он мальчик, сломанный мальчик. Уж лучше быть зверем. Можно ли удивляться тому, что ему нравится смотреть волчьи сны? Здесь, в сырой холодной тьме гробницы, его третий глаз наконец открылся. Он мог

соединиться с Летом, когда хотел, а однажды даже до Призрака добрался и поговорил с Джоном. Хотя это тоже могло быть сном. Он не понимал, почему Жойен так старался вернуть его назад. Бран оперся на руки и сел.

— Надо рассказать Оше, что я видел. Она тут? Куда она ушла?

Одичалая откликнулась сама:

— Никуда, милорд. Мне уже надоело бродить в потемках. — Услышав стук каблука о камень, Бран повернул к ней голову, но ничего не увидел. Ему казалось, что он чувствует ее, но от них от всех теперь воняло одинаково, и нужен был нос Лета, чтобы отличить одного от другого. —

Ночью я пописала на ногу одному королю, – продолжала Оша. – А может, это утро было? Я спала, потом проснулась. – Они все спали, не только Бран. Больше здесь делать было нечего – только спать, есть и опять спать, а иногда разговаривать... но недолго и всегда шепотом, на всякий случай. Ошу больше бы устроило, если бы они не разговаривали вовсе, но им надо было успокаивать Рикона и останавливать бубнящего Ходора.

– Оша, – сказал Бран, – я видел, как Винтерфелл горит. – Слева от него тихонько сопел Рикон.

– Это сон, – сказала Оша.

– Волчий сон. Я ведь и чуял это

тоже. Так, как огонь и кровь, ничего не пахнет.

– Кровь? Чья?

– Людская, человеческая, собачья – разная. Надо пойти и посмотреть.

– Шкура у меня хоть и плохонькая, но одна, – сказала Оша. – А если этот осьминожий принц меня сцапает, мне ее живо спустят кнутом.

Мира в темноте нашла и сжала руку Брана.

– Давай я пойду, если ты боишься.

Чьи-то пальцы, прошуршав кожаным, ударили сталью о кремень – еще раз и еще. Оша раздула искру, и бледный огонек потянулся ввысь, как

танцующая на цыпочках девочка. Над ним возникло лицо Оши. Она зажгла факел, и Бран зажмурился, когда мир озарился оранжевым светом. Рикон проснулся и сел, зевая.

Тени двигались, и казалось, будто мертвые тоже встают. Лианна и Брандон, лорд Рикард Старк, их отец, лорд Эдвил, его отец, лорд Виллам и его брат Артос Несокрушимый, лорд Доннор, лорд Берон, лорд Родвелл, одноглазый лорд Джоннел, лорд Барт, лорд Брандон и лорд Криган, сражавшийся с Рыцарем-Драконом. Они сидели на своих каменных тронах с каменными волками у ног. Они все сошли сюда, когда тепло покинуло их тела, — это была темная

обитель мертвых, куда живые боялись ступить.

А в пустой гробнице, ожидающей лорда Эддарда Старка под его гранитным изваянием, ютились шестеро беглецов, деля свой скудный запас хлеба, воды и вяленого мяса.

— Совсем мало осталось, — сказала Оша. — За едой все равно идти надо — иначе придется нам съесть Ходора.

— Ходор, — ухмыльнулся тот.

— Что там наверху — день или ночь? Я уже счет потеряла.

— День, — сказал Бран, — только от дыма темно.

— Милорд уверен?

Не шевельнув своим сломанным телом, он выглянул наружу. Его зрение раздвоилось – он видел Ошу с факелом, Миру, Жойена и Ходора, и гранитные колонны, и умерших лордов, уходящих во тьму... и в то же время Винтерфелл, серый от дыма, с выбитыми покосившимися дубовыми воротами и рухнувшим в куче порванных цепей подъемным мостом. Во рву плавали тела, и на них, как на островах, сидели вороны.

– Уверен, – сказал он.

Оша поразмыслила:

– Ладно, рискну. Вы все пойдете со мной. Мира, найди корзину Брана.

– Мы домой идем? –

заволновался Рикон. – Хочу мою

лошадку. И яблочный пирог, и масло, и мед, и Лохматика. Мы к Лохматику идем?

— Да, — заверил Бран, — молчи только.

Мира привязала плетеную корзину на спину Ходору и помогла посадить в нее Брана, просунув в дыры его бесполезные ноги. Он чувствовал странную дрожь в животе. Он знал, что ждет их наверху, но его страх от этого не убавлялся. Он бросил прощальный взгляд на отца, и ему показалось, что лорд Эддард смотрит печально, будто не хочет, чтобы они уходили. «Но мы должны, — мысленно сказал Бран. — Время пришло».

Оша в одной руке несла свое длинное дубовое копьё, в другой — факел. За спиной у нее висел обнаженный меч, один из последних, носящих клеймо Миккена. Кузнец выковал его для гробницы лорда Эддарда, чтобы успокоить дух усопшего. Но Миккен погиб, оружиемю захватили островитяне, и хорошей сталью пренебрегать не годилось, даже если для этого приходилось грабить мертвых. Мира взяла себе клинок лорда Рикарда, хотя и жаловалась, что он слишком тяжел. Бран вооружился мечом дяди, своего тезки, которого не застал в живых. Он знал, что в бою от него будет мало толку, но с мечом было

как-то спокойнее.

Впрочем, он сознавал, что это только игра.

Их шаги отражались эхом в громаде крипты. Тени позади поглотили отца, тени впереди расступились, открыв другие статуи – уже не лордов, но старых Королей Севера, с каменными коронами на головах. Торрхен Старк, Король, Преклонивший Колено; Эдвин Весенний Король; Теон Старк, Голодный Волк; Брандон-Поджигатель и Брандон-Корабельщик; Джорах и Джонас, Брандон Дурной, Уолтон Лунный Король, Эддерион Жених, Эйрон, Бенджен Сладкий и Бенджен

Горький, Эдрик Снежная Борода. У них были суровые сильные лица, и некоторые из них делали ужасные вещи, но все они были Старки, и Бран знал историю каждого. Он никогда не боялся крипты – она была частью его дома и частью его самого; он всегда знал, что когда-нибудь сам будет лежать здесь.

Сейчас он не был в этом так уверен. «Вернусь ли я вниз, если выйду наверх? И куда отправлюсь после смерти?»

– Ждите тут, – сказала Оша, когда они дошли до лестницы, ведущей наверх, к выходу, и вниз, где еще более древние короли сидели на своих темных тронах. Факел она

отдала Мире. — Я поднимусь на ощупь. — Некоторое время они слышали ее шаги, но потом стало тихо.

— Ходор, — сказал Ходор с тревогой.

Бран сто раз твердил себе, как ему надоело прятаться в темноте, как ему хочется опять увидеть солнце, ощутить ветер и дождь, прокатиться на своей лошадке. Но теперь, когда этот миг настал, он испугался. В темноте было безопасно. Когда ты даже руки своей не видишь, легко поверить, что враги тебя тоже не найдут. А каменные лорды вселяли в него мужество. Даже не видя их, он знал, что они здесь.

Казалось, что прошло очень много времени, прежде чем они услышали какой-то звук. Бран уже стал бояться, не случилось ли чего с Ошей, а Рикон места себе не находил.

— Хочу домой! — заявил он громко.

Ходор, покивав, сказал:

— Ходор.

Потом снова слышались шаги, и на свет вышла Оша с мрачным лицом.

— Что-то загораживает дверь. Не могу ее сдвинуть.

— Ходор может сдвинуть все что угодно, — сказал Бран. Оша окинула здоровенного конюха придирчивым

ВЗГЛЯДОМ.

— Может, и так. Пошли.

Лестница была узкая, и приходилось идти гуськом. Оша шла впереди, за ней Ходор с Браном, пригибавшим голову, чтобы не стукнуться о потолок. Мира несла факел, Жойен, ведущий Рикона за руку, замыкал шествие. Виток за витком они поднимались вверх, Брану казалось, что он чувствует дым, но, возможно, так пахло от факела.

Дверь крипты, сделанная из железного дерева, старая и тяжелая, сидела под углом к земле. Оша нажала на нее еще раз, но Бран видел, что дверь не двигается.

— Пусть Ходор попробует.

Пришлось сначала вынуть Брана из корзины, чтобы Ходор его не раздавил. Мира присела рядом с ним на ступенях, обнимая его за плечи, а Оша и Ходор поменялись местами.

– Открой дверь, Ходор, – сказал Бран.

Конюх уперся в дверь ладонями, нажал, проворчал «Ходор» и стукнул по ней кулаком.

– Навались спиной, – велел ему Бран, – упрись ногами.

Ходор нажал спиной – еще раз, еще и еще.

– Ходор! – Поставив одну ногу на верхнюю ступеньку, он попытался приподнять дверь. На этот раз дерево закрипело. – Ходор! – Он встал

наверх обеими ногами, расставил их, напрягся и выпрямился. Он побагровел, и Бран видел, как напряглись жилы у него на шее. — Ходор — Ходор — Ходор — Ходор — Ходор! — Что-то заскрежетало, дверь подалась вверх, и на лицо Брана упал дневной свет, ослепив его на мгновение. Еще один рывок сдвинул что-то вроде камня, и путь был открыт. Оша, просунув в щель копье, вышла следом. Рикон пролез у Миры между ногами и протиснулся за Ошей. Ходор открыл дверь во всю ширь и тоже вышел. Риды втоптали Брана на последние несколько ступенек.

Небо было бледно-серым, и дым

заволакивал все. Они стояли в тени Первой Твердыни – вернее, того, что от нее осталось. Одна ее стена рухнула, и по всему двору валялись разбитые камни и горгульи. «Они упали туда же, куда и я», – подумал Бран. Видя, на какие мелкие куски разбились некоторые из них, он подивился тому, что еще жив. Вороны клевали придавленный камнем труп, но он лежал лицом вниз, и Бран не видел, кто это.

Первой Твердыней не пользовались уже много веков, но теперь она превратилась в настоящие руины. Все половицы и стропила в ней сгорели. За рухнувшей стеной открылись все комнаты и даже

отхожее место. Но разрушенная башня позади стояла по-прежнему — пожар не сделал ее хуже, чем была. Жойен Рид закашлялся от дыма.

— Ведите меня домой! — потребовал Рикон. — Я хочу домой!

Ходор бродил кругами, жалобно ноя:

— Ходор.

Только они были живы среди этой смерти и разрушения.

— Мы так нашумели, что дракону впору проснуться, — сказала Оша, — но никто так и не пришел. Замок сожжен, как и снилось Брану, но нам лучше... — Внезапный шум заставил ее обернуться с копьем наготове.

Две поджарые темные фигуры

тихо вышли из-за разрушенной башни.

– Лохматик! – радостно завопил Рикон, и черный волк помчался к нему. Лето, бежавший чуть медленнее, потерся головой о руку Брана и лизнул его в лицо.

– Надо идти, – сказал Жойен. – Эта бойня скоро привлечет сюда других волков, кроме Лета и Лохматого Песика, в том числе и двуногих.

– Верно, – согласилась Оша, – но нам нужна еда, и здесь могут быть живые. Держитесь вместе. Мира, прикрывай нас щитом сзади.

Весь остаток утра ушел у них на медленный обход замка. Большие

гранитные стены уцелели, только почернели от огня. Но внутри царило разрушение. Двери Великого Чертога еще дымились, стропила внутри рухнули, и вся кровля обвалилась. Зеленые и желтые стекла теплицы разлетелись вдребезги, деревья, плоды и цветы погибли. От деревянной, крытой соломой конюшни не осталось ничего, кроме пепла, углей и лошадиных трупов. При мысли о Плясунье Брану захотелось плакать. Под Библиотечной башней дымилось мелкое озерцо, и горячая вода струилась из трещины в ее боку. Мост между Часовой башней и Вороньей вышкой обвалился во двор,

и башенка мастера Лювина исчезла. В подвальных окошках Большого замка виднелось красное зарево, и в одном из амбаров тоже догорал пожар.

Оша тихо звала живых сквозь клубы дыма, но никто не откликнулся. Какая-то собака терзала труп, но убежала, почуяв волков, — остальные погибли на псарне. Вороны мастера занимались своими мертвыми, их сородичи из разрушенной башни — своими. Бран узнал Рябого Тома, хотя ему кто-то разmozжил лицо топором. Обугленный труп под сгоревшей стеной септы Матери сидел, вскинув руки и сжав черные кулаки, словно

грозя каждому, кто осмелится подойти.

— Если есть в мире справедливость, — гневно бросила Оша, — Иные заберут всех, кто это сделал.

— Это сделал Теон, — мрачно ответил Бран.

— Нет. Посмотри-ка. — Она указала копьем через двор. — Вон один из его островитян, а вон другой. А это конь самого Грейджоя — видишь? Черный, в котором стрелы торчат. — Нахмурясь, она шла между телами. — А вот и Черный Лоррен. — Его изрубили так, что борода сделалась рыжевато-бурой. — Этот кое-кого захватил с собой. — Оша

перевернула ногой труп. — На нем эмблема — какой-то красный человек.

— Ободранный человек из Дредфорта, — сказал Бран.

Лето с воем устремился куда-то.

— Богороцца. — Мира бросилась за волком со щитом и лягушачьей острой в руках. Остальные последовали за ними, пробираясь сквозь дым и упавшие камни. В роще воздух был чище. Несколько сосен на ее краю обгорели, но дальше сырая почва и зелень остановили пожар.

— В живом лесу есть сила, — сказал Жойен, словно читая мысли Брана, — сила, способная победить огонь.

У черного пруда, под сердце-деревом, лежал лицом вниз мейстер Лювин. На палых листьях там, где он полз, остался кровавый след. Лето стоял над ним. Бран подумал, что мейстер умер, но Мира коснулась его шеи, и он застонал.

— Ходор! — скорбно промолвил Ходор.

Они осторожно перевернули Лювина на спину. У него были серые глаза и серые седые волосы, и одежды раньше тоже были серые, но теперь промокли от крови.

— Бран, — сказал он тихо, увидев мальчика на спине у Ходора. — И Рикон. — Он улыбнулся. — Хвала богам. Я знал...

– Знал? – повторил Бран.

– По ногам. Одежда была твоя, но мускулы ног... бедный парнишка.

– Мейстер закашлялся, и изо рта у него выступила кровь. – Но вы исчезли в лесу... как?

– А мы никуда и не уходили, – сказал Бран. – Дошли до опушки, а потом повернули назад. Волки побежали дальше, как я им велел, а мы спрятались в отцовской гробнице.

– Крипта. – У Лювина вырвался смех, и на губах запузырилась кровавая пена. Он попытался пошевелиться и вскрикнул от боли.

У Брана на глаза навернулись слезы. Когда человек ранен, зовут

мейстера — но что делать, когда сам мастер ранен?

— Надо будет сделать ему носилки, — сказала Оша.

— Бесполезно, женщина. Я умираю.

— Ты не умрешь, — сердито сказал Рикон. — Не умрешь. — А Лохматый Песик оскалил зубы и зарычал.

— Тише, дитя, — улыбнулся мастер. — Я намного старше тебя и знаю, что мое время пришло.

— Ходор, вниз, — сказал Бран, и Ходор опустился на колени перед мастером.

— Слушай, — сказал Лювин Оше, — эти принцы — наследники Робба.

Раздели их... поняла?

– Да, – кивнула она, опершись на копье. – Порознь безопаснее. Но куда их отвести? Я думала – к Сервинам...

Мейстер, сделав отчаянное усилие, мотнул головой.

– Юный Сервин мертв. Сир Родрик, Леобальд Толхарт, леди Хорнвуд... все убиты. Темнолесье пало, Ров Кейлин взят. Скоро падет и Торрхенов Удел. Островитяне заняли Каменный Берег. А на востоке орудует Бастард Болтонский.

– Куда же тогда? – спросила Оша.

– В Белую Гавань... К Амберам... Не знаю... повсюду

война... сосед воюет с соседом, а зима близится... какое безумие, какой мрак... – Мейстер схватил Брана за руку, с отчаянной силой сомкнув пальцы. – Ты должен быть сильным теперь... Сильным.

– Буду, – сказал Бран. Но это так трудно. Сир Родрик убит, и мейстер Лювин... Никого не осталось.

– Хорошо, – сказал мейстер. – Ты хороший мальчик. Сын своего отца. А теперь иди, Бран.

Оша смотрела на чардрово, на красный лик, врезанный в белый ствол.

– Уйти и оставить тебя богам?

– Я прошу... глоток воды... и еще об одном. Если ты...

– Хорошо, – кивнула она и сказала Мире: – Уведи ребят.

Жойен и Мира взяли Рикона за руки, Ходор пошел за ними. Ветки хлестали Брана по лицу, и листья утирали слезы. Оша догнала их во дворе. О мастере Лювине она не сказала ни слова, только распорядилась коротко:

– Ходор останется с Браном и будет его ногами, Рикон пойдет со мной.

– Мы тоже пойдем с Браном, – сказал Жойен.

– Да, я так и думала. Я, пожалуй, двинусь через Восточные Ворота, по Королевскому Тракту.

– Мы выйдем через Охотничьи,

– сказала Мира.

– Ходор, – сказал Ходор.

У кухни они задержались. Оша нашла несколько ковриг обгорелого, но еще съедобного хлеба, и даже холодную жареную курицу, которую разделила пополам. Мира отыскала горшок с медом и мешок с яблоками. Поделив припасы, они простились. Рикон плакал и цеплялся за ногу Ходора, пока Оша не хлопнула его концом копья – тогда он мигом пошел с ней. Лохматый Песик затрусил за ними. Последнее, что увидел Бран, был волчий хвост, пропавший за разрушенной башней.

Железная решетка, запиравшая Охотничьи Ворота, так перекосилась

от огня, что поднялась не больше чем на фут. Им пришлось проползти под ней одному за другим.

— Мы идем к вашему лорду-отцу? — спросил Бран, когда они пересекли подъемный мост между двумя стенами. — В Сероводье?

Мира вместо ответа посмотрела на брата, и Жойен сказал:

— Наш путь лежит на север.

На опушке Волчьего Леса Бран повернулся в корзине, чтобы еще раз взглянуть на замок, где прожил всю свою жизнь. Дым еще поднимался в серое небо, но не в большем количестве, чем шел бы из труб Винтерфелла в холодный осенний день. Амбразуры кое-где почернели

от копоты, там и сям зияли прогалы на месте обвалившихся зубцов, но издали ущерб казался не таким уж большим. За стенами, как много веков подряд, торчали верхушки зданий и башен – кто бы подумал, что замок разграблен и сожжен? «Камень крепок, – сказал себе Бран, – корни деревьев уходят глубоко, а под землей сидят Короли Зимы на своих тронах. Пока они существуют, существует и Винтерфелл. Он не умер, он просто сломан, как я, – я ведь тоже жив».